

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН

ИРАН: история и современность

Сектор Ирана — одно из основных подразделений Института востоковедения Российской академии наук. Продолжая вековые традиции российской иранистики, сотрудники Сектора ведут научную работу по изучению и анализу как истории, так и современного развития Ирана. Иранисты Института плодотворно сотрудничают как с коллегами из российских научных центров, так и с зарубежными коллегами.

ISBN 978-5-89282-598-6

Сотрудники Сектора Ирана Института востоковедения РАН

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
Институт востоковедения РАН
ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ СТРАН БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

ИРАН: история и современность

Москва

ИБ РАН

2014

УДК 94(55)
ББК 63.3(5) (5 Ирн)
И77

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

И77 ИРАН: история и современность / Под ред. Л.М. Кулагинной, Н.М. Мамедовой; Сост. И.Е. Федорова, Л.М. Раванди-Фадаи. — М.: **ИВ РАН**; Центр стратегической конъюнктуры, 2014. — 316 с.

ISBN 978–5–89282–598–6 ISBN 978–5–906233–85–1

В сборнике статей освещаются малоизученные вопросы новой и новейшей истории Ирана. Большой блок статей посвящен судьбам первых иранских коммунистов, многие из которых внесли значительный вклад в развитие советской иранистики. Несомненный интерес представляют статьи по экономическому развитию Ирана XVIII–XX в. Ряд статей сборника освещают проблемы развития Ирана в 2013–2014 гг., основные направления экономической, социальной и культурной политики нового правительства ИРИ, изменения во внешнеполитическом курсе после президентских выборов 2013 г.

ISBN 978–5–89282–598–6
ISBN 978–5–906233–85–1

© Институт востоковедения РАН, 2014
© Коллектив авторов, 2014
© Воробьев А.В., Центр СК, оформление, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
-------------------	---

ИСТОРИЯ

<i>Кулагина Л.М.</i> Сектор Ирана Института востоковедения РАН	7
<i>Кузнецова Н.А.</i> Эволюция государственного аппарата каджарского Ирана (с конца XVIII века до 60-х годов XIX века) ...	17
<i>Мамедова Н.М.</i> Роль государства в экономической истории Ирана (XIX–XX вв.).....	26
<i>Гулевский Э.А.</i> О некоторых особенностях «насака» и сельской трудовой кооперации «боне» в Иране	67
<i>Мамедова Н.М.</i> Синфы как организационная структура городской жизни.....	85
<i>Федорова И.Е.</i> Политика США в Иране в конце 40-х — начале 50-х годов XX века	94
<i>Раванди-Фадаи Л.М.</i> Прерванный полет Мохаммада Мосаддека (биографический очерк)	105
<i>Раванди-Фадаи Л.М.</i> О Султан-заде — иранисте и человеке	115
<i>Генис В.Л.</i> Абуль Гасим Зарре (1899–1938).....	121
<i>Арабаджян З.А.</i> Взлеты и падения иранского марксизма	132
<i>Каменева М.С. Ф.А.</i> Бакулин — дипломат и исследователь Персии .	157
<i>Зайцев И.В.</i> С.П. Олферьев (1875–1942) — судьба дипломата.....	162
<i>Тер-Оганов Н.К.</i> Письма К.Н. Смирнова с Кавказского фронта как источник по изучению военно-политической обстановки в Иране в 1915–1916 гг.	169
<i>Тер-Оганов Н.К.</i> Тавриз и «русская торговля» в 1833–1846 гг.	185

СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Мамедова Н.М.</i> Экономическая политика правительства Хасана Роухани	202
<i>Федорова И.Е.</i> Некоторые направления внешней политики ИРИ в 2013–2014 годах	215

<i>Иваненко В.И.</i> Иран в новой внешнеполитической ситуации	226
<i>Юртаев В.И.</i> Иран: проблема выбора модели дипломатии.....	237
<i>Сажин В.И.</i> К вопросу о Женевском соглашении по ядерной проблеме Ирана.....	244
<i>Кулагина Л., Ахмедов В.</i> Новые тенденции в ирано-сирийских отношениях.....	252
<i>Полищук А.И.</i> Ирано-китайские отношения на современном этапе.....	258
<i>Раванди-Фадаи Л.М.</i> К вопросу о положении национальных и религиозных меньшинств.....	271
<i>Аверина Е.В., Ивин А.В.</i> О возможностях сотрудничества Ирана и Норвегии в нефтегазовой области.....	275

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Партизанский марш	282
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Члены Коммунистической партии Ирана, заключенные в тюрьмы в 1930–1941 годах.....	283
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Список лиц, проходивших по делу Пятидесяти Трех.....	287
ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Совместный план действий позволяющий Ирану в полной мере воспользоваться своим правом на ядерную энергию в мирных целях согласно соответствующим статьям ДНЯО	292
Аннотации, ключевые слова	298
Summaries and Keywords.....	305
Сведения об авторах.....	311
Information about the authors	312
CONTENTS.....	314
SUMMARY	315

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленный сборник отличается большим разнообразием тем, затронутых в его статьях. В них освещаются вопросы средневековой, новой и новейшей истории Ирана, проблемы экономического и культурного развития страны. В сборнике помещена статья Н.А. Кузнецовой «Эволюция государственного аппарата каджарского Ирана в конце XVIII века до 60-х годов XIX века», которая является докладом, сделанным автором в 1987 году на конференции в Институте востоковедения РАН. Доклад носит оригинальный характер и посвящен почти не изученной проблеме формирования государственной элиты Каджаров. Особый интерес представляет данный в ней анализ взаимоотношений каджарских правителей с шиитским духовенством и их борьба за власть и влияние в Иране. В статье Мамедовой Н.М. «Синфы как организационная структура городской жизни» отражены взгляды многих востоковедов на историю появления синфов на Востоке, прослежена эволюция их места и роли в экономической жизни Ирана вплоть до последнего времени. Очерк Н.М. Мамедовой «Роль государства в экономической истории Ирана (XIX–XXI вв.)» охватывает широкий исторический период. Главное внимание в своем исследовании Н.М. Мамедова обращает на ситуацию в стране, начиная с конца XVIII века, когда, по мнению автора, происходит формирование государства в современных границах, становление законодательных основ, выработка официальной идеологии и экономической политики.

Малоизученному вопросу положения крестьянства в Иране накануне исламской революции посвящена статья Э.А. Гулевского «О некоторых особенностях «насака» и сельской трудовой кооперации (боне) в Иране». Автор исследует эволюцию института «насака» — традиционной, сложившейся веками системы распределения земли среди безземельных крестьян в различных районах Ирана.

Несомненный научный и исторический интерес представляют статьи, посвященные малоизученным страницам жизни и деятельности иранских коммунистов, многие из которых внесли значительный вклад в развитие иранистики в период их жизни в СССР. Статья В.Л. Ге-

ниса посвящена научной, политической и общественной деятельности Абдуль Гасим Зарре — иранского журналиста, поэта, литературоведа и переводчика, прожившего короткую, но яркую жизнь. Зарре участвовал в национально-освободительном движении в Гиляне в 20-х годах XX столетия, в 20-е годы учился в КУТВе (Коммунистический университет трудящихся Востока), работал в Институте востоковедения, а в 30-х годах, как и многие иранисты этого периода, был арестован и расстрелян.

В статье Л.М. Раванди-Фадаи говорится о жизни и деятельности другого общественного деятеля Ирана — Султан-заде, также работавшего в СССР и ставшего жертвой сталинских репрессий.

Очень интересный материал, посвященный первым иранским коммунистам, их идеям, борьбе за идеалы свободы и демократии, дан в статье З.А. Арабаджяна.

Характеристика жизненного пути М. Мосаддека, написанная на материалах иранских работ, впервые в российской иранистике вводимых в научный оборот, дана в статье Л.М. Раванди-Фадаи. Политика США в период М. Мосаддека анализируется в обстоятельной статье И.Е. Федоровой, в которой широко использованы последние работы американских исследователей.

Деятельность Федора Абрамовича Бакулина — российского дипломата и исследователя Персии стала темой статьи М.С. Каменевой.

Проблемам современного Ирана, в первую очередь, политике Ирана после президентских выборов 2013 г. посвящен целый блок актуальных работ. Статьи написаны по материалам научной конференции, посвященной результатам деятельности нового президента ИРИ в первые месяцы после избрания. Это статьи В.И. Сажина «К вопросу о Женевском соглашении по ядерной проблеме Ирана», Н.М. Мамедовой «Экономическая политика правительства Хасана Роухани», А.И. Полищука «Ирано-китайские отношения на современном этапе», И.Е. Федоровой «Некоторые аспекты внешней политики ИРИ в 2013–2014 гг.», Л.М. Кулагиной и В.М. Ахмедова «Новые тенденции в ирано-сирийских отношениях» и др.

Данный сборник представит несомненный интерес не только для специалистов, но и широкой общественности, интересующейся историей и культурой Ирана.

ИСТОРИЯ

Кулагина Л.М.

Сектор Ирана Института востоковедения РАН

Иранистика — одна из наиболее развитых отраслей российского востоковедения. Знакомство с Ираном в России началось давно. Этому способствовали длительные торговые, дипломатические и культурные отношения, существующие между двумя странами. Интерес к научному изучению Ирана отмечается в первой половине XIX века. Базой научного востоковедения стал в 1818 году Азиатский музей (в Санкт-Петербурге), богатейшее хранилище рукописей и книг. С этой датой мы связываем и историю Института востоковедения, так как фонды Азиатского музея послужили основой для создания института. Иранистика в России достигла в XIX веке блестящих успехов и в отдельных отраслях занимала ведущее положение в мировой науке. Такие крупные ученые, как Б.Н. Дорн, И.Н. Березин, В.Г. Розен, В.В. Бартольд, Б.В. Миллер, В.А. Жуковский и другие, внесли значительный вклад в изучение Ирана, и их труды сохраняют актуальность до наших дней.

Октябрьская революция 1917 года положила начало новому этапу в развитии российского востоковедения и иранистики в частности. Это был сложный и чрезвычайно противоречивый период, характеризовавшийся господством официальной идеологии,

служившей для обслуживания партийно-государственных институтов. Утверждение марксистской методологии в науке все больше приобретало характер идеологического и административно-политического насилия. Это в определенной степени ограничивало возможности исследователей, зачастую приводило их к тенденциозности и штампам в оценке исторических событий. В то же время нельзя отрицать и наличие положительных моментов в развитии советского востоковедения. Это, прежде всего, создание институтов и организаций, где изучался Восток, и подготовка новых кадров, практических и научных работников по странам зарубежного Востока. Значительно расширилась географическая структура востоковедных учреждений.

В 1930 году был создан Институт востоковедения Академии наук в Санкт-Петербурге (Ленинград) и образован иранский кабинет. Несомненно, положительным отличием нового востоковедения явилось обращение к современной тематике исследований. Одним из главных направлений иранистики становится изучение проблем новейшей истории. Иранисты выступили пионерами в освещении экономических, политических, идеологических и культурных процессов, происходящих в современном Иране. Многие работы 1920–1930-х годов носили скорее публицистический, нежели научный характер. Значительная часть ведущих иранистов (М.П. Павлович, С. Иранский (Пастухов), А. Султан-Заде, В. Гурко-Кряжин, Ирандуст (В. Осетров), В.Г. Тардов, Г.М. Шитов и многие другие), занимающихся новейшей историей, была связана с Ираном по работе в наркоматах иностранных дел и внешней торговли, в редакциях газет, журналах и научных институтах. В неблагоприятной обстановке культ личности большинство работ этих исследователей подвергались резкой критике. Впоследствии почти все они незаслуженно были репрессированы, и многие ушли из жизни.

Но, несмотря на отрицательные моменты, литература этих лет имела большое значение для развития иранистики. Она заложила тот прочный фундамент, на котором могло развиваться востоковедение в последующие годы.

С целью объединения кадров и коренного улучшения научной работы в области востоковедения Институт востоковедения в 1950

году был переведен из Санкт-Петербурга (Ленинграда) в Москву. Востоковеды стали заниматься углубленным изучением вопросов экономики, политики, национально-освободительной борьбы, всех проблем новой и новейшей истории, языков и литератур современного Востока. На первый план в работах Института востоковедения выдвигались важнейшие теоретические проблемы, связанные с изучением кризиса колониальной системы, национально-освободительного движения, социально-экономических и культурных преобразований в государствах Востока, политики западных стран и США в странах Азии и Африки.

В институте были созданы страноведческие сектора и, в частности, сектор Ирана. Впоследствии, несмотря на неоднократные изменения в структуре Института востоковедения, принцип страноведческих научных подразделений оставался основным. Первым заведующим сектором Ирана стал выдающийся ученый, профессор Борис Николаевич Заходер. Он заведовал сектором почти 10 лет (с 1950–1953, 1956–1960 гг.), с 1953–1956 гг. возглавлял сектор истории и экономики стран Ближнего и Среднего Востока, куда также входил сектор иранистики. Б.Н. Заходер — один из крупнейших историков Ближнего Востока. Круг его научных интересов чрезвычайно широк. Б.Н. Заходер — автор многочисленных работ по истории и культуре Ирана и сопредельных стран, составитель двухтомного свода известных мусульманских авторов о народах Восточной Европы. Его докторская диссертация «Низам ал-Мульк. Очерки по истории сельджукского государства» (1941) представляет большой научный интерес. Б.Н. Заходер издал в 1949 г. перевод «Сиасет-наме» Низам ал-Мулька, снабдив этот важнейший исторический источник обстоятельным введением и обширными примечаниями. Большое внимание Б.Н. Заходер уделял проблемам историографии и источниковедения. Широта познаний Б.Н. Заходера позволяла ему с одинаковой эрудицией участвовать в обсуждении проблем Ирана и Ближнего Востока, читать курс по истории средних веков, исследовать средневековые памятники и возглавлять коллектив иранистов, работающих над изучением проблем современного Ирана. Он обладал, по отзыву академика И.Ю. Крачковского, «большим организаторским опытом и педагогическим та-

лантом и содействовал воспитанию целой плеяды аспирантов Института востоковедения»¹, многие из которых впоследствии долгие годы работали в секторе Ирана.

Б.Н. Заходер неоднократно бывал в Иране. Он встречался с поэтом Малек аш-Шоара Бахаром, налаживал контакты с учеными Ирана, участвовал в работе конгрессов, посвященных выдающимся мыслителям Востока — Авиценне, Туси, Фердоуси и другим.

Б.Н. Заходер многое сделал для организации научной работы сектора Ирана. Его ученики (Н.А. Кузнецова, Е.А. Дорошенко, С.М. Алиев, Л.М. Кулагина и другие) работали в секторе долгие годы. Многие иранисты института в той или иной степени являлись учениками Б.Н. Заходера (А.З. Арабаджян, Ю.Н. Рубинчик и другие). Те традиции, которые были заложены Б.Н. Заходером в секторе Ирана, сохраняются и до настоящего времени.

Сектор Ирана уже в 1957 году издал справочник по Ирану, что положило начало издания справочников по всем странам Азии. Организатором и автором ряда статей справочника была А.И. Фалина. Большое внимание уделялось в секторе разработке внешнеполитических проблем, взаимоотношений Ирана с Россией и странами Запада. Это — работы А.В. Башкирова, М.С. Иванова, С.Л. Агаева, Л.И. Мирошникова и других.

В 70-е годы иранисты серьезно занимались изучением истории Ирана. В поле зрения ученых оказались такие важные проблемы, как национально-освободительное движение, установление диктатуры Реза-шаха Пехлеви и другие.

Иранистов интересовала такая малоизученная в нашей литературе тема, как иранская революция 1905–1911 гг. Причины революции, социальные силы, участвующие в ней лидеры, роль духовенства и политика России и Англии подробно анализировались в работах М.С. Ивановой, Е.А. Дорошенко и других.

Были предприняты исследования этнической и социальной истории. Не потерявшей своей значимости до сих пор является работа В.В. Трубецкого о бахтиярах Ирана.

С 1950-х годов в Институте востоковедения и в секторе Ирана стали серьезно изучаться экономические проблемы. По мере знакомства с эмпирическими материалами стали выходить работы

по отдельным отраслям экономики Ирана — сельскому хозяйству, промышленности, финансам, внешней торговле и др. Это монографии А.З. Арабаджяна, В.С. Глуходеда, Н.М. Мамедовой, В.П. Цуканова, У.З. Шарипова, А.И. Демина и Ш.М. Бади.

История русско-иранских отношений получила глубокое исследование в работах П.П. Бушева, в его фундаментальных монографиях «История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586–1612 гг.» (по русским архивам) (1976); «Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг. (1978) и других работах.

Следует сказать несколько слов о руководителях сектора Ирана. После кончины Б.Н. Заходера в 1960 году заведующим сектором Ирана стал доктор филологических наук Д.С. Комиссаров, высококлассный специалист по иранской литературе, автор многочисленных работ о творчестве иранских поэтов и писателей. В 1961 году в связи с созданием в институте отдела литературы Ближнего и Среднего Востока он был назначен руководителем сектора по иранской литературе.

В результате частичного изменения структуры Института востоковедения в 1961 году были созданы регионально-страноведческие отделы. Сектор Ирана вошел в отдел стран Ближнего и Среднего Востока, возглавляемого доктором географических наук В.В. Цибульским. Руководителем иранистов стала одна из старейших сотрудниц института, выдающийся ученый — иранист Нина Алексеевна Кузнецова. Ее научные интересы поражают разнообразием. Это вопросы новой истории Ирана, история российского востоковедения, русско-иранские экономические, политические и культурные отношения, историография, литература о жизни и трудах востоковедов, изучение современного Ирана и многие другие. Ее монография «Иран в первой половине XIX века» (1983), написанная в основном на архивных материалах, является до сих пор единственной работой по данной теме. Под ее руководством было защищено 10 диссертаций. Сектор активно вел работу с начинающими востоковедами. Ответственным редактором научных сборников молодых сотрудников и аспирантов являлась Л.М. Кулагина. Было издано свыше 20 сборников, давших возможность

опубликовать свои первые работы многим исследователям, впоследствии ставшим известными востоковедами. Вокруг сектора Ирана всегда сосредотачивались иранисты других научных центров Москвы, а также других российских городов.

В 1971 году, в результате реорганизации института, был расширен сектор Ирана. В него вошли иранисты из других отделов института.

Заведующим сектором Ирана стал высокопрофессиональный и разносторонний ученый востоковед-иранист Артем Завернович Арабаджян, автор монографий и множества статей по экономике и проблемам новейшей истории Ирана. Его докторская диссертация «Изменение в отраслевой структуре народного хозяйства Ирана в 60–70-е гг.» дает развернутую картину экономического развития Ирана. Сектор Ирана под руководством А.З. Арабаджяна выпустил коллективную монографию «Иранская революция 1978–1979 гг. Причины и уроки» (1989 г.), сохраняющую актуальность до настоящего времени. А.З. Арабаджян был прекрасным научным руководителем, умевшим работать с научными сотрудниками, и прекрасным педагогом. Он подготовил многих аспирантов, которые трудятся в институте и других учреждениях России.

В 1988 году заведующим сектором был назначен Валентин Петрович Цуканов, специалист по экономике Ирана. В.П. Цуканов хорошо знал Иран, так как работал там по линии МИД СССР около 5 лет. Это помогло ему написать кандидатскую диссертацию и монографию «Неравномерность регионального развития Ирана» (М., 1984), которая впервые в нашей литературе дает сравнительно полное представление о размещении промышленного потенциала Ирана.

После отъезда В.П. Цуканова на работу в Иран, руководителем сектора Ирана в 1994 году становится Леонид Евгеньевич Складов. В своей монографии, написанной на основе диссертационной работы «Иран 60–80-х годов: традиционализм против современности. Революция и контрреволюция» (М., 1993), он рассматривал революцию 1978–1979 гг. не как революцию, а как реакционный политический переворот.

После перехода Л.Е. Складова на работу в МИД РФ заведующей сектором Ирана в 1997 году стала Нина Михайловна Маме-

дова. С ее приходом значительно оживилась работа сектора. Научная проблематика работ Н.М. Мамедовой отличается большим разнообразием. К этому времени ею были изданы книги «Кооперация в Иране» (М., 1973); «Концентрация производства и капитала в Иране в 60–70-е гг.» (М., 1992); «Городское предпринимательство в Иране» (М., 1988). Н.М. Мамедова занимается такой сложной проблемой, как внутренняя история Ирана, взаимоотношения общества и власти, борьба внутри элит, перспективное развитие ИРИ. Ряд ее статей и разделов в коллективных монографиях посвящены внешней политике Ирана. Как заведующая Н.М. Мамедова многое сделала для организации научной работы сектора. Каждый год сектор проводит общероссийские конференции по актуальным вопросам политического, социально-экономического и культурного развития современного Ирана.

Так, только в последние годы состоялись следующие конференции: в 2006 году «Место и роль Ирана в регионе», в 2007 г. «Россия и исламский мир», в 2008 г. «ИРИ и исламские страны», в 2009 г. «30 лет ИРИ», в 2010 г. «Памяти имама Хомейни», в 2011 году «Санкции и их влияние на положение в Иранех», в 2012 году «Иран при Ахмадинежаде», в 2013 году «Иран после президентских выборов 2013г.», в 2014 г. «Российско-иранское сотрудничество: состояние и перспективы». Много лет при иранском секторе работает иранский семинар. В конференциях и в работе семинара принимают участие ученые из Москвы, других городов России, а также из-за рубежа. Материалы конференций публикуются в сборниках статей. За эти годы выпущено более 20 сборников.

У сектора сложились хорошие, дружеские отношения с Посольством ИРИ и его культурным представительством. При содействии иранского посольства в секторе работают курсы персидского языка во главе с М.С. Каменево, которая занимается исследованием проблем персидского языка и культуры. Посольство ИРИ и Культурное представительство Ирана принимают активное участие в работе организуемых сектором Ирана конференций. Помогают в проведении конференций, организуют встречи с иранскими учеными и политическими деятелями, участвуют и содействуют в издании сборников статей по конференциям и ряда работ. Иранский

посол регулярно встречается с иранистами и отвечает на их вопросы о политике Ирана. Главным направлением научной деятельности сектора Ирана является изучение политики, экономики, идеологии и культуры современного Ирана. События 1978–1979 гг. и образование ИРИ обострили интерес, прежде всего, к политической ситуации в стране и к исламу. Эти два направления и стали ведущими в российской иранистике. Вопросы, связанные с анализом причин и последствий иранской революции, становятся главным объектом изучения иранистов. Исследованиям иранской революции посвятили свои труды многие иранисты: С.Л. Агаев, А.Б. Резников, С.М. Алиев, А.З. Арабаджян, М.И. Крутихин, В.П. Цуканов, Н.М. Мамедова и другие. В 1989 г. вышла из печати коллективная монография сектора Ирана «Иранская революция 1978–1979 гг. Причины и уроки», в которой была предпринята удачная попытка проанализировать причины и последствия иранской революции. В 1991 г. была издана работа А.З. Арабаджяна «Иран. Власть, реформы, революции (XIX–XX вв.)», в которой дан анализ революционных движений в иранской истории.

Только за последнее десятилетие сотрудниками сектора издано много фундаментальных работ. В 1998 году вышла книга Е.А. Дорошенко «Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг.», которая продолжает тему, разработанную в ее книге «Шиитское духовенство в современном Иране». А в 1990 году была издана монография В.Б. Кляшториной «Иран 60–80-х годов. От культурного плюрализма к исламизации духовных ценностей», в которой был дан анализ взглядов ведущих иранских идеологов, во многом повлиявших на формирование общественной мысли Ирана накануне революции 1978–1979 гг. Исследованию политической жизни Ирана в XX веке посвящена работа С.М. Алиева «История Ирана. XX век» (2004), которая представляет большой научный интерес не только для отечественной, но и для зарубежной иранистики. Его работы, написанные в постсоветский период, свободны от идеологических оков и отличаются использованием большого круга источников.

В 2005 г. издана монография И.Е. Федоровой «Иран — США. Диалог и противостояние», в которой дается анализ американской

политики в отношении Ирана и разрабатываются перспективы ирано-американских связей.

В работе «Россия и Иран. История формирования границ» (М., 2008) Е.В. Дунаевой и Л.М. Кулагиной рассматриваются внешне-политические и социально-экономические аспекты формирования русско-иранской границы с XVI до XXI веков. В работе использован широкий круг источников и архивных материалов. Работа заинтересовала иранскую общественность и в 2011 г. была полностью переведена и издана в Иране.

При этом сектор сохраняет и такое традиционное направление иранистики, как история. В 2010 г. была издана монография Л.М. Кулагиной «Россия и Иран. С XIX — начало XX в.». Хронологически работа охватывает целое столетие и дает полное представление о русско-иранских отношениях на разных этапах их развития. Достоинством работы является то, что она написана в основном на архивных материалах.

В 2010 г. вышла монография Л.М. Раванди-Фадаи «Политические партии и группировки Ирана». Это первая работа, дающая представление о партийной жизни Ирана почти за последние 100 лет. В настоящее время Раванди-Фадаи Л.М. работает над монографией о жизни и деятельности выдающегося политического деятеля Ирана доктора М. Мосаддека.

В настоящее время сотрудники сектора готовят коллективную монографию «Теория и практика исламского правления (на примере Ирана)». В ней делается попытка осветить все важнейшие направления развития ИРИ более чем за 30 лет, дать анализ политического, социально-экономического, культурного состояния Ирана сделать прогнозы на дальнейшую эволюцию исламского режима.

Наряду с научной деятельностью сектор ведет большую работу по написанию аналитических записок, справок, прогнозов по актуальным проблемам внутренней и внешней жизни современного Ирана, дает их политическую оценку для МИДа и других организаций.

Сектор Ирана Института востоковедения является центром изучения современного Ирана и проблем иранистики. Вокруг сектора группируются специалисты по Ирану не только Москвы, но и многих других городов РФ. Сектор не только проводит конферен-

ции, но и участвует в мероприятиях по проблемам политики, истории, экономики и культуре Ирана, проходящих в стране. Сотрудники сектора участвуют в заседаниях Государственной Думы, Совета Федерации, выступают на международных конференциях, как в России, так и за рубежом.

Сектор ведет большую педагогическую работу. За время его деятельности с 1950 года было защищено около 300 диссертаций по проблемам Ирана, 6 сотрудников сектора защитили докторские диссертации.

В заключение можно сказать, что в целом российским иранистам удается отвечать на главные вопросы политической ситуации в Иране, оперативно реагировать на появление новой информации о событиях внутренней и внешней политики Ирана, на возможности, открываемые новыми информационными технологиями, особенно Интернетом. Сравнение наших научных исследований по Ирану с западными не оставляют сомнений в их научной конкурентоспособности. Особенно это касается работ, посвященных исследованию наиболее острых проблем современности.

В то же время работы для иранистов впереди еще много. Малоисследованными остаются вопросы социальной политики в Иране, особенно трудовые отношения, трудовое законодательство, состояние здравоохранения, просвещения, культуры, положения женщин в Иране, демографические проблемы и многие другие.

Необходимо отметить, что возможности развития иранистики в последние десятилетия стали более благоприятными. Стали доступнее многие архивы и источники. Расширились контакты российских и иранских ученых. Все это является несомненным залогом дальнейших успехов в изучении Ирана.

¹ Архив РАН. Ф. 1532. Оп. 4. № 60.

Кузнецова Н.А.

Эволюция государственного аппарата каджарского Ирана (с конца XVIII века до 60-х годов XIX века)

(Доклад на рабочем совещании «Государственный строй стран Востока в новое время» 16.06.1987)

Основатель каджарской монархии Ага Мухаммед шах Каджар (1796–1797) и фактический ее создатель Фатх Али шах (1797–1834) хотели создать мощное государство по образцу сефевидской державы. Им очень хотелось видеть Великий Иран, в состав которого входили бы все или почти все территории и народы, подчинявшиеся Сефевидам. И задуманные ими походы в Закавказье и Грузию, Хорасан и Туркменскую степь, Герат и Белуджистан, войны с Турцией и Россией, военные стычки со среднеазиатскими ханствами, война за Герат говорят о серьезном намерении новой династии расширить границы Ирана.

Однако положение в регионе к концу XVIII века существенно изменилось. Возникло афганское государство Ахмад шаха Дуррани, претендовавшее на те же территории — Белуджистан, Систан, Герат, Хорасан, Туркменскую степь. Англичане, укрепившиеся в Индии, прилагали большие усилия, чтобы контролировать политическую ситуацию на Среднем Востоке и направлять ее развитие в своих интересах.

На Кавказе продолжало расти русское влияние, и наметилось тяготение к России не только православной Грузии и армян, но и некоторых мусульманских ханств. Каджарские правители столкнулись с борьбой мусульманских ханств за самостоятельность и христианских народов за освобождение от мусульманского ига.

Заоевательная политика привела к гибели основателя каджарского государства. Второй каджарский шах, хотя и не оставил

идею создания Великого Ирана, но после поражения в русско-иранских войнах стал более осмотрительно проводить имперскую политику, взяв более реалистический внешнеполитический курс — на сохранение иранского государства в имеющихся пределах. И последующие кадjarские шахи усвоили этот политический принцип: в условиях колониальной экспансии западно-европейских держав суметь сохранить территориальную целостность и политическую независимость иранского государства. И надо признать, что Каджарам удалось это сделать; Иран остался в числе формально независимых государств Востока.

Важным моментом для Каджаров было признание их шахами со стороны шиитского духовенства. И этого признания Ага-Мухаммад-хан добивался долго, заигрывая и идя на уступки наиболее авторитетным шиитским улемам. Общие положения о государстве, верховной власти, правах и обязанностях центральных и местных властей и др., зафиксированные в Коране и шариате, в Иране, естественно, не оспаривались, на них постоянно ссылались, хотя и не всегда строго их придерживались.

Фактически с момента основания кадjarской монархии постоянно шла дискуссия о соотношении светской и духовной власти в стране. У Каджаров не было преимущества сефевидских шахов, которые выступали в роли духовных глав в стране, будучи потомками шейха Сефи-ад-Дина. Каджары не могли претендовать на роль харизматического лидера, как Исмаил I Сефевид.

У шиитских улемов было теологическое обоснование приоритета духовной власти над светской, с чем приходилось считаться Каджарам. Дело не только в тюркском происхождении Каджаров, как это иногда объясняется историками. Сефевиды пришли к власти с помощью кызылбашей — тюркских племен и тюркской крови в сефевидских шахах было более чем достаточно. Доктрина шиитского ислама об имамате, независимо от того, сколько признавалось имамов и в какой последовательности они перечислялись, позволяла говорить о харизматическом духовном лидере шиитской общины, возвращении на землю скрытого имама Махди, в отсутствие которого роль духовных руководителей шиитской общины играют наиболее авторитетные моджтахеды, обладающие

правом иджтихада — толкования, объяснения всех сторон вопросов, возникающих в шиитской общине, в шиитском государстве. Каджары пытались ограничить вмешательство улемов в решение государственных вопросов, но не шли на открытый конфликт с ними. А улемы продолжали разрабатывать положения о роли моджахедов, о марджа-е таклиде, духовном суде улемов. Юридическая система, сложившаяся при Сефевидах, без изменений просуществовала до начала XX века. Духовный суд (ша'р) находился полностью в руках улемов, а государство использовало систему обычного права (урф). О специфической роли шиитских улемов в Иране говорят многие факты государственной, общественно-политической и хозяйственной жизни страны. Например, вопросы войны и мира решал шах, но мобилизация населения на джихад (войну с Россией, Англией, среднеазиатскими ханствами, турками) исходила от улемов — они издавали фетву с призывом на джихад. В период бабидского движения, пока не было публичного осуждения со стороны улемов, ни шах, ни садразам (глава правительства), ни местные правители не принимали деятельных мер для борьбы с бабидами. Призывы духовенства бойкотировать реформаторские начинания мирзы Таги-хана, организованные духовными лицами, армейские выступления против него и согласие улемов на физическое уничтожение реформатора, объявление подавляющего большинства его начинаний не соответствующими Корану и шариату в значительной мере предрешили неудачу реформ в Иране и гибель первого иранского реформатора.

Даже приходу к власти Ага-Мухаммад-хана Каджара способствовали некоторые известные улемы, в том числе Сейид Мухаммад Бакир Бехбехани. XIX век выдвинул группу очень известных шиитских улемов, оказавших большое влияние на духовное и общественно-политическое развитие иранцев, на развитие самой каджарской монархии, причем это влияние чаще несло Ирану негативные результаты. Улемы были причастны не только к разгрому бабидского движения и неудачам реформаторской деятельности Мирзы Таги-хана, они провоцировали русско-иранские войны, оказались в числе инициаторов разгрома российской миссии в Тегеране в 1829 году, приложили много усилий, чтобы ском-

прометировать выдвинутые в 1856 г. идеи Мальком-хана о реорганизации государственного аппарата, введении конституции, создании общественных организаций типа масонских лож и партий, демократизации на европейский лад общественно-политической жизни в стране.

Нельзя понять историю Ирана XIX и XX веков, не учитывая постоянного наличия двух систем власти в Иране: государственной — светской и власти улемов, которая не ограничивалась духовным воздействием на население и сохранением в своих руках системы образования и судопроизводства, а распространялась на принятие важнейших государственных актов, санкционировала шахские фирманы, а иногда и отменяла их. Фатх-Али-шах вынужден был считаться с мнением таких улемов, как Мирза Абдул-Касем Куми, Сейид Мехди Бахр уль-Улюм, Мулла Али Нури и Хаджи Мухаммад Ибрагим Калбаси. Шах оказывал особое уважение кумским улемам во главе с Мирзой Абдул-Касемом Куми и даже распорядился начать строить усыпальницу для себя именно в Куме.

Чтобы заручиться поддержкой наиболее влиятельных улемов, Фатх-Али-шах строил мечети, выделял средства для реставрации наиболее почитаемых мечетей и святых мест, выделил в специальные средства для жалования, пенсий и подарков улемам. Пожаловал некоторым улемам крупные земельные владения, например, Хаджи мулле Мухаммаду-Таги Бургани несколько деревень около города Казвина, доходы с ряда деревень Сейиду Мухаммаду Бакиру Шафти, деньги и дом в Тегеране моджтахеду Мирзе Ахмаду и т.п. Большое жалование от казны получали настоятели пятничных намазов (имам-е джоме), назначенные в крупные города. Некоторых улемов он назначил везирами в провинции, например, муллу Али Асгара Муллабаши в Керман. Иранские улемы были своеобразными резидентами в атабате — священных шиитских городах Ирака — Неджефе, Кербеле, Самарре, Каземейне и проводили политику в арабском Ираке в интересах Ирана, например во время ирано-турецкой войны 1821–1823 гг.

Но не следует думать, что такая политика Фатх-Али-шаха обеспечивала ему, как и его преемникам, постоянную поддержку со стороны улемов. Тот же самый Хаджи мулла Мухаммад Таги

Бургани из-за разногласий с шахом покинул Тегеран и поселился в Казвине, продолжая с шахом полемику по политическим вопросам. В 1829 г. улемы Мешхеда поддержали протесты хорасанских ханов против повышения государственных налогов. Улемы понимали восстания против каджарских принцев — правителей провинций, в знак протеста против неправильных с их точки зрения действий шаха или шахских властей, покидали Тегеран, возбуждая этим антишахские настроения базара и городских низов. Наиболее полно все эти вопросы рассмотрены в книге Хамида Алгара «Религия и государство в Иране 1785–1906. Роль улемов в Каджарский период», изданной калифорнийским университетом в 1969 г.

Уже говорилось, что образцом для Каджаров служил Сефевидский Иран. Однако исторический опыт XVIII века убедил Каджаров в том, что для захвата и удержания власти в новых условиях наиболее результативной оказалась опора на «свое» племя. Иран захватили афганцы, которые опирались на племя гильзаев, Надир-шах — на племя афшаров, Керим-хан — на зендов, Ахмад-шах Садозай (Дуррани) — на абдали. Племя каджаров, особенно его астрабадские ветви, призвано было сыграть организационную и стабилизирующую роль в новой монархии. Представители каджарской знати выполняли различные функции в государстве — военно-административные, административные, например садр азама (Алламр-хан Асеф од-Доуле и др.). Каджары составляли основное ядро армии. Сами каджарские шахи Ага-Мухаммад-шах и Фатх-Али-шах вели борьбу со своими политическими противниками, возглавляя армии, состоящие в значительной степени из каджаров. Видным военачальником был Сулейман-хан Каджар. Провел первую реорганизацию армии в XVIII в. Аббас-мирза, назначенный наследником иранского престола. Он же возглавлял армию во время русско-иранских войн. Другой сын шаха возглавлял армию, ведущую бой в районе Багдада, и взял Багдад. Да и другие каджарские принцы возглавляли военные походы против туркменских племен и хорасанских ханств, вели борьбу с бабидами. Но это было характерно для первых десятилетий правления Каджаров. Впоследствии были проведены еще реорганизации армии, но сами Каджары уже не принимали столь деятельного уча-

ствия в осуществлении военных походов, в руководстве военными действиями.

От Сефевидов Каджары переняли основы структуры государственного устройства и управления. Они сохранили административное деление с включением в него племен и племенных образований. Наиболее близким по времени к Каджарам был трактат — руководство по управлению государством для сефевидской администрации «Тазкират уль-мулюк», которым пользовались афганские правители, захватившие Иран, частично — Надир-шах и Зенды. Этот трактат с обстоятельными комментариями и переводом на английский язык издал в 1943 г. профессор В.Ф. Минорский. Почти весь государственный аппарат первых каджаров с небольшими изменениями соответствовал сефевидскому. Но уже с начала XIX в. начинается постепенное его изменение. Первоначально это коснулось армии и частично духовенства, потом ведомства иностранных дел, судопроизводства, финансов. Первым «реформатором» финансового ведомства был Мирза Бозорг Каим Макам Фарахани, введший налог для содержания ополчения и сарбазов (солдат) согласно принципу «Хасан должен содержать Али». Новая финансовая реформа была проведена только при Насер эд-Дин-шахе, и связана она с именами Мирзы Таги-хана Амир-Кабира и Мирзы Али Асгар-хана. Показательно, как медленно и трудно шла перестройка финансового ведомства, затрагивающего интересы наиболее влиятельных кругов Ирана. Об этом повествует Меджид Яктаи в книге «История финансов Ирана, таможен и монополий» (1962 г.).

На первом этапе создания каджарской монархии высший эшелон государственной власти был невелик и составлял окружение Ага-Мохамеда Каджара, его ставку и двор; он состоял преимущественно из его родных братьев, дядьев, племянников и лиц, с более отдаленным родством но заинтересованных в удержании Каджарами государственной власти. При Ага-Мохаммад-шахе началось формирование правительственного аппарата тесно связанного с дворцовыми службами. Столицей монархии был объявлен город Тегеран, первым садр азамом был назначен бывший калантар города Шираза (столицы свергнутой династии Зендов),

предавший зендского правителя и перешедший на сторону Каджаров, хаджи Ибрагим, потомки которого, несмотря на казнь хаджи Ибрагима за предательство, играли видную роль в управлении кадjarской монархии, особенно в провинциальном управлении. С Ага-Мохаммад-шаха началось формирование новой правящей элиты Ирана. Ага-Мохаммад-шах использовал имеющийся аппарат государственного провинциального и местного управления, частично заменив на основе личностных отношений сановников, правителей провинций и крупных городов, некоторых ханов крупных племен и племенных объединений.

Фатх-Али-шах продолжил политику своего предшественника и стал назначать правителями престижных богатых провинций своих многочисленных сыновей и на различные должности в госаппарате представителей кадjarского племени (со временем далеко не все представители племени кадjarов и даже члены правящего дома могли претендовать на престижные должности в государстве). Рекрутирование сановников и чиновников шло также за счет чиновников госаппарата Зендов и Афшаров, различных ханских родов и безродных простолюдинов, выдвинувшихся за счет своих личных качеств и услуг членам правящей династии. При Фатх-Али-шахе видную роль стала играть придворная знать и прислуга, в том числе евнухи (Манучехр-хан, Якуб-хан и др.) параллельно шло формирование второго «госаппарата» в провинции Азербайджан, управление которой полностью было передано наследнику шахского престола Аббасу-мирзе и назначенному шахом каем макаму, своеобразному государственному дядьке, в обязанности которого входили помощь и обучение наследника методам государственного управления. Видную роль сыграли в истории Ирана этого периода каем макамы Иса Фарахани (Мирза Бозорг) Аболь Касем Фарахани и Мирза Хаджи Агаси. Чиновники администрации наследника в Азербайджане после вступления наследника на престол в течение всего периода правления Каджаров занимали важное место в общегосударственном управлении, как правило, вступая в конфликт с высшей администрацией умершего шаха. Фатх-Али-шах передал Тебризскому двору (наследнику) ведение внешних сношений Ирана, контролируя их и принимая решения

по наиболее важным вопросам войны и мира, приема и отправки чрезвычайных посольств и др. Однако уже в 20-х годах возникла необходимость создания в Тегеране министерства иностранных дел (позднее иностранные миссии и посольства тоже были переведены в Тегеран, а в Тебризе остались генеральные консульства). От решения шаха зависела также организация консульской службы в Иране и посылка иранских послов и консулов в другие государства. Но главенствующая роль провинции Азербайджан в значительной степени сохранялась до конца правления Каджаров, а потом кадджарская элита участвовала в управлении Ираном почти до 1979 г.

В Иране в первой половине XIX в. не было четкого разграничения административной, военно-административной, финансовой и судебной власти. Правители провинции, уезда (вали, беглербек, хахим) были высшей инстанцией в своей администрации по аналогии с ролью шаха для всей страны и были правомочны решать все вопросы провинциального и местного управления. Аппарат вали или хакима приводил в исполнение решения духовного (шариатского) суда и принимал решения по уголовным и некоторым другим преступлениям. Совмещение у одного должностного лица ряда различных функций говорит о сохранении средневековых традиций в формировании аппарата государственного управления. Это вело к недоразумениям и конфликтам с местными властями иностранных граждан, в том числе и принадлежавших к дипломатическому корпусу, что нашло отражение в туркманчайском акте 1828 г.

Попытки упорядочить государственное управление, использовать европейские или османские образцы связаны с именами главным образом Аббаса мирзы, Таги-хана (Амира Кабира), Мирзы Хусейн-хана, Насер эд-дин-шаха. В первую очередь это коснулось армии, затем ведомства (дивана) по ведению сношений с иностранными государствами. Менее результативными оказались нововведения при формировании совета министров, финансового управления, провинциальной администрации. Наибольшее сопротивление нововведениям оказывало шиитское духовенство, осуществлявшее основное судопроизводство, идеологический кон-

троль, образование, отправление религиозных ритуалов. Даже назначение тегеранским двором пятничных имамов в крупнейшие города, управляющего вакфами гробницы имама Резы. Использование духовных лиц для разных государственных поручений с выплатой им государственного жалования не всегда означало безусловную поддержку ими действий шахских властей, не говоря уже о духовенстве, живущем за счет получения закята (сбора с мусульман на религиозные нужды), доходов от вакфов и личной собственности.

Влияние шиитского духовенства в Иране всегда было очень значительным. Многие семьи улемов породнились между собой и составили несколько крупнейших кланов духовенства, осуществляющих духовный контроль над населением Ирана, что особенно ярко проявляется в настоящее время. Семейства улемов Табатабаи, Бехбехани, Ширази, Гольпаегани, Куми и многие другие ведут свое начало с конца XVIII — начала XIX века. Некоторые из них сыграли важную роль в иранской революции 1979 г. и многие из них принимают активное участие в современной жизни страны.

К середине XIX века в Иране появились различные точки зрения относительно необходимости реформировать государственный аппарат. Вокруг реформы государственного управления на разных государственных уровнях развернулась острая идеологическая и политическая борьба, которая продолжилась и в XX веке.

Мамедова Н.М.

Роль государства в экономической истории Ирана (XIX–XX вв.)

Воздействие государства на экономическое развитие — одна из самых интересных проблем, как прошлого, так и современности. Опыт использования государства как института в интересах экономического развития чрезвычайно разнообразен — в зависимости от исторической эпохи, уровня экономического развития, страновой специфики. Особенно важен он в отношении восточных стран, в которых государственная функция встроена в сам характер способа производства.

Иран неоднократно — и в XIX, и особенно в XX веке, пытался выйти на более высокий уровень экономического развития, используя европейский опыт хозяйствования. И всякий раз это было инициативой государственной власти, проведением реформ «сверху». В настоящее время «исламский» режим в очередной раз «пробует» привести иранскую экономику в соответствие с общемировыми тенденциями. И хотя эти тенденции означают всемерное поощрение рыночных механизмов, ограничение государственного вмешательства совершается под строгим контролем самого государства, порождая трудноразрешимые проблемы перестройки хозяйственной модели. Не общество, как на Западе, трансформирует роль и функции государства, а государство берет на себя функции по трансформации общества.

Для Ирана исследование этой проблемы с точки зрения исторического периода наиболее интересно с конца XVIII в., когда к власти приходит династия Каджаров. Происходит постепенное формирование государства в современных границах, становление законодательных основ, выработка официальной идеологии и экономической политики, начинается эволюция государственного аппарата в направлении его европеизации. Представляется необхо-

димым остановиться на нескольких факторах, внесших значительный вклад в формирование социально-экономической структуры, которая сложилась к XIX веку.

На многовековой процесс формирования иранской государственности и роли государственной власти в социально-экономическом развитии огромное влияние оказало внешнее воздействие. Оно было и военным (завоевательным), и мирным. Впитывались элементы и других восточных (особенно поначалу) и западных цивилизаций. Арабское, тюркское, монгольское нашествия своими цивилизационными «инъекциями», безусловно, замедляли социально-экономическое развитие. Западная Европа оказалась в лучшем положении. Там военные столкновения в большинстве случаев происходили внутри одной цивилизации. На Иран сильно повлияли (через структуру армий, налоговую систему, систему землепользования и землевладения, характер отношений города и деревни) арабо-мусульманский мир, тюрко-монгольские завоевания.

Основы государственной власти в Иране как важнейшего элемента экономики были заложены еще Ахеменидами. Дарий I осуществил в VI в. до н.э. серию административно-финансовых реформ, которые позволили выстроить систему строгого и устойчивого управления и контроля, налоговую систему. Кстати, созданная тогда знаменитая дорожная сеть державы в большей степени, чем думают, преследовала цели именно административного и налогового контроля. Основными формами земельной собственности, главного элемента экономического богатства земледельческой культуры, которую олицетворяло собой Ахеменидское государство, являлись государственная собственность и собственность свободных сельских общин.

С периода Сасанидов в руках верховной власти сосредотачивается еще больший контроль над землей, ирригационными сооружениями, налогообложением. Сильно выросло значение бюрократического аппарата, его роль в экономической жизни особенно усилилась. Отражением этого стало включение писцов (наряду с воинами, жрецами и правящей верхушкой) в привилегированную категорию населения, не платившего налоги¹.

Начинает видоизменяться структура землевладения. Увеличивается фонд земель, принадлежащих шахиншаху и членам его се-

ми, местной элите. Доля свободных общинных земель сокращается. Этим можно объяснить и одно из основных требований развернувшегося в V–VI вв. маздакитского движения, идеалом которого было восстановление старинной иранской свободной сельской общины. Главным последствием поражения маздакитского движения стало укрепление центральной власти.

После арабских завоеваний и распространения ислама в Иране создаются предпосылки для дальнейшего усиления роли государства в обществе, прежде всего, за счет религиозного обоснования его непосредственного вмешательства в хозяйственную деятельность. Продолжает расти фонд государственных земель как экономическая основа могущества государственной власти. Хотя традиция земельных пожалований в теократическом мусульманском государстве связывается с именем пророка Мохаммеда, сведения о первых пожалованиях говорят о них не как о правиле, но скорее как об исключении из правил. Появляются такие формы налогов, которые сохранили свое значение до настоящего времени. Это зафиксированные в исламском праве «закят» (налог с ремесла и торговли), «ушр» (налог с земли), «хумс» (пятая часть с военной добычи).

Стала складываться система землевладения и землепользования, остатки которой сохранились в Иране почти до середины XX в. Основная часть земель страны находилась в собственности государства. Эта земля обрабатывалась наследственными арендаторами, платившими налог непосредственно в государственную казну.

Распространение в этот период получили вакфы — неотчуждаемые земли мусульманских центров (мечетей, медресе и т.п.). Продолжала сохраняться категория земель, принадлежащих лично верховному правителю, приближенным к нему лицам. Вместе с тем начинает формироваться такая категория земель, как условно и безусловно частная, свойственная понятиям раннефеодального общества. Именно процесс их формирования оказался теснейшим образом связан с государственной властью, то поощрявшей частное владение, то сокращавшей степень безусловности владения землей.

С точки зрения эволюции земельной собственности в условиях мусульманского государства, наибольший интерес представляет трансформация *икта* как ленного пожалования. Владелец имения

мульк, в отличие от владельца условного пожалования, не обязан был нести государственной службы, мог завещать свою землю или продать ее вместе с находящимися на ней крестьянскими хозяйствами².

Наиболее известным идеологом усиления государственных функций, централизации государственной власти в экономической области, в том числе в собственности на землю, в сохранении *икта* только как условного владения, был персидский везир Сельджукидов Низам оль-Мульк (1017–1092). Его основные экономические и политические идеи были изложены в трактате «Сиясет-наме» (Книга об управлении)³. Низам оль-Мульк считал полезным для государства *икта* как необходимость «собирать законную подать добрым образом». По его мнению, владельцы *икта* должны по справедливости взимать налоги, не притеснять райатов и не нарушать их интересов. Если же они не будут соблюдать этих условий, то их следует лишать земель и наказывать в назидание другим. Конечно, нужно признать, что в принципе такая форма использования государственных земель может быть достаточно эффективной — но либо при достаточно жестком контроле государства, либо личной порядочности иктадара. Недаром идеи, выраженные в «Сиясет-наме», пользовались большой популярностью и в последующие времена⁴. Но при любом ослаблении центральной власти появляется возможность для владельца *икта* произвольно повышать налоги, своевольничать, расширять свои права в отношении крестьян.

Такая условность владения и пользования землей (с точки зрения уплаты налогов и несения дополнительных повинностей) не создавала заинтересованности в повышении производительности земли ни у обрабатывающих ее крестьян, ни у владельца *икта*.

Но даже в период наибольшей распространенности *икта* и достаточно строгого контроля за условностью его пожалования со стороны государства отчетливо прослеживалась тенденция к наследственному закреплению *икта*. И уже к концу XII в., когда Иран оказался под властью хорезмшахов, юридическое право на земли *икта*, как видно из указов хорезмшахов, было как бы узаконено⁵. Общемировая тенденция формирования института частной собственности на землю, хотя и вступала в противоречие со стремлением

иранского государства сохранить за собой как можно больше земельной собственности, с трудом, но находила себе путь.

В X–XI вв. сформировался тот тип города, который практически без изменений дошел до XIX и даже XX века. В городах распространение получила такая форма организации торгово-ремесленного сегмента городской хозяйственной и социально-религиозной жизни, как синфы⁶.

Хотя центр общественно-хозяйственной жизни города постепенно перемещался от цитадели правителя в сторону базара, организационная структура города, сущность его взаимосвязей с государственной властью и деревней осталась неизменной. Город по-прежнему оказывался в непосредственном подчинении правителя — как бы на положении условного икта.

Кроме синфов в городах появились крупные мастерские, которые принадлежали шаху, государству или отдельным представителям знати. Так, семье арабского землевладельца Расиби, владевшей округом Дур ар-Расиби в Хузестане, принадлежало 80 таких крупных мастерских, производивших плюш и другие шелковые ткани⁷.

Отделение ремесла от торговли происходило лишь в виде отделения от ремесла и сельского хозяйства оптовой торговли. Именно оптовая торговля выделила слой богатого иранского купечества, в руках которого сосредоточилась главным образом вся внешняя торговля страны. Оптовая торговля оказывала чрезвычайно большое влияние на экономическое развитие — и с точки зрения развития товарно-денежных отношений, и с точки зрения роста экономической инфраструктуры. Для оптовой торговли государство повсеместно строило караван-сарай, служившие и складами, и торговыми биржами, и гостиницами. Для них прокладывались дороги, строились колодцы. Так как оптовая торговля была наиболее прибыльным делом, к тому же обеспечивавшим определенную независимость в обществе, с ней теснейшим образом были связаны элитарные слои общества — правители, двор, бюрократия, духовенство.

Однако экономический подъем, который сопровождался совершенствованием государственного аппарата, налоговой системы, вызреванием новых форм собственности, вовлечением в экономическое развитие новых видов сельскохозяйственного и

ремесленного производства, расширением оптовой торговли и экономической инфраструктуры — дорог, мостов, базаров, караван-сараяв, кяризов, плотин — уже в середине XIII в. прерывается монгольским нашествием.

Едва успев «переварить» элементы арабской экспансии, главным из которых явилось принятие ислама, Иран столкнулся с новыми для себя типами социально-экономического, политического и военного устройства. На дальнейшую эволюцию элементов экономического развития оказал как этот аспект, так и непосредственное сокращение производительных сил, явившееся следствием массового истребления населения, увода его в плен, разрушения городов, лавок и мастерских, уничтожение посевов, ирригационных сооружений.

Знаменитый историк и политический деятель монгольского периода Рашид ад-Дин в своем трактате «Джами-ат-таварих» дает большой перечень городов Ирана, которые были разрушены вместе с близлежащими землями в результате военных действий. При монголах, пытавшихся распространить принципы своей военной организации и на структуру государственного аппарата, начало практиковаться регулирование цен. Вводилась принудительная продажа крестьянами своей продукции непосредственно в казну или местным представителям ильхана по ценам намного ниже рыночных.

Военно-организационная структура власти и всего монгольского общества неизбежно усиливала тенденцию к усилению роли и государственной власти, и государственной собственности.

Постепенно экономический спад был приостановлен, государственные доходы стали расти, хотя не смогли достичь и одной пятой их уровня до монгольского нашествия.

Но процесс консолидации общества и формирования на территории Ирана единой государственности вновь прерывается — завоеванием Тимура.

Иран вновь оказался в составе соперничающих между собой султанатов и представлял в XIV–XV вв. конгломерат военно-административных объединений, где правовые нормы значительно отличались друг от друга. Так как одни и те же области часто

переходили от одного правителя к другому, сменялись династии — видоизменялся характер взаимоотношений с местным населением — одна система налогов накладывалась на другую, что особенно тяжело сказывалось на населении и крайне негативно — на развитии производительных сил общества. Появилось большее разнообразие и в формах землевладения.

В начале XVI в. в Иране усилиями тюркских племен создается держава Сефевидов. В 1502 г. в Тебризе провозглашается шахом Исмаил Сафави, объявивший государственной религией шиизм, что фактически означало политическое отделение от халифата. Так как большая роль в установлении нового государства принадлежала тюркской и курдской военно-кочевой знати, именно она играла наибольшую роль в политической жизни державы по крайней мере на протяжении всего XVI в. Традиции этих племенных объединений также начинают оказывать свое влияние на формирование государственно-экономических институтов.

Формирование централизованного государства стало возможным благодаря политике Аббаса I, прозванного за это позднее Великим. Аббас I (1587–1629) стал опираться на те социальные слои, которые были заинтересованы в усилении государственной власти — на гражданскую бюрократию, которая традиционно состояла из персидских старинных родов. В усилении централизованной власти было заинтересовано и крестьянство, так как это избавляло его от произвола сборщиков налогов и податей. Все большее влияние персидских традиций на развитие институтов государственной власти выразилось и в перенесении столицы государства из Тебриза в города с преимущественно персидским населением — сначала в Казвин, затем в Исфаган.

Главным средством добиться умиротворения общества и повысить производительность труда сельских и городских работников стала щадящая налоговая политика. Одни налоги были снижены, другие временно или вообще отменены. Исфаган с близлежащими округами в 1600 г. был освобожден от всех податей на один год, а в 1613 г. — на 4 года. От поземельного налога были освобождены и землевладельцы и крестьяне, обрабатывавшие землю на условиях аренды. Налоговые льготы получили города и местности, наи-

более пострадавшие от военных разрушений. Все эти меры обеспечили шаху поддержку оседлого населения страны.

По примеру европейских стран и Турции шах Аббас I создает регулярную армию, что не только повысило боеспособность страны, но и ослабило политическую и военную роль военной тюркской знати, получавшей икта и тиули за несение военной службы.

Шах особое значение придавал торговле шелком, что отвечало общемировой тенденции. Но для этого нужны были условия в виде необходимой инфраструктуры. Возобновилась практика строительства дорог, в том числе мощеных, караван-сараев. В городах строились крытые рынки. Перед регулярной армией ставилась задача не только отражения внешней угрозы, но и обеспечения безопасности дорог, караванных путей. Вывоз шелка и транзитная торговля являлись главным источником доходов в казну. Поэтому в этот период шах всячески покровительствовал армянским купцам, надеясь с их помощью расширить связи с европейскими странами.

Размах строительных работ при шахе Аббасе I поражал воображение европейских путешественников, которые активно начали собирать сведения о восточных рынках. Период правления Аббаса I считается временем расцвета Сефевидского Ирана. Импульс, полученный в результате политики Аббаса I, обеспечил стране поступательное развитие почти до конца XVII века.

Показателем экономического подъема, переживаемого в XVI–XVII вв., стала активизация городской жизни Ирана. Посещавшие страну европейцы восторженно писали о бурлящих торговой деятельностью ремесленных кварталах, о качестве и разнообразии выпускаемой продукции, а знакомясь непосредственно с производством, не акцентировали своего внимания на его отличиях от европейского. А это может свидетельствовать только о том, что отличный, по крайней мере на уровне самого производства, было немного⁸.

Если внутренняя структура городских хозяйственных организаций и напоминала европейскую, то структура взаимоотношений синфов с городскими властями была более жестко организована. Главным отличием было то, что синфы, как и шахские кархане, находились в самой непосредственной зависимости от шахской власти.

Независимость западного города, появление в деревнях соперничавших с городскими цехами производств, развитие конкуренции как элемента производственных отношений, — способствовали тому, что европейское производство оказалось в большей степени, чем восточное, способным на внедрение технических инноваций. Это стало одним из условий, подготовивших в Европе промышленный переворот, а в иранском городе при похожести цеховых объединений и форм промышленного производства сколько-нибудь значительных технических инноваций не происходило. Так, например, единственное, что отметил Шарден из технических достижений самой развитой отрасли иранской промышленности — шелковой, — это специальные приспособления для размотки шелка.

Таким образом, централизация государственной власти в сочетании с разумной налогово-финансовой политикой, поощрявшей развитие экспортного сельского хозяйства, ремесла и внешней торговли, привела к экономическому подъему, совпавшему, как и ранее, с экономическим подъемом в европейских странах. Но это стало, к сожалению, последним совпадением. Сефевидский Иран стал, пожалуй, показателем довольно высокого уровня развития восточного хозяйства как азиатского способа производства. Он, возможно, и превышал уровень развития европейских стран, особенно в начале и середине XVII в. по степени развития производства, экономической инфраструктуры, по уровню образования и культуры. Последние Сефевиды, достаточно знакомые с политикой европейских монархов, не использовали одно из главных ее направлений, позволивших ослабить европейское производство от экспансии восточных, в том числе и иранских тканей. Выбирая между интересами купечества, заинтересованного в ввозе восточных, более качественных товаров, и между владельцами текстильных мануфактур, монархи европейских стран, и в первую очередь Англия, предпочли интересы последних, установив высокие пошлины. Последние Сефевиды, нуждаясь в деньгах для подавления волнений и отражения внешних захватов, наоборот, делали все для снижения заинтересованности в повышении производства — как у сельских жителей, у ремесленников, так и у собственных купцов, вводя высокие налоги и разрешая беспошлинную торговлю европейским купцам.

С конца XVII в. страна вступила в период экономического и затем политического кризиса. Прозорливый Артемий Волинский, придававший большое значение роли монарха, писал Петру I о шахе Султан Хоссейне, что «о деле часа одного не хотят говорить... как попало на ум, так и делают безо всякого рассуждения; от этого так свое государство разорили, что, я чаю, и Александр Великий в бытность свою не смог войною так разорить. И чаю, что сия корона к последнему разорению приходит...»⁹

Почти век продолжалась борьба за иранский престол. Приходившие к власти правители не привнесли принципиально новых факторов, которые могли бы ускорить экономическое развитие. Вновь главным инструментом были попытки сконцентрировать все рычаги управления экономикой в одних руках (при Керимхане Зенде во многих городах даже были введены твердые цены).

В то время как Европа вырабатывала и осваивала новые импульсы экономического развития, которые оказались более продуктивными, чем создали другие цивилизации к этому времени, в Иране подгнивались и разрушались те, которые только столетием раньше позволяли европейцам считать Иран экономически развитой страной.

Решающим веком, который выявил способность экономических структур различных стран воспринять результаты технической революции и войти в общее формационное русло развития, явился XIX век, в который Иран вступил с новой династией и вновь обретенной государственностью. В 1796 г. в Тегеране шахом Ирана был провозглашен Ага-Мохаммед Каджар, а Тегеран стал столицей нового государства (фактически в его нынешних границах).

Создание централизованного иранского государства к началу XIX в. и расширение связей с Западом гипотетически предоставили возможность уменьшить роль государственной власти в экономике, но этого не произошло ни в XIX в., ни в XX в. Попытки ускорения экономического развития страны с XIX века связаны, главным образом, с инициативами государственной власти модернизировать отдельные элементы экономической структуры, используя европейский опыт. Так, в начале XIX в. наследник каджарского престола, валиахд (правитель) Азербайджана, стал проводить военную реформу, юридическим отражением которой

стало заключение соответствующих статей договоров с Францией и Англией. Это было первой попыткой модернизации одного из сегментов государственной структуры с помощью европейских специалистов и европейской техники. Будучи человеком предприимчивым, образованным и умным, Аббас-мирза правильно оценил неудачи иранской армии как следствие ее технической и организационной отсталости и начал создавать регулярную армию по европейскому образцу. Кроме этого, для ее обслуживания были созданы предприятия по производству обмундирования, пороха, оружия, ремонту военного снаряжения. В Тегеране и Тебризе, где находилась его резиденция и где до его смерти в 1833 г. сосредотачивалась наиболее просвещенная часть иранской элиты, были построены арсеналы, где, по свидетельству современников, действовала четко налаженная система хранения, учета, ремонта и даже изготовления оружия. В Тебризе в арсенале под наблюдением английских специалистов было налажено производство орудий по образцам, привезенным из Индии. Мастерские по литью пушек и ядер были созданы в Тегеране, Тебризе, Энзели и Амале¹⁰.

В Исфахане специалистами, прибывшими в Иран в составе миссии Жардана, был построен современный завод (кархане) по литью пушек¹¹. Ш. Иссави приводит сведения о том, что персидский посол в Англии получил инструкции о приглашении в Иран специалистов по работе с металлом, стеклом, текстилем, для двух рудников. Была завезена в Иран и паровая машина¹².

Иранская армия в результате реформ Аббаса-мирзы смогла одержать победу над турецкой, но в столкновениях с русской потерпела поражение. После смерти Аббаса-мирзы процесс «европеизации» армии и обслуживающих ее производств постепенно приостановился — до появления следующего реформатора. Построенные по инициативе Аббаса-мирзы предприятия пришли в упадок. А главное, что начинания Аббаса-мирзы не стали стимулом для выработки экономической политики, которая могла бы инициировать развитие собственных производств, особенно в условиях усиливающейся торговой экспансии Запада.

Усиление проникновения европейских товаров в Иран уже в 30–40-е гг. XIX в. вызвало недовольство иранских купцов, кото-

рые стали обращаться к шаху с петициями по поводу необходимости ограничить ввоз иностранных товаров. Иранский купец традиционно тесно связан с ремеслом, гораздо теснее, чем это было на Западе. Как говорилось выше, базар был центром хозяйственной жизни иранского города (да и сейчас им остался). Помимо розничной торговли базар — средоточие оптовой торговли, которая абсорбировала продукцию внутреннего производства, особенно крупных предприятий. Купцы, как правило, являлись и организаторами работ владельцев мелких лавок по принципу рассеянной мануфактуры, а также собственниками крупных заведений. Казалось бы, что иранское купечество должно было быть больше заинтересовано в закупках импортных более дешевых и качественных товаров, чем в поддержании традиционных производств, но еще в 30-х годах XIX в. это было не так. То, что иранское купечество неоднократно пыталось добиться от шаха протекционистской политики, косвенно свидетельствует о том, что в 30–40-е годы иранский капитал был в достаточной степени заинтересован в развитии местной промышленности. С петицией на имя шаха с просьбой ограничить ввоз из-за рубежа промышленных товаров обратились в 1844 г. купцы Кашана, в 1848 г. — купцы Тебриза¹³. До середины XIX в. иранская традиционная промышленность еще сохраняла уровень, достаточный для внутреннего рынка. Кроме импульса в виде растущих потребностей внутреннего рынка и возможностей импорта европейских машин, развитию местных отраслей мог благоприятствовать и высокий уровень товарно-денежных отношений. Мы оставляем за пределами темы данной статьи различие взглядов на роль товарно-денежных отношений, отметив, что для Ирана, как и других восточных обществ, уровень их развития был выше, чем в феодальной Европе. Безусловно, что этот уровень был обусловлен внеэкономическим отчуждением и не сыграл роль той питательной почвы, на которой выросли рыночные отношения европейского типа. Но и преуменьшать значения этого фактора нельзя. При всем отличии взаимоотношений города и деревни на Западе и на Востоке и ограниченности товарных связей города с иранской деревней, они существовали и развивались. Иранская деревня в отличие от, например, индийской,

не создала полного цикла самообеспеченности, и городские базары — это базары и для сельского населения. Но если для западного типа экономики наиболее существенным было развитие связей между городом и деревней, то для восточной экономики таким же важным является развитие товарно-денежных отношений в самой городской системе, учитывая, что в городах Ирана было сосредоточено до трети оседлого населения страны.

Попробуем определить уровень товарно-денежных отношений в Иране, исходя из численности населения, его потребностей и доходов.

Наиболее приближенной к действительности является оценка населения в 4,4 млн человек, в т.ч. кочевников — 1,7 млн, оседлых крестьян — 1,7 млн, городских жителей — 1,0 млн. Уровень городского населения свыше 22% уже подразумевает достаточно высокую степень товарности. Государственные доходы Ирана в это время оценивались в 1,7 млн фунтов стерлингов, но часть налогов поступала в натуре — для нужд армии. Эта доля поступлений оценивалась в 220,3 тыс. ф.ст. В это время, как отмечал И. Бларамберг, в регулярной иранской армии насчитывалось 110 тыс. чел, но фактически не было и трети. Это дает нам возможность рассчитать расходы на продовольствие в год на одного солдата/офицера, исходя из фактического состава — это порядка 4–6 ф.ст., и эту сумму можно вполне корректно считать минимальной покупательской продовольственной корзиной. Эти цифры корреспондируются и со сведениями французского консула в Азербайджане о зарплате рабочих мастеров — от 15 до 50 ф.ст. и неквалифицированных рабочих — от 5 до 6 ф.ст., половина которых уходила на покупку продовольствия. Даже исходя из минимальной оценки затрат, горожане тратили на закупку продовольствия не менее 3–6 млн ф.ст. Сравним эту цифру с объемом внешнеторгового оборота (в 1830 г. он составлял 2 млн ф.ст., а в 1857-м — 6 млн ф.ст.)¹⁴ Как мы видим, объемы внутреннего и внешнего рынка — одного порядка, и говорить об «искусственности» высокого уровня товарно-денежных отношений можно лишь в плане отношений город-деревня. Сведения о доходах крестьян позволяют предположить и достаточно высокий уровень не только продажи ими продукции, но и закупок промышленных товаров.

Так, по сведениям английского консула в Реште, доход крестьян составлял в Гиляне от 5 до 9 ф.ст. (а индийского всего 2 ф.ст.)¹⁵. Таким образом, объем иранского рынка мог обеспечить условия для развития национальной промышленности.

Но никаких мер против наплыва иностранных товаров правительством не было предпринято. С конца 30-х годов не только традиционные ремесла, особенно производство шелка и ситца, бывшие главными предметами экспорта в Европу и другие страны, стали сокращаться, но и сами иранские купцы — все более вытесняться из сферы внешней торговли иностранными торговцами или переориентироваться на перепродажу импортных товаров на внутреннем рынке. Традиционная восточная экономика, соприкоснувшись с внешнеторговой экспансией, не могла не испытать ее расшатывающего воздействия. В то же время она не могла не попытаться усовершенствовать и свою систему. Отражением этих двух тенденций стали бабидские восстания и реформы Мирзы Таги-хана в середине XIX в.

Такие положения учения бабидов, как требование безопасности личности и неприкосновенности собственности, соблюдения тайны торговой переписки, введения единой денежной меры, признания права взимать ссудный процент (что в дальнейшем неизбежно должно было трансформироваться в возможность законного получения процентов на ссудный капитал, чего не допускает ортодоксальный шиизм), признание ведущей роли в обществе за торговцами и ремесленниками, — несомненно, отражали объективную потребность в обеспечении условий для ускорения экономического развития иранского общества. Конечно, эти положения выкристаллизовывались постепенно, трансформируясь в бехаизм, последователи которого стали в XX в. самыми крупными предпринимателями и даже политическими лидерами Ирана (как, например, премьер-министр 60–70-х годов Ховейда).

Совсем по-протестантски, так изменившим отношение европейского индивида к труду, звучат слова Бехауллы, основателя бехаизма, о необходимости трудиться и богоугодности труда. «О люди Баха, каждому из вас обязательно занятие каким-либо делом, или ремесленным, или промышленным и тому подобным... Не терять-

те времени вашего попусту и в праздности. Занимайтесь тем, что приносит пользу вам и другим»¹⁶.

В отличие от шиизма, запрещающего получение ссудного процента, Бехаулла во «Всходах», написанных в дополнение к Китабе Акдес, утверждал, что «если не будет... процента, дела не пойдут успешно... поэтому мы установили... процент подобно другим сделкам, которые практикуются среди людей. Иначе сказать, денежный рост... считается разрешенным, угодным и чистым». А воспитываемое государственной властью некоторых европейских стран отрицательное отношение к нищенству и попрошайничеству бехаизм возводит в религиозную норму, говоря, что «самые ненавистные для Бога те, которые сидят и просят... Кто же попрошайничает—запрещено давать ему». Для тех, кто не в состоянии самостоятельно зарабатывать себе на пропитание, бехаизм предусматривает оказание помощи со стороны общины или отдельных богатых бехаитов.

Бехаизм отменил те положения шариата и Корана, которые в значительной степени отделяли мусульманские народы от европейских на бытовом уровне, разрешив носить все меха, слушать музыку, охотиться с собаками, носить шелковые одежды, использовать золотую и серебряную посуду, отменил обязательное ношение оружия и вообще джихад. Это можно считать совершенно осознанным шагом для облегчения восприятия европейского опыта и необходимости такого восприятия, судя по словам Бехауллы: «Ныне солнце ремесел появилось с горизонта неба Запада, река талантов потекла из моря той стороны»¹⁷.

Бабизм, а затем и бехаизм стали отражением столкновения в XIX в. восточной системы, уже достигшей в своем развитии достаточно высокого уровня, и молодой набирающей силу формационной системы Запада. Гипотетическая возможность влияния идеологии бехаизма на дальнейшее развитие Ирана была. После смещения в 1851 г. Таги-хана с поста великого везира на его место был назначен дядя Бехауллы, который предпринимал настойчивые попытки примирить с ним шаха и его двор. Английские и русские дипломаты также считали такой исход наиболее перспективным для развития отношений с Ираном. Однако после предпринятой

группой бегаитов попытки покушения в 1852 г. на жизнь Насреддин-шаха Бехаулла был сначала арестован, а затем выслан из страны. Движение было подавлено, и хотя бехаизм всегда рассматривался государственной религией в качестве одного из злейших врагов, иранское духовенство не могло игнорировать необходимости ослабления запретительной практики шариата на бытовом уровне. Главным последствием движения было то, что оно внесло свой вклад в осознание необходимости институтов личной неприкосновенности и частной собственности. По мнению некоторых иранских ученых, бабидское движение оказало значительное влияние на восприятие Ираном необходимости присоединиться к европейскому типу развития¹⁸. Возможно, что не случайно развитие этого движения совпало по времени с началом реформаторской деятельности Таги-хана. Став в 1848 г. первым министром Насреддин-шаха, Таги-хан смог всего за три года своей деятельности оставить незабываемый след в истории и памяти народа. Его реформы привлекали внимание идеологов самых разных направлений — и ориентировавшихся на европейские образцы развития, и пробующих сохранить традиционные формы жизни. В большинстве исследований Таги-хан предстает деятелем, ориентировавшимся в основном на усвоение новых тенденций развития. И это действительно так, так как проведение реформ он начинает, несомненно, под влиянием турецких реформ — Танзимата, в свою очередь вызванных необходимостью адаптации к европейским влияниям.

Но и интерес к нему одного из современных иранских лидеров Акбара Хашеми Рафсанджани, написавшим еще в 60-х гг. книгу «Амире Кабир йа кахрамане мобарезе ба эстемар (Амир Кабир — герой борьбы с колониализмом)», который, будучи в 1989–1997 гг. президентом Исламской республики Иран, стал инициатором проведения экономических реформ, тоже вполне закономерен.

Одним из главных направлений реформ Амир Кабира, или Таги-хана, стало продолжение его работы, начатой еще в период Аббаса-мирзы по реорганизации армии и ее материальной базы. Таги-хан ввел обязательное воинское обучение, в 1851 г. был принят первый, во всяком случае письменный, военный устав, составлен-

ный по европейскому образцу. Это были первые шаги по упорядочению государственной системы, законодательного оформления отношений между государством, армией и населением. Были приняты меры по улучшению работы арсеналов, построенных Аббас-мирзой, по расширению действовавших и строительству новых предприятий по изготовлению оружия. В 1851 г. в Тегеране была открыта мастерская по производству пушек, в Мехране — по производству пороха. Так как возник спрос на военное обмундирование, были предприняты меры по организации текстильных производств, включая прядильные, ткацкие и швейные. На государственных землях Мазендерана специальным указом предписывалось увеличить посеы хлопчатника, необходимого для работы текстильной фабрики в Мазендеране, откуда армия уже в 1851 г. получила 2 тыс. комплектов оборудования. В дальнейшем предполагалось довести ежегодное производство только в этой провинции до 15 тыс. комплектов, а в Тегеране и Исфагане — до 50 тыс. единиц летнего армейского оборудования¹⁹. Для обеспечения армейских нужд Таги-хан открыл 15 фабрик, многие из которых были оснащены европейским оборудованием. Большинство из них находилось в Азербайджане²⁰.

Но военная реформа была лишь частью преобразований Мирзы Таги-хана. Главное содержание его экономической политики — это государственный протекционизм, направленный на защиту и на ускорение национального производства. Таги-хану принадлежит заслуга в том, что, проводя комплексно различные мероприятия — от посылки на учебу за границу молодых иранцев до попыток проведения централизованной бюджетной политики, — он, пусть и не совсем удачно для своих реформ, создал как прецедент возможность проведения целенаправленной экономической политики.

Таги-хану удалось сбалансировать бюджет, который к моменту его прихода к власти имел 50% дефицита. Из числа мероприятий общего характера, которые стимулировали оживление государственной и частной предпринимательской деятельности, необходимо выделить дорожное строительство, охрану дорог, развитие почтовой связи, благоустройство городов, попытки упорядочить денежное обращение, развитие экспортных отраслей, повышение

пошлин на импортируемые товары. Правительство стало предоставлять помощь крестьянам для того, чтобы скорректировать производство нужной продукции, размеры налогов. Например, налоги были снижены с крестьян Хузестана и Мазендерана при условии, что эти средства будут вложены в расширение посевов сахарной свеклы. Выделялись субсидии для открытия новых производств, особенно суконных мануфактур.

Большинство из этих предприятий строилось на средства государства и ему принадлежало. С деятельностью именно Таги-хана связано возникновение государственного сектора в экономике Ирана в его современном понимании. По инициативе Таги-хана в середине XIX в. начали функционировать хорошо оснащенные предприятия по производству военного снаряжения, обмундирования, колесных экипажей, самоваров, тканей, одежды, была основана типография и пр. Большое значение придавалось Таги-ханом и развитию частного предпринимательства в современных формах с тем, чтобы национальные производства могли составить конкуренцию импортным товарам. Под покровительством Таги-хана или даже по его инициативе были построены сравнительно крупные частные фабрично-заводские предприятия по производству сахара, стекла, ситца, шелка, железа, бумаги. Для ознакомления иранцев с европейским опытом хозяйствования посылались мастера и ученики в страны Европы.

Но отчетливо понимая необходимость усвоения западного опыта, Таги-хан одновременно пытался повысить и эффективность традиционной системы, пытаясь на практике добиться синтеза восточных и западных систем. Он принял ряд мер по развитию не только фабрично-заводского, но и ремесленного производства. И действительно, новые потребности армии, например в погонах, вызвали к жизни новое ремесленное производство позументов, получившее поддержку Таги-хана. Он строит караван-сарай, базары, содействует развитию организационной структуры и укреплению синдков. Совпадение по времени широкого строительства традиционной экономической инфраструктуры в виде караван-сарая, базаров и пр. с потребностью перехода иранского ремесла на более высокую ступень — при отсутствии условий для развития национального

предпринимательства в форме мануфактур и фабрик — в определенной мере могло повлиять на обращение к этим традиционным институтам как своеобразным формам национального предпринимательства²¹.

Чтобы защитить национальное промышленное производство, Таги-хан берет курс на отмену концессий как на юге, так и на севере, запрещает иностранным гражданам приобретать землю в собственность, принимает все меры, чтобы ослабить личное влияние на шаха и губернаторов областей представителей России и Англии. Такое новое направление внешней политики, которая ставит целью установить равновесие политического влияния иностранных держав путем сокращения связей с ними или непредставления никаких привилегий никакому государству, некоторые иранские ученые называют политикой «негативного равновесия», которая затем проявится в период Реза-шаха и в исламской республике²².

Деятельность Таги-хана можно рассматривать как попытку ускорить экономическое развитие страны путем внедрения капиталистических форм предпринимательства с использованием достижений европейских стран и защиты тех традиционных элементов, которые по убеждению реформатора, еще не исчерпали своих потенциальных возможностей. Этот период можно совершенно четко обозначить как период сильного государственного вмешательства — и путем регулирования, и путем создания госсектора.

По существу, реформы Таги-хана создавали гипотетическую возможность для Ирана, сделав экономический рывок, присоединиться к группе стран «второго эшелона капитализма», в которых капитализм смог получить развитие при активном вмешательстве государства.

Однако три года деятельности Таги-хана оказались недостаточными, чтобы существенно повлиять на ход экономического развития. В первую очередь это коснулось предприятий фабрично-заводского типа, которые в отсутствие государственного протекционизма были вынуждены закрываться, что и произошло со многими частными предприятиями, возникшими в 50-е гг. после отставки Таги-хана. Аналогичное положение сложилось и с государственными предприятиями.

Падение Мирзы Таги-хана (а затем его убийство в 1852 г. в Кашане), фактически означавшее отказ и от дальнейшего углубления реформ, объясняется многими причинами — слабой личностью шаха, вмешательством соперничающих в Иране держав, неподготовленностью иранского общества. Отказавшись от продолжения реформ, иранская система показала свою неспособность к ускорению развития на самостоятельной основе. Начался затяжной период освоения элементов нового формационного порядка. Особенно трудным оказалось формирование институтов частной земельной собственности в условиях господства издольной аренды.

Оценка многими советскими иранистами шахского указа 1843 г. о праве собственности на землю как официального признания частной собственности, мягко говоря, завышена. Ведь по этому указу объявлялось, что право собственности на землю имеют в равной степени и государство, и крестьяне. Купля-продажа земли могла быть произведена только с согласия крестьян, которые эту землю обрабатывают. На наш взгляд, указ скорее подтверждал сложившуюся традиционную практику землевладения и даже, наоборот, ограничивал право покупки и продажи, т.е. право безусловности владения.

Но постепенно тенденции к эволюции форм земельной собственности усиливались, в том числе под влиянием внешнеэкономических причин. Возможность повышения товарности сельскохозяйственной продукции, которая стала преобладать в экспорте, повысила и заинтересованность в юридическом закреплении земли в частную собственность. В сознании правящих кругов и общества также проникает осознание уязвимости диктата государственной собственности на землю, которая привела восточное общество к такому экономическому отставанию от западных стран, которое сделало возможным их колониальное завоевание.

В середине века набирает силу тенденция к закреплению земель в собственность явочным порядком, а во второй половине XIX в. она получает и законодательное обоснование. Каджары, постоянно нуждаясь в деньгах, сами во многом способствовали этому процессу. В 1887 г. шах издал специальный фирман о продаже государственных земель. В 1888 г. шах издает фирман об ох-

ране жизни и имущества подданных и свободе промышленной и торговой деятельности. В нем отчетливо видно понимание необходимости гарантий защиты имущества, с тем, чтобы подданные могли «составлять общие капиталы, организовывать компании для устройства фабрик и заводов, постройки дорог и вообще всякого рода предприятий, имеющих целью распространение цивилизации и увеличение благосостояния»²³. Правда, гарантом этого выступал не закон, а шах, как было сказано в фирмане.

Необходимо отметить и укрепление позиций вакфного землевладения, особенно со второй половины XIX в. Помимо этого духовенство стало и в рамках вакфной собственности, и личной переводить свои хозяйства на производство продукции, пользующейся спросом на внутреннем и внешнем рынке. Наиболее крупные плантации табака, например, находились в руках вакфов и лично духовенства. Вакфы стали вести активную торговую деятельность, выступая как саррафы (менялы), создавая компании различного типа. Таким образом, несмотря на сложные отношения духовенства с Каджарами, а может быть, именно благодаря им, духовенством стал создаваться реальный центр силы, концентрирующей идеологическое и экономическое могущество, опирающееся на нормы шариата. Даже с юридической точки зрения, только духовенство обладало иммунитетом неприкосновенности, используя такой институт как бест. Движение против Табачной монополии, вошедшее в историю как первый мощный протест против английских колонизаторов, можно оценивать как успешную пробу сил иранского духовенства, как результат возникновения нового силового центра. Тесно связанное взаимными интересами с купечеством и землевладельцами — собственниками табачных плантаций, духовенство инициировало, а затем и возглавило это движение, издавая соответствующие фетвы и используя городские базары крупнейших городов. Прекратив работу, базары фактически парализовали жизнь Тегерана, Тебриза, Исфагана. Причем духовенство, противостоящее традиционному силовому центру — монархии, опирающейся на государственную собственность и власть, проявило себя именно как силовой центр в условиях появления совершенно новой силы — иностранного капитала.

Решающую роль сыграло духовенство и в иранской революции 1905–1911 гг., явившейся попыткой разрешить целый клубок различных противоречий иранского общества. При всем различии позиций различных групп духовенства в период этой революции их объединяло требование ограничить личную волю шаха законом. Столкновение двух разных формационных обществ, наложенное на противоречия на иранском рынке европейских стран при отсутствии сколько-нибудь отчетливо выраженного экономического курса правительства, не смогло создать условий для взаимовыгодных экономических новаций. За все XIX столетие, пока шло постепенное накапливание европейского опыта, делались попытки повышения собственного потенциала, используя традиционные структуры, государство не смогло обеспечить даже законодательные основы для деятельности новых и старых экономических структур, их взаимосвязей с мировым хозяйством. Столь же аморфной была и политическая структура, целиком зависящая от личной воли шаха, а главное — от влияния на него разнонаправленных по своим интересам слоев общества.

Именно личная воля монарха и личное влияние на него давали результаты в виде фирманов, которые фактически представляли собой итоги постепенного осознания необходимости изменения государственной структуры и самой роли государственной власти в изменившемся мире. Все более и более проявляющаяся отсталость Ирана от европейского мира вовсе не означала того, что в его обществе не формировались идейные течения, активно ищущие ответа на проблемы развития. Одним из ярких проявлений такого поиска путей повышения экономического потенциала страны является деятельность Мирзы Мальком-хана (1833–1908), который вслед за Таги-ханом как бы продолжил тенденцию реформаторства путем личного участия в государственных делах или личного влияния на шаха. Однако в отличие от Таги-хана влияние Мальком-хана на экономическое развитие базировалось не столько на его непосредственном участии в проведении или подготовке мероприятий, постановлений, соглашений и т.д., сколько на его концепциях государственного и экономического устройства. Получив образование во Франции, Мальком-хан возвращается в

Иран в 1855 г., то есть в период свертыwania реформ Таги-хана. К этому времени у Мальком-хана уже вызрели или даже были оформлены несколько вариантов его трактатов, в которых излагалась совокупность социально-экономических реформ. В 1858 г. была готова окончательная редакция «Дафтаре танзимат» (Книга реформ) — программа реформирования структуры государственной власти. Мальком-хан считал наиболее приемлемым для Ирана государственным строем конституционную монархию, и им впервые было разработано понятие разграничения исполнительной и законодательной власти. Возможно, не без влияния идей Мальком-хана стало возможным появление указа о создании Совета Министров в 1858 г., как первого шага на пути модернизации государственного аппарата. Пребывание в Стамбуле в 1863–1871 гг. дало возможность Мальком-хану ознакомиться с опытом проведения второго этапа реформ в Турции. В 1871 г., когда Хосейн-хан Сепехсалар назначается первым министром шаха, Мальком-хан вместе с ним возвращается в Иран, пытаясь донести до государственной власти свое видение реформ. Интересно в этом отношении такое высказывание Мальком-хана: «Иран должен встать на путь современного развития и прогресса, промедление в этом направлении для Ирана подобно смерти. И вместе с тем я всегда твердил, что принципы прогресса, не покоящиеся на нормах шариата, бесплодны и мертвы»²⁴. Синтезом изучения достижений европейской мысли и практики и состояния иранского общества стала своеобразная концепция Принципов цивилизации и прогресса, изложенная в трактате «Усуле тамаддон», написанном им в Лондоне в 1875 г., которая оказала большое влияние и на развитие иранской буржуазной идеологии, и на практику государственной власти. Главным в этой концепции было признание того, что центр цивилизации переместился сейчас на Запад, и что другого пути для возрождения Ирана, кроме принятия и освоения достижений Запада, нет и не может быть. Чтобы смягчить горечь такого утверждения, Мальком-хан говорил о необходимости вестернизации как о временном факторе с точки зрения истории, напоминая, что Иран был одним из главных очагов мировой цивилизации, и Запад возвращает Ирану то, что было им заимствовано ранее. В 70–80-е

гг. XIX в. Мальком-хан получил возможность оказывать непосредственное воздействие на выработку социально-экономической политики. В 1871 г. ему присвоен титул «Незам оль-Молька» (опора государства), в 1878 г., после участия в Берлинском конгрессе, — титул шахзаде(принца), в 1880 г. — «Незам од-Доуле» (опора власти). Активный сторонник ориентации на западный путь развития, предоставления концессий иностранцам на всевозможные области и отрасли иранской экономики, Мальком-хан явно отдавал предпочтение английскому влиянию, считая, что ориентация на английский капитал в наибольшей степени будет способствовать модернизации Ирана. В 80-е гг. им подробно разрабатываются практические предложения по составлению законодательства страны, которые хотя и не получили практического отражения при его жизни, но были использованы первым иранским меджлисом²⁵. Несомненно, что не без влияния Мальком-хана принимается закон 1888 г. об охране личности и частной собственности.

Осознание необходимости освоения Ираном достижений европейской цивилизации ясно прослеживается также в мировоззрении Абдоррахама Талибова. Талибов, отмечая, что «силой и мощью современной эпохи являются наука и промышленность», а Иран лишен этих достижений современного человеческого разума, считал, что одним из наиболее эффективных способов освоения этих достижений является качество государственной власти²⁶. Правительство, по его мнению, должно всячески поощрять деятельность национальной буржуазии и частных предпринимателей, которые способны к активной промышленной и финансовой жизни. Условием, при котором могут создаваться и действовать такие правительства, должна быть конституционная монархия. В ней он видел и гарантию того, что использование иностранного опыта не разрушит национальные традиции, гарантию самостоятельного с точки зрения интересов государства и общества развития Ирана.

Эта тенденция усиления централизованной власти путем создания конституционной монархии стала получать все большее распространение после победы Японии над Россией. Иранские общественные деятели увидели пример превращения азиатской страны с помощью европейских заимствований в сильную державу.

К концу XIX в. влияние на экономическое развитие страны такого внешнего фактора, как иностранный капитал, стало решающим. Основной формой проникновения иностранного капитала в Иран со второй половины XIX века стали концессии. В условиях законодательного вакуума концессия стала наиболее удобной формой деятельности иностранного капитала — как для иранского правительства, так и для концессионера, который подобно откупщику становился организатором всего дела. Но в отличие от феодального откупа права на концессию были оформлены на правительственном уровне, путем подписания специальных соглашений.

Конечно, выдача концессий ограничивала сферу деятельности местного нарождающегося предпринимателя, особенно если она давалась на длительный срок. Но с другой стороны, именно долгосрочность концессии объективно заставляла ее владельца применять высшие формы предпринимательской деятельности, которые обеспечивали эффективную отдачу в течение длительного периода. Таким образом, иранское общество получало возможность непосредственного ознакомления с передовыми формами предпринимательской деятельности.

Первыми и наиболее крупными концессиями в Иране стали английские — телеграфная, на судоходство по реке Карун, на открытие Шахиншахского банка и, наконец, концессия 1901 года на нефть. Из русских концессий наиболее известными были концессии на открытие Учетно-ссудного банка, дорог, рыбные промыслы²⁷. Благодаря иностранному капиталу в Иране стала создаваться современная экономическая инфраструктура. Постройка телеграфных линий, организация пароходного сообщения, постройка дорог, фабрик по производству разных товаров и по добыче полезных ископаемых, — увеличивала производственные силы страны, способствовала повышению уровня товарно-денежных отношений, урбанизации, подготовки индивида к новым условиям работы, развитию обмена между городом и иранской деревней, специализации отдельных регионов.

Но проникновение иностранного капитала, и особенно борьба между Россией и Англией за влияние в Иране, одновременно и тормозили процесс освоения тех импульсов, которые получила иранская экономика от соприкосновения с европейским капита-

лизмом. Все попытки самостоятельно развивать или выбирать то, что отвечало бы интересам страны, встречали противодействие не только традиционных сил, но и соперничающих Англии и России. Особенно упорным было противодействие в тех отраслях и на тех направлениях, которые бы в перспективе могли создать конкурентов русскому или английскому капиталу. Так получилось, например, со строительством многих фабрик, так получилось и со строительством железных дорог. Из-за бесконечных противодействий Англии и России по поводу строительства железных дорог возникла исторически уникальная, с точки зрения здравого смысла, ситуация, когда проблема была решена подписанием соглашения в 1890 г. о не строительстве железных дорог. Их постройка была заморожена на 30 лет. Показательно в этом отношении письмо иранского шаха русскому поверенному в 1888 г. Он пишет: «...Никакое государство не находится в таком положении, в каком очутилась Персия. Англия и Россия зорко следят за каждым нашим действием. Всякие меры, принятые нами на юге для благосостояния и процветания края, как, например, проведение дорог, вызывают протесты Российского правительства. Когда же мы приступаем к проведению дорог в северных, западных, восточных частях Персии, то англичане говорят, что это делается в интересах России. Мы желаем проводить дороги, строить фабрики, заботиться о процветании и благосостоянии наших владений и наших подданных»²⁸. Но как бы ни жаловался шах на противодействие России и Англии, главным препятствием на пути создания и дорог и фабрик было отсутствие у самого шахского правительства целенаправленной экономической политики.

Позиции первых отечественных предпринимателей были слабы, а государство не стало защитником их прав. А ведь даже в период победного шествия иностранного капитала на иранском рынке иностранные компании действовали под сильным покровительством своих правительств. Более того, большинство из английских компаний и концессий становились государственными, чтобы иметь возможность политического давления на иранское правительство. Планы ряда английских концессий были разработаны в министерстве иностранных дел, а затем предложены английским финансистам и

промышленникам для их осуществления. В некоторых случаях правительство гарантировало возмещение возможных убытков.

Например, первоначальные расходы по освоению реки Карун взяло на себя английское правительство. Успех банковской концессии во многом был предопределен выданной Шахиншахскому банку королевской хартией Англии от декабря 1889 г.²⁹ Предприятие, которое получало хартию, по статусу считалось государственным. Руководство банка стало назначаться казначейством, банк находился под юридической защитой английского правительства. Весьма показательно, что по ст. 8 хартии банку предоставлялось право препятствовать учреждению в Иране компаний, опасных для английской промышленности, что банк с успехом и делал. Таким образом, не в свободной конкурентной борьбе с компаниями других стран, а с помощью всей государственной машины английский капитал завоевывал необходимые ему рынки.

Аналогичная ситуация сложилась и с нефтяной концессией. Вскоре после того, как была создана «Англо-Персидская компания», английское правительство получило право на более чем 50% голосов этой компании.

Такой же практики старалось придерживаться и правительство России. Вскоре после концессии на Шахиншахский банк персидское правительство выдало концессию Я.С. Полякову на открытие русского Учетно-ссудного банка сроком на 75 лет, начиная с апреля 1890 г. Русский банк также освобождался от всякого рода налогов, сборов и т.п. И уже в 1901 г. банк выкупается у Полякова русским правительством.

Именно отсутствие целенаправленной государственной политики стало одной из причин того, что Иран не смог сколько-нибудь успешно противостоять ни политически, ни экономически Англии и России и в 1907 г. оказался поделенным на зоны их влияния.

Конституционное движение в Иране явилось результатом столкновения самых различных взглядов на пути и методы развития Ирана в новых условиях развития. Результатом первой иранской революции стало рождение в Иране конституционной монархии, меджлиса и Конституции. Конституция закрепила право за меджлисом окончательного решения вопросов, касающихся фи-

нансовых основ государства — налогового обложения, бюджетной политики, передачи или продажи государственного имущества, предоставления концессий, предоставления монопольных прав иностранным и иранским подданным (статьи 18–26)³⁰. Надежды иранского общества на то, что законодательная власть придаст устойчивость государственной политике страны, уравновесив шахскую власть, избравшую тактику лавирования между Россией и Англией и не находящую ничего более позитивного, чем попытки использовать в качестве давления на них какую-нибудь из других развитых стран, не оправдались. Всколыхнувшее иранское общество поражение России в войне с азиатской страной не привело к формированию такой политики, которая смогла бы приостановить начавшийся упадок целых сегментов экономики и помочь создать новые. Государственная власть оказалась неспособной переломить отчетливо проявившийся процесс отставания от мирового капиталистического хозяйства. Новый этап экономического развития начался только после ухода с исторической сцены династии Каджаров.

В результате Первой мировой войны и революционных событий в России Иран в 20-е годы оказался охваченным сепаратистскими движениями. В обстановке распада страны, распространения просоветских настроений намерение определенных национальных кругов создать сильное правительство, которое было бы способно противостоять этим тенденциям, совпало с интересами англичан, которым необходимо было защитить свои интересы в Иране, и прежде всего, нефтяные. Так на исторической сцене появился Реза-хан, который стал в 1923 г. премьер-министром, а в 1925 г. — шахом, основателем новой династии Пехлеви.

Реза-шах добивается концентрации в своих руках государственной власти, вводит нормы буржуазного права, создает современную экономическую и социальную инфраструктуру, обращая особое внимание на расширение светского образования, введение европейских норм поведения и быта. После установления шахского режима правления, укрепившего личную власть Резы-шаха, введение светских правовых норм получает системный характер.

Введение светских норм подготовило отмену в 1928 г. капитуляционного режима, юридически подтвердившего равный подход

к понятию права в европейских странах и в Иране. Таким образом, с этого времени законодательная защищенность свободы личности и собственности в Иране окончательно пришла в соответствие с нормами европейского буржуазного права.

К этому времени окончательно оформляется националистический курс нового режима, основанный на диктаторском характере власти. Главным программным лозунгом правительства Реза-шаха было достижение независимости во внутренней и внешней политике. Основная роль отводилась при этом сильной государственной власти. Основным фактором модернизации страны, подтягивания ее до общемирового уровня стала политика госкапитализма. Государство стало основным вкладчиком капитала во все современные отрасли хозяйства, осуществляя строительство не только инфраструктурных объектов, но и фабрично-заводских предприятий в рамках госсектора. Даже централизация всех частных торговых капиталов, включая мельчайшие, была осуществлена под контролем и при непосредственном участии государства, получив название «политики шеркетизации». Не последнюю роль в принятии Ираном такой экономической политики сыграл мировой кризис 1929–1933 гг.

Политика госкапитализма в Иране 20–40-х гг. содержала как усиление государственного регулирования, так и расширение прямого государственного предпринимательства. Необходимо напомнить, что ко времени прихода Реза-шаха к власти экономическая жизнь страны находилась в кризисном состоянии, с дефицитом внешнеторгового баланса и государственного бюджета, с внешней задолженностью и расшатанной налоговой системой. Иностраный капитал, опасаясь распространения советских идей национализации, практически прекратил свою деятельность. Английское правительство всеми силами старалось сохранить за собой, прежде всего, Англо-Персидскую нефтяную компанию.

Особенно решительно правительство Ирана отказалось от использования внешних займов. Первоначальный этап индустриализации страны, которым можно считать середину 20-х и 30-е годы, был осуществлен за счет собственных средств. Главной задачей правительства стало обеспечение финансовой базы для экономических

преобразований. В связи с этим значительной реорганизации подверглась налоговая система, которая стала главной статьей государственных доходов. За счет этой статьи финансировались почти все экономические программы, так как отчисления от нефти шли на покрытие расходов по армии. И только для завершения строительства Трансиранской железной дороги шахское правительство пошло на переброску небольшой части средств из военного бюджета.

Основной акцент в налоговой политике правительство сделало на увеличение косвенного обложения. За счет косвенных налогов государство получало более 90% всех налоговых поступлений³¹. Усиление косвенного налогового обложения обычно связывают с переложением налогового бремени на массового потребителя, и следовательно, наиболее обременительного для тех, кто тратит на потребительские нужды большую часть своего семейного бюджета.

Но косвенное обложение можно рассматривать и с точки зрения степени воздействия государства на развитие рыночных отношений. Косвенные налоги — это не что иное, как степень вмешательства государства в процессы ценообразования. По состоянию на 1937/38 г., когда практика косвенного обложения уже устоялась, объем косвенных налогов составил 1091 млн риалов. Максимально возможный товарооборот определен нами в 4 млрд риалов. Сумма косвенных налогов, соотношенная с ним, составила 27%. А это означает, что ценообразование более чем четверти всего товарооборота страны складывалось не под влиянием спроса и предложения, а под непосредственным вмешательством государства. По отдельным товарам это вмешательство государства оказалось предельно высоким.

Так, введенная в 1925 г. монополия на чай и сахар представляла собой сначала акциз, который брался сверх установленных пошлин. Общая цена сахара увеличилась на 43%. В 1928 г. обложение сахара составляло уже 47,8–49,9% (на рафинад и сахар) стоимости. К 1932 г. сумма фискальных надбавок на сахар составляла уже 350–400% стоимости. В 1935 г. сахарная монополия увеличила обложение сахара-песка до 726%, а сахара-рафинада — до 381% стоимости³². Увеличивались периодически и ставки акцизного обложения других товаров — чая, табака, опиума, спичек, винно-водочных изделий и др.

Трансформация системы взимания косвенных налогов также является отражением усиления государства в экономической жизни страны. Если сначала косвенное обложение осуществлялось через таможенные пошлины и акцизы, то постепенно на первое место стали выходить фискальные монополии. Именно монополии стали наиболее удобной формой взимания налогов. Сначала монополии создавались как фискальные, но затем, особенно после введения монополии на внешнюю торговлю, они либо превращались в подлинные (всеобъемлющие), либо сразу создавались государством как торгово-промышленные монополии, охватывая и производство, и сбыт, и импорт какого-либо товара. С каждым годом структура монополий организационно усложнялась, подчиняя себе все сегменты рынка — внешнеторгового, отечественного, производственного. Поощряемая и даже насильно насаждаемая сверху монополия структура организации торговли и производства (особенно в отношении основных потребительских товаров) являлась, несомненно, основным элементом экономической политики Реза-шаха.

Государство не только проводило протекционистскую по отношению к национальному капиталу политику, стимулировало его кредитами, налоговыми льготами, но и выступало инициатором строительства современных предприятий, обеспечивая часть первоначального капитала. Благодаря такой политике многие из представителей торгового капитала стали заниматься промышленным предпринимательством.

Усиление регулирующей роли государства в экономической жизни страны, проводимая им протекционистская политика в отношении национального предпринимательства стимулировали не только развитие фабрично-заводской промышленности и крупного промышленного предпринимательства, но и развитие мелкотоварного городского производства как в его традиционных формах, так и современных, отвечающих потребностям модернизирующейся экономики. В социально-экономической жизни все большую роль начинает играть мелкий бизнес, связанный с появлением современных услуг, повышением качества жизни, новых форм быта. Сравнение данных по синфам, которые объединяют самостоятельных товаропроизводителей, за 1926 и 1950 г. выявляет появ-

ление новых для Ирана предпринимателей, осуществлявших ремонт автомашин, владельцев прачечных, фотоателье и т. п.

В 20–30-е годы появляются не только крупные фабричные предприятия по переработке сырья, но и мелкие, оснащаемые нередко импортной техникой. Многие из них получили возможность трансформироваться в более крупные предприятия, как это имело место в рисоочистительном производстве, среди предприятий по обработке шелка-сырца.

Главным объектом государственного предпринимательства стали инфраструктурные отрасли как необходимая финансовая и технико-экономическая предпосылка промышленного развития.

Одним из первых экономических мероприятий новой династии стало создание национальных банков, кредиты которых стали финансовой базой как частного, так и государственного предпринимательства. Особенно большую роль сыграло государство в развитии современных видов транспорта. Транспортный бум привел к развитию сопутствующих дорожному строительству производств, появлению мелких и крупных компаний по организации транспортных перевозок, по обслуживанию и ремонту автомашин, изготовлению некоторых запасных частей.

Крупнейшим транспортным детищем государства явилось строительство железных дорог. Главным объектом железнодорожного строительства стала Трансиранская железная дорога, ставшая как бы экономическим символом независимости страны от России и Англии. Мощное дорожное хозяйство — подвижной состав, ремонтные и подсобные мастерские — также являлось собственностью государства. Под контроль государства перешли все телеграфные линии и все виды телеграфной связи. Телефонная связь также практически целиком перешла в руки специально созданной государственной телефонной компании.

Главной особенностью экономического развития Ирана в период Реза-шаха стало проведение первоначального этапа индустриализации преимущественно в рамках государственного сектора. Предприятия оснащались европейским, в основном немецким оборудованием, импорт которого, даже для поставок частным заводам, находился под полным контролем государства.

В результате непосредственной деятельности государства в качестве предпринимателя и протекционистской политики в отношении частного национального предпринимательства в стране была создана фабрично-заводская промышленность в полном смысле этого слова. Это были не эпизодически возникавшие и закрывавшиеся от любого иностранного вмешательства предприятия, а важное звено в системе национального воспроизводственного процесса. И тем не менее эффект от протекционистской политики Реза-шаха оказался в значительной мере подавленным абсолютизацией политического и экономического централизма, тормозившего развитие реальных рыночных отношений. Не внутренний рынок страны подстегивал создание тех или иных производств, а целенаправленная воля правительства. Созданная в 30-е годы промышленность во многом могла функционировать только в тепличных условиях протекционизма или госсектора, не стремясь к техническому или технологическому обновлению. Национальный капитал, несмотря на все усилия государства направить его в производительные отрасли, старался остаться в сфере торговли, где диктат цен был слабее, чем в производстве.

В период Второй мировой войны и в 50-е годы, то есть уже при шахе Мохаммаде Реза Пехлеви, ориентация на усиление роли государства в экономическом развитии продолжала сохраняться. Но механизм участия государства в национальной экономике стал постепенно меняться. На первый план стала выдвигаться регулирующая, а не предпринимательская деятельность государства. В 40–50-е гг. постепенно свое значение теряют монополии, из которых только сахарная сохранила свои позиции вплоть до 1957/58 г., когда была отменена монополия государства на строительство сахарных заводов, хотя и оставлено право контроля за ценами на сахар и за его реализацией.

Новым экономическим инструментом, который стало использовать в 40-х годах иранское государство в качестве регулятора экономикой стало планирование. Все больше начинают использоваться такие элементы государственного регулирования, как лицензионная и кредитная политика. В 50-е годы государство отказалось от преимущественной опоры на собственные средства, разрешив созда-

ние иностранных банков и привлечение иностранных инвестиций. Более того, постепенно отказываясь от жесткого протекционистского курса 30-х годов, правительство открыло двери широкому импорту, а следовательно, и конкуренции иностранных товаров. Это сразу выявило неконкурентоспособность многих предприятий отечественной промышленности, вызвало волну банкротств как среди промышленников, так и среди торговых компаний, занятых сбытом отечественной продукции. Назрела объективная необходимость как в поднятии уровня промышленного развития, так и в реорганизации сельского хозяйства с тем, чтобы оно стало полноправным объектом нового хозяйственного процесса.

Инициатором проведения комплексных реформ, направленных на модернизацию страны, стала государственная власть, в первую очередь шах. Комплекс этих реформ, которые должны были по замыслу ее инициаторов вывести Иран в число развитых стран мира, получил название «белой революции» и достаточно широко освещен в востоковедной науке. Это дает возможность остановиться на нескольких моментах. Реформы 60–70-х годов позволили покончить с издольной арендой, передав основной земельный фонд в руки крестьян и тех крупных земледельцев, которые эксплуатировали ее с применением современных методов ведения хозяйства. Были достигнуты высокие темпы роста валового продукта. С помощью иностранных компаний и иностранного капитала были построены современные заводы. Европейские заимствования быстро стали проникать в социальную инфраструктуру и в быт иранского общества. Стала расти и европеизированная предпринимательская прослойка. Однако построить капитализм европейского типа не удалось; иранский капитализм все больше и больше начинал приобретать черты государственно-бюрократического, сопровождаясь расширением государственного сектора и усилением государственного регулирования.

Государственные потребительские расходы увеличивались гораздо более быстрыми темпами, чем частные; разница между ними стала сокращаться. С 1967/68 г. по 1976/77 г. превышение частных потребительских расходов над государственными характеризовалось следующими величинами³³:

1967/68 г.	4,3:1
1968/69 г.	4,2:1
1969/70 г.	3,9:1
1970/71 г.	3,8:1
1971/72 г.	3,0:1
1972/73 г.	2,7:1
1973/74 г.	2,7:1
1974/75 г.	1,9:1
1975/76 г.	1,7:1
1976/77 г.	1,8:1

Но если в большинстве из развитых стран эта проблема тесно увязывалась с возможностью для групп с низкими доходами повысить свою долю в государственных расходах за счет лиц с высокими доходами, то для Ирана, главным образом, со способностью бюрократии увеличивать государственные расходы в своих интересах и в интересах связанных с нею слоев.

Повышение роли государства в экономическом развитии страны нашло свое отражение в увеличении государственного участия в структуре ВВП — с 24,5% в 1967/68 г. до 48,6% в 1976/77 г.³⁴ Более объективным показателем доли государства в социально-экономическом развитии страны является обобщенный индекс, учитывающий роль государства и в производстве, и в капиталовложениях, и в занятости. При таком методе подсчета удельный вес госсектора перед началом реформ, в 1959/60 г., составил 22,9%. Расчет по данным на 1976/77 г. дает нам цифру в 41,8%, т. е. почти вдвое выше. При этом предпринятый расчет представляет минимальный предел доли государственного сектора. Степень государственного влияния на экономическое развитие отнюдь не исчерпывалась столь значительным ростом госсектора. Не меньшим, а в последние годы и более значимым для судеб шахского режима оказался уровень государственного регулирования³⁵. Государство в 70-е годы вновь стало активно вмешиваться в ценообразование. Это сразу привело к столкновению интересов самых разных слоев. Прямое вмешательство государства в рыночные механизмы, хотя и ставило своей целью смягчить последствия монополизации рынка, более негативное влияние оказало не на крупные компа-

нии, а на мелкие слои предпринимателей. В 1977 г. правительство Амузегара пытается привлечь на свою сторону базар и смягчает регулирование ценами, разрешив устанавливать свободные цены более чем на 20 видов товаров и услуг. Но рынок к этому времени оказался настолько дезорганизован, что этот шаг не смог ослабить нарастающую оппозиционность и базара, и монополизированного сектора экономики.

Ускоренное развитие капитализма, обеспеченное на начальных этапах авторитарностью власти, через полтора десятка лет споткнулось об эту авторитарность. Уровень централизации экономики превысил критический уровень; экономическая модель стала давать сбои. Положительный эффект от вмешательства государства в обеспечение ускоренного роста, в достижение более равномерного распределения доходов и большего равенства к концу 70-х годов сменился негативным. Темпы роста национального продукта стали снижаться, инфляционные процессы нарастали. Уже к сентябрю 1978 г. экономическая и политическая ситуация выходит из-под контроля правительства. Восстание 11 февраля 1979 г. в Тегеране окончательно приводит к падению шахского режима, и в результате референдума 1 апреля 1979 г. в Иране устанавливается исламская республика.

Опыт развития Ирана в период исламской республики также представляет собой пример сохранения чрезвычайно важной роли государства в экономике. Революция, которая ставила своей целью развязать хозяйственную инициативу общества, задавленного монополизированным и бюрократическим вариантом капитализма, привела к усилению государственных начал в экономике. Принятая в декабре 1979 г. Конституция отнесла к государственному сектору важнейшие отрасли экономики, что отчетливо свидетельствовало о стремлении духовенства сосредоточить в своих руках значительный экономический потенциал, обосновывая это исламскими принципами. Конституция законодательно закрепила проведенную сразу же после революции национализацию шахской и крупной частной собственности, связанной с иностранным капиталом, банков и страховых компаний.

В 80-е годы завершается формирование экономической модели развития, начатой еще правительством Базаргана и получившей в

иранистике название «тоухидной», так как она строилась в соответствии с принципами, изложенными в книге Банисадра «Тоухидная экономика». После ухода с политической арены первого президента страны Банисадра уходит и название «тоухидной экономики», сменившись иным — «исламской экономикой». Основные направления экономической политики 80-х годов складывались в условиях такого постоянно действовавшего фактора, как война с Ираком.

В основе экономической модели исламского режима лежали принципы «смешанной экономики» с преимущественной ориентацией на государственный сектор. Огромную роль стало играть государственное регулирование, которое приобрело характер прямого вмешательства государства в экономику.

Органическим элементом иранской жизни в эти годы становятся исламские фонды, совмещавшие в своей деятельности экономические и социальные функции.

Апогеем государственного вмешательства в экономику можно назвать вторую половину 80-х годов, когда обобщенный показатель участия государственного сектора в экономике (исчисленный как среднеарифметическая от доли в расходах, в капиталовложениях и общем числе занятых) составил 31,2%, а доля государства в ВВП достигла 62,3%.

Но возможно, что именно эта чрезмерная централизация экономики, несмотря на ее неэффективность, и смогла сохранить политический режим. Даже в 1986–1987 гг., когда финансово-валютные резервы страны были практически исчерпаны и падение режима казалось неизбежным, этого не произошло.

В целом была выполнена задача по выравниванию доходов, что также являлось одной из главных причин стабилизации режима. Правда, это выравнивание было достигнуто только за счет распределительных функций государства, без поднятия общего жизненного уровня населения. В результате размеры валового продукта на душу населения по сравнению с дореволюционным периодом упали в 80-е гг. в 3–4 раза. Несмотря на попытки за счет мобилизации всех ресурсов в руках государства достичь позитивных сдвигов в экономике, Ирану за 80-е годы так и не удалось достичь дореволюционного уровня. В кризисном состоянии оказались

прежде всего производственные отрасли: промышленность, энергетика, транспорт, работавшие на поставленном в страну в 60–70-е годы оборудовании и технологически привязанные к использованию импортного сырья и полуфабрикатов. Убыточными являлись, прежде всего, предприятия государственного сектора.

После окончания войны, являвшейся основным фактором централизации экономической системы, в правящих кругах духовенства вновь разгорелась борьба по вопросам направления политического и социально-экономического развития.

Не изменяя идеологическому обоснованию функциональной сущности экономики в исламском обществе, руководство Ирана сумело внести значительные коррективы в свою социально-экономическую политику. Несмотря на острые противоречия по вопросам дальнейшего развития не только между различными органами власти, но и в среде самого правящего слоя духовенства, режим оказался способным на значительный эволюционный скачок. С начала 1990-х годов Иран начинает переход к рыночно ориентированной экономике. Духовенство, понимая необходимость поднятия жизненного уровня населения, боеспособности армии, а следовательно, эффективности экономики, идет на изменение таких, казалось бы, незыблемых принципов исламского строя, как привлечение иностранного капитала, приватизацию государственной собственности, отказ от вмешательства в ценообразование, расширение контактов с развитыми мировыми державами. Заметно стало меняться и отношение к участию женщин в общественной жизни и в трудовой деятельности. А либерализация импорта вновь ввела в повседневный оборот много из предметов и поведенческих стереотипов европейского быта.

Уже в первые годы нового экономического курса удалось добиться весьма заметных результатов. Стал расти валовой продукт, подниматься жизненный уровень населения, увеличился прирост капиталовложений в производство, активную позицию занял и иностранный капитал. Необходимость его привлечения заставляла Иран постепенно переориентировать свои внешнеэкономические связи в пользу развитых стран мира, избавляться от излишне экстремистских элементов в практике внешнеполитических отношений.

Результаты выборов в меджлис 2000 г., президентских выборов в 1997 г. и 2001 г., приведших к власти сторонников Мохаммада Хатами, выступающего за реформирование иранского общества, отчетливо свидетельствовали о настроении иранского общества продолжать начатые правительством Рафсанджани реформы. Постепенно трансформировались те экономические нормы, которые в значительной мере противоречили нормам мирового рынка. Фактически государственной и исламской, т.е. работающей без процента, осталась только банковская система. Но и в ней произошли радикальные перемены с точки зрения соотношения в ней государственного и сектора в сторону увеличения доли последнего. Исламские фонды были также включены в программы приватизации. Однако переход к рыночной экономике оказался сложен и тернист. И не в последнюю очередь сопротивление этому курсу основывалось на том, что либерализация экономической жизни, как правило, сопровождается либерализацией политической жизни. Парламентские выборы 2004 г. и президентские 2005 г. вновь привели к власти консервативно настроенных политиков. В период деятельности правительств М. Ахмадинежада, который ознаменовался осложнением внешнеполитических и внешнеэкономических отношений с мировым сообществом из-за ядерной программы, потерей динамики экономического развития в результате санкционного режима, руководство страны вновь встало перед выбором направления экономической политики. В условиях усиливающейся изоляции Ирана, особенно от мирового рынка, развивающегося экономического кризиса, обусловленного как мировым кризисом, так и в особенности международными и двухсторонними санкциями, достаточно оправданным мог стать возврат к госкапиталистической модели. Однако коренного пересмотра экономической политики не произошло. Руководство страны, отказавшись от политической демократизации, провело именно в 2009–2011 гг. ряд масштабных реформ по экономической либерализации, включая отмену субсидий и широкую приватизацию. Несмотря на это, преодолеть негативный пресс на экономику санкционного режима не удалось. Однако курс на либерализацию, особенно на поощрение мелкого и среднего предпринимательства, расширили социальную базу для поддержки умеренных политиков, с правительством которых население

ние связывает надежды на нормализацию взаимоотношений с мировым рынком, на свободный экспорт нефти и газа и импорт необходимых для промышленного производства компонентов.

Во второе десятилетие XXI века Иран вступил, находясь в поиске своей, «иранской» модели политического, культурного и экономического развития. Сохраняя исламскую форму государственного устройства и признавая экономические преимущества западной цивилизации, Иран ищет такие механизмы использования ее достижений, которые отвечали бы его национальным интересам и традициям. В этих поисках основная роль сохраняется за государством, которое, видимо, и в перспективе останется одним из главных регуляторов экономического развития страны. Это отвечает его общенациональным интересам, в которые в настоящее время входит поиск совпадающих с мировым сообществом направлений и форм развития, поиск по возможности бесконфликтных механизмов разрешения как внутренних, так и внешних противоречий.

¹ История Ирана. М., 1977. С. 108–109.

² Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV вв. М.; Л., 1960. С. 250–252.

³ Низам ал-Мульк. Сиясет-наме. Книга о правлении везира XI столетия Низам ал-Мульк. М.; Л., 1949.

⁴ Али-заде А.А. К вопросу об институте «икта» в Азербайджане при ильханах (XIII–XIV вв.) // Известия Азербайджанского филиала АН СССР. 1942. № 5.

⁵ История Ирана. М., 1977. С. 144.

⁶ См. статью Н.М. Мамедовой «Синфы как организационная структура городской жизни» в настоящем сборнике (С. 85–93).

⁷ История Ирана. М., 1977. С. 142.

⁸ Исламские страны и регионы. История и современность: Сборник статей. Москва, 1994. С. 26–27.

⁹ Новая история Ирана. Хрестоматия. М., 1988. С. 9.

¹⁰ Анаркулова Д.М. Социально-политическая борьба в Иране в середине XIX в. М., 1983. С. 62.

¹¹ Нафиси С. Тарихе эджтемай ва сияси-е Иран. Тегран, 1335. Социальная и политическая история Ирана. 1956/57 г. С. 215.

¹² Issawi Ch. The Economic History of Iran 1800–1914. Chicago; London, 1971. P. 260–261.

¹³ Мамедова Н.М. Городское предпринимательство в Иране. М., 1988. С. 6–7.

¹⁴ The Economic History of Iran. P. 130.

¹⁵ The Economic History of Iran. P. 40.

¹⁶ В переводе А.Г. Туманского: Китабе Акдес. «Священная книга» современных бабидов. СПб., 1899. С. 8.

Цитаты и толкования их взяты из книги: *Базиленко И.В.* Бахаизм: история вероучения. М., 1994. С. 75–78.

¹⁷ *Базиленко И.В.* Бахаизм: история вероучения. М., 1994. С. 98–99.

¹⁸ См. напр.: *Нури З.* Аргаме шайтан. Тебриз, 1950. С. 40.

¹⁹ *Анаркулова Д.М.* Социально-политическая борьба в Иране в середине XIX в. М., 1983. С. 62–63

²⁰ *М. Реза Годс.* Иран в XX веке. Политическая история. М., 1994. С. 36.

²¹ *Мамедова Н.М.* Городское предпринимательство в Иране. М., 1988. С. 10–11.

²² *М. Реза Годс.* Иран в XX веке. Политическая история. М., 1994. С. 36.

²³ Новая история Ирана. Хрестоматия. М., 1988. С. 141–142.

²⁴ *Талипов Н.П.* Общественная мысль в Иране в XIX — начале XX в. М.: Наука, 1988. С. 67.

²⁵ *Анаркулова Д.М.* Общественно-политическая деятельность Мальком-хана. Душанбе, 1984. С. 93.

²⁶ *Талипов Н.П.* Общественная мысль в Иране в XIX — начале XX в. М.: Наука, 1988. С. 192–201.

²⁷ *Кулагина Л.М.* Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX — начале XX века. М., 1981. С. 20–80.

²⁸ *Кулагина Л.М.* Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX — начале XX века. М., 1981. С. 61.

²⁹ *Кулагина Л.М.* Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX — начале XX века. М., 1981. С. 61.

³⁰ Текст Конституции 1906–1907 гг. // www.worldislamlaw.ru/archives/1291.

³¹ *Джазаэри Ш.* Гаванине малийе ва мохасебат-е оуми ва моталле-йе будже аз обтедайе-йе машрутиат та хал. Тегран, 1335.

³² *Глуходед В.С.* Проблемы экономического развития Ирана. М.: Международные отношения, 1968. С. 181.

³³ Расчет по: Сальнаме-е амарие кешвар сале 2536. Тегран. С. 664.

³⁴ *Мамедова Н.М.* Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии. М., 1997. С. 59.

³⁵ *Мамедова Н.М.* Эффективность экономических моделей Ирана и Турции (сравнительный анализ) // Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии / ИВ РАН. М.: Крафт+, 2012. С. 47–48.

О некоторых особенностях «насака» и сельской трудовой кооперации «боне» в Иране

На рубеже 60-х гг., накануне реформ сельское общество Ирана по отношению к земле подразделялось на две основные категории: узкий слой мелких сельских производителей — собственников земли и массу безземельных крестьян-издольщиков, арендовавших землю у земельных собственников на условиях раздела полученного продукта на основе так называемых пяти «факторов» производства.

Между ними располагался длинный ряд функционально различных по экономической роли лиц. Прежде всего, это — безземельные крестьяне с мизерным клочком сада или огорода, прибегавшие к земледельческому труду временно, на срок, основным средством существования которых являлась работа по найму в деревне, иногда в городе. Часть населения деревни — прослойка деревенского населения, не участвовавшая непосредственно в земледельческом труде, но существовавшая, главным образом, за счет труда сельского производителя: купцы, лавочники, представители сельской администрации и земельного собственника, лица, контролировавшие распределение поливной воды, охранники полей и т.д. Все они получали от крестьян принятую в данном районе часть урожая. Несмотря на столь большие различия между перечисленными категориями сельского населения, в Иране они охватывались общим термином — *хошнешины*¹.

Поскольку иранское крестьянство в своей массе было отделено от собственности на землю, то соединение непосредственного производителя с основным средством производства в сельском хозяйстве осуществлялось в рамках института *насак*.

Буквально *насак* означает «порядок», «организация». В Иране *насак* представлял собой традиционную, сложившуюся веками систему распределения земли среди безземельных крестьян. Зе-

мельный собственник, будь то помещик, государство или мечеть (в лице организации вакуфов), передавал крестьянину в аренду земельный участок в обработку на условиях принятых в данном районе рентных отношений. В свою очередь, производитель в качестве арендной платы отдавал земельному собственнику определенную часть полученного продукта. Причем отношения между производителем и земельным собственником юридического оформления не получали².

Наделение крестьянина земельным участком в рамках *насака* обуславливалось наличием, качеством и количеством сельскохозяйственного скота у него и соответственно способностью обработать определенной величины земельный участок, размер которого в каждом данном районе устанавливался эмпирическим путем, исходя из местных условий: размеров пригодных к обработке земельных площадей, особенностей сельскохозяйственного производства, способа орошения, характера почв и т. д. Причем на характер распределения земли никак не влиял тот факт, что являлся ли рабочий скот собственностью производителя или арендовался последним, с той лишь разницей, что данное обстоятельство отражалось на материальном положении самого производителя, поскольку он был вынужден отдавать дополнительно часть продукта в счет аренды рабочего скота.

Мерой земельной площади в Иране служила традиционная единица плужного участка *джофт-е гав* («пара быков»), т.е. способность производителя за сезон вспахать и обработать упряжкой быков определенной величины земельный участок³. В разных районах страны он назывался по-разному: на востоке — *зоудж-е гав* («пара быков»), в Хузистане — *хиш* («соха»). Средний размер такого участка с учетом пашни и пара сильно колебался по стране, в некоторых случаях он составлял около 5 га, иногда достигал 8 га⁴.

В силу различий в хозяйственной дееспособности крестьянских дворов, вытекавших из различий в тягловой силе сельскохозяйственного скота, размер пахотного надела двора как правило не совпадал с размером плужного участка. И хотя в Иране иногда встречались земельные участки большей, чем *джофт-е гав*, величины, однако в силу присущего земледелию Ирана мелкого земле-

пользования, значительно чаще хозяйства имели в обработке гораздо более мелкие участки земли, например, соответствовавшие «одному быку» или «двум ногам быка», означавшее, что один рабочий бык одновременно арендовался несколькими хозяйствами⁵.

Имевший земельный участок крестьянин обладал правом *насака*⁶. Однако следует отметить, данное право не обязательно должно было реализоваться на практике и обеспечить производителю аренду земли. Согласно сельскохозяйственной переписи 1960/61 г. из немногим более 1,1 млн крестьянских хозяйств, арендовавших землю у земельных собственников, т.е. получивших ее главным образом в соответствии с правом *насака*, 5,0% дворов оставались без земли⁷.

В дореформенном Иране существовали два вида *насака*, на основании которых крестьянам-арендаторам нарезалась земля и устанавливались сроки аренды полученного крестьянином в обработку участка.

Когда применялась система фиксированного или постоянного *насака*, земельный участок передавался в обработку на достаточно продолжительный срок и с течением времени крестьянин мог получить право наследования, хотя и без права отчуждения земли⁸. В таком случае владельческие права этого крестьянина ограждались традиционным правом *хагг-е рише*, в некоторых районах Азербайджана — *хагг-е джевар*, в Гиляне — *хагг-е дастарими*, в Мазандеране — *хагг-е карафе*, в Горгане — *хагг-е табартараш* и т.д., и тогда аренда земли приобретала наследственный характер⁹.

Длительные аренды использовались, в частности, в Азербайджане, Курдистане, что, по всей видимости, было связано с характером самой хозяйственной деятельности крестьян, поскольку здесь на плодородных землях были разбиты главным образом сады и виноградники, требующие длительного возделывания.

Тем не менее, чтобы не допустить утверждения прав крестьян на землю, земельные собственники и здесь прибегали, хотя и редко, к периодическим перераспределениям земли. Так, в Карачедаге (Азербайджан) передел происходил один раз в десять лет, в Курдистане иногда еще реже — один раз в 15 лет¹⁰.

Значительно более широкое распространение получила система ежегодного перераспределения земли между крестьянами — го-

дичный или временный *насак*. Тогда перераспределение земли носило регулярный характер и осуществлялось ежегодно или каждые несколько лет. В таком случае крестьянин не имел права наследования земельного участка, права *хагг-е рише*, и после истечения срока аренды мог лишиться земли. Например, на плодородных землях в Мугани перераспределение земли проводилось каждый год, в некоторых восточных районах Ирана, где преобладали неорошаемые земли, сроки аренды земли никогда не превышали пяти лет¹¹.

Обычно в начале года перераспределение земли осуществлял сам землевладелец или его управляющий (мубашир), как отмечалось, исходя из наличного фонда обрабатываемой земли, числа крестьянских хозяйств в данной деревне и их хозяйственной дееспособности. Однако когда землевладелец стремился не допустить закрепления за крестьянами традиционного права на землю (*хагг-е рише*), тогда использовался другой порядок передела земли — жеребьевка. Как правило, жеребьевка проводилась при долгосрочных арендах, в частности, в Азербайджане и Курдистане¹².

Если в результате перераспределения земли крестьянин, ранее имевший в обработке земельный участок, оставался без земли, землевладелец должен был выплатить ему компенсацию. Чтобы снизить сумму компенсации, в некоторых районах, в частности в Кермане, землевладелец лишал крестьянина земли еще до сева, поскольку в противном случае он должен был возместить крестьянину затраты не только на обработку земли, но и на сев и в некоторых случаях и на жатву¹³.

Следует отметить, что переделы и связанные с ними сгоны крестьян с земли перед аграрной реформой приняли, видимо, достаточно широкие масштабы. Поэтому, чтобы закрепить арендованную землю за крестьянскими хозяйствами, законом от 09.01.1962 г. временный «насак» в юридическом порядке был переоформлен исключительно в фиксированный¹⁴.

Будучи формально свободными, крестьяне-издольщики, имевшие право *насака*, не могли покинуть землю по своему желанию. Целый ряд экономических и иных причин, когда производитель оставался постоянным должником земельного собственника и деревенского ростовщика, а также сила традиции, патриархальных

устоев, семейных и прочих отношений, накрепко привязывали его к помещичьей земле. В таких условиях производитель фактически становился придатком к земле. Несмотря на очевидные преимущества, которые мог иметь производитель благодаря институту *насака*, если ему удавалось закрепить за собой земельный участок в качестве наследственного, именно благодаря *насаку* обеспечивалась «резервная армия из безработных крестьян, конкурировавших с владельцами *насака* за право получить землю»¹⁵.

Однако и при этом в условиях монополии крупного землевладения, фактически не допускавшей ее рыночного оборота, и вытекающих отсюда отношений по поводу *насака*, в Иране складывались специфические формы отчуждения земли, видимо, в целом отражавшие борьбу производителя за основное средство производства.

Объектом купли-продажи в таком случае являлось право аренды земли между издольщиками, но без права перехода собственности на нее к другому лицу. Отношения купли-продажи возникали обычно в районах с низкими арендными ставками и на плодородных землях. Напротив, даже там, где арендные ставки были весьма низкими, но в засушливых районах, например в Йезде, право аренды земли не покупалось и не продавалось, так как земля здесь не могла обеспечить производителю пропитание¹⁶.

Характерно, что в благоприятных для развития сельскохозяйственного производства районах так называемое «отступное» («саргофли») — цена права аренды земли крестьянским двором — могло значительно превышать цену самой земли, которое, видимо, складывалось из среднего дохода крестьянского хозяйства за несколько лет. Так, «отступное» за земельный участок размером, соответствующим величине *джофт-е гав*, в целом в Азербайджане составляло 30 тыс. риалов, но здесь же на плодородных землях могло быть значительно выше; в Гиляне при обычной цене участка в 1 га в 6–7 тыс. риалов «отступное» превышало 50 тыс. риалов; в некоторых районах Курдистана, Керманшаха, Хамадана, Казвина, Арака, Боруджерда право обработки участка поливной земли реализовывалось по весьма значительной цене¹⁷.

Аналогичные отношения по поводу купли-продажи права земельной аренды также стали складываться в тех районах, где в

земледельческое производство внедрялась техника (в основном тракторы), — в Центральном районе, Куме, Кашане, Фарсе.

Острый дефицит земли, низкий уровень развития производительных сил в сельском хозяйстве а также в целом неблагоприятные природно-климатические условия, вынуждали производителя в Иране прибегать к производственно-трудовой кооперации, при которой несколько хозяйств издольщиков объединялись в артели для коллективной обработки земли и пользования водой для орошения на основе совместного использования орудий труда и рабочего¹ скота. Мелкие крестьянские хозяйства, являвшиеся собственниками земли, обычно сельские трудовые артели не создавали.

Коллективные формы земледельческого труда чаще встречались на востоке, юго-востоке, в центральных и реже в других районах страны. На плодородных землях с относительно достаточным количеством поливной воды, например на севере Ирана, они, как правило, не возникали. Подобные трудовые артели *боне*, в Хорасане — *сахра*, в Систане — *пагав*, в Кермане и Ширазе — *харасе*, в Бехбехане — *даркар*, в Тебесе — *саркар* и т.д.¹⁸, формировались в основном по родственному принципу из нескольких соседних крестьянских дворов, имевших поблизости друг от друга земельные участки, чтобы объединить их в единое поле для совместной обработки, и сроком на один сельскохозяйственный год.

Численность артелей *боне* в каждой данной деревне обуславливалась размерами и качеством обрабатываемых земель, способом орошения и т.д. Обычно в засушливый год размеры пашни сокращались, и тогда несколько *боне* объединялись при одновременном сокращении числа самих артелей и их членов. Напротив, в благоприятный сельскохозяйственный год запашка возрастала и соответственно увеличивалась численность *боне*. В центральных районах Ирана в некоторых деревнях в среднем насчитывалось по 12 *боне*, каждое из которых обрабатывало по несколько, чаще всего по три, принятых здесь плужных участка *джофт-е гав*¹⁹.

Ежегодно крестьяне каждой деревни, имевшие право *насака*, собирались на сход, на котором делили деревенские земли и воду, чтобы все будущие *боне* были обеспечены равными по качеству землями и достаточным количеством поливной воды. На сходе также опреде-

лялись сельскохозяйственный скот и рабочая сила и уже затем составлялись непосредственно артели. На следующий год возможны были изменения в распределении земли и средств производства.

Функционально члены артели *боне* подразделялись на старшину сарбоне (по-другому его называли «абъяром», т.е. поливальщиком) и его помощника («дам-е абъяр»), руководивших всеми текущими земледельческими работами, и собственно крестьян — барзгаров, выполнявших необходимые работы. Кроме того, сарбоне оформляли в местном управлении сельского хозяйства сделки на аренду земли, если это были вакуфные или государственные деревни. Причем арендная плата раскладывалась поровну по всем *боне* данной деревни.

«Барзгаром» (букв. «землепашец») в Иране называли всякого, кто обрабатывал землю, сеял и пахал. В социально-экономическом значении барзгар представлял собой безземельного крестьянина, в том числе большую часть упомянутых выше *хошнешин*ов. В отличие от издольщика он был лишен всех средств производства и поэтому, обладая единственным «фактором» производства — своей рабочей силой, нанимался за долю урожая, которая являлась натуральной формой его заработной платы²⁰.

Имея права, вытекающие из права *насака*, крестьяне, следовательно, несли всю ту меру ответственности, которая налагалась на них этим же самым традиционным правом. Иными словами, барзгар при известных условиях, не отвечавших требованиям земельного собственника, мог лишиться права *насака* и соответственно возможности кооперироваться с другими крестьянами для участия в земледельческом производстве²¹. В таком случае доля этого крестьянина на условиях выкупа передавалась другим крестьянам.

Антиподом барзгара в известной степени являлся другой, весьма характерный для дореформенной иранской деревни, социально-экономический тип — гавбанд, который оказывал заметное влияние не только на сельскую трудовую артель, но зачастую и на все деревенское общество в целом.

В широком толковании гавбанд означал «владелец быков», которых мог иметь любой крестьянин-собственник или арендатор земли. Но не имея своей земли, он владел быками и семенами и часто прибегал к аренде помещицкой земли, используя труд барз-

гаров, при этом своим личным трудом не участвуя в сельскохозяйственном производстве²². Гавбанд сдавал в аренду рабочих быков, в частности за 1/5 урожая озимых зерновых и 1/10 яровых, и ссуживал зерно на семена иногда под 40% урожая еще до раздела между крестьянином и земельным собственником²³. Занимался он также мелкими ростовщическими операциями. И если гавбанд к тому же арендовал землю у земельного собственника и передавал ее в субаренду безземельным крестьянам, то последние зачастую оказывались в долговой кабале у него.

С другой стороны, насколько крестьяне-издольщики находились в экономической зависимости от гавбанда, настолько он сам зависел от воли землевладельца. Гавбанд не мог согнать крестьянина с земли, поскольку он был защищен правом *насака*, однако если сам гавбанд по каким-либо причинам не устраивал земельного собственника, последний мог даже изгнать его из деревни²⁴.

Гавбанд стремился расширить свою деятельность за рамки хозяйственной сферы. Иногда он выступал в качестве представителя земельного собственника, а также мог выполнять административные и иные функции в некоторых традиционных деревенских институтах. В частности, в государственных деревнях (*халесе*) центрального района страны гавбанд в рамках института *насака* занимался распределением земли среди крестьян — издольщиков, составлял сельскохозяйственные артели *боне*, назначал старшину и распределял обязанности среди ее членов²⁵.

Следует отметить, что и среди гавбандов в известной степени существовала конкуренция, но не как среди непосредственных производителей за землю, как отмечалось, в рамках *насака*, а за право получения и сдачи в аренду земли — так называемое право «гавбанди». Если земельный собственник, и не важно, что в его лице мог выступать помещик, государство или мечеть, сдавал гавбанду в аренду участок поливной земли, на котором вследствие права *насака* крестьяне-издольщики для совместного производства объединились в трудовую артель, то гавбанд, со своей стороны наравне с земельным собственником обычно доставлявший два «фактора» производства — рабочий скот и семена, был волен передать эту землю в аренду любому другому лицу. При этом в

аренду могла быть сдана либо вся земля *боне*, либо часть ее, иногда земля нескольких *боне* целиком.

Цена права аренды такого «гавбанди» устанавливалась на основе цены орудий и средств труда и доли урожая, причитающейся *боне*, и соответственно цены двух «факторов» производства и доли урожая гавбанда.²⁶ Сроки, на которые сдавалась земля в аренду по праву «гавбанди», были самые различные: от сезона, например жатвы, до сельскохозяйственного года, даже доходили до нескольких лет.

Таким образом, благодаря качествам, свойственным одновременно и кулаку, как специфическому типу деревенского предпринимателя, но не имевшему собственной земли, и сельскому ростовщику, гавбанд представлял собой одну из наиболее одиозных фигур в иранской дореформенной деревне. И не случайно, еще в начале 50-х гг. законом от 05.03.1951 г. (14.12.1329 г.х.) гавбанду запрещалось заниматься подобными операциями в сельском хозяйстве и предписывалось конфисковывать арендованную им землю²⁷. Тем не менее, деятельность гавбандов, видимо, приобрела достаточно широкий размах и они продолжали сохранять свои позиции в деревенской структуре Ирана как минимум до начала аграрной реформы.

Кроме перечисленных выше условий для участия в сельской трудовой артели *боне* от крестьянина требовалось также заручиться согласием землевладельца, быть жителем именно данной деревни, поскольку посторонние в *боне* не допускались. Крестьянину позволялось переходить из одной артели в другую, но лишь в рамках своей деревни.

Хотя формально члены артели отбирались старшиной, однако фактически, начиная с отбора артельщиков, решения текущих хозяйственных вопросов и кончая реализацией урожая, вся ее деятельность находилась под контролем земельного собственника. Например, «боне» редко имела права предлагать свою продукцию на рынок для продажи, поэтому она была вынуждена зачастую продавать ее авансом²⁸.

Сам же старшина артели назначался непосредственно землевладельцем.

Часто, состарившись, он готовил себе на смену старшего сына²⁹, что на деле превращало эту должность в наследственную.

Отношения между земельным собственником, когда на арене появлялся гавбанд, выступавшим в качестве арендатора земли у землевладельца, управляющим, как представителем последнего, с одной стороны, и сельской артелью *боне* — с другой, строились на «принуждении» и связи в такой социально-экономической структуре носили строго выраженный вертикальный характер: первая группа «давала указания» второй, контролировала выполнение работ и т.д.³⁰ При этом земельный собственник, чтобы отстаивать свои интересы, всегда имел возможность контактировать не только с гавбандом или сельской администрацией, но и со старшиной артели и даже с барзгарами.

Внутри самой артели отношения между артельщиками также не носили равноправного характера, что обуславливалось различиями в их материальном положении. Обладая сравнительно высоким социальным статусом в деревенской иерархии, сарбоне, и в значительно меньшей степени абъяры, выделялись среди барзгаров уже степенью своего участия в земледельческом труде. Составляя, как отмечалось, определенную прослойку из крестьян-издольщиков, они представляли собой относительно «процветающую в материальном отношении группу»³¹. Причем сарбоне работал значительно меньше, чем другие члены артели. Если барзгару удавалось подняться на более высокую социальную ступень, что случалось довольно редко, то, пользуясь своим новым статусом, он прежде всего начинал меньше работать.

Основной объем сельскохозяйственных работ в *боне* возлагался на барзгаров. Более того, в некоторых районах страны они дополнительно выполняли некоторые работы в интересах старшины *боне*. В частности, в Хорасане сахрасалары и сардехане (старшины) принуждали крестьян нести отработочную повинность бигари на землевладельца³². В Хузистане каждая трудовая артель должна была отработать на бигари один день³³.

Наиболее типичная сельская артель «боне», например в деревне Талей-абад в Тегеранской провинции, состояла из шести человек: старшины, двух его помощников и трех крестьян с рабочим скотом (тремя упряжками быков), обрабатывавших определенной величины земельный участок с соответствующим количеством воды для полива.

Старшина распределял сельскохозяйственные работы между барзгарами со вспашки и до доставки урожая землевладельцу и осуществлял контроль за их выполнением. Он также организовывал полив и вносил семена в почву. В частности, старшина разбрасывал семена рукой, а шедшие за ним вслед барзгары заделывали их в почву³⁴. Помощники старшины занимались всеми видами неземледельческих работ вплоть до надзора за барзгарами, которые выполняли полевые работы. В страду, когда барзгары обычно не справлялись со значительно возросшим объемом работ, на жатву зерновых культур нанимались сезонно или поденно жнецы, которые оплачивались из доли урожая, причитавшейся *боне*³⁵.

Предпочтительное материальное положение старшины и его помощников перед барзгарами выражалось в сравнительно большем доходе. Так, чистый годовой доход трудовой артели *боне* в расчете на члена артели в упомянутой деревне Талей-абад составлял (в тыс. риалов):

	<i>Минимальный</i>	<i>Максимальный</i>
<i>Сарбоне</i>	19,0	45,0
<i>Дамъяр</i>	17,5	43,5
<i>Барзгар</i>	17,0	43,0

Источник: Дж. Сейфи-Нежад. Боне. Незамха-йе тоулид-е зе-раи-йе джам габл ва бад аз эслахат-е арзи. Тегеран, 1974. С. 44.

Как видно, разница в величине абсолютного дохода была не столь значительной, особенно в доходах помощников старшины и барзгаров. Однако следует отметить: старшина и его помощники имели и некоторые другие преимущества перед барзгарами. Земельный собственник иногда в качестве дара из своей доли урожая выделял сарбоне 300 кг зерна и 45 кг на помощника, а также либо 2 тыс. риалов, либо 2 харвара (600 кг) пшеницы³⁶. Кроме того, артель могла иметь дополнительный источник дохода, если землевладелец по предварительной договоренности предоставлял *боне* семена какой-либо высокоурожайной культуры. Тогда 1/2 по-

лученного урожая забирал он сам, а вторая половина распределялась между членами артели следующим образом: 30% составляла доля старшины, 40% — двух помощников и 30% причитались трем барзгарам³⁷.

Если землевладелец по каким-либо причинам не имел возможности непосредственно контролировать подбор членов артели, тогда желающие вступить в артель барзгары делали старшине подношения в виде головок сахара, ягнят, растительного масла и пр. Иногда деревенский плотник или кузнец выполняли для сарбоне некоторые работы³⁸.

Тем не менее, несмотря на сказанное, экономическое положение старшины артели, а уж тем более его помощников, было не намного предпочтительней положения барзгаров. Оно всего лишь позволяло старшине жить, не прибегая к займам, а иногда в особо урожайные годы иметь «...некоторый достаток для покупки быков или домашней утвари»³⁹. Однако старшина, а также отчасти его помощники, выделялись среди барзгаров уже тем, что, меньше работая, получали больший доход, что в конечном итоге и предопределяло их более высокий социальный статус в деревенской структуре Ирана.

Поскольку сельская трудовая артель *боне* выступала коллективным арендатором земли у землевладельца, то между ними возникали арендные отношения, базировавшиеся на традиционных в Иране формулах раздела урожая.

В деревнях центрального района Ирана, как это видно из таблицы, доля помещика почти всегда составляла 3/4 урожая, полученного крестьянами, если помимо земли и воды он обеспечивал *боне* еще и рабочим скотом и семенами, доля же *боне* соответственно не достигала 1/3 урожая. Там же, где появлялся гавбанд, доля артели чаще была еще ниже: от 1/3 до 1/4 урожая.

ТАБЛИЦА 1. Раздел урожая зерновых (пшеницы и ячменя) между земельным собственником и сельской трудовой артелью *боне* в центральных районах Ирана

Название деревни	Принадлежность «факторов» производства ¹⁾		Доля урожая, %			Число членов <i>боне</i>
	рабочий скот	семена	помещика	Гав-банда	<i>боне</i>	
Гале-ноу	гавбанд	гавбанд	40	30	30	5
Фируз-абад	» »	» »	40	35	25	5
Талейб-абад	помещик	помещик	67	—	33	6
Вали-абад	» »	» »	75	—	25	5
Гуми-абад	» »	» »	67	—	33	6
Чале-торхан	гавбанд	гавбанд	45	25	30	5
Назар-абад	» »	» »	50	25	25	6
Хусейн-абад	помещик	помещик	80	—	20	13
Алаин	» »	» »	75	—	25	9
Доулат-абад	гавбанд	гавбанд	50	30	20	5
Моин-абад	» »	» »	50	25	25	4
Заман-абад	помещик	помещик	75	—	25	7
Дарсун-абад	» »	» »	75	—	25	5–6 ²⁾
Эшк-абад	гавбанд	гавбанд	50	25	25	6
Биби-Марьям	помещик	помещик	75	—	25	6
Гольдасте	гавбанд	гавбанд	40	40	20	6
Яффт-абад	» »	» »	40	40	20	6

1) Помещику принадлежат земля и вода

2) В этой деревне существовало два *боне* с 5 и 6 крестьянами

ИСТОЧНИК: Дж. Сейфи-Нежад. *Боне. Незамха-йе тоулид-е зе-рай-йе джам габл ва бад аз эслахат-е арзи*. Тегеран, 1974. С. 53.

Примерно в таких же пропорциях производился раздел урожая яровых культур (хлопка, бобовых и др.) между помещиком и сельской артелью *боне*. В частности, в упомянутой деревне Талейб-абад после вычета 10,0% из всего объема урожая, т.е. еще до раздела полученного продукта между земельным собственником и *боне*, в счет расходов на пахоту, которые нес помещик, последний получал 45,0% за землю и воду, которые он сдавал в аренду артели. Совместная доля *боне* в урожае составляла 30,0%. Однако ее ре-

альный доход оказывался значительно ниже, поскольку артель должна была из своей части урожая возместить расходы на полученные перед севом семена, удобрения, дополнительный наем крестьян для выполнения некоторых работ, с которыми самостоятельно артель не могла справиться⁴⁰.

В деревне Чале-торхан урожай яровых культур между артелью *боне* и помещиком и гавбандами распределялся следующим образом:

ТАБЛИЦА 2. Раздел урожая яровых культур (%)

Варианты <i>боне</i>	Доля помещика	Число крестьян	Доля одного крестьянина	Число гавбандов	Доля одного гавбанда
А	45,0	5	9,0	1	10,0
Б	45,0	3	9,0	2	14,0
В	45,0	2	9,0	3	12,3

Источник: Дж. Сейфи-Нежад. Боне. Незамха-йе тоулид-е зе-раи-йе джам габл ва бад аз эслахат-е арзи. Тегеран, 1974. С. 104.

Следует отметить, что в деревне Чале-торхан в варианте А в *боне* представлен гавбанд как охарактеризованный выше социально-экономический тип, который владел рабочим скотом, но лично в производительном труде не участвовавший. В данном случае он доставлял семена и выступал в качестве руководителя артели. В вариантах Б и В гавбандами являлись крестьяне — члены *боне*, имевшие быков, занятые личным трудом и выполнявшие функции поливальщиков и их помощников.

Во всех случаях доля помещика оставалась неизменной (45,0% урожая), поскольку он обеспечивал *боне* землей и поливной водой. За то, что гавбанд ссуживал артель семенами, он забирал 10,0% урожая, тогда как за два «фактора» производства — рабочий скот и труд крестьяне получали соответственно 14,0% и 12,3%, а непосредственный производитель — всего лишь 9,0% выращенного урожая.

Однако на этом окончательный раздел урожая между всеми сторонами, участвовавшими в данном процессе, еще не заканчивался. После вычета из общего объема урожая, например, зерновых (табл. I), доли в счет оплаты работ, выполненных для *боне*

плотником, кузнецом, а также сторожа посевов, в размере 15,7% урожая из оставшихся 84,3% помещик за предоставленные артели землю и воду забирал 42,1% урожая, гавбанд за скот и семена — 32,0%, и два крестьянина за свой труд — по 5,1% урожая⁴¹. При этом, если во всех случаях раздела урожая часть его, причитавшаяся помещику, оставалась неизменной, доля крестьян оказывалась заметно меньше, так как гавбанд забирал часть их урожая еще в счет выданного крестьянам аванса на наем жнецов, пропольщиков, веяльщиков, а также на текущие расходы⁴².

Произошедшие изменения в характере земельной собственности в ходе осуществления аграрной реформы в Иране в 60-х- начале 70-х гг. привели к упразднению института *насака* как порождения крупного помещичьего землевладения, основанного на издольной системе труда. Несмотря на то, что и по завершении аграрной реформы в некоторых районах страны, например в Ширазе, Казвине, Куме⁴³, встречались крупные имения, а в Горгане вплоть до революции 1979 г. сохранялись имения размерами в тысячи гектаров⁴⁴, крупное землевладение во многом потеряло свое прежнее значение и зачастую базировалось уже на иной, отличной социально-экономической основе часто с использованием предпринимательской аренды и наемного труда, с применением сельскохозяйственной техники. Соответственно исчезла и экономическая основа самой издольной системы.

С другой стороны, по реформе крестьяне стали собственниками земли, которую они прежде арендовали у землевладельцев на условиях издольщины, т.е. они получили в собственность ту землю, которая нарезалась им в соответствии с правом *насака*, поскольку согласно аграрному законодательству, земля на условиях выкупа передавалась крестьянам, которым помимо труда принадлежали еще какой-либо один или несколько «факторов» труда, иными словами, — вчерашним издольщикам. В этом смысле, можно полагать, система *насака* в своей сути не только не была упразднена, но и нашла фактическое продолжение в структуре землепользования постреформенной иранской деревни, хотя собственно институт *насака* как совокупность отношений, сложившихся по поводу раздела земли среди крестьян-издольщиков, и прекратил свое существование. Про-

чех категории деревенского населения — барзгары, кроме труда не владевшие никакими иными «факторами» производства, а также наемные рабочие, остались за рамками аграрной реформы⁴⁵.

Следует отметить, что осуществленная по реформе передача земли производителю на основе дореформенного землепользования не могла не вызвать дальнейшего нарастания дефицита земли в мелких крестьянских хозяйствах, поскольку обозначившаяся задолго до начала аграрной реформы, видимо, с конца 20-х гг., тенденция фрагментации крестьянских хозяйств получила дальнейшее развитие и по завершении аграрной реформы⁴⁶.

Что же касается сельской трудовой артели *боне*, то отсутствие данных не позволяет судить о характере ее дальнейшей эволюции. Видимо, в некоторых центральных районах страны *боне*, так же как и *насак*, прекратила существование в связи с ухудшением условий производства мелкого хозяйства. Однако в других районах трудовая артель сохранилась⁴⁷, можно полагать, на иной, отличной от издольной системы, основе.

¹ О «хошнешинах» см.: *Hooglund E.J. The Khwushnishin Population of Iran // Iranian Studies. Journal of the Society for Iranian Studies. Boston, 1973. Vol. VI. № 4. P. 231–241.*

² «Насак» представлял собой в целом систему традиционных правил и норм земле- и водопользования. В некоторых районах страны «насак» употреблялся в значении «сезон земледельческих работ». См.: *Хосрови Х. Джамеэ-йе дехгани дар Иран. Тегеран, 1978/79г. С. 21.*

«Будучи выражением традиционных правовых отношений, “насак” предоставлял право крестьянам заниматься земледелием в деревне». См.: *Джасеми М. Незам-е арбаб-раййати дар Иран // Масайел-е вахдат-е мели. Б.м., 1974. С. 84.*

«Владельцы простых орудий труда занимались земледелием на временно предоставленной в соответствии с “насаком” землевладельцем земле, внося за это последнему натуральную плату». См.: *Соудагар М. Незам-е арбаб-раййати дар Иран. Тегеран, 1980. С. 84.*

³ В отечественной литературе при характеристике размеров землепользования хозяйств термин «джофт-е гав» переводится как «упряжка волов». Волами, как известно, пахали «тяжелые» земли, чернозем. В Иране с жарким засушливым климатом, чтобы не переворачивать пласт, для сбережения влаги пахали сохой, в мелких хозяйствах быками, зачастую коровами. Кроме того, узкая кормовая база, серьезно сдерживавшая развитие крупного животноводства, также не позволяла мелкому хозяйству на мелком землепользовании специально держать дополнительный рабочий скот.

⁴ Для сравнения отметим, в России до революции пахали волами лишь в отдельных южных районах, в частности на Кубани и Дону. См.: *Асайеи Х. Рахнема-йе тахгиг-е рустаха-йе Иран. Тебриз, 1966. С. 29.*

⁵ *Асайеш Х.* Рахнема-йе тахгиг-е рустаха-йе Иран. Тебриз, 1966. С. 29.

⁶ *Насак* представлял собой систему распределения земли в деревне между крестьянскими хозяйствами в соответствии с численностью имевшихся в каждом хозяйстве быков. См.: Барраси-йе амар-е тагсим-е арази дар мархале-йе аввал // Тахгигат-е эгтесади. Тегеран, 1964. № 7–8. С. 190. Также см.: *Соудагар М.* Незам-е арбаб-райяти дар Иран. Тегеран, 1980. С. 162; *Саэдлу Х.* Масай-ел-е кешаварзи-йе Иран. Тегеран, 1978. С. 87–88.

⁷ Амаргири-йе кешаварзи-йе Иран. Тегеран, 1960/61 (1339 г.х.). Т. 15. С. 63, 78; Барраси-йе амар-е тагсим-е арази дар мархале-йе аввал // Тахгигат-е эгтесади. Тегеран, 1964. № 7–8. С. 191.

⁸ *Джасеми М.* Незам-е арбаб-райяти дар Иран // Масайел-е вахдат-е мели. Б.м., 1974. С. 82.

⁹ *Рахмани А.* Малекийат ва бахребардари аз замин дар Иран. Тегеран, 1969/70. С. 192, 224.

¹⁰ *Рахмани А.* Малекийат ва бахребардари аз замин дар Иран. Тегеран, 1969/70. С. 224, 229.

¹¹ *Рахмани А.* Малекийат ва бахребардари аз замин дар Иран. Тегеран, 1969/70. С. 224, 232.

¹² *Рахмани А.* Малекийат ва бахребардари аз замин дар Иран. Тегеран, 1969/70. С. 229–230; *Мохтади М.А.* Эслахат-е арзи дар Иран. Тегеран, б.г. С. 3–4.

¹³ *Рахмани А.* Малекийат ва бахребардари аз замин дар Иран. Тегеран, 1969/70. С. 221.

¹⁴ Текст закона см.: Эслахат-е арзи дар Иран. Б.а. Тегеран, 1962. С. 16.

¹⁵ *Джасеми М.* Незам-е арбаб-райяти дар Иран // Масайел-е вахдат-е мели. Б.м., 1974. С. 84–85.

¹⁶ *Мохтади М.А.* Эслахат-е арзи дар Иран. Тегеран, б.г. С. 4.

¹⁷ *Мохтади М.А.* Эслахат-е арзи дар Иран. Тегеран, б.г. С. 3.

¹⁸ *Сейфи-Нежад, Дж.* Боне. Незамха-йе тоулид-е зераи-йе джам габл ва бад аз эслахат-е арзи. Тегеран, 1974. Ч. I. С. 70.

¹⁹ *Сейфи-Нежад, Дж.* Боне. Незамха-йе тоулид-е зераи-йе джам габл ва бад аз эслахат-е арзи. Тегеран, 1974. Ч. I. С. 5.

²⁰ Закон об аграрной реформе от 1960г. и закон от 1962 г. гласили: «Барзгар не является собственником земли и других земледельческих факторов и за труд на земельного собственника и гавбанда получает долю урожая». Текст закона см: *Хумэн.* Эгтесад-е кешаварзи. Замин. Тегеран, 1963. Т. I. С. 357; Эслахат-е арзи дар Иран. Б.а. Тегеран, 1962. С. 4.

²¹ Ведущая роль в деревенской структуре принадлежала *насаку*. См.: *Саэдлу Х.* Масай-ел-е кешаварзи-йе Иран. Тегеран, 1978. С. 104.

²² *Атаи М.* Гозареш-е эгтесади дар бар-йе галлат-е гармсир-е Хезестан // Тахгигат-е эгтесади. Тегеран, 1962. № 3–4. С. 171; *Рахмани А.* Малекийат ва бахребардари аз замин дар Иран. Тегеран, 1969/70. С. 175; *Асайеш Х.* Рахнема-йе тахгиг-е рустаха-йе Иран. Тебриз, 1966. С. 39.

²³ *Hooglund E.J.* Land and Revolution in Iran 1960–1980. Austin (Tex.): Univ. of Texas press, 1982. P. 20–21.

²⁴ *Сейфи-Нежад, Дж.* Боне. Незамха-йе тоулид-е зераи-йе джам габл ва бад аз эслахат-е арзи. Тегеран, 1974. Ч. I. С. 70.

²⁵ *Сейфи-Нежад, Дж.* Боне. Незамха-йе тоулид-е зераи-йе джам габл ва бад аз эслахат-е арзи. Тегеран, 1974. Ч. I. С. 122.

²⁶ *Хосрови Х.* Джамеес-йе дехгани дар Иран. Тегеран, 1978/79. С. 117.

- ²⁷ Текст по: *Хумэн*. Эгтесад-е кешаварзи. Замин. Тегеран, 1963. Т. I. С. 314–315.
- ²⁸ *Сейфи-Нежад, Дж.* Боне. Незамха-йе тоулид-е зераи-йе джам габл ва бад аз эслахат-е арзи. Тегеран, 1974. Ч. I. С. 42–43, 88–89.
- ²⁹ *Hooglund E.J.* Land and Revolution in Iran 1960–1980. Austin (Tex.): Univ. of Texas press, 1982. P. 24.
- ³⁰ *Сейфи-Нежад, Дж.* Боне. Незамха-йе тоулид-е зераи-йе джам габл ва бад аз эслахат-е арзи. Тегеран, 1974. Ч. I. С. 38–40.
- ³¹ *Сейфи-Нежад, Дж.* Боне. Незамха-йе тоулид-е зераи-йе джам габл ва бад аз эслахат-е арзи. Тегеран, 1974. Ч. I. С. 38.
- ³² *Рахмани А.* Малекийат ва бахребардари аз замин дар Иран. Тегеран, 1969/70. С. 232.
- ³³ *Хумэн*. Эгтесад-е кешаварзи. Замин. Тегеран, 1963. Т. I. С. 313.
- ³⁴ *Hooglund E.J.* Land and Revolution in Iran 1960–1980. Austin (Tex.): Univ. of Texas press, 1982. P. 24.
- ³⁵ *Сейфи-Нежад, Дж.* Боне. Незамха-йе тоулид-е зераи-йе джам габл ва бад аз эслахат-е арзи. Тегеран, 1974. Ч. I. С. 61, 64, 87.
- ³⁶ *Сейфи-Нежад, Дж.* Боне. Незамха-йе тоулид-е зераи-йе джам габл ва бад аз эслахат-е арзи. Тегеран, 1974. Ч. I. С. 45.
- ³⁷ *Сейфи-Нежад, Дж.* Боне. Незамха-йе тоулид-е зераи-йе джам габл ва бад аз эслахат-е арзи. Тегеран, 1974. Ч. I. С. 45.
- ³⁸ *Сейфи-Нежад, Дж.* Боне. Незамха-йе тоулид-е зераи-йе джам габл ва бад аз эслахат-е арзи. Тегеран, 1974. Ч. I. С. 45–46.
- ³⁹ *Hooglund E.J.* Land and Revolution in Iran 1960–1980. Austin (Tex.): Univ. of Texas press, 1982. P. 26.
- ⁴⁰ *Сейфи-Нежад, Дж.* Боне. Незамха-йе тоулид-е зераи-йе джам габл ва бад аз эслахат-е арзи. Тегеран, 1974. Ч. I. С. 50–51.
- ⁴¹ *Сейфи-Нежад, Дж.* Боне. Незамха-йе тоулид-е зераи-йе джам габл ва бад аз эслахат-е арзи. Тегеран, 1974. Ч. I. С. 100–101.
- ⁴² *Сейфи-Нежад, Дж.* Боне. Незамха-йе тоулид-е зераи-йе джам габл ва бад аз эслахат-е арзи. Тегеран, 1974. Ч. I. С. 105.
- ⁴³ *Аджами И.* Шешданги. Пажухеши дар замин-йе джамезешенаси-йе рус-таи. Б.м. 1971 (1350 г.х.). С. 30–31; *Махдави Х.* Тахавволат-е сисале-йе йек дех дар дашт-е Казвин // *Маджмуэ-йе кетаб-е агах*. Масайел-е арзи ва дехгани. Тегеран, 1982 (1361 г.х.). С. 57–58; *Сейфи-Нежад, Дж.* Боне. Незамха-йе тоулид-е зераи-йе джам габл ва бад аз эслахат-е арзи. Тегеран, 1974. Ч. I. С. 172, 174; Кейхан. 27.06.1981.
- ⁴⁴ Этталаат. 18.02.1980.
- ⁴⁵ Подробнее: *Демин А.И.* Современная иранская деревня. М., 1977. С. 114–119.
- ⁴⁶ См.: Амаргири-йе кешаварзи-йе кешвар. Тегеран, 1960/61 (1339г.х.). Т. I. С. 33. Т. II. С. 27. Т. IV. С. 26. Т. V. С. 26. Т. XIV. С. 26; *Натаедж-е амаргири-йе кешаварзи, мархале-йе доввом-е саршомари-йе кешаварзи-йе 2522*. Б.м., 1977 (2535). С. 16, 17, 20, 53.
- ⁴⁷ *Сазду Х.* Масай-ел-е кешаварзи-йе Иран. Тегеран, 1978. С. 104.

Синфы как организационная структура городской жизни

В городах Ирана, как и в других сопредельных странах, в период средневековья формируется цеховая структура торгово-ремесленного сегмента, к X веку она получает организационное оформление и становится основной формой городской хозяйственной и социально-религиозной жизни. По поводу времени создания синфов, как главной единицы городского хозяйства, существуют разные мнения. Скорее всего прототипы синфов («таифа» или «хирфа» в арабских странах) существовали в иранских городах до принятия ислама, а после арабских завоеваний, принятия ислама и начала выделения сект стали приобретать, особенно на перифериях, религиозно-организационный оттенок и распространились практически повсеместно.

Есть свидетельства о наличии цеховых организаций еще во времена Сасанидов. Уже тогда каждое ремесло имело свою отдельную организацию, и ремесленники, состоящие в этих организациях, были обязаны не только умело и добросовестно работать, но и имели право требовать справедливую плату за свой труд¹. Н.В. Пигулевская, ссылаясь на грузинские и сирийские источники, говорит о том, что ремесленные корпорации несомненно были уже в VI в².

Л.В. Строева в своей книге «Государство исмаилитов в Иране» говорит о том, что «арабы запретили разрешенное Сасанидами существование ремесленных корпораций», ссылаясь при этом на мнение Л. Массиньона. По его словам, «примитивный арабский ислам... не предвидел статута для ремесленников, которых завоевание городов заставило войти в зависимость от принципов ислама. Ряд профессий рассматривались как нечистые и были запрещены для правоверных. Чтобы отстоять свое право на кусок хлеба, эти выброшенные из элиты ислама элементы становятся все более активной оппозицией, они объединяются в просветительские товарищества, имеют свою точку зрения о чести, свою футувву»³. Под термином «футув-

ва» следует понимать корпорации ремесленников, торговцев, разных слоев городской бедноты, а также иногда феодальную знать.

Согласно И.П. Петрушевскому в VIII–IX вв. в городах Ирана уже действовали синфы (аснаф) — цеховые объединения свободных ремесленников⁴.

А.Ю. Якубовский и Н.А. Кузнецова считали, что цеховые организации в Иране действовали в X в. Иной точки зрения придерживался В.А. Гордлевский, который связывал появление ремесленных организаций (имея в виду территории Османской империи) с религиозно-рыцарским орденом *ахи*, следовательно, с XIII в.⁵

Однако, согласно Луи Массиньону, концепция которого была воспринята Б. Льюисом и многими востоковедами, корпоративные организации торговцев и ремесленников появились среди разных сект исмаилитов не ранее IX–X века (у карматов)⁶, или XI века (у низаритов)⁷. На наш взгляд, это не противоречит мнению, что в городах Ирана синфы могли появиться и ранее. Во-первых, исмаилиты не имели определяющего влияния на жизнь иранского города. А во-вторых, они могли использовать уже существовавшие в городах корпоративные объединения для своей пропаганды, придавая им религиозно-мистический характер.

М.Х. Гейдаров, подробно исследовав генезис и историческую эволюцию ремесленных организаций, их взаимоотношения с суфийско-дервишскими орденами (*ахи*), считает, что их название тоже со временем претерпевало трансформацию. В XIII–XV вв. наиболее употребительным термином было «мохтарифе» (от арабского — ремесленник, мастер), а уже с XVI в. наряду с этим названием стал употребляться термин синф (аснаф), который становится доминирующим с начала XVIII в.⁸

Вступление в корпорацию часто сопровождалось определенной обрядностью и обязательствами. Посвящение в синф или футувву, создавало братскую связь, подчиненную корпоративной справедливости. В ранних уставных грамотах (футувватнаме), значительная роль отводилась обрядовой стороне жизни членов организаций, в более поздних (рисале) — производственной регламентации.

Цехи в период распространения ислама часто находились под влиянием дервишеских братств. Интересно, что среди правил и

наставлений, приводимых в «Кабус-наме» по отношению к ремесленникам, одно ясно характеризует взаимоотношения членов синдфов с государственной властью: «с царем будь честен, но не стремись к нему на службу»⁹.

В отличие от Европы синдфы в Иране совмещали черты и цеха, и гильдии, объединяя по отраслевому принципу и ремесленников, и торговцев. С точки зрения возможностей трансформации восточного общества именно это обстоятельство, на мой взгляд, более существенно, нежели регламентированность хозяйственной жизни иранского города. В синдфах, как важнейшей организационной структуре городского общества, нашло свое проявление одно из существенных отличий экономического развития на Западе и на Востоке — крайне замедленный процесс отделения ремесла от торговли. А это, в свою очередь, тормозило разложение традиционных укладов и возникновение более прогрессивных.

Безусловно, синдфы как организационная ячейка хозяйственной жизни являлась органичной частью жестко централизованного восточного общества, копируя систему взаимоотношений разных социальных структур в обществе в целом. Синдфы находились под строгим и постоянным контролем центральной власти, центральная власть решала вопросы руководства синдфами, их налогообложения и даже установления цен на готовую продукцию¹⁰.

На условия жесткой социальной иерархии раннефеодального общества Ирана накладывалась и сама природа синдфа как религиозно-профессиональной организации, что делало его замкнутой системой. Члены синдфа могли занять более высокую ступень в социальной структуре лишь в чрезвычайных условиях, в результате разбойных или военных действий. Так, Якуб ибн Лейс Саффар, бывший подмастерьем медника, захватив власть в Систане, основал в IX в. эмират Саффаринов, в который позже вошли Керман, Фарс и Хоросан¹¹.

В обычных условиях, т.е. в условиях мирного времени, человек, оказавшись в рядах корпорации, должен был постепенно постигать одну ступень мастерства и социального статуса за другой, оставаясь в рамках замкнутой социальной ориентации. Однако не стоит преувеличивать степень этой замкнутости по сравнению с западным корпоративизмом, по крайней мере, вплоть до начала промышлен-

ного переворота в Европе, т.е. до XVII–XVIII вв. Конечно, специфика организации труда внутри синфа опиралась на религиозные и профессиональные предписания, жестко регламентировалась, что тормозило совершенствование технологии производства и самого работника, как инициативной и предприимчивой личности. Но подобное существовало и в европейских цеховых организациях.

Более того, посетивший Иран уже во второй половине XVII в. французский путешественник Ж. Шарден отметил не только более размытую социальную иерархию в Иране, но и меньшую по сравнению с европейской регламентированность в цеховой организации. Для открытия мастерской достаточно было зарегистрировать у старейшины лишь свое имя и место жительства, уплатив небольшую пошлину, что для западных стран было недостаточно. Не устраивались экзамены, не требовались рекомендации от мастеров, обучавших нового претендента¹².

Поэтому, безусловно, правильная характеристика синфов как одной из систем замкнутого общества, которая глушила в сознании средневекового человека индивидуализм, дух предпринимательства, через которую весь комплекс поведения жестко определялся регулирующей функцией государства, в результате чего общество оказалось неспособным выделить носителей хозяйственной инициативы¹³, не дает ответа на вопрос, почему европейская цеховая организация, также строго регламентированная, оказалась способной на реорганизацию, а восточная — нет. Видимо, причины не столько в степени их внутренней регламентации, сколько в более широком аспекте. Одна из них — неотделенность ремесла от торговли. Другие причины заключаются в характере взаимосвязей с государственной властью, в целом с различной ролью восточного и западного города в формационном (или цивилизационном) развитии.

Как бы ни продвинулся член синфа по ступенькам социальной иерархии, он не становился менее зависимым как личность в отношении к центральной власти. Однако в рамках города члены синфа, так же как и жители отдельных городских районов, религиозных общин, создавали свой особый социум с устойчивыми традициями, через который реализовывалась социально-экономическая политика центральной власти.

В X–XI вв. сформировался тот тип города, который практически без изменений дойдет до XIX и даже XX века, в котором важнейшей структурой являлись синфы. Кроме них в городах стали появляться крупные мастерские, которые принадлежали шаху, государству или отдельным представителям знати. Так, семье арабского землевладельца Расиби, владевшей округом Дур ар-Расиби в Хузестане, принадлежало 80 таких крупных мастерских, производивших плюш и другие шелковые ткани¹⁴.

Отделение ремесла от торговли происходило главным образом в виде отделения от ремесла и сельского хозяйства оптовой торговли. В Иране, как и в других мусульманских странах, именно оптовая торговля оказывала чрезвычайно большое влияние на экономическое развитие и с точки зрения развития товарно-денежных отношений, и с точки зрения роста экономической инфраструктуры. Для оптовой торговли повсеместно строились караван-сарай, служившие и складами, и торговыми биржами, и гостиницами. Для них прокладывались дороги, строились колодцы. Оптовая торговля породила безличную форму расчетов, которая была распространена уже в X–XI вв., само название чек — персидского происхождения.

Показателем экономического подъема, переживаемого в XVI–XVII вв., стала активизация городской жизни Ирана. Посещавшие страну европейцы восторженно писали о бурлящих торговой деятельностью ремесленных кварталах, о качестве и разнообразии выпускаемой продукции, а знакомясь непосредственно с производством, его организацией, не акцентировали своего внимания на отличиях производственно-организационной структуры от европейской. А это только может свидетельствовать о том, что отличий, по крайней мере на уровне самого производства, было немного.

В период Сефевидов значительно повысилась, по сравнению с прошлым периодом, роль синфов. Цех выбирал своего старшину, который обязательно должен был утвержден городским главой-калантаром. В начале года калантар собирал всех старейшин цехов и совместно распределял между всеми синфами сумму налога на ремесло.

Помимо ремесленных мастерских, в городах существовала и другая форма организации производства — так называемые кархане, которые стали распространяться в Иране после монголов. Но если ра-

нее они были дворцовыми мастерскими, использовавшими труд рабов, то теперь, также оставаясь преимущественно дворцовыми мастерскими, пользовались наемным трудом. Ссылаясь на де Клавихо, Н.А. Кузнецова считала, что «монополия производства, присвоенная кархане еще при Тимуре, ограничивала права свободных ремесленников и не давала им возможность заниматься всеми видами ремесел. Кархане не были объединены в синфы, а подчинялись непосредственно одному из ведомств дворцового управления, получая от него жалование, одежду¹⁵. Кархане представляло собой специально построенное здание, где либо все трудились сообща, в зависимости от технологии, либо каждый имел в нем свою мастерскую.

«...Персидский шах содержит множество мастеров во всех отраслях ремесла, — писал Ж. Шарден... для каждого ремесла возведено особое здание, к которому приписаны определенные работники; там у каждого из них есть своя мастерская, в которой он и работает, если только ему не пожаловано разрешение работать отдельно дома или еще где-либо. Эти учреждения по-персидски называются кархане». Так как занятость на кархане была невелика, многие из их работников успевали сделать для себя или по заказу горожан «в четыре раза больше, чем для шаха»¹⁶.

В трактате Мирзы Сами «Тазкират ал-мулук» говорится о 33 кархане, а у Шардена о 32 кархане, в каждом из которых трудилось в среднем по 50 человек, что даже по сегодняшним иранским критериям¹⁷ позволяет их отнести к «крупным» производствам. Если внутренняя структура городских хозяйственных организаций и напоминала европейскую, то структура взаимоотношений синфов с городскими властями была более жестко организована. Главным отличием было то, что через калантара синфы, как и шахские кархане, оказывались в самой непосредственной зависимости от шахской власти. Большая, по сравнению с Востоком, независимость западного города, появление в деревнях соперничавших с городскими цехами производств сделали возможным появление в европейском производстве различных производственных новшеств. Это стало одним из условий, подготовивших промышленный переворот, а в иранском городе при схожести цеховых объединений и форм промышленного производства, сколько-

нибудь значительных технических внедрений не происходило. Так, например, единственное, что отметил Шарден из технических достижений самой развитой отрасли иранской промышленности — шелковой, — это специальные приспособления для размотки шелка. Конечно, искусство выделки шелка было велико, но оно основывалось, главным образом, на личном мастерстве ткачей, а сами ткани отличались лишь рисунком и местными особенностями производства. Например, в 1706 г. в Россию приезжал иранский купец Казим-бек, и в перечне его товаров, помимо шелка-сырца, были шелк «рештецкий», «шемахинский» и т.д.,¹⁸ Но и позже виды тканей отличались лишь местными особенностями технологии и не видоизменялись под влиянием технических нововведений.

Главным фактором модернизации экономической жизни города стало привнесение европейского опыта и создание крупных предприятий, оснащенных машинной техникой. Синфы все больше становятся формой организации ремесленного производства и торговли, разделяясь, как и раньше, не по принципу торговля или производство, а по отраслевому признаку.

С приходом Реза-шаха к власти в Иране начался этап модернизации, совмещавший освоение западных образцов социально-экономической жизни с опорой на собственные финансовые силы. В 1926 г. в Иране были отменены феодальные налоги на синфы, как на корпорации ремесленников и торговцев. Каждый из членов синфа стал самостоятельным плательщиком налогов. Протекционистская политика не только стимулировала развитие фабрично-заводской промышленности, но и развитие мелкотоварного городского производства, как в его традиционных формах, так и современных, отвечающих потребностям модернизирующейся экономики. Сравнение данных по синфам, которые объединяют самостоятельных, т.е. мелких товаропроизводителей, за 1926 и 1950 г. выявило появление новых для Ирана предпринимателей, осуществлявших ремонт автомашин, владельцев прачечных, фотоателье и т. п. Только в Тегеране с 1923 г. по 1933 г. возникло 2,3 тысяч новых мастерских. В середине 30-х годов, несмотря на то, что строились крупные предприятия, кустарная промышленность обеспечивала до трети всей потребности страны в текстильных товарах, доля ремесла в ВВП составляла 6,6%,

почти не уступая фабрично-заводской промышленности¹⁹.

Но синфы все более и более «уходят» в область торговли и услуг, представляют собой организационную структуру, остающуюся основной на базаре. Синфы при этом организационно не размывались, а наоборот, укреплялись. Эта форма объединения мелких производителей и крупных торговых капиталов, которые заправляли в синфах, оказалась удобной как при Реза-шахе, так и в период «белой революции». При Реза-шахе они были включены в систему государственных монополий. Правительство последнего шаха пыталось их использовать для контроля за внутренним рынком.

В каждом крупном городе Ирана действовали синфы. В 1960 г. только в Тегеране действовало около 90 синфов, насчитывавших около 100 тыс. членов (на 2 млн жителей). Во главе синфов стоял Высший совет, состоявший из 50 членов, каждый из которых являлся главой отраслевого синфа. Появились синфы владельцев кинотеатров, гаражей, электростанций, стационарных холодильников и т.п.

Однако синфы, как объединения преимущественно традиционного капитала, безусловно вытеснялись на периферию экономической жизни. В 1969 г. Высший совет синфов Тегерана из-за разногласий с партией «Иране новин» был распущен. Была проведена реорганизация синфов. С 1971 г. все синфы были объединены Главы палат назначались правительством. В Тегеранской палате было 130 синфов с числом членов 250 тысяч. С этого периода государство начинает особенно активно вмешиваться в процессы ценообразования, контроля за ценами на городском рынке — через систему синфов. Из 149 образованных в городах синфов 30 за нарушение их членами закона о продаже по фиксированным ценам были распущены. Палаты синфов заявляли, что основной причиной повышения цен является деятельность промышленных концернов и крупных оптовых компаний.

Вновь значение синфов возросло в период усиления контроля над ценами после исламской революции, особенно в период ирано-иракской войны. Именно синфы стали одним из главных каналов распределения товаров, сконцентрированных в торговых центрах. После перехода к политике либерализации, ликвидации этих торговых центров роль синфов сократилась настолько, что в иранской прессе они сейчас почти не упоминаются. Однако организационно они сохраня-

ются, оставаясь органической частью базара, объединением преимущественно торговцев и мелких производителей профессионального типа, наподобие профсоюзов. Можно сказать, что они представляют собой не просто отживающий вид хозяйственной структуры, а форму трансформации средневековой организации городской экономики в современные формы. Но останется ли за этими современными формами старое название, да и нужно ли его оставлять? Как явление, синфы представляют несомненный интерес, так как в отличие от других мусульманских стран долго сохраняли в Иране свое значение.

¹ *Пигулевская Н.В.* Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.; Л., 1946. С. 222–228; *Пигулевская Н.В.* Города Ирана в раннем средневековье. М.; Л., 1956. С. 222–223, 229. *Тревер К.В.* К вопросу о ремесленных корпорациях в Сасанидском Иране // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. История и филология. М., 1967. С. 159.

² История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958. С. 47, 72.

³ *Massignon L.* Les corps des Métiers. Opera Minor. Textes recueillis, classés et présentés avec une bibliographie par J.Moubarac. T. 1, Dar al-Maarat. Liban; Государство исмаилитов в Иране в XI–XIII вв. М., 1978. С. 22.

⁴ История Ирана, М., 1977. С. 131.

⁵ *Гордлевский В.А.* Избранные сочинения. М., 1960. Т. 1. С. 283–307.

⁶ История Ирана, М., 1977. С. 134–135.

⁷ См. подробнее: *Иванов Н.А.* Арабо-османский цех в XVI–XVII вв. // Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990. С. 185–187.

⁸ *Гейдаров М.Х.* Ремесленное производство и торговля в городах Азербайджана в XVII в. Автореферат дисс. ... доктора исторических наук. Баку, 1971. С. 38.

⁹ *Строева Л.В.* Государство исмаилитов в Иране в XI–XIII вв. М., 1978. С. 24.

¹⁰ *Белова Н.К.* Традиционный город в Иране и его эволюция // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 181.

¹¹ История Ирана, М., 1977. С. 133.

¹² *Петрова И.П.* Этносоциальное и культурное развитие Ирана во второй половине XVII в. в сочинении французского путешественника Ж. Шардена // Исламские страны и регионы. История и современность. М., 1994. С. 27–28.

¹³ *Иванов С.М.* Человек в изменяющемся экономическом пространстве Османской империи (К вопросу о зарождении капиталистического уклада в мусульманской этноконфессиональной среде) // Исламские страны и регионы. История и современность. М., 1994. С. 79–81.

¹⁴ История Ирана, М., 1977. С. 142.

¹⁵ *Кузнецова Н.А.* Из истории социально-экономических отношений в Иране в первой трети XIX в. (иранский город и городское ремесло). Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 1952. С. 105–107.

¹⁶ Исламские страны и регионы. История и современность. М., 1994. С. 26–27.

¹⁷ Исламские страны и регионы. История и современность. М., 1994. С. 26.

¹⁸ *Бушев П.П.* Иранский купчина Казим-бек в России, 1706–1709 гг. М., 1979. С. 171, 175.

¹⁹ *Мамедова Н.М.* Городское предпринимательство в Иране. М., 1988. С. 24.

Федорова И.Е.

Политика США в Иране в конце 40-х — начале 50-х годов XX века

Наше желание осветить политику Соединенных Штатов и их роль в перевороте 1953 года в Иране определяется тем, что до сих пор этот вопрос активно обсуждается не только в академических кругах, но и политиками, проводящими параллели между событиями прошлого века и современной ситуацией в регионе Ближнего и Среднего Востока.

Указанные годы стали начальным этапом холодной войны, а Иран продолжал оставаться местом, где разворачивалась борьба великих держав за господство над важнейшим стратегическим и экономическим районом мира. Внешнеполитическая линия США основывалась на двух доктринах. Во-первых, на стратегии «сдерживания» президента Г. Трумена, сводившейся к противодействию проникновению идей коммунизма в различные регионы мира и созданию «пояса безопасности» вокруг СССР — от Норвегии до стран Ближнего Востока. Во-вторых, на доктрине президента Д. Эйзенхауэра, сформировавшейся под влиянием братьев Даллес. Один из них — Аллен Даллес — известен как глава ЦРУ, а Джон Фостер Даллес стал государственным секретарем США. В своих статьях и в выступлениях в Совете по международным делам Конгресса США Дж.Ф. Даллес сформулировал концепцию, которая называлась «Новый взгляд». По его мнению, стратегия сдерживания президента Трумена была недостаточно эффективной. Ее следовало заменить «жесткой политикой» и энергичной деятельностью по претворению в жизнь американских ценностей. Д. Даллес считал необходимым сформировать антикоммунистическую оборонительную систему, создав цепь американских баз по всему периметру советского влияния, что было чрезвычайно важно «для достижения военных целей США на Среднем Востоке».¹ Ирану в

его концепции отводилось место центрального звена стран «Северного яруса», опоясывавших Советский Союз с юго-запада.

Помимо стратегических целей политика США определялась экономическими приоритетами, в первую очередь, интересами крупных нефтяных корпораций. Президент Д. Эйзенхауэр подчеркивал, что «Средний Восток лежит на перекрестке всех дорог восточного полушария, и на его территории сосредоточены две трети запасов нефти, которые позволяют покрыть нужды многих государств Европы, Азии и Африки»². В этой связи нефтяные интересы США в регионе в послевоенные годы вышли на первый план.

Воспользовавшись ослаблением Великобритании и СССР в ходе Второй мировой войны, Америка начала выдвигаться на роль наиболее влиятельной иностранной державы, стремясь ограничить сферу деятельности Великобритании в Иране и расширить свои возможности по контролю над добычей и реализацией иранской нефти. Ее задачу облегчало то, что в восприятии иранцев Соединенные Штаты, в противовес России и Великобритании, достаточно скомпрометировавших себя за долгие годы отношений с Ираном, являлись третьей силой, на которую можно было положиться.

В указанные годы росла американо-иранская торговля. Белый дом активно предоставлял кредиты Ирану, как обычно сопровождая их условиями по контролю американской стороны над их реализацией. В 1946 году и в 1950 году были подписаны американо-иранские военные соглашения, в результате которых перевооружение и реорганизация иранской армии происходили под жестким контролем американских военных миссий. Это и Army mission (ARMISH), и Military Assistance Advisory group (MAAG). Обе эти миссии просуществовали до революции 1979 года и осуществляли важнейшие американо-иранские военные связи. Следует отметить, что в 1946–1947 годах Соединенные Штаты установили тесные личные и деловые отношения с шахом Мохаммадом Реза Пехлеви, которые шли в обход правительства Ирана. Особую роль в этом сыграл американский посол в Иране Дж. Аллен, проводивший много времени с шахом и его семьей. В неформальном общении, во время игры в теннис, или во время обеда он обсуждал с шахом важные политические вопросы.

Соединенные Штаты проводили свою политику в крайне нестабильной политической обстановке. Кабинеты министров в Тегеране сменяли один другого. Народные движения, среди которых были как левые, так и правые, как националистические, так и демократические, как религиозные, так и светские, охватили страну. А осенью 1949 года в Иране была создана буржуазно-националистическая партия под названием «Национальный фронт» во главе с доктором М. Мосаддеком. Известный американский иранист Д. Билл называет его принципиальным, проницательным политиком, «человеком, выразившим надежды большинства своих соотечественников и пережившим великий подъем и великое падение»³. К Национальному фронту присоединились политики достаточно разных политических убеждений и взглядов: от ультранационалистических до умеренно-либеральных. Основным объединяющим моментом стала оппозиция всем формам иностранного вмешательства во внутренние дела Ирана и стремление взять доходы от нефтяных ресурсов страны в свои руки, избавившись от соглашения 1933 года с АИНК, которое предоставляло компании полное управление иранской нефтью. Представляется необходимым вспомнить, что соглашение с АИНК являлось пересмотром договора 1901 года на предоставление концессии Д'Арси. Согласно этому договору Англо-иранская нефтяная компания сохраняла права на добычу нефти на территории, расположенной к югу от линии, идущей на юго-восток от пункта на ирано-иракской границе, находившегося к северо-западу от Керманшаха, через Луристан, города Саидабад и Бампур до границы с тогдашним Английским Белуджистаном. Хотя эта территория и стала несколько меньше по сравнению с концессией Д'Арси, она была огромной. Компания сохраняла собственную полицию, права на покупку земли, строительство железных дорог, портов, телеграфных линий, аэродромов, радиостанций. Как и в начале XX века, АИНК оставалась «государством в государстве». При этом налоги, которые компания платила в английскую казну, составляли большую сумму, чем концессионные платежи правительству Ирана.

Здесь стоит отметить, что движения за национализацию иностранных нефтяных компаний или же за пересмотр условий их

деятельности имели место и в других странах. В 1948 году в Венесуэле было подписано соглашение о разделе прибыли от добычи нефти «пятьдесят на пятьдесят». В Саудовской Аравии на протяжении нескольких лет шли подобные же переговоры, и 30 декабря 1950 года было также подписано соглашение о разделе прибыли «пятьдесят на пятьдесят» с ARAMCO (Arabian American Oil Company). Важнейшей вехой в истории Ирана XX века было принятие меджлисом 15 марта 1951 года закона о национализации нефтяных предприятий АИНК и назначение 29 апреля 1951 года доктора М. Мосаддека главой правительства Ирана. Претворение в жизнь названного закона, вывод экономики Ирана из кризиса за счет получения доходов от продажи нефти стало приоритетной задачей его кабинета.

На этом фоне Соединенные Штаты поддерживали, а зачастую и направляли те или иные политические силы в той мере, в которой они способствовали подрыву позиций Великобритании и продвижению национальных интересов США. Причем политика Белого дома была весьма гибкая и дальновидная. Существуют определенные свидетельства о том, что на первом этапе кризиса Соединенные Штаты и связанные с ними агенты принимали участие в широком движении за аннулирование концессионного договора с АИНК, имея в виду расширить присутствие своих нефтяных монополий в Иране. Их деятельность, по некоторым оценкам, способствовала тому, что в июле 1949 года было заключено «Дополнительное соглашение» АИНК с правительством Ирана, в котором правительство Великобритании несколько увеличивало отчисления Ирану за проданную нефть, но которое не было ратифицировано меджлисом ни 15-го, ни 16-го созывов. Еще одним фактом в этом ряду является то, что Белый дом отказался предоставить правительству А. Размара, которое было ориентировано на сохранение позиций АИНК в Иране, заем для выхода из политического и экономического кризиса. Позиция этого премьер-министра имела достаточно выраженный антиамериканский характер. Он аннулировал контракт с «Overseas Consulting Incorporated», занимавшейся разработкой семилетнего плана, и предложил американским советникам покинуть Иран. В этой связи его убийство 7 марта 1951

года, хотя и совершенное Тахмасеби, членом «Федаян-е ислам», не вызывает удивления.

Представляется, что США более трезво, чем Великобритания, оценивали ситуацию в Иране и возможность национализации АИНК. По словам Д. МакГи, советника Государственного секретаря, в мае 1950 года, т.е. за год до принятия закона о национализации нефти, он послал телеграмму в Государственный департамент, в которой говорилось о реальной возможности национализации АИНК и о необходимости руководству компании пойти на уступки правительству Ирана. Д. МакГи обсуждал в сентябре 1950 года этот вопрос с директорами АИНК. В ответ на его предложения о смягчении позиции сэр Уильям Фрейзер, председатель совета директоров АИНК, заявил: «На пенни больше, иначе компания разорится»⁴.

Здесь стоит сказать, что некоторые британские дипломаты и государственные деятели считали необходимым начать военную операцию против Ирана. Министр иностранных дел Великобритании Э. Иден отмечал, что «соблазн вмешаться и военным путем вернуть украденную собственность был велик»⁵. В марте 1951 года несколько английских военных кораблей вошли в Персидский залив и остановились на реке Шатт эль Араб в непосредственной близости от портов Абадан и Хорремшехр. Однако желание применить военную силу для решения кризиса в Иране не нашло необходимой поддержки в британском правительстве. Во многом это объяснялось давлением США. Основной довод американских дипломатов состоял в том, что британская интервенция даст повод СССР оккупировать Иранский Азербайджан и поддержать партию ТУДЕ в соответствии со статьями договора 1921 года о том, что СССР может ввести свои войска в Иран, если третьи страны используют Иран для враждебных действий против него. Однако представляется, что на решение правительства Соединенного Королевства повлияли и другие факторы. В это время Великобритания столкнулась с целым рядом внешнеполитических проблем и не могла позволить себе начать военный конфликт без поддержки США. Ведь в Индии, незадолго до этого получившей независимость, политическая ситуация была нестабильна, нарастал индо-пакистанский конфликт в Кашмире, а продолжающийся кризис в Египте угрожал британским интересам.

По мере развития ситуации в Иране политика президента Г. Трумена была направлена на то, чтобы стать посредником в спорах между Великобританией и Ираном, склонив их к компромиссу и получив максимальные выгоды для себя как от одной, так и от другой стороны. Официальные представители Вашингтона подчеркивали, что позиция Тегерана имеет право на существование и английской стороне необходимо пойти на уступки. В мае 1951 года президент Г. Трумен направил письмо премьер-министру Ирана, настоятельно рекомендуя начать переговоры с АИНК. В июле 1951 года посол по особым поручениям президента Трумена А. Гарриман прибыл в Иран и убедил М. Мосаддека принять в августе 1951 года делегацию АИНК. Несмотря на усилия американской стороны, переговоры между главой иранского правительства и представителями АИНК окончились безрезультатно. В августе 1951 года в Тегеране прошли новые консультации между АИНК и правительством Ирана, в которых А. Гарриман выступал в качестве посредника. Во время этих консультаций явно прослеживалось желание США проникнуть на рынок иранской нефти. Свидетельством этому могут служить предложения Американского экспортно-импортного банка о предоставлении Ирану займа в сумме 25 миллионов долларов и готовность крупнейших американских технических фирм послать американских специалистов для замены английского персонала, после аннулирования договора с Великобританией.

Еще одной попыткой Вашингтона достичь компромисса между Великобританией и Ираном и усилить свое влияние в Иране стали переговоры во время визита М. Мосаддека в Вашингтон в октябре-ноябре 1951 года. Официальная цель визита состояла в выступлении в Совете безопасности ООН по иранскому вопросу. Однако премьер-министр Ирана пробыл в Вашингтоне около месяца, обсуждая с Д. МакГи, помощником Государственного секретаря США и советником по вопросам нефти, возможные варианты соглашения с Великобританией. Тогда же состоялись встречи М. Мосаддека с президентом Г. Труменом и Государственным секретарем Д. Этчисоном. Предложения английской стороне, выработанные во время этих переговоров, включали в себя образование на базе АИНК национальной иранской нефтяной компании, отвечающей за разработку,

добычу, транспортировку и продажу иранской нефти. Предложенное ценовое соглашение по распределению доходов было очень близко к схеме «пятьдесят на пятьдесят», на основе которых уже работала Арабско-американская нефтяная компания.

Несмотря на усилия Государственного департамента и Белого дома, новое консервативное правительство Великобритании не приняло условия этого соглашения. Премьер-министр У. Черчилль и министр иностранных дел А. Иден опасались, что США пытаются использовать М. Мосаддека для продвижения интересов американских нефтяных компаний в Иране. А предоставление Тегерану военной и экономической помощи в 1951 году и в начале 1952 года только укрепило их подозрения. Помощь предоставлялась Соединенными Штатами согласно «четвертому пункту программы Трумена». В 1951 году она составила 1 млн долларов США, а в 1952–1953 годах достигла 23 млн долларов США. Военное сотрудничество между обеими странами также продолжалось. В Иране находились американские военные советники, и США отправляли в Иран военные грузы.

Одновременно с укреплением контактов с правительством М. Мосаддека и оказанием ему финансовой и экономической помощи США способствовали оказанию политического и экономического давления на Иран. В июле 1951 года Белый дом поддержал Великобританию, когда последняя передала вопрос о нефтяном конфликте с Ираном в Гаагский международный суд. Решением суда Ирану запрещалось предпринимать какие-либо действия по изменению положения АИНК. Знаковым событием в этом ряду стала одобрение правительством Соединенных Штатов в октябре 1951 года закрытия нефтеперегонного завода в Абадане и запрета Великобританией транспортировки иранской нефти. По существу начался бойкот нефти Ирана.

Последствия этого были трагическими. Попытки правительства в Тегеране преодолеть блокаду были безуспешны. И у Ирана оказались, по сути, перекрыты все пути для реализации закона об осуществлении национализации нефтяной промышленности. В это же время американские компании, воспользовавшись нехваткой нефти на мировых рынках, резко увеличили добычу нефти в ряде стран Ближнего Востока. По мере развития событий США стали

все больше склоняться на сторону Великобритании, обуславливая свое вмешательство в иранский кризис уступками со стороны Великобритании в нефтяном вопросе. Немалую роль в этом сыграли опасения США, что движение за национализацию нефтяных ресурсов может перекинуться и на другие нефтедобывающие страны. Эти опасения ясно прослеживаются в разговоре президента Трумена с сотрудником администрации США Артуром Корком. Последний приводит следующие слова президента США: «Если иранцам удастся осуществить заявленные планы, Венесуэла и другие страны, от поставок нефти из которых мы зависим, последуют за ним. И это самая большая опасность в противостоянии Ирана с Британией»⁶.

Постепенно Белый дом согласился с идеей Великобритании о том, что наилучший способ справиться с ситуацией в Иране — сбросить правительство М. Мосаддека и заменить его правительством, более склонным к компромиссам. Варианты тайного переворота рассматривались в ЦРУ и до 1953 года. Однако они не получали одобрения в высших эшелонах американской власти, пока Республиканская партия не победила на выборах.

Перемена позиции США была обусловлена несколькими причинами. С начала 50-х годов США были охвачены идеями противостояния коммунистической угрозе во всем мире, и в частности, в Иране. На то были свои основания. В это время коммунистическим стал Китай, разворачивалась корейская война, Хо Ши Мин успешно действовал во Вьетнаме. А Мосаддек был слишком слабой фигурой, неспособной остановить коммунистическую угрозу. Во внутренней политике это совпало с деятельностью сенатора Дж. Маккартни во главе Постоянного подкомитета Сената США по расследованию антиамериканской деятельности. Вторая причина состояла в том, что США добились значительных уступок от английских нефтяных компаний и получили возможности доступа к иранской нефти. Здесь стоит вспомнить, что еще в октябре 1943 года Дж. Бернс, директор «Office of the War Mobilization», в письме президенту Ф. Рузвельту указывал на необходимость установления контроля над иранской нефтью. Он считал, что правительство Великобритании должно предоставить правительству США

право владеть третьей частью иранской нефти, находящейся в их собственности, в качестве компенсации за вклад США во Вторую мировую войну⁷.

В Великобритании существенное влияние на принятие решения о прямом вмешательстве во внутренние дела Ирана оказал приход к власти консерваторов и формирование кабинета министров во главе с У. Черчиллем, сторонником решительных действий. Именно он дал указание на выполнение «Операции Бут». (В американских специальных службах эта операция носила название «Операция Аякс».) Для лидеров обеих стран в этот период борьба против угрозы коммунизма и национализма стала приоритетом внешней политики, и они проводили ее в жесткой форме в тех районах мира, где были сконцентрированы их экономические и политические интересы.

В рамках подготовки операции в ноябре 1952 года состоялся обмен мнениями о возможной тайной операции в Иране между сотрудниками британских и американских специальных служб. В Вашингтоне британский офицер С. Вудхаус встретился с американскими чиновниками в Государственном департаменте и ЦРУ и обсудил предстоящую операцию. В это же время к майору К. Рузвельту, руководителю операциями ЦРУ на Среднем Востоке, обратились с такими же предложениями коллеги С. Вудхауса. Решение о начале «Операции Аякс» было принято 25 августа 1953 года на совещании в Государственном департаменте. В Вашингтоне руководство операцией осуществляли Государственный секретарь Дж.Ф. Даллес, глава ЦРУ А. Даллес, генерал В.Б. Смит, одно время служивший послом США в Советском Союзе, а впоследствии директор ЦРУ. Связь между Вашингтоном и Тегераном осуществлял майор К. Рузвельт, который прибыл в Тегеран 6 июля 1953 года. Руководство операцией в Тегеране было поручено генералу Н. Шварцкопфу, бывшему начальнику иранской жандармерии, прибывшему в Иран 1 августа 1953 года.

При реализации своего замысла американская разведка опиралась на партию «Иран», во главе которой стоял бывший посол Ирана в США А. Салех, на правое крыло Национального фронта и на армию, в которой было много американских инструкторов. Особая роль отводилась генералу А. Захеде. 12 августа 1953 года был

издан указ шаха о смещении М. Мосаддека с поста премьер-министра, а 17 августа 1953 года американский посол в Тегеране Л. Гендерсон явился к премьер-министру Ирана и потребовал его отставки. Это стало трагедией для М. Мосаддека. Он был до последнего момента уверен в том, что США являются поборниками демократии и окажут ему помощь в борьбе против Великобритании.

Об этом свидетельствуют его письма к президенту Д. Эйзенхауру. Первое было направлено в январе 1953 года, за две недели до вступления президента США в должность. В нем описывалась сложная экономическая ситуация в Иране и содержалась просьба о помощи. Второе письмо было отправлено 28 мая 1953 года. Это была последняя просьба М. Мосаддека. Он просил денег у Д. Эйзенхауэра, чтобы преодолеть последствия бойкота иранской нефти. Президент Д. Эйзенхауэр ответил на него лишь месяц спустя, уже отдав распоряжение о начале «операции Аякс». Он проинформировал М. Мосаддека в отказе от финансовой помощи в связи с тем, что правительство Ирана и правительство Великобритании не смогли урегулировать вопросы, возникшие после национализации нефти⁸.

Представляется уместным привести здесь еще одно мнение известного американского ученого Д. Уилбера. «В своем поведении Мосаддек, возможно сознательно являлся антиподом жесткой, авторитарной личности, часто встречающейся в традиционном Иране. Он был трагической личностью, человеком печали, взявшим на себя бремя, которое можно было нести, только пожертвовав собой»⁹.

В отстранении М. Мосаддека от власти ясно прослеживается активная руководящая роль США. переворот в Тегеране был совершен иранской армией, оснащенной и обученной американскими инструкторами, с помощью американского вооружения и военной техники. Сразу же после переворота генералу А. Захеде, возглавившему правительство Ирана, была предоставлена безвозмездная финансовая помощь в размере 45 миллионов долларов и еще 1,5 миллиона долларов для выплаты премий личному составу иранской армии и жандармерии. В ответ на помощь США правительство А. Захеде провело переговоры с правительством США в октябре 1953 года о передаче эксплуатации иранской нефти иностранным нефтяным монополиям.

Подводя итоги американо-иранским отношениям в 1951–1953 годах, представляется возможным сделать следующие выводы. Активное участие США в организации и осуществлении переворота 1953 года в Иране создало основу для дальнейшего проникновения США в Иран. В то же время действия США послужили предупреждением для стран третьего мира о последствиях попыток национализировать природные ресурсы. Во время революции 1978–1979 годов аятолла Хомейни неоднократно заявлял о том, что не позволит повториться тому, что он называл «разгромом Мосаддека». Возможно, уверенность в том, что ЦРУ вновь предпримет аналогичные действия, и желание их предотвратить в какой-то степени определили его согласие на взятие американских дипломатов в заложники в 1979 году.

¹ Joint Chiefs of Staff Intelligence Committee Memorandum for the Joint Strategic Plans Committee and the Joint Logistics Plans Committee. Цит. по: *Yonah Alexanders, Akkan Nanes. The United States and Iran. Frederick: Md Books, 1980. P. 273.*

² Eisenhower Doctrine. 05.01.1957 // millercenter.org/scripts/archive/speeches/detail/3360.

³ *Bill J. The Eagle and the Lion. N.Y., 1988. P. 55.*

⁴ *Bill J. The Eagle and the Lion. N.Y., 1988. P. 72.*

⁵ *Eden A. Full Circle. Boston, 1960. P. 216–217.*

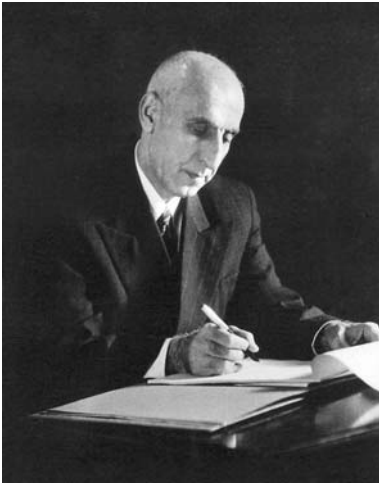
⁶ *Kork A. Memories. N.Y., 1968. P. 262.*

⁷ Memorandum Byrnes to Roosevelt. 15.01.1943 in Senate Special Committee Investigating the National Defense Program Hearings 1948. Цит. по: *Bill J. The Eagle and the Lion. N.Y., 1988. P. 80.*

⁸ www.Mohammad Mossadegh.com/biography.

⁹ *Wilber D. Contemporary Iran. N.Y., 1963. P. 89.*

Прерванный полет Мохаммада Мосаддека¹ (биографический очерк)

О докторе М. Мосаддеке в советской литературе было написано много работ, в которых разбирались его взгляды и его деятельность. Однако очень мало известно о его жизни. В данной статье сделана попытка восполнить этот недостаток, так как очевидно, что различные стороны жизни и его воспитание не могли не повлиять на формирование Мосаддека как политического деятеля.

Мохаммад Мосаддек родился в Тегеране 16 июня 1882 г. Его мать

Малектадж Фируз носила титул Наджм-эль-Солтане и, будучи правнучкой Фатх-Али-шаха Каджара (1798–1834), была связана родственными узами с правящей династией Каджаров через его сына, наследного принца Аббаса-Мирзу (ум. 1833), и младшего сына последнего — Фируза Мирза Носрат-эль Доуле (1818–1886). Она также была свояченицей Музаффар-эд-дин шаха Каджара (1896–1907), так как ее сестра — Хазрат-е Олиа была его главной женой. Наджм-эль-Солтане была типичным представителем матриархального общества, в котором сильные духом женщины управляют делами своей семьи. Именно мать Мосаддека сыграет важную роль в его жизни и окажет влияние на его мировоззрение, а также на его приход в политику.

По отцовской линии он был потомком семьи Аштиани. Его отец Мирза Хедаят Аштиани с 1874 г. и до своей смерти в 1895 г. был министром финансов (Вазир-е дафтар-е истифа). Это была

одна из двух самых важных должностей в правительстве Каджаров. Вазир-е дафтар был старше жены на 40 лет, имел несколько детей от прежних браков. Как министр финансов он вошел в высшие слои общества.

В возрасте двадцати лет Мосаддек женился на принцессе Зохре Зия Солтане. Она, будучи внучкой Насреддин-шаха, была также тесно связана родственными узами с кадjarской семьей, через его третью дочь принцессу Зия Солтане² и ее мужа Зейн-эль-Абедин, пятничного имама Тегерана. Она была доброй и преданной спутницей Мосаддека более шестидесяти лет. О ней Мосаддек сказал: «Мы были женаты более 64 лет, в течение которых она терпела все, что выпадало на мою долю. Мы оба были единомышленниками и придерживались одного мнения, мое желание было покинуть этот мир раньше нее... А сейчас уже около десяти лет, как я в заключении в этой крепости, и, по правде говоря, я устал от жизни.»³

Мосаддек любил детей и, несмотря на строгое воспитание своих трех дочерей и двух сыновей, он относился с удивительным пониманием к отношениям между родителями и детьми. Он пытался воспитывать своих детей в современных традициях, девочки получали образование наравне с мальчиками, хотя сам он был воспитан в других традициях. Его отец был известен как прогрессивный человек, который находился под влиянием Амир Кабира, реформатора и прогрессивного государственного деятеля XIX века. В детстве Мосаддек часто сопровождал своего отца ко двору Каджаров, наблюдая за многими происходящими событиями в политической жизни страны. Там он стал свидетелем многих шахских церемоний, прислушивался к разговорам тех, кто правит страной. Его мать также поддерживала его интерес к политике.

После получения начального и среднего образования (у частных репетиторов, как это обычно было среди людей его ранга в ту эпоху) он был определен в возрасте 16 лет на должность «мостуofi» в отделение Министерства финансов Хорасанской провинции и был ответственен за ведение счетов и налогов.

По сложившейся при Каджарах традиции, ответственность за какой-либо пост несла целая семья. Семья Мосаддека была ответственной за налоговую политику правительства. Эта должность

передавалась от отца к сыну. «Мостоуфи» в основном представляли собой группу хорошо образованных и подготовленных молодых людей из хороших семей, многие из которых заняли высокие посты в аппарате управления после того, как было создано конституционное государство.

В 1902 г., после образования Мадрасе-йе сийаси, дававшего высшее образование, он поступил туда на факультет политологии.

На формирование Мосаддека и как гражданина, и как общественного деятеля большое влияние оказали события, связанные с конституционным движением. С самого начала возникновения конституционного движения (1905–1906 гг.) Мосаддек был на стороне конституционалистов и принял активное участие в нем. Именно в этот период Мосаддек получил опыт, который заложил фундамент его демократического мировоззрения. Традиционалисты выступали, главным образом, против неограниченной власти каджарской монархии и одновременно поддерживали исламские традиции. Многие были заимствованы из турецкого движения «младотурков» за восстановление Конституции. Для составления Конституции в Персии за образец была взята Конституция Бельгии 1831 г., как до этого сделали и турки. В любом случае, опыт этого периода и последующие месяцы закалили Мосаддека как борца за свободу в истинном смысле этого слова.

По всей стране были образованы Общества (энджумены). Изначально эти общества представляли собой кружки единомышленников (доуре), встречи которых, как правило, проходили в доме одного из их членов, чтобы обсудить пути и средства защиты своей свободы, если наступит критический момент. Энджумены не имели идеологических программ, по крайней мере, в том смысле, как мы понимаем их сегодня. Их основные проблемы были связаны с принятием Конституции и ограничением полномочий шаха. Некоторые из этих обществ были вооружены, чтобы при необходимости физически защитить парламент — ядро Конституции. Эта вооруженная охрана называлась «Национальные солдаты», и Мосаддек входил в их число.

В январе 1908 г. Мосаддек присоединился к «Гуманитарному обществу», которое избрало его своим представителем в Конгрессе

обществ, созываемом в том же году Мохаммед Али шахом. Результатом этой встречи стало формирование партийной комиссии, в которую Мосаддек был выдвинут от «Гуманитарного общества». Собрание комиссии состоялось в мечети Сепасалар в Тегеране. Однако, когда некоторые из присутствующих начали осуждать шаха, жизнь членов Комиссии оказалась в опасности. Мосаддек нашел убежище в доме своего друга и провел там много дней в ожидании ареста. Вместо этого он получил указ шаха о назначении его в руководящий орган Государственного совета (Шурайе доулат). Впоследствии выяснилось, что это было организовано близким советником шаха по просьбе его матери Наджм-эль-Солтане.

Осада Мохаммада Али Шаха казаками во главе с генералом В.П. Ляховым положила конец первому этапу конституционного движения. Конституционалисты были разбиты, и Мосаддек увидел в этом возможность повторно возобновить свою учебу и получить высшее образование, для чего он отправился в Европу.

В Париже он поступил на факультет политических наук в Парижский университет, где учился у профессора Чарльза Дюпюи. На следующий учебный год (1909 г.) он официально поступил на экономический факультет.

Из-за болезни ему пришлось вернуться в Тегеран в сопровождении врача и медсестры. Он был настолько болен, что был не в состоянии пройти даже нескольких шагов, чтобы сделать пересадку с австрийского на русский поезд. Он был перевезен на тележке, а в Энзели с лодки носильщик переносил его на спине.

Через несколько месяцев он вернулся в Европу, где поселился в швейцарском городе Невшатель. Он стал учиться в университете и получил докторскую степень в области права (юриспруденции), написав диссертацию на тему «Завещание в мусульманском шиитском праве»⁴.

С началом Первой мировой войны Мосаддек, окончив учебу и получив докторскую степень, возвратился в Иран. Он был приглашен в Колледж политических наук его директором д-ром Валиолла Насром. Там им была написана работа «Процессуальные постановления по гражданским судам». Он также написал интересную работу «Капитуляции и Иран», в которой разбиралась сущность капитуляции с

точки зрения права и ее значение в жизни иранцев. Капитуляции, или экстерриториальность стали обычной практикой для иностранных граждан в Иране, начиная с Туркманчайского договора (1828 г.). Позднее (1856 г.) Великобритания получила те же права, одержав победу в Герате в ходе афганской войны. Мосаддек утверждал, что Иран не должен действовать под давлением иностранных правительств в вопросах, связанных с нарушениями прав иностранцев на своей территории.

В этот период Мосаддек публикует также работу «Общества с ограниченной ответственностью в Европе», что свидетельствует о том, что Мосаддек понимает возможность появления этих обществ нового типа в Персии.

С группой людей, также получивших европейское образование, которые позже стали известными политиками, такими как Мирза Яхья Доулатабади, Носрат Доуле Фируз, Зока-эль Доуле Гаффари и Мухаммед-Али Незам-Мафи и др., Мосаддек участвует в формировании Общества по распространению знаний. Это Общество стало издавать литературный журнал «Маджалейе эльми» (Научный журнал), который, главным образом, посвящался общественным наукам⁵. Первой статьей Мосаддека в этом журнале была статья «Регистрация земли и отсутствие организации по ее регистрации в Иране», в котором он выступал за внесение законопроекта в Меджлис по реформированию законов о собственности на землю. Статья вызвала большой резонанс среди ученых и политиков, вплоть до обвинений в нарушении мусульманского права.

Помимо научной работы он занимается и политической деятельностью. Он присоединился к партии «Этедаль» «умеренные». Это была очень активная группа демократического направления, которая считалась одним из лидеров второго конституционного движения.

Период, когда шла Первая мировая война, был трудным временем для Ирана. Отряд русской царской армии под командованием генерала Баратова занял северный Иран, турецкий отряд — запад Ирана и Азербайджана. Британские войска, под руководством генерал-майора Данстервиля были расположены в западном Иране, и их миссией было ограничение влияния русских в Иране⁶. Такое

развитие событий во многом определило отношение Мосаддека к иностранному влиянию.

Во время войны авторитет центрального правительства снизился почти до нуля, Конституция осталась практически не действующей, так как парламент не созывали после 1915 г. В соответствии с принципами Демократической партии, Мосаддек критиковал в это время военную и финансовую колонизацию Ирана, выступая в печати и в Меджлисе.

В 1915 г. (во время премьерства Айн-ад-Доуле) Мосаддек был избран третьим Меджлисом членом комитета финансов, ответственным за надзор над министерством финансов.

Он начал с тщательной очистки министерства, возбудив несколько уголовных дел, в результате чего за коррупцию под суд были отданы некоторые известные лица. Он даже подписал распоряжение о проверке налогов, уплачиваемых его матерью. Его деятельность вызвала недовольство кругов, близких ко двору, и после четырнадцати месяцев работы он был вынужден уйти в отставку.

Мосаддек решил, что он может эффективнее бороться с коррупцией вне Ирана, и уехал в Европу. К нему присоединился Наер Солтан Навои, с которым они создали «Комитет Сопротивления», и выпускали газету «Голос Ирана». Мосаддек писал памфлеты и письма, Наер Солтан публиковал их и отправлял в другие издания.

Мошир-эд Доуле, ставший премьер-министром, телеграфировал Мосаддеку, предлагая ему занять пост министра юстиции. Однако пока Мосаддек добирался до Ирана, ситуация осложнилась, и правительство убедило его в необходимости согласиться занять пост губернатора Фарса. Приняв предложение, Мосаддек начал наводить порядок, особенно в сфере налогов. Он был проинформирован о том, что вместо годового оклада в размере 9000 туманов на посту министра он сможет получать по меньшей мере 140 000 туманов из всех налогов, взимаемых в Фарсе. Он ответил премьер-министру, что будет принимать только 2000 туманов из ежемесячного пособия губернатора в 6000 туманов, при условии, что правительство согласится не взимать налоги, которые шли в карманы местной администрации.

Проработав несколько месяцев в Ширазе, он был вызван в Тегеран. Одновременно был выдан ордер на его арест. Мосаддек нашел убежище в Чахар-Махал. Он оставался там в течение нескольких месяцев в качестве гостя бахтиарских ханов, переезжая каждые пятнадцать дней от одного дома к другому, чтобы избежать ареста. Но когда 4 июня 1921 года премьером стал Ахмад Кавам, он назначил Мосаддека министром финансов. Нужно напомнить, что согласно англо-персидскому договору 1919 г., Великобритания назначила своего консультанта в министерство финансов, которым стал Армитаж-Смит. Но Мосаддек отказался вступить в должность министра, пока Армитаж-Смит не был удален, и те задачи, которые были возложены на консультанта, были переданы Меджлису и министру. Это было сделано в октябре 1921 года. Стоит отметить, что при Мосаддеке впервые в истории Ирана был сформирован сбалансированный бюджет.

Уже в июне 1923 г. он стал министром иностранных дел в правительстве Мошир од-Доуле. Затем на короткое время он становится губернатором Азербайджана и в том же 1923 г. переизбирается в Меджлис.

Когда в 1925 г. в Меджлисе рассматривался законопроект о низложении династии Каджаров и назначении Реза-хана новым шахом, Мосаддек проголосовал против такого шага, считая, что такой акт подрывает иранскую конституцию 1906. Он выступил с речью в меджлисе, прославляя достижения Реза-хана как государственного деятеля, и призывал его соблюдать Конституцию и стать премьер-министром, а не шахом. Однако 12 декабря 1925 года Меджлис низложил Каджаров и провозгласил Реза-шаха новым монархом Персии и первым шахом династии Пехлеви.

Возможно, что поэтому в 1930 г. Мосаддек был на некоторое время арестован за его откровенную оппозицию власти и отправлен в полуизгнание в его имение Ахмад Абаде, в восьмидесяти милях к западу от Тегерана. Он оставался там до 1936 г., посвящая свое время, главным образом, сельскохозяйственным работам, а также литературным занятиям. Именно в это время он финансировал публикацию перевода Фюстель де Колланжа «Античная цивилизация». 26 июля 1940 г. он был снова арестован в Тегеране.

После ввода союзнических войск в Иран, в 1941 г. Реза-шах Пехлеви отрекся от престола в пользу своего сына Мохаммеда Резы Пехлеви. В 1944 г. Мосаддек, будучи вновь избранным в парламент, возвращается к политической деятельности. К этому времени он был одним из лидеров и основателей «Джебхе-йе мелли» (Национального фронта Ирана). Эта организация, которую он основал с девятнадцатью другими деятелями, такими как Хоссейн Фатеми, Ахмад Зиракзаде, Али Шайеган, Карим Санджаби и др., ставила своей целью установить демократию, положить конец иностранному присутствию, особенно путем национализации Англо-иранской нефтяной компании в Иране (АИНК).

22 января 1944 года после долгих колебаний шах открыл 14-й Меджлис. Задержка была обусловлена желанием шаха удалить Мосаддека из парламента, даже путем назначения на пост премьер-министра, который ему было проще контролировать, но Мосаддек не согласился, хотя через какое-то время заявил, что «это не парламент, а собрание воров», и отказался присутствовать на следующих сессиях.

Однако 5 марта 1944 г. толпа, состоящая из студентов Тегеранского университета, представителей интеллигенции и базара, пошла к нему домой и потребовала его возвращения в Меджлис. Он на руках был отнесен в здание Меджлиса. Военный губернатор Тегерана полковник Гольшайан приказал войскам открыть огонь по толпе. Один из студентов, Реза Хаджих-Нури, и один мастер-строитель при этом были убиты, а некоторые другие были ранены. Не исключено, что целью этой акции было убийство самого Мосаддека.

Мосаддек не только стал доминирующей фигурой в иранском парламенте, но и приобрел беспрецедентную популярность. 29 апреля 1951 г. шах был вынужден назначить Мосаддека премьер-министром, поскольку у шаха не было другой альтернативы на этот пост.

Я не буду останавливаться на событиях, связанных с переворотом 1953 г., так как о нем было много написано⁷, но хотелось бы описать жизнь Мосаддека после этих событий.

Мосаддек был свергнут 19 августа 1953 г. (28 мордада), его дом был разграблен, а затем уничтожен. Сам Мосаддек был предан суду военного трибунала.

В момент переворота в доме Мосаддека находились его сторонники — Хассиби, Разави, Садиги, Нариман, Зиракзаде, Шайеган, Хосров Кашкаи и некоторые другие.

Толпа противников Мосаддека протаранила ворота, и взбиралась по соседним стенам в сад. Когда они, в конце концов, ворвались в сад, никто не мог войти в дом, пока подразделение военной разведки не увезло два грузовика документов, и только потом толпе развязали руки, чтобы посеять полный хаос.

Вполне вероятно, что те, кто планировал эту операцию, надеялись, что именно толпа завершит драму. Но некоторые из друзей взяли Мосаддека на руки и отнесли в заднюю часть дома, откуда они перебрались по лестнице в соседний сад. Владелец соседнего дома дал им разрешение оставаться там столько, сколько они хотят.

На следующее утро Мосаддек сказал всем присутствующим, чтобы они все разошлись и ушли в подполье. Войска были направлены во все возможные места и обыскивали дома его близких родственников. Поэтому позвонил Шарифу Эмами, сообщил ему о своем местонахождении, и полковник Батмангелих был послан арестовать его. Моазами, Садиги и Шайеган сопровождали Мосаддека, и все они были помещены в одиночные камеры. В течение нескольких дней им было разрешено общаться друг с другом, но потом Мосаддек был перевезен в военную тюрьму в ожидании суда, а затем заключен в тюрьму в Солтанатабаде.

Падение своего правительства лучше всего объяснил сам Мосаддек во время суда, где он сам выступал в свою защиту.

В течение первых четырех дней суда Мосаддек привлек внимание к процессу не только соотечественников, но и всего мира. Посольство США отметило его ораторское искусство: «Как оратор, он остается непревзойденным в Иране».

Суровой была судьба его близких последователей.

После суда Мосаддека помещают под домашний арест в Ахмад Абаде на его даче, где он прожил до конца своей жизни (умер 5 марта 1967 г.).

Его последней просьбой было, чтобы только ближайшие родственники присутствовали на его похоронах, и чтобы его похоронили на кладбище «Свобода» рядом с шахидами, погибшими во

время движения 30-го тира (июль 1952). Однако ему было отказано даже в этом. Он был похоронен на первом этаже под полом столовой своего дома. Когда о скромном погребении доложили шаху, он, как говорят, ответил загадочно: «Hala khahim did» (А теперь мы посмотрим).

В Тегеране всем СМИ было дано указание молчать о смерти Мосаддека, хотя иностранные газеты и журналы печатали длинные некрологи. Также было запрещено участие в обрядах на седьмой и сороковой день по мусульманским обычаям. И только после исламской революции на двенадцатую годовщину его смерти, в марте 1979 года более одного миллиона человек со всей страны приехало посетить его могилу.

Более 45 лет прошло после смерти этого известного политического деятеля Ирана, но интерес к его деятельности и судьбе не угасает. Попытки переоценить его действия предпринимаются и в ИРИ, и за рубежом, в многочисленных мемуарах обнаруживаются новые факты его биографии и документы, некоторые из которых использованы при написании данной статьи.

¹ По материалам «Воспоминания доктора Мосаддека» (*Доктор Мохаммад Мосаддек*. Хатерат ва та'алимат-е Мосаддег, Энтешарате эльм. Тегеран, 1380); Архивы ГАРФ и АВПРФ; *Farhad Diba, Mohammad Mossadegh. A Political Biography*. London; Sydney, 1986; Хатерат-е Джалил Бозоргомехр аз доктор Мохаммад Мосаддег. Энтешарате Нахид. Тегеран, 1383; *Ширин Сами*. Дар халвате Мосаддек. Нашре Салес. Тегеран, 1386; и многих библиографических работ о докторе Мохаммаде Мосаддеке

² Ей дали имя матери.

³ Письмо Мосаддека от 30 августа 1965 года Мариам Фируз, из книги: *Chehreha-y-e Derakshan*. Тегеран, Б.Д. С. 178–179. На самом деле, Мосаддек после своего ареста в 1953 году больше никогда уже не жил с женой. Когда он находился под домашним арестом в Ахмадабаде, его жена могла только его посещать. Она умерла в 1965 году.

⁴ Многие авторы утверждают, что он также поступил на юридический факультет в университете города Льеж в Бельгии, но это ничем не доказано.

⁵ Издавался только в течение короткого периода.

⁶ В книге Эдварда Арнольда «Приключения Данстерфорса» (*Edward Arnold. Adventures of Dunsterforce*. London, 1920) был опубликован рассказ Данстервиля.

⁷ О подробном развитии событий 1953 г. см. статью И.Е. Федоровой «Политика США в Иране в конце 40-х — начале 50-х годов XX века» в данном сборнике (С. 94–104).

О Султан-заде — иранисте и человеке

*Султан-заде вместе со своими дочерьми Заирой и Калерией
(фотография предоставлена автору его дочерью Заирой Коростылевой)*

Аветис (сокращенно Авет) Султан-заде (Микаелян) — один из основателей компартии Ирана, политик, ученый и публицист, родился в Персии, в древнем городе Марага, в 1888 г. в рабочей семье. После смерти отца, уже с 11 лет мальчик вынужден был работать, чтобы помочь матери и младшей сестре. Окончив церковно-приходскую школу, он уехал на Кавказ в поисках работы. Осенью 1907 г. при поддержке Кавказского благотворительного общества в Тифлисе он был принят в Эриванскую духовную семинарию. В Эриванской духовной семинарии Султан-заде организовал свой первый социал-демократический кружок, в результате он был арестован наряду с другими кружковцами.

Окончив семинарию в 1910 г., Султан-заде стал работать учителем в районе Ленинакана и, собрав небольшую сумму, осенью 1911г. уехал в Москву, где был принят условно в Московское ком-

мерческое училище. Не имея средств к существованию и материальной возможности жить в Москве, при содействии иранского купца Туманяна, он уехал в Иран в расчете накопить некоторые средства, чтобы вернуться обратно в Москву.

Вернувшись из Персии, он зарабатывал на жизнь, давая частные уроки, и продолжал учиться сам. В это время Султан-заде был связан с большевистской группой Коммерческого училища, так называемой «Столовкой».

В первых числах марта 1917 г. он получил партбилет члена РСДРП, а в 1917 г. окончил экономический факультет Коммерческого училища. В период с марта 1917 г. до Октябрьской революции Султан-заде работал в «Северном страховом обществе», где занимался организацией профсоюзов рабочих и служащих страховых и транспортных предприятий г. Москвы. Был членом президиума этого Союза. За это время Султан-заде и его соратники провели две забастовки и добились повышения зарплаты рабочим и служащим. Октябрьские дни застали Султан-заде в Петрограде, куда он ездил по поручению Союза для подготовки созыва Всероссийского съезда рабочих и служащих страховых и транспортных предприятий. Он вернулся в Москву 29 октября, принимал участие в революции, был в Красной армии и по поручению Ревкома участвовал во взятии дома № 9 на Тверском бульваре, откуда засевшие офицеры стреляли в колонну наступавших по бульвару красногвардейцев. После взятия городской управы ему была поручена организация налогового и финансового дела. Одновременно Султан-заде являлся членом бюро Городского райкома ВКП(б), где он работал примерно с ноября 1917 г. до октября 1919 г. сначала членом Коллегии Мосфинотдела, а затем заведующим и членом Исполкома. В 1919 г. он участвовал в организации Финансово-экономического института, ректором которого он был вплоть до мобилизации его со стороны ЦК партии в Среднюю Азию.

В октябре 1919 г. Султан-заде был мобилизован ЦК в распоряжении Туркестанской комиссии Коминтерна в Ташкент, где ему было поручено заняться «иранскими делами», то есть работать среди иранских рабочих Закаспия в Туркестане, организовать в крае иранскую компартию «Адалят», связать ее с Баку и создать

из иранцев отряды для борьбы против английских оккупантов в Персии. Вся эта работа была им выполнена.

С конца 1919 г. до апреля 1920 г. при поддержке М. Фрунзе Султан-заде организовал отряд из персидских рабочих Средней Азии для борьбы против англичан.

В апреле 1920 г. была созвана Краевая конференция партии «Адалят». Она рассмотрела всю проделанную работу, выбрала делегатов, среди которых был и Султан-заде, на предстоящий съезд иранской компартии «Адалят» в Баку.

К этому времени в Иране, в Гиляне было образовано временное революционное правительство под председательством Кучек-хана, возглавившего революционное движение на севере Ирана. В связи с этим съезд компартии «Адалят» был перенесен из Баку в Иран в Энзели. Основным вопросом на съезде (20–25 июня 1920 г.) было отношение к Кучек-хану и его правительству. После окончания съезда через несколько дней Султан-заде уехал на 2-й Конгресс Коминтерна в качестве делегата от иранской компартии.

Вернувшись из Персии в начале 1922 г., Султан-заде заболел тифом и на несколько месяцев выбыл из строя, а в конце года из-за болезни ушел из Коминтерна на другую работу. До 1928 г. он не принимал участия в работе иранской компартии. В этот период ему поручили постройку завода им. Лепсе в Москве, а в политику Султан-заде вернулся только в конце 1927 г. по предложению Восточного отдела Коминтерна. Приступив к работе, он принял участие во 2-м съезде иранской компартии и был избран членом ЦК и представителем ЦК в Коминтерне.

В апреле 1928 г. Коминтерн предложил Султан-заде заняться сбором материалов и составлением аналитических сводок по Ирану, пользуясь иранской и иностранной прессой. Для ознакомления с иностранной прессой Коминтерн командировал Султан-заде в Берлин. В мае 1928 г. в Берлине Султан-заде познакомился с Бозоргом Алави, с которым он вместе составлял обзор печатных изданий по Ирану. Эта работа являлась продолжением его научных исследований.

Следует сказать, что Аветис Султан-заде уже в 1920-х годах начинает издавать работы по Ирану, войдя в число видных иранистов 1920–1930-х гг. Он руководит кафедрой политэкономии в Ин-

ституте востоковедения им. Н. Нариманова, издает целый ряд печатных трудов по экономике Персии и Востока, в том числе 7 монографий¹.

Следует также сказать несколько слов о Султан-заде, как о человеке. Не только по словам его близких, но и судя по архивным материалам, он был красивым, энергичным, веселым, внимательным и очень добрым человеком. Его дочь, Заира Коростылева (Султан-заде)², вспоминает интересный случай, часто пересказанный друзьями Султан-заде. Находясь в Лондоне вместе с представителями иранской делегации на спектакле «Гамлет», Султан-заде, который знал английский язык, стал переводить текст для членов делегации. Но через некоторое время он начал отклоняться от реального сложного шекспировского сюжета, рассказывая свою более веселую версию, украшенную анекдотами и шутками. В результате, к концу трагедии, когда, как известно, сцена была покрыта трупами, персидская делегация хохотала в полный голос, что вызвало недоумение у английских зрителей³.

Как и множество других воспоминаний, дошедших до нас о Султан-заде спустя более 60 лет со дня его смерти, часть их может быть несколько искажена. Но они многое говорят о личности Султан-заде — человеке пленительного обаяния, умном, образованном, который пользовался авторитетом и любовью окружающих.

В 1938 г. Султан-заде, как и многие иранцы, стал жертвой сталинских репрессий. Его пришли арестовывать ночью (с 17 на 18 января 1938 г.), на дачу, расположенную в Серебряном бору (Троицкий проезд, 19). На обыск дачи не ушло много времени, так как комната, где работал Султан-заде, была всего 30 кв. м. Несмотря на то, что Султан-заде много путешествовал и часто бывал за границей, вещей для изъятия оказалось немного: паспорт, партийный и профсоюзный билеты, боевые патроны, фотоаппарат, обоймы, маузер, записные книжки, материалы переписки, несколько книг и другие документы. При обыске ничего криминального не было обнаружено. Когда начало рассветать, Султан-заде посадили в черный газик и отправили в тюрьму на Лубянку. Дачу опечатали на следующий день и в тот же день провели обыск у Султан-заде в 2-комнатной квартире в Оболенском переулке (д. 9, к. 3), а также на его рабочем месте начальника

планового отдела треста «Катанин» Наркомлегпрома (Министерства легкой промышленности на Маросейке). Там были изъяты личные записки, дневники и книги.

Так как следствие обычно не затягивалось более чем на 6–8 месяцев, то почти через шесть месяцев подошла очередь и суда. Уже 13 марта 1938 г. прокурором было составлено обвинительное заключение, Султан-заде «признал» себя виновным и агентом английской разведки, организатором шпионской провокаторской организации, и дело было передано Военной коллегии Верховного суда СССР. 15 июня 1938 г. Султан-заде получил копию обвинительного заключения. А уже на следующий день, 16 июня 1938 г., состоялось закрытое судебное заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР без участия защиты. Свидетели не вызывались. Его ознакомили с делом, предъявили обвинения, и, как полагалось, задали вопрос, признает ли он себя виновным. На это Султан-заде ответил, что не признает и от всех своих показаний, сделанных под пытками на предварительном следствии, отказывается и считает их ложными.

Но судья огласил показания коллег и друзей, также данные под пытками, о том, что Султан-заде был участником контрреволюционной организации.

И хотя подсудимый и эти показания отрицал, заявляя, что его оговорили, председательствующий объявил судебное следствие закрытым и предоставил подсудимому последнее слово, в котором Султан-заде заявил, что невиновен. После этого председательствующий огласил приговор, из которого следовало, что Султан-заде являлся агентом царской охранки в 1910–1917 гг., вел провокаторскую работу в рядах РСДРП, состоял агентом английской разведки, вел шпионскую деятельность и признается виновным. Верховная коллегия приговорила его 16 июня 1938 г. к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего ему принадлежащего личного имущества. Приговор был окончательным и 16 июня 1938 г. приведен в исполнение.

Акт о приведении приговора в исполнение хранится в особом архиве 1-го спецотдела НКВД СССР (том 3, лист 198). Материалов о кремации и месте захоронения нет.

Что творилось в душе Султан-заде, какие мысли и чьи образы возникали у него в голове после оглашения приговора о высшей мере наказания, сейчас уже не скажет никто, но скорее всего вся его жизнь от конца до начала предстала перед его глазами. Его любимые дочери, сын, рожденный от внебрачного союза⁴, его любимые женщины, работа, идеи, которым он верно служил, командировки, друзья, опасности, из которых он с легкостью выходил. Сколько раз ему казалось, что он стоит у грани и конец близок, но потом опять чудом все складывалось удачно. Наверно, и в тот момент, когда его вели по коридорам на расстрел, вероятно, где-то у него таилась надежда, что будет помилован и освобожден. Но этого не случилось...

Так закончилась жизнь этого революционного романтика и талантливому ученого.

¹ См. например: Экономическая политика финансового капитала. М., 1920; Кризис мирового хозяйства и новая военная гроза. М., 1921; Аграрный вопрос в современной Персии // Новый Восток. 1922. № 1; Персия. М., 1924; Железо, уголь, нефть и мировая борьба за них. М., 1925; Мировое хозяйство и колонии. М., 1928; Экономическое развитие Персии и английский империализм. М., 1930; Классы, партии и союз молодежи в Персии. М., 1931; Проблемы экономического развития и аграрной революции в Персии // Аграрные проблемы. М., 1931. Кн. 5–6; О характеристике эпохи финансового капитала // Коминтерн. 1928. №27–28; Движущие силы персидской революции и проблемы перерастания. М., 1929.

² У Султан-заде от первого брака родились две дочери Заира и Калерия.

³ Интервью с Заирой Коростылевой, записанное автором в октябре 2011, в Подмоскowie.

⁴ Известный московский скульптор Леонид Львович Берлин, рожденный в 1925 году в Москве, — это сын Султан-заде. Его мать работала с Султан-заде, состояла в браке с Львом Берлином. Леонид Львович узнал, что он не сын Берлина, от матери перед призывом в армию. Он сразу же решил познакомиться с семьей отца. И когда он появился на пороге их дома, Ефросинии Ивановне (первой супруге Султан-заде) и Заире сделалось дурно. Перед ними стоял молодой Султан-заде. Я и сама была поражена этому сходству, увидев фотографии, предоставленные супругой Леонида Берлина после его смерти. Интересен и факт, что в 1954 году на Московской молодежной выставке на Кузнецком мосту Назым Хикмет впервые увидел работу Л. Берлина «Болельщики». Подружившись с автором, поэт познакомился также и с графикой молодого скульптора. В дальнейшем Назым Хикмет буквально настоял на том, чтобы издательство «Молодая гвардия» поручила Л. Берлину сделать рисунки к сборнику его стихов. Книга «Назым Хикмет. Стихи и поэмы» вышла в свет в 1957 году. А в 1958 году за цикл рисунков к сборнику стихов Назыма Хикмета Леониду Берлину была присуждена серебряная медаль на Международной выставке книжной графики в г. Лейпциге. Назыма Хикмета и Султан-заде объединяла дружба и работа по Коммунистическому университету трудящихся Востока.

Генис В.Л.

Абуль Гасим Зарре (1899–1938)

Иранский журналист, поэт, литературовед, филолог и переводчик, Абуль Гасим Зарре всей своей короткой, оборванной пулей, жизнью по мере сил пытался способствовать сближению народов двух сопредельных, но так непохожих друг на друга стран, поистине двух разных цивилизаций — большевистской России, ставшей для него второй родиной, и шахской Персии, о революционизировании которой он столь тщетно, увы, мечтал...

Выходец из среды тегеранской мусульманского духовенства, Зарре по окончании в 1915 г. восьмилетней школы «Экдесие» поступил в столичную «Ecole des Sciences Politiques», в которой, как указывал в автобиографии, «к началу 1920 г. окончил дипломатическо-литературный факультет»¹. Параллельно с учебой он преподавал персидский язык и литературу в той же «Экдесие» и принимал деятельное участие в общественно-политической деятельности Тегерана: в 1918 г., будучи уже, видимо, членом Демократической партии, Зарре вступил в «Персидскую рабочую партию социалистов», был избран секретарем Центрального комитета революционного студенчества² и начал сотрудничать в популярном ежемесячном историко-литературном журнале «Данеш-Кяде» («Храм знания»), в котором, по оценке его будущего коллеги по Институту востоковедения им. Нариманова и видного исследователя «новой» литературы Ирана К.И. Чайкина, принимали участие лучшие персидские поэты и писатели того времени³. После закрытия «Данеш-Кяде» руководивший им талантливый публицист и поэт демократ Мэлек-ош-Шоэра Бахар (статью о его творчестве Зарре напишет для советской «Литературной энциклопедии») возглавил столичную газету «Иран», в которую пригласил и молодого журналиста⁴.

Впоследствии Зарре указывал, что в 1916–1920 гг. опубликовал в демократической печати «много статей и стихов литературно-политического характера», а с 1918 г. редактировал вместе со своим старшим товарищем А.Г. Хесаби, который тоже преподавал в средней школе и одновременно служил в архиве Министерства финансов Персии, литературную газету «Голе Зард» («Чайная роза»), резко критиковавшую правительство за подписание кабального соглашения с Англией. По свидетельству Зарре, он участвовал в каждом номере этого, по определению Чайкина, «почти исключительно стихотворного журнальчика», который умел весьма живо и ярко откликаться на политическую злобу дня «в порой очень острых, по языку полународных, сатирических стихах»⁵. Кстати, уже в середине 1930-х гг. референт Исполкома Коминтерна «Камран» (Ризаев) отмечал, что «бывшие круги интеллигенции в Иране хорошо знают Зарре», причем именно благодаря его газете «Голе Зард», пользовавшейся в 1919 г. «большой симпатией» всех патриотических сил страны. Однако критика англофильского правительства не обошлась для Зарре без последствий, и в автобиографии он указывал, что «подвергался репрессиям со стороны англичан и персидского шаха за подпольную работу»: дважды арестовывался и познакомился с тегеранской тюрьмой⁶.

А в июне 1920 г. Зарре и Хесаби покидают столицу и отправляются в Решт — административный центр прикаспийской Гилянской провинции, где в связи с занятием российским военноморским десантом порта Энзели была провозглашена так называемая Персидская советская социалистическая республика. Но ее временное правительство возглавил отнюдь не коммунист, а легендарный вожак местных партизан-дженгелийцев — религиозный и далекий от всякого радикализма Мирза Кучек-хан, вступивший в военный союз с большевиками лишь ради освобождения своей родины от британского гнета. «Я приехал в Решт, — вспоминал Зарре на вечере, посвященном 15-летию Гилянской революции, 28 мая 1935 г., — через восемнадцать дней после начала революции. Мы приехали туда 3 человека и думали, что через шестнадцать дней мы будем обратно в Тегеране. Когда мы приехали в Решт, то на второй день нас принял Кучек-хан. Ждали мы его в приемной

20 минут. Там был какой-то занавес, за которым он помещался. Когда занавес открыли, мы увидели его сидящим на коврах, все ему целуют руку. Мы, конечно, ему подали руку... Проходит некоторое время, он молчит и мы молчим. Он играет четками, мы ждем. Потом он берет стихи... и читает нам вслух. Через десять минут мы ушли, не поговорив ни о чем. Вот наше первое знакомство с этим вождем. Но очень скоро мы перестали его уважать. Мы поняли, что он не может быть вождем. Сидели мы там две-три недели, и все это время тянулся поздравительный период. Вскоре нас назначили работать в Политотделе вместе с т. Трониным. Мы были членами его коммуны. У нас была газета [«Энгеляб-е-Сорх» («Красная революция»)], орган Политотдела. Работали мы там несколько месяцев, редактировали эту газету...»

Но уже в конце июля 1920 г. буржуазно-демократическое правительство Кучек-хана, популярное среди гилянцев, но препятствовавшее, по мнению его российских советников, разжиганию социалистической революции в Персии, было вооруженным путем свергнуто (переворотом в Реште руководил небезызвестный Я.Г. Блюмкин) и заменено Ревкомом с участием членов Иранской компартии, опиравшимся на штыки привезенных из Баку русских и азербайджанских красноармейцев. Во главе Ревкома встал давний сподвижник и соперник Мирзы Кучек-хана — радикал Эхсанулла, а в состав нового правительства Иранской советской республики вошли активно участвовавшие в перевороте Зарре и Хесаби, получившие должности соответственно наркомов печати и финансов. Однако надежды левых заговорщиков не оправдались, и население отвернулось от марионеточного Ревкома, не поддержав его политику «экспроприации буржуев» и антирелигиозную пропаганду. В результате неудачного похода Персидской Красной армии на Казвин и последовавшего за этим панического отступления Решт был оставлен, и, хотя его удалось отбить с помощью доставленных из Баку подкреплений, вскоре город снова был эвакуирован, а затем вновь занят красными.

«Общее впечатление от всего этого периода Гилянской революции у меня самое отрицательное, — признавался Зарре. — У нас не было массовой работы, и это является причиной неудачной связи с

[шахскими] казаками. У нас не было пропаганды, что также является виной в данном случае. Все вожди этой революции не придавали никакого значения работе среди масс... Революционное настроение, энтузиазм масс были высокими, но эта сторона не была организована. Крестьянство хотело работать с нами, но все получилось плохо, — мы этого не использовали. Они нам помогали стихийно, а мы стихийно работали — разрушали власть, а не помогали ей. Мы не создали там крепкой власти. Когда у нас была борьба на фронте, у нас не было Советов, не было массовой организации для привлечения масс к революционной работе. После нашего ухода от этой революции осталось очень плохое впечатление».

В сентябре 1920 г. Зарре и Хесаби участвовали в Первом съезде народов Востока в Баку, а вернувшись в Гилян, вступили в Иранскую компартию. Тогда же Зарре заведовал отделом пропаганды Ревкома, выпустил брошюру «Наши цели» и состоял ответственным редактором газеты «Иран-е-Сорх» («Красный Иран»), в которой печатались и его стихи. В 1921 г. Зарре ввели в состав «Комитета освобождения Персии» (переименованный Ревком) и ему доверили пост комиссара просвещения республики. «Несмотря на все наше неумение, неопытность и нехватку кадров... — не без гордости вспоминал Зарре, — школ у нас тогда было больше, чем во всей Персии: 69 школ первой ступени. К началу 1921 г. все население пришло к нам. Когда мы говорили, что нужно снять чадру и учить мальчиков и девочек вместе, родители не отказывались, и это было тогда какое-то чудо. Если бы мы в середине двадцать первого года вели массовую работу как нужно, мы бы имели громадное влияние и на культурную жизнь Персии и на укрепление там нашей власти».

Но, увы, разочаровавшись в своих гилянских ставленниках и стремясь поскорее восстановить торговые отношения с Лондоном, прагматичная «красная» Москва, которая еще столь недавно так страстно проповедовала идею «мировой революции» и призывала мусульманский Восток к «священной войне» против Англии, спешно заключает мирный договор с шахским Тегераном и, несмотря на формальное примирение Кучек-хана с Эхсануллой и создание ими объединенного ревкома, советские войска эвакуируются из Персии.

В результате вспыхнувшей вслед за этим кровавой междоусобицы среди повстанцев разгромленный и замерзший в горах Кучек-хан был обезглавлен, глава его курдских отрядов Халу Курбан перешел на сторону шахского правительства, а Эхсанулла и его ближайшие соратники предпочли жизнь на чужбине и эмигрировали в Баку⁷.

«В 1922 г. — сообщал Зарре в автобиографии, — в качестве председателя делегации от гилянского революционного правительства приехал в Москву к т. Ленину...» Вместе с Хесаби он поступает в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) и параллельно с учебой преподает там историю и географию Персии и персидский язык. Но в «Проверочном листе студента», от 22 мая 1924 г., говорится, что Зарре «мало связан с партийной жизнью РКП и нуждается в серьезной большевистской обработке». Одновременно с учебой и работой в КУТВ, в 1922–1924 гг., он преподает фарси в Военной академии РККА, а с 1923 г. — в Институте востоковедения им. Нариманова, в числе сотрудников которого оказываются и некоторые из его знакомых по гилянской эпопее, в частности — Р.П. Абих, А.Н. Вознесенский и сотрудники полпредства РСФСР в Тегеране В.Г. Тардов, известный до революции журналист, и К.И. Чайкин. Зарре также сотрудничает в издающихся в Персии журнале «Ферхэнг» и социалистической газете «Пейкан» («Стрела»), для которых пишет статьи о персидском языке и на другие «научно-литературные» темы. Кроме того, в 1923–1925 гг. он является секретарем персидского землячества в Москве, а позже, до 1930 г., состоит членом президиума персидской секции Всесоюзного общества культурных связей с границей, где выступает с докладами о персидской литературе⁸. Наконец, есть еще и секретная служба в Специальном отделе ОГПУ, в котором с декабря 1923 г. Зарре, по поручению партии, занимается шифровальной работой⁹.

Окончив КУТВ, Зарре окончательно переходит в Институт востоковедения и в феврале того же, 1925, года становится кандидатом в члены ВКП(б), а в сентябре 1928 г. — полноценным членом партии. Небезынтересно, что его прикрепили к партийной ячейке ОГПУ, и уже в июне 1936 г., заполняя «Регистрационный бланк члена ВКП(б)», он на вопрос: «Основная профессия и специальность» ответил: «а) по образованию — лингвист, стаж 18 лет, б) по

опыту работы — чекист, стаж 13 лет». В 1928–1930 гг. Зарре под конспиративным именем «Сиавуш» учился на международных ленинских курсах Коминтерна и вместе с вернувшимся из персидской «командировки» и избранным в состав ЦК Иранской компартии Хесаби редактировал ее издававшийся в Берлине центральный орган — журнал «Сетарей-е-Сорх» («Красная звезда»), в котором печатал свои статьи и поэмы. Однако, как указывалось в одной из коминтерновских характеристик, от поездки на родину Зарре всячески уклонялся, хотя его брат занимал ответственную должность в Министерстве юстиции Персии.

«В 1930 г. — сообщал Зарре в автобиографии, — в качестве представителя от персидской секции Коминтерна откомандирован на съезд по латинизации таджикского алфавита в Сталинабад, где был членом президиума съезда и активно участвовал в его работе (мои выступления напечатаны в тогдашнем номере газеты «Таджикистан Сорх»)). Кроме того, Зарре переводил статьи, публиковавшиеся в иранской коммунистической прессе, и различные учебные пособия и брошюры, в том числе книгу И.В. Сталина «О Ленине и ленинизме», изданную в 1928 г. персидской секцией Коминтерна в Берлине, и учебник И.А. Лapidуса и К.В. Островитянова «Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства». С 1931 г. Зарре состоял еще и редактором всех переводов марксистско-ленинской литературы, издававшейся КУТВ и, например, редактировал, по его словам, «различные части книги т. Сталина «Вопросы ленинизма»». В 1932–1933 гг. он также сотрудничал в выходившей в Берлине газете «Пейкар» («Борьба»), которая печатала его статьи и поэтические произведения, в частности — поэму «Персидский крестьянин во время сборки урожая», перепечатанную газетой «Таджикистан Сорх». В Берлине в 1933 г. вышла и написанная им брошюра о современном положении Персии¹⁰.

Помимо коминтерновской работы Зарре состоял членом Научной ассоциации востоковедения, где выступал с докладами по национальному вопросу в Персии, и продолжал преподавательскую работу в Институте востоковедения, в котором с 1932 г. заведовал персидско-афганской кафедрой. Он также вел курс персидского языка в Наркоминделе и Наркомторге СССР и писал статьи для «Лите-

ратурной энциклопедии» и «Малой советской энциклопедии»¹¹. «В 1932 г. — указывал Зарре, — Институтом востоковедения им. Нариманова были изданы учебники персидского языка (два тома), одним из составителей и общим редактором которых был я. В 1933 г. вместе с тов. Касаевым написал два тома учебника персидского языка, по которым в настоящее время занимаются в нашем институте». В 1930–1933 гг. Зарре, по его выражению, «средактировал» подробные персидско-русский и русско-персидский словари, составленные сотрудниками его кафедры — соответственно К.И. Чайкиным и Р.А. Галуновым (вместе с последним он перевел «Экономический справочник по СССР для Ирана», изданный в 1933 г. Всесоюзной торговой палатой), а в 1934 г. участвовал в редактировании «Русско-персидского словаря», подготовленного Г. Ашури, бывшим секретарем Эхсануллы, при участии А.М. Касаева¹².

В феврале того же, 1934, года Зарре возглавил объединенную арабско-персидско-афганскую кафедру Института востоковедения и был избран секретарем комитета по празднованию юбилея великого персидского поэта Фирдоуси, причем вскоре его включили и в созданную для этой цели комиссию при ЦИК СССР, членом оргбюро которой он являлся. Наконец, в 1935 г. увидела свет работа Зарре «Очерк литературы Ирана», опубликованная в вышедшем в издательстве «Academia» сборнике «Восток», в котором принимали также участие его сослуживцы В.Г. Тардов и К.И. Чайкин — один из редакторов названной книги и талантливый переводчик персидской поэзии. Вот, например, как оценивали работу коллеги видные иранисты Б.В. Миллер, Р.А. Галунов и К.И. Чайкин:

«Главным научным трудом тов. Зарре является «Очерк литературы Ирана», напечатанный в сборнике 2-м «Восток» (стр. 23–71). Эта работа выявляет серьезное знакомство автора с первоисточниками, а также с главными, как европейскими, так и персидскими, работами, посвященными персидской литературе. Тов. Зарре впервые делает попытку применить к исследованию литературы Ирана марксистский анализ, впервые же ставит и пытается решить проблему о ее периодизации. Постановка этой проблемы представляет несомненный шаг вперед в работе по иранскому литературоведению и выгодно отличает труд Зарре от такого псев-

домарксистского произведения, каким является, например, статья Л.И. Жиркова о персидской литературе в Литературной энциклопедии (т. VIII), а также от «Очерка персидской литературы» Бертельса. Несмотря на некоторые недочеты, например, непропорциональность в распределении материала по эпохам... пропуск некоторых достаточно крупных поэтов классической эпохи и т.д., исследование тов. Зарре представляет несомненный вклад в иранское литературоведение.

Тов. Зарре принадлежит еще несколько статей, опубликованных в советских изданиях: в Литературной энциклопедии им помещена статья о современном персидском поэте Малек-ош-Шоэра, в Малой советской энциклопедии — исторический очерк Ирана и статья о мадакистском движении. Тов. Зарре принадлежит также прекрасный перевод на персидский язык книги тов. Сталина «Ленин и ленинизм». На своем родном языке тов. Зарре выступал неоднократно со статьями на социально-экономические и философские темы, как, например, в журналах «Сетарей-е-Сорх» (органе Персидской компартии) им помещены статьи «Идеализм и материализм», «Национально-племенной вопрос в Иране», «О партии и положении рабочих в Иране» и другие. В журнале «Ферхенг», издающемся в Гиляне, им была помещена статья «Новое общество, новый язык». В 1920–1921 гг. тов. Зарре редактировал революционный журнал «Енгелабе-Сорх», в котором поместил ряд статей на социально-экономические темы.

В настоящее время тов. Зарре работает над русско-персидским толковым словарем политико-экономических терминов. Насколько можно судить по первым буквам, уже законченным, этот словарь будет представлять большую ценность для ознакомления иранцев с марксистско-ленинской литературой. Возвращаясь к работе тов. Зарре в области литературоведения, нужно отметить, чтобы в дальнейшем он ограничил свои исследования более узкими рамками, например, направил их на изучение отдельных периодов персидской литературы или даже отдельных писателей (поэтов) и жанров, используя свое прекрасное знакомство с первоисточниками и большую эрудицию. Ввиду вышеизложенного мы считаем, что тов. Зарре вполне заслуживает ученой степени кандидата литературоведения, а также звания профессора по кафедре персидского языка и литературы»¹³.

Однако Зарре было уже не суждено воспользоваться рекомендациями своих беспартийных коллег, также попавших под жернова сталинских репрессий. Одним из первых, 19 декабря 1937 г., арестовали профессора Галунова, который ровно три месяца спустя был расстрелян за якобы участие в «контрреволюционной террористической организации». Затем, 27 января 1938 г., по обвинению в шпионаже арестовали старого приятеля Зарре — Хесаби, занимавшего тогда более чем скромную должность заведующего канцелярией главной конторы технической периодики Объединенного научно-технического издательства. Девять дней спустя, 5 февраля, сотрудники НКВД пришли за Тардовым, а 21 февраля арестовали профессоров Зарре и Чайкина, также обвинявшихся в шпионаже. Хесаби и Тардова расстреляли в один день — 8 апреля, а 27 апреля наступила очередь Чайкина и Зарре, объявленного «участником контрреволюционной иранской националистической шпионско-террористической организации», по заданию которой он якобы «осуществлял шпионскую деятельность в пользу иранской и английской разведок». В тот же день Военной коллегией Верховного суда СССР Зарре и Чайкин были приговорены к расстрелу и в тот же день казнены...¹⁴

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7668. Оп. 1. Д. 2855 («Личное дело Зарре Абуль Касыма»). Л. 4.

При обмене партийных документов, заполняя 14 июня 1936 г. «Регистрационный бланк члена ВКП (б)», Зарре указал, что его отец — «мулла».

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 217. Д. 333. Л. 25.

В «Регистрационном бланке для студентов КУТВ» Зарре писал: «Состоял в партии социал-рабочих в Тегеране в 1918–19 гг. и также был в Демократической партии Персии». (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 217. Д. 333. Л. 35.)

³ *Чайкин К.И.* Краткий очерк новейшей персидской литературы. М., 1928. С. 57.

Уже в 1934 г. К.И. Чайкин (1889–1938) писал в автобиографии:

«В 1917 г. по представлению дипломной работы (стихотворный перевод поэмы Джами «Селаман и Эбсаль», с введением...) был оставлен для подготовки к ученому званию по кафедре персидской литературы при Лазаревском институте восточных языков. Ввиду неоднократной затем реорганизации Института и отсутствия руководства кафедрой официальный аспирантский стаж выполнен не был. Работал по персидской литературе самостоятельно. Между делом в течение 1918–19 гг. перевел в стихах две трети (более 6 тыс. ст.) поэмы Саади «Бустан» (часть этого перевода принята к напечатанию в сборник «Восток» изд. «Academia»). В 1919–1920 гг. преподавал персидский язык в Академии Генштаба. В 1920 г. был командирован НКВД в Персию, где пробыл до конца 1926 г., работая драгоманом Полпредства РСФСР в Тегеране. Занятий своих по персидской литературе не оставлял. Одним

из результатов этих работ было вышедшее в 1927 г. в Тегеране издание «Дивана» (собрания стихотворений) поэта XII в. Абуль-Фараджа Руни. По возвращении в Москву с 1927 г. по настоящее время преподаю персидский язык в Московском институте востоковедения в должности доцента. С 1927 г. по 1929 г. работал также научным сотрудником при кабинете зарубежного востока в КУТВ. В 1928 г. КУТВ издана моя книжка «Краткий очерк персидской литературы». С 1930 г. по настоящее время работаю над составлением персидско-русского словаря, каковая работа поручена мне в 1929 г. Институтом востоковедения совместно с издательством Большой советской энциклопедии...»

Под автобиографией — приписка: «Согласно вышеизложенному и в соответствии с постановлением от 13/1.34 г. кафедра считает т. Чайкина достойным звания доцента персидского языка. Председатель кафедры А.Зарре». (ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 2889. Л. 5.)

⁴ Зарре А. Малек-ош-Шоара Бехар // Литературная энциклопедия. М., 1932. Т. 6. Стб. 736–738.

⁵ Чайкин К.И. Краткий очерк новейшей персидской литературы. М., 1928. С. 85.

⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 217. Д. 333. Л. 20.

⁷ РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 384. Л. 25. Подробнее о гилянских событиях, а также фотопортрет А.Зарре см.: *Генис В.Л.* Красная Персия: Большевики в Гиляне. 1920–1921. Документальная хроника. М., 2000. 560 с.

⁸ ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 2855. Л. 4.

О Р.П. Абихе (1901–1940) см. подробнее: *Генис В.Л.* Рудольф Абих — историк Гилянской революции // Иранистика в России и иранисты. М., 2001. С. 145–156.

О В.Г. Тардове (1879–1938) см.: *Кулланда М., Сазонова Н.* Забытое имя // Иранистика в России и иранисты. М., 2001. С. 127–144; *Генис В.Л.* Красная Персия. С. 108 и др. по имен. указателю. В автобиографии от 25 октября 1935 г. Тардов писал: «С 1928 г. занимаюсь научно-исследовательской работой и преподаю в МИВ (в 1932–1934 гг. — теорию аграрного вопроса в Персии, в настоящее время — историю Ирана)». (ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 2883. Л. 3.)

О А.Н. Вознесенском (1881–1937) см. подробнее: *Генис В.Л.* «Один из столпов Комиссариата...» Арсений Николаевич Вознесенский. Документальный очерк // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М., 2004. Вып. II. С. 62–124. Вознесенский — бывший заведующий отделом Востока НКВД РСФСР в 1918–1920 гг. и отделом Востока Крестинтерна в 1925–1926 гг., отрекомендовывавшийся в 1921 г. «замнаркома по иностранным делам революционного персидского правительства», — в 1928 г. состоял проректором Института востоковедения им. Нариманова.

⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 217. Д. 333. Л. 33.

В «Протоколе № 20 открытого общего собрания членов и кандидатов ВКП(б) 2-го коллектива Спецотдела ОГПУ», от 3 августа 1929 г., в частности говорится:

«Зарре Абуль Касым, чл. партии с 1928 г. (канд. с 1925 г.), рожд. 1899 г., происходит из семьи учителя, образование — среднее, Коммунистический университет трудящихся Востока, сотрудником ОГПУ служит с 1924 г., в Красной Армии не был, до 1917 г. учился и редактировал газету (Персия), журналистикой занимался в Персии 10 лет, числится членом Иранской компартии с 1920 г., состоит членом редакции газеты, партвзысканий не имеет, расхождений с линией партии и уклонов не было.

Постановили: т. Зарре А.К., партбилет № 1266457, считать проверенным». (РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 25. Л. 31.)

¹⁰ ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 2855. Л. 4.

В автобиографии от 16 ноября 1935 г. Абдул Гусейн Хесаби (1895–1938), общая о своей работе после досрочного завершения учебы в КУТВ, писал:

«1924 г. — послан Восточным отделом Коминтерна на работу в Иран; вступил в ИКП в Тегеране, стал членом и секретарем горкома.

1925 г. — участник партконференции тегеранской организации, где был выбран в обком; в связи с раскрытием конференции был заключен в тюрьму и освобожден вследствие амнистии по случаю коронации Реза-хана.

1926 г. — член бюро ЦК и редакции органа партии «Джерег» («Искра») в Тегеране.

1927 г. — участник 3-го съезда партии в Сталинграде, выбран в члены ЦК ИКП.

1928 г. — преследования полиции в связи с выступлением на демонстрации 1 мая в Тегеране; эмиграция в СССР, перевод в члены ВКП(б).

1929–1930 гг. — редактор органа ЦК за границей «Сетарей-е-Сорх» («Красная звезда») и партийной литературы; послан Коминтерном на работу в Иран... член горкома в Исфагане, работа по созданию профсоюза рабочих текстильной фабрики «Патак».

1931 г. — в связи с арестом членов ЦК в Тегеране, по поручению товарищей из тюрьмы и т. Султан-заде из Москвы, нелегально приехал в Тегеран и участвовал в пленуме ЦК с активом всех организаций ИКП; был преследуем и работал нелегально один год в Тегеране.

1932–1934 гг. — по рекомендации Восточного секретариата ИККИ поступил на учебу в Институт подготовки кадров ИКП; за хорошую работу получил грамоту и кончил институт.

1934 г. — в ИККИ разбирались обвинения, выдвинутые против меня со стороны Латиф-заде (см. мое дело в Интернациональной контрольной комиссии), — связь с контрреволюционером, бывшим членом партии, Асади; посылка денег семье и получение оттуда денег; поддержка Ладбона, исключенного из партии за контрреволюционную его статью. Комиссия считала, что я заслуживаю быть исключенным из партии, но, учитывая некоторые моменты в моей работе, ограничилась объявлением строгого выговора с предупреждением.

Я, признавая свои ошибки и считая правильным решение ИКК в своем письме в ИККИ и КК, в подчинение решения партии поступил на работу в Авторемонтный завод Мособлдортранса, где работаю по настоящее время в качестве заведующего школой среднего образования взрослых рабочих». (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 217. Д. 373. Л. 1–2.)

¹¹ *Zarre A.* Маздакизм // МСЭ. М., 1930. Т. 4. Стб. 803–804; *Zarre A.* Государственный строй Персии; *Zarre A. Сергеев В.* История Персии // Там же. М., 1931. Т. 6. Стб. 449–452.

Небезынтересно, что, дополняя статью Н.Нечаева «Персидская литература», Зарре писал: «После Октября появляются произведения с пролетарской идеологией (Лахути, Зарре и др.)». (Там же, стб. 444.)

¹² *Гадунов Р.А.* Русско-персидский словарь. М., 1936–1937. Т. 1–2.; *Ашурри Г.* Русско-персидский словарь / Под ред. А. Касаева. М., 1934.

¹³ ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 2855. Л. 1 («Отзыв о научных трудах тов. Абуль-Касыма Заррэ»).

¹⁴ Расстрельные списки. Москва, 1937–1941. «Коммунарка», Бутово. Книга памяти жертв политических репрессий. М., 2000. С. 94, 160, 397, 424, 431.

Арестованного 21 февраля 1938 г. Г. Ашурри (1902–1938) расстреляли позже всех его сослуживцев по Институту востоковедения — 1 сентября. (Расстрельные списки. Москва, 1937–1941. «Коммунарка», Бутово. Книга памяти жертв политических репрессий. М., 2000. С. 29.)

Арабаджян З.А.

Взлеты и падения иранского марксизма

Nulla vis est major populi voluntate.

Нет силы более великой,
чем воля народов.

Крылатое латинское изречение.

К началу XXI века исполнилось сто лет с того времени, как идеи Маркса пришли в Иран и обрели в нем своих сторонников. Это столетие было насыщено самыми драматическими и трагическими событиями, взлетами и падениями, примерами исключительного мужества, преданности, самопожертвования и измен, низости, ренегатства. После развала Советского Союза в России в гуманитарных науках появилось большое количество авторов, мгновенно позабывших о своем партийном прошлом и начавших переписывать историю, меняя оценки с положительных на отрицательные. К сожалению, эта тенденция не обошла и иранистику. Ни одного правильного действия, ни одного доброго дела не находят некоторые авторы в свершениях иранских марксистов.

Мы далеки от мысли полемизировать с такого рода авторами, но нельзя допустить, чтобы новое поколение российских востоковедов-иранистов, да и просто образованных людей, узнавало о прошлом исключительно из злопыхательских пасквилей.

Кроме того, история человечества начала XXI века наглядно демонстрирует исчерпанность развития по пути модерна и сменяющего его постмодерна. Именно этим и объясняется возрождение интереса в мире к левым идеям в самой различной интерпретации, включая марксизм. Несомненным лидером на указанном пути является Латинская Америка, народы которой сумели сблизить христианство и социалистические идеи, создав теологию освобождения.

Всеми изложенными выше обстоятельствами и продиктована необходимость написания статьи, предлагаемой вниманию читателей.

Одно из широко распространенных обвинений в адрес иранских марксистов состоит в том, что первая иранская марксистская партия Гуммет была создана в Баку и в ней были не только иранцы, работавшие на нефтепромыслах, но и люди, формально являвшиеся гражданами Российской империи, или что организационный съезд ИКП прошел на территории СССР.

Ни в том, ни в другом нет ничего предосудительного. Гуммет возникла там, где было сильно влияние российской социал-демократии, где иранским отходникам было у кого учиться. Что касается участия в организации и подданных Российской империи, то и это совершенно естественно. В тот исторический период мобильность населения на Кавказе была очень высокой, а границы во многом условны. Существовали разделенные народы, в первую очередь азербайджанцы, и семьи, которые кочевали в обоих направлениях не только без виз, но и без паспортов. Эти люди, зачастую даже не задумывались о своем гражданстве. Пастухи одну часть года пасли стада в России, а другую — в Иране.

Если люди, усиленно муссирующие данный факт, пытаются сказать, что не будь Баку, то иранский марксизм никогда не оформился бы организационно, то это просто несерьезно, а если хотят подчеркнуть важность внешнего фактора для общественно-политических процессов, протекающих в той или иной стране, то это можно сделать в корректной форме и без обвинений.

Следует отметить, что самые первые группы социал-демократов возникли в Иране на грани XIX и XX вв. Их члены принимали активное участие в революции 1905–1911 годов. Некоторое представление об этом процессе можно получить из обстоятельного труда, вышедшего под редакцией Хосрова Чакеи, в котором приводится ряд свидетельств работы теоретической мысли первых иранских социал-демократов, рассматривавших складывавшуюся ситуацию с марксистских позиций¹. Представители этих групп состояли в переписке с такими видными марксистами, как К. Каутский и Г.В. Плеханов, и советовались с ними по теоретическим вопросам, представ-

лявшимися им крайне актуальными для иранской действительности того времени.

Что касается съезда ИКП, то следует помнить, что и почти все съезды РСДРП в дореволюционный период проходили не в России, потому что было невозможно провести съезд в условиях жесточайших репрессий царской охранки. Почти все руководители РСДРП, избранные на первом съезде партии, прошедшем в Минске, вскоре после его окончания были арестованы.

В начальный период существования российской социал-демократии она была крайне малочисленна и полностью находилась вне России. Это обстоятельство, когда группа русских марксистов каталась на лодке по Женевскому озеру, дало основание Г.В. Плеханову в шутку сказать, что если сейчас лодка перевернется, то в России не останется марксистов.

Разве в условиях диктатуры Реза-Шаха могли иранские коммунисты провести съезд на территории своей страны?!

Иранская коммунистическая партия была, прежде всего, боевой практической организацией, достаточно слабой в теоретическом плане. Что, конечно, было связано с низким образовательным цензом ее членов, который, видимо, был еще ниже такового членов партии, оказавшихся в заключении в 30-х годах (см. Приложения 2 и 3; С. 283–286, С. 287–291). Единицы имели университетское образование.

Неслучайно многие члены ИКП направлялись на учебу в КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока). Данное учебное заведение было создано в Советской России для преподавания основ марксизма активистам рабочего и коммунистического движения из стран Востока и совершенно незаслуженно считалось в Иране центром подготовки шпионов. Наряду со штатными преподавателями там читали лекции видные советские руководители, включая Ленина, Троцкого, Бухарина, Каменева, Зиновьева и пр. В 20–30-е годы в КУТВе прошли обучение более 100 иранских слушателей.

Особенностью национального состава ИКП было явное преобладание азербайджанцев. Если судить по национальному составу арестованных членов партии, то азербайджанцев в ней было около 60%, персов и всех остальных мусульман — 30% и 10% армян и евреев (см. Приложения 2 и 3; С. 283–286, С. 287–291).

Среди членов ИКП, арестованных и находившихся в тюрьмах и ссылке в тридцатых годах, наиболее яркими фигурами, сыгравшими в дальнейшем большую роль в развитии рабочего, коммунистического и национально-освободительного движения, являлись Джафар Пишевари, Юсеф Эфтехари и Ардешир Ованесян.

Джафар Пишевари родился в иранском Азербайджане под фамилией Джавадзаде в семье сеида. Его семья эмигрировала в Баку после того, как кочевники уничтожили их дом в Иране. Его отец был образованным человеком и содержал семью на доходы от небольшой бакалейной лавки. В Баку Пишевари преподавал персидскую литературу и турецкий язык. Наблюдая драматические перипетии первой русской революции, он втянулся в политику и под влиянием местных иранцев, сочувствовавших большевикам, вступил в партию Адалят. Позднее участвовал в Гилянской революции и даже занимал пост комиссара внутренних дел в правительстве Гилянской Республики.

После превращения Адалят в Иранскую коммунистическую партию был избран в состав ЦК. Одним из первых среди иранских революционеров был направлен в Москву на обучение в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ).

После возвращения в Иран Пишевари поселился в Тегеране и основал профсоюзную газету «Хагигат». В период проведения всеобщей забастовки нефтяников (май–июнь 1929 г.) он собирал средства для семей бастующих и направлял их в Абадан. Полиции удалось проследить путь почтовых переводов и арестовать Пишевари. Поскольку за некоторое время до этого он сменил фамилию и взял псевдоним Пишевари, в ходе следствия не удалось выявить его участие в Гилянской революции, что, несомненно, спасло ему жизнь.

Юсеф Эфтехари также происходил из семьи мелкого торговца. Из-за смерти отца семья оказалась вынужденной переехать в Баку, где старший брат занялся торговлей, что позволило ей выжить. В Баку Эфтехари вступил в ИКП и вместе с одним из братьев был направлен на обучение в КУТВ.

После возвращения в Иран в середине 20-х гг. он поселился в Тегеране, где основал профсоюз учителей. Спустя некоторое вре-

мя вместе с несколькими товарищами он направился в Абадан для организации забастовки рабочих нефтяников.

Его неумная энергия, организаторские способности, ораторское мастерство и, самое главное, убежденность в правоте своего дела в сочетании с объективно назревшими условиями и положением иранских рабочих и служащих в АПНК сделали, казалось бы, невозможное. Впервые за почти тридцатилетнюю историю компании она оказалась полностью парализована всеобщей забастовкой: остановились нефтепромыслы, система трубопроводов, крупнейший в мире Абаданский НПЗ. Основными требованиями забастовщиков были установление минимальной заработной платы, предоставление оплачиваемого выходного (пятница), восьмичасовой рабочий день и организация техники безопасности на производстве. Однако главным требованием являлось устранение национальной дискриминации при найме на работу в компанию. Согласно существовавшим установкам руководства компании, иранцев принимали только на самую тяжелую и низкооплачиваемую работу, отдавая предпочтение англичанам и индусам.

Англичане не смогли подавить забастовку своими силами и призвали вмешаться иранское правительство, которое ввело войска на предприятия компании и арестовало около 50 активистов.

Несмотря на поражение, эта забастовка оказала огромное влияние на рост самосознания рабочего класса Ирана, а сам Эфтехари, по мнению некоторых современных иранских исследователей, вошел в историю как человек, потрясший монархию Реза Пехлеви и Британскую империю².

Ардешир Ованесян родился в Реште в семье аптекаря. Был отдан в учение местному фармацевту Александру Атабекяну, являвшемуся сторонником анархических идей Кропоткина. На формирование мировоззрения Ованесяна, которому тогда было 15–16 лет, большое внимание оказала Гилянская революция, а также деятельность Культурного общества, являвшегося в 20–30-е гг. центром радикальных идей в Реште. Будучи активным членом Общества, он принимал участие в организации курсов по обучению грамоте, чтению и разборе художественных и иных произведений, концертов, спортивных соревнований и самодеятельных спектаклей.

В репертуаре театрального кружка имелаась антиклерикальная пьеса Мольера «Тартюф», постановка которой вызвала резкое осуждение местного духовенства.

Политическая направленность Общества проявлялась уже и в том, что во время первомайских демонстраций его члены несли портрет Ленина. Англичане, панически боявшиеся увеличения влияния Советского Союза в Иране, считали Общество местным центром советских шпионов³.

В 1923 г. Ованесян вступает в ИКП и в 1925 г. направляется на обучение в КУТВ. После возвращения в 1926 г. поселяется в Тегеране, основывает профсоюз фармацевтов и ездит по партийным делам в Казвин, Табриз, Решт и Мешхед. Во время одной из таких поездок он был арестован в Табризе.

Абдул-Самад Камбахш, хотя и был сыном одного из каджарских шахзаде, вел достаточно скромную жизнь в Казвине, где являлся членом местного Культурного общества. Долгое время находился в России как до, так и после Октябрьской революции, где по направлению иранского правительства учился в школе по подготовке пилотов и авиационных инженеров.

После возвращения в Иран преподавал в Военной академии и готовил технические разработки для Министерства обороны. Вступил в коммунистическую партию. Был женат на внучке известного религиозного деятеля Шейха Фазуллы Нури, повешенного в 1909 г., являвшейся сестрой Нуреддина Киянури, ставшей одной из первых иранских женщин-врачей и проявлявшей большую активность в деятельности казвинского Культурного общества.

Во время работы в академии у Камбахша установились дружеские отношения со многими военными, которые он сохранял вплоть до своего побега из Ирана в 1949 г. Неслучайно в 1944 г. ЦК НПИ поручил именно Камбахшу создать нелегальную организацию среди военных, сочувствовавших партии, с целью предупреждения о возможных действиях правых в вооруженных силах⁴. Впоследствии эта организация стала называться Организацией свободолюбивых офицеров Ирана.

Среди иранских марксистов 30-х годов наиболее мощной в интеллектуальном плане фигурой являлся Таги Арани, формально не

входивший в ИПК и осужденный на процессе по делу 53-х. Арани родился в Табризе, но вскоре отец, служащий одного из государственных учреждений, бывший записным ловеласом, бросил его мать, и она переехала в Тегеран, где мальчик воспитывался матерью и ее родственниками. В 1920 г. закончил Дар-эль-Фонун первым учеником своего выпуска и два года изучал медицину в Тегеране. С 1922 по 1930 годы находился в Германии, изучал химию в Техническом университете Берлина. Работая над кандидатской диссертацией, изучал философию.

В это же время начал писать статьи об Омаре Хайаме, Насере Хосрове, Саади, Аристотеле, Азербайджане и истории Ирана, которые публиковались в издававшихся в Германии журналах патриотической ориентации «Фарангестан» и «Ираншахр». Если статьи, посвященные иранской истории эпохи Ахеменидов, великим иранским царям и поэтам, в концептуальном плане были достаточно типичны для патриотически ориентированного интеллектуала, то его взгляды относительно происхождения иранских азербайджанцев были построены на весьма оригинальной концепции.

Согласно Арани, современные азербайджанцы являлись арийцами, а северо-западный Иран — колыбелью иранской цивилизации. Однако в период монгольского завоевания монголам удалось навязать свой язык населению этой части страны. На этом основании Арани в своих работах призывал правительство заменить в Азербайджане турецкий язык персидским⁵.

Такая концепция о происхождении азербайджанского этноса в интерпретации мыслителя, являвшегося азербайджанцем, представляется весьма редким явлением и достаточно красноречиво свидетельствует о его паниранской и централистской ориентации, не допускавшей мысли не только об отделении, но и об автономизации Азербайджана.

Пребывая в Германии, он сблизился с группой иранских марксистов, включая Мортазу Алави — издателя газеты компартии Пейкар. Арани настолько воспринял их идеи, что по возвращении в Иран в 1930 г., как говорил он сам, был убежденным коммунистом⁶.

Данная самооценка вызывает недоумение у некоторых буржуазных авторов: «Неясно, что это означает, поскольку Арани фор-

мально не входил в Коммунистическую партию»⁷. Такой риторический вопрос является достаточно надуманным, ведь для того чтобы быть «убежденным коммунистом», совершенно не обязательно проходить процедуру вступления ИКП, ибо речь идет именно об убеждениях человека, а не членстве в организации. Как видно из нижеследующего, в 30-е годы никто не сделал большего для популяризации марксистских и коммунистических идей среди иранской интеллигенции, чем Арани.

Вернувшись в Иран, Арани преподавал в Дар-эль-Фонуне и Тегеранском университете, публиковал работы по химии, биологии, психологии и диалектическому материализму. Вокруг него, как личности необыкновенно яркой, сформировался кружок молодых интеллектуалов, обсуждавших различные политические и философские теории, читавших и переводивших Гюго, Бергсона, Маркса и Энгельса («Капитал», «Манифест Коммунистической партии», «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии»), Бухарина («Азбука коммунизма» и «Исторический материализм»).

Вершиной популяризаторской и просветительской деятельности Арани стало издание журнала «Дониа»⁸.

Журнал выходил с февраля 1934 по июнь 1935 года, когда было издано 12 номеров. В предисловии к первому номеру Арани писал, что журнал будет рассматривать экономические, научные, социальные, технические и культурные вопросы с материалистической точки зрения.

Хотя основной целью журнала было распространение марксистских идей среди иранской интеллигенции, для улучшения его цензурной проходимости публиковалось много материалов о технике, медицине, авиации, снах и их толковании. Впервые в Иране именно «Дониа» познакомил читателей с представлениями Дарвина об эволюции видов. Кроме того, был выбран нарочито сухой академический стиль изложения.

Названия тех тем, ради популяризации которых и был создан этот печатный орган, отчетливо демонстрировали его направленность: «Материалистическая концепция человеческой природы», «Диалектический материализм», «Мистицизм и материализм», «Искусство и материализм», «Женщина и материализм», «Закон и материализм»,

«Детерминизм и свободная воля в истории», «Материальные основания жизни и мозга», «Стоимость, цена и труд» и др.

Оценивая роль этого издания, Ерванд Абрахамиан пишет, что «Академический марксизм пришел в Иран вместе с Дарвином и современными науками. «Дониа» был уникален для своего времени. И он остается таковым»⁹.

Соглашаясь с мыслью об уникальности журнала для своего времени, трудно согласиться с тем, что академический марксизм пришел в Иран только в середине 30х годов вместе с Дарвином. Как показано выше, это произошло гораздо раньше. И тогда и в последующем иранские революционеры и теоретики делали первые попытки переводов произведений Маркса и Энгельса, писали статьи по следующей проблематике: «Обращение денег: деньги (по Марксу)», «Товар и его обращение (по Марксу)», опубликованные в 1931 г. и др.¹⁰

Вот почему есть основания полагать, что не только практический, но и академический марксизм пришел в Иран несколько раньше начала издания журнала «Дониа». Однако следует признать, что до появления журнала круг лиц, имевших возможность соприкоснуться с марксистскими идеями, был крайне узок. С выходом «Дониа» эти идеи оказались доступными любому образованному иранцу. В связи с этим трудно переоценить популяризаторскую роль данного издания как первого иранского печатного органа, постоянно публиковавшего статьи, раскрывавшие общественведческую проблематику с марксистских позиций.

Как уже отмечалось, Арани был осужден по делу 53-х. Это был судебный процесс, проходивший в 1938 г., на котором была осуждена большая группа лиц (53 человека), в подавляющем большинстве — представителей интеллигенции и служащих, обвиненных властями в распространении подрывных идей, коммунизме, шпионаже в пользу иностранных государств и пр. Членов ИКП среди них было всего 9 человек — те, кто уцелел во время процесса над партией в начале 30-х годов. Следует отметить, что в отношении многих обвинения были надуманными, но основное ядро, несомненно, представляло угрозу режиму, т.к. несло в себе идеи, опасные для его стабильности.

По образовательному, социальному и национальному составу группа 53-х существенно отличалась от осужденных ранее членов ИКП. В ней явно доминировали выходцы из средних городских слоев и привилегированных классов, включая одного представителя династии Каджаров и одного отпрыска племенного вождя, в то время как в первой группе доминировали выходцы из крестьян, рабочих и средних городских слоев. Соответственно и образовательный ценз их был гораздо выше: 27 человек имели университетское образование. Еще более разительным было различие в национальном составе — 75% составляли персы и только 16% — азербайджанцы.

Не менее интересно и то, что в дальнейшей своей политической деятельности в период с 1941 по 1947 гг. более 60% группы 53-х вошли в состав преемницы ИКП — Народной партии Ирана (Туде). Любопытная и весьма символичная деталь. В ряды НПИ влились и сын афшарского племенного вождя выпускник Тегеранского университета Насратулла Джаханшахлу, и сын афшарского бедняка — рабочий наборщик Акбар (Фатули) Афшар. Где, в какой другой партии эти представители полярных классов общества могли сойтись и на равных работать на народное благо?!

Между находившимися в тюрьме Каср коммунистами и представителями группы 53-х установились достаточно сложные отношения. Первые считали вторых «изнеженными феодалами» и «неопытными интеллектуалами», а вторые первых — «неграмотными северными простолюдинами с примитивными представлениями о марксизме в КУТВянском стиле» и «слепыми поклонниками России». Надо сказать, что в какой-то степени и те и другие были правы.

Несмотря на мелкие трения, между обеими группами была прочная взаимосвязь и взаимовыручка. Особенно наглядно это проявилось, когда в сентябре 1939 г. тюремная администрация подвергла избиению плетью Халиля Малеки, одного из группы 53-х, и посадила его в камеру с уголовниками. В знак протеста около ста политических заключенных объявили голодовку. Голодовка продолжалась пять дней и закончилась после возвращения Малеки на прежнее место. Следует отметить, что в голодовке участво-

вали все ветераны коммунисты и большинство из группы 53-х. Те, у кого были маленькие сроки, воздержались. Что ни говори, а у выходцев из народной гущи чувство солидарности оказалось сильнее, чем у некоторых представителей благополучных слоев.

Голодовка не прошла для ее лидеров бесследно. Восемь человек, включая Эфтехари и Ованесяна, скованных в буквальном смысле слова одной цепью, были сосланы в район Бендер-Аббаса, где свирепствовала малярия, а двое — Арани и Камбахш — переведены в одиночки Центральной тюрьмы. Спустя пять месяцев Таги Арани заболел тифом и в условиях умышленного неоказания медицинской помощи скончался. По некоторым утверждениям, ему в камеру была подброшена тифозная одежда. Так погиб, наверное, самый видный марксистский мыслитель Ирана.

Шло время, и, когда в августе-сентябре 1941 г. Иран был оккупирован войсками союзников, Реза-Шах оказался вынужденным отречься от престола. В стране сложилась принципиально иная политическая ситуация. Двери тюрем раскрылись, и все политические заключенные вышли на свободу. Пошел бурный процесс образования политических партий, в т.ч. и коммунистической (Народная партия Ирана (Туде)).

НПИ была создана 30 сентября 1941 г. вскоре после того, как была выпущена на свободу первая группа политзаключенных из числа членов ИКП и группы 53-х. Инициатором сбора нескольких десятков человек, большинство из которых были хорошо знакомы по совместному пребыванию в тюрьмах и ссылке, был Ирадж Искандери, считавший необходимым объединить в широкую коалицию националистов и патриотов с марксистами.

Единомышленники Ираджа Искандери собрались на квартире его дяди — каджарского шахзаде Сулеймана Искандери, известного в иранских политических кругах как Сулейман Мирза. Последний в молодости был изгнан из Дар-эль-Фонуна за вольнодумство по личному указанию Насер-эд-Дин Шаха¹¹, участвовал в революции 1905–1911 г. в качестве одного из лидеров Демократической партии и выступал против англо-русской оккупации Ирана в период Первой мировой войны. Позднее он возглавил социалистов в Меджлисе и выступал против установления династии Пехлеви,

бывал приглашаем на празднования годовщины Октябрьской Революции в Москву.

Из представителей старой компартии на учредительном собрании присутствовали бывшие заключенные Пишевари, Реза Руста, Чешмазар, Никраван, Амир-Кизи, Асади, Шарифи и Фархи. Группу пятидесяти трех представляли Бозорг Алави, Бахрами¹², Йазди, Радманеш, Бограти и Эхсан Табари, не считая самого Ираджа Искандери.

Другая группа участников состояла из либерально мыслящих аристократов, в которую кроме упоминавшегося Сулеймана Мирзы входил Аббас Мирза Искандери — еще один дядя Ираджа Искандери, издававший газету «Сиасат», Иманулла Ардалан (Хадж Аз аль-Мамалек), происходивший из аристократического курдского рода. Ардалан водил дружбу с Сулейманом Мирзой еще со времен совместной деятельности против англо-русской оккупации Ирана в годы Первой мировой войны. Присутствовали также шейх Мохаммад Йазди — брат Йазди из пятидесяти трех, Азод — крупный землевладелец, сидевший при Реза Шахе за свои статьи во французской прессе и познакомившийся со многими из пятидесяти трех в тюрьме Каср, инженер Ахмад Разави, происходивший из почтенной керманской семьи, и др.

По предложению Ираджа Искандери новая партия стала называться Хезбе Туде-е Иран (Народная партия Ирана) или сокращенно Туде. Ее председателем как наиболее авторитетный их всех присутствовавших был избран Сулейман Мирза, а печатным органом партии стала газета «Сиасат» Аббаса Мирзы.

Основными программными положениями партии на первоначальном этапе ее существования были следующие:

1. Защита независимости и территориальной целостности Ирана.
2. Установление демократической системы и обеспечение личных и социальных свобод, таких как свобода слова, мнений и собраний.
3. Борьба против диктатуры и деспотии.
4. Необходимые реформы способов землепользования и улучшение положения крестьян и трудящихся слоев.

5. Коренные реформы систем образования и здравоохранения и введение системы обязательного и бесплатного обучения и обеспечение всем слоям иранского народа доступа ко всем уровням систем образования и здравоохранения.

6. Упорядочение системы налогообложения с учетом интересов народных масс.

7. Реформирование экономики и торговли и развитие промышленности, рудников и транспорта, создание новых и поддержание старых шоссе и железных дорог.

8. Конфискация имущества бывшего шаха в пользу иранского народа¹³.

Как видно из приведенного выше, программа Туле на первых этапах не характеризовалась радикализмом и не носила никаких специфических марксистских черт. Она была гораздо более расплывчатой, чем программы не только таких социал-демократических организаций и партий, как «Гуммет», «Джамиате эджтемаюне амиюн», «Адалят», ИКП, но и Демократической партии. Многие из них в частности, предусматривали не расплывчатое улучшение системы землепользования, а распределение земли среди крестьян и выделение крестьянам государственных кредитов.

Еще в период второго меджлиса Демократическая партия объявляла, что каждый земледелец должен быть владельцем того участка земли, который он обрабатывает, и предлагала создать сельскохозяйственный банк, который должен скупать землю у желающих продать и распределять ее среди земледельцев¹⁴.

Для того времени, после прошедших с конца 20-х годов забастовок с требованиями ограничения рабочего дня восьмью часами, вмешательства представителей рабочих в вопросы найма и увольнения рабочих, и др., активно отстаивавшихся профсоюзами и политическими организациями, весьма абстрактно выглядит и тезис об улучшении положения трудящихся слоев.

Указанная программа, с одной стороны, сосредотачивалась на общедемократических задачах, таких как свобода слова, взглядов, собраний, борьба с деспотией и диктатурой. С другой — на общенациональных целях, характерных для всех иранских патриотов, — борьба за независимость и территориальную целостность Ирана.

В вопросе об отношении к религии с самого начала своего существования Туде не стала на атеистические позиции. Партийная газета «Рахбар» в статье «Исламская вера в наших воззрениях» писала: «Большинство членов партии мусульмане, рождены в мусульманских семьях и очень почитают и уважают закон шариата Мохаммада и никогда не пойдут по пути, противному этой вере, и никогда не примут мировоззрения, противоречащего ей»¹⁵. Далее отмечалось, что слухи о негативном отношении партии к исламу распространяет Сеид Зия и его подручные, и выражалась уверенность в том, что иранский народ понимает это.

В вопросах внешней политики НПИ старалась занять беспристрастную равноудаленную от великих держав позицию: «Мы обуславливаем свою дружбу как с Британией, так и с Советским Союзом одним условием — эти государства должны соотносить свои интересы с нашими национальными интересами и повышением нашего всеобщего счастья. Эти два государства не должны проводить в Иране реакционной и экстремистской политики»¹⁶. Особая сдержанность проявлялась в отношении СССР: «В тот день, когда мы почувствуем, что северный сосед вопреки нашим представлениям предполагает для себя в Иране колониальные преимущества или намерен навязать силой иранскому народу свой режим, или хочет присоединить Иран к своей территории, мы будем отчаянно бороться против этого»¹⁷.

Как справедливо отмечает Абрахамиан, «...Туде была скорее либеральной, чем радикальной партией»¹⁸.

Умеренный характер программы новой организации и отсутствие заявлений руководства партии относительно основных коммунистических установок имели целый ряд объяснений. По мнению М. Резы Годса, это опасность попасть под действие антикоммунистического акта 1931 г., который еще не был отменен, нежелание вызвать гнев иранского духовенства, стремление завоевать поддержку самых широких слоев населения и националистов, опасения руководителей попасть под влияние руководителей ИКП, с которыми у многих представителей группы Пятидесяти трех были постоянные разногласия, и др.¹⁹ Все это так, но была и другая причина, коренившаяся в персональном составе руководства партии.

По мнению Джами, Туде, имея таких вождей, как Солейман Мирза Искандери и Нуреддин Альмоути, была партией, выступающей за свободу, прогрессивной, защищающей конституцию и конституционализм, и скорее являлась фронтом, чем партией²⁰. С такой оценкой НПИ в период ее зарождения трудно не согласиться.

Действительно, в значительной степени весьма умеренная программа партии объяснялось составом ее руководства, представленного, прежде всего, кадjarскими принцами, выходцами из аристократических и весьма состоятельных семей, придерживавшихся либо либеральных, либо умеренно-марксистских взглядов.

Представляется, что уникальность иранской ситуации состоит в огромной роли, сыгранной именно представителями династии Кадjarов в становлении новой марксистской партии в Иране. На начальном этапе становления Туде все трое представителей семейства Искандери входили в состав ЦК²¹. Возможно, судьба хотела испытать династию Пехлеви, создавая партию, желавшую ее устранения, руками Кадjarов, в свое время низвергнутых Реза Ханом с иранского престола.

Постепенно позиция партии по основным вопросам начала проявляться более четко. Так, Эхсан Табари характеризовал классовую опору партии следующим образом: «Народная партия Ирана — это совокупность четырех классов и отражает в своей программе интересы этих четырех классов (рабочие, крестьяне, интеллигенция и ремесленники)»²².

В то же время НПИ продолжала придерживаться исключительно парламентских способов достижения поставленных целей и отвергала насилие и террор: «Наши враги обвиняют нас в том, что мы хотим добиться своих целей с помощью насилия и беспорядков... Но мы полагаем, что должны достичь их законными способами через парламентаризм. Какой способ есть у нас, чтобы вырваться из цепей, которыми коррумпированные элементы сковывают нас по рукам и ногам, кроме как выиграть выборы в Меджлис четырнадцатого созыва? Никакого!»²³

Во многом сдвиг влево объяснялся приливом в руководство партии более радикальных фигур. В частности, Камбахша и Ованесяна, которые не попали в первую волну освобожденных поли-

тических заключенных и потому отсутствовали на учредительном собрании в сентябре 1941 г. Камбахш, Ованесян и Реза Руста были членами старой ИКП и проводили политику замены в партийном руководстве умеренных аристократов, привыкших к тому же жить на широкую ногу, таких как Азод, Ардалан, Разави, Аббас Мирза, Мохаммад Йазди, на представителей группы пятидесяти трех, поскольку считали их слишком развращенными богатством. Ованесян, живший очень скромно в однокомнатной квартире и часто не имевший возможности поесть, спокойно относился только к аристократам с радикальными взглядами.

Место выбывших занимали образованные марксисты, хорошо знакомые с радикалами по пребыванию в тюрьмах: Малеки, Ха-меи, Джаханшахлу, Макинезаде, Омид и др. Тенденция усиливалась и благодаря притоку в 1942–1943 гг. молодых энергичных марксистов: Нуреддина Киянури, Хосейна Джоудада, Ахмада Гасеми и Али Олави.

Радикализация взглядов и позиций партии по основным внутривнутриполитическим и внешнеполитическим вопросам сопровождалась и сближением ее руководства с Советским Союзом и усилением советского влияния на партийные кадры. Здесь мы подходим к самым острым, принципиальным и трагическим страницам истории НПИ первых лет своего существования: вопросу о предоставлении СССР концессии на разработку северной нефти и образованию азербайджанской автономии в составе Ирана.

Некоторые авторы считают, что «привлекательность Туде (для широких масс населения. — З.А.) значительно поблекла в 1944–1946 гг. в результате двух событий: требований Советов предоставить нефтяную концессию в северном Иране и советской поддержки двух национальных восстаний в Курдистане и Азербайджане»²⁴.

Однако между этими вопросами с точки зрения их влияния на популярность партии, на наш взгляд, нельзя ставить знак равенства. Дело в том, что некоторые буржуазные политики, не питавшие особых симпатий к СССР, не очень и возражали против предоставления указанной концессии. К их числу принадлежал и известный борец за национализацию нефтяной отрасли и последовательный

антикоммунист доктор Мосаддек. При этом он считал, что условия концессии принципиально отличаются от условий, на которых работает АИНК, в лучшую сторону (раздел акций и прибыли между СССР и Ираном в соотношении 51% к 49% и переход всей собственности концессии в собственность Ирана через 49 лет). Он также полагал, что наличие такого рода предприятия в стране создаст более благоприятные условия для национализации АИНК²⁵.

Даже несмотря на то, что первые обвинения в подыгрывании иностранной державе (биганепарастии) со стороны врагов НПИ появились именно в связи с ее позицией по вопросу о концессии, едва ли правомерно говорить о сколько-нибудь значительном падении ее популярности.

Совсем иначе следует оценивать события, связанные с образованием Демократической партии Азербайджана и Азербайджанской автономии. Здесь нет необходимости подробно разбирать ход событий и их фактологию. Они подробно описаны отечественными и зарубежными исследователями. Важно рассмотреть их глубинный смысл и соотнесенность с тем, что могли и должны были делать иранские коммунисты и их советские единомышленники. Создавая новую партию — ДПА, Пишевари исходил из того, что Туде не удалось должным образом представлять интересы народа Азербайджана²⁶. Такая постановка вопроса не может не вызвать удивления, т.к. партия, стоящая на марксистских позициях, не может делать различий между согражданами, исходя из их национальной принадлежности, и разделять трудящихся одной страны на своих и чужих.

Надо отметить, что в таком виде вопрос никогда не мог бы быть поставлен в период существования ИКП, уже по тому, что, как мы показали выше, в ней азербайджанцы численно доминировали над персами, и они сами вольно или невольно являлись носителями централистских идей и социального переустройства всей страны. Национальный состав Туде изменился на прямо противоположный. В силу чего у представителей азербайджанского меньшинства могли возникнуть старые опасения относительно взаимоотношений с персидским большинством. При этом начисто игнорировалось фундаментальное положение коммунистической

идеологии по национальному вопросу — пролетарский интернационализм. Возможно, определенную роль сыграли и личные амбиции: те же Пишевари и Эфтехари, являвшиеся руководителями ИКП, фактически остались в стороне от Туде, хотя идеология, задачи и ориентация новой партии на СССР не изменились.

Создание ДПА и директивный перевод в ее состав многих региональных организаций Туде, равно как и образование Азербайджанской автономии, вызвали резко негативную реакцию со стороны этой партии. Однако были решительно поддержаны советским руководством. В данных условиях НПИ вынуждена была существенно откорректировать свою позицию.

Описывая эти события, современные авторы любят все списывать на Советский Союз и лично И.В. Сталина, желавшего отторгнуть иранский Азербайджан и присоединить его к АзССР. Однако, как представляется, не все так просто. Всякое зерно может прорасти только тогда, когда падает на взрыхленную и удобренную почву. Дело в том, что многие политические деятели и группы населения в обеих частях Азербайджана хотели отделения иранского Азербайджана от Ирана. Более того, мнение И.В. Сталина о ситуации в иранском Азербайджане, настроениях населения и его отношении к автономизации с вероятным последующим отделением во многом формировалось первым секретарем ЦК КП АзССР Мир Джафаром Багировым. Думается, часто желаемое выдавалось за действительное.

В любом случае действия и азербайджанских товарищей, и советского руководства по автономизации Азербайджана и его возможному отделению следует признать глубоко ошибочными, наносившими непоправимый урон единству НПИ, компрометирующими партию в глазах ее сторонников. Из общенациональной партии Туде сразу превратилась в партию, поддерживающую сепаратизм. Эта ошибка нанесла огромный урон ее авторитету среди широких слоев населения. Как бы ни складывалась ситуация, следовало либо сосредоточить усилия на захвате власти в Тегеране, что явилось бы попыткой свершения социалистической революции во всей стране, либо не делать резких движений вовсе, если к тому не было никаких предпосылок. Но путь, выбранный в действительности, оказался наихудшим.

В Тегеране есть памятник: человек поражает копьем змею, символизирующий, по замыслу его создателей, победу иранского народа над сепаратистами в Азербайджане. Примечательно, что поставлен он был в шахские времена и является единственным памятником, посвященным политической проблематике, оказавшимся приемлемым и для исламского режима. Полагаю, что иранским марксистам вне зависимости от этнической принадлежности и всем нам следует помнить об этом обстоятельстве.

Характерной чертой формирования НПИ стал приток интеллектуалов из весьма обеспеченных и даже аристократических семей, что отчасти уже было показано выше. Еще большее влияние марксистские идеи оказывали на умы иранских военных. Созданная Организация свободолюбивых офицеров, фактически являвшаяся военной секцией Туде, в периоды своего расцвета насчитывала до 800 членов.

Любопытна закономерность. Члены этой организации, прежде всего, служили в наиболее интеллектуальной части армии: преподаватели военной академии и училищ, офицеры генерального штаба, офицеры войск связи и пр. Один из личных адъютантов шаха также был членом Организации. Однако в тех родах войск, которые являются основными силами военного переворота — бронетанковые и воздушно-десантные части, у партии опоры практически не было. Таким образом, по причудливому стечению обстоятельств Организация свободолюбивых офицеров скорее могла бы организовать покушение на шаха, чем совершить военный переворот. Кроме того, руководство Туде, состоявшее преимущественно из гражданских лиц, постоянно сдерживало пыл молодых коммунистов-офицеров, и это вызывало сильное недовольство со стороны последних.

Наиболее четко и образно позиция радикальных военных была выражена лидером хорасанского выступления группы военных, имевшего место в 1945 г., майором Али Акбаром Искандани, который полагал, что присутствие в партии военных является крайне важным, считал, что «самой революционной частью партии является офицерство», и возлагал основные надежды на вооруженные выступления.

Он находился под сильнейшим очарованием личности Тито и говорил своим товарищам: «Вождь — это тот, кто, как Тито, уходит в горы, собирает вокруг себя друзей, и они побеждают силой оружия, а

не те, кто сидит за столом на улице Фирдоуси²⁷. В нашей стране нужен кто-то вроде Тито, кто силой и оружием явит миру такое движение. Только с помощью газет и митингов на тегеранских улицах левое движение не сможет докричаться до сильных мира сего. Сила оружия и винтовочный выстрел много больше, чем стотысячная демонстрация на улице Фирдоуси. Тито начинал не с улиц, а с гор и лесов»²⁸.

Искандани говорил своим единомышленникам, что партия в ее нынешнем положении не имеет ни сил, ни решимости для вооруженного восстания. Однако если где-либо таковое произойдет, то она окажется вынужденной поддержать его. Он приводил молодежи образное сравнение: «Мы и партия привязаны за горло одним канатом. Если мы двинемся в одну сторону, то партия должна будет или задохнуться, или последовать за нами»²⁹.

Не менее решительно был настроен лидер Организации капитан Хосров Рузбех, говоривший в ходе трибунала над собой, что Туде — парламентская партия: «Однако я... жажду революции, чтобы уничтожить коррумпированный правящий класс»³⁰.

Очевидно, что чрезмерное увлечение руководства Туде методами парламентской борьбы сыграло с ней злую шутку и отвлекло от возможностей захвата власти с помощью вооруженного восстания, используя в т.ч. и военное крыло партии. Правящие классы более всего боялись именно вооруженных выступлений. Однако в действительности единственной серьезной попыткой захвата власти марксистами в Иране явился неудачный поход на Тегеран, предпринятый Эхсануллой Ханом в период Гилянской революции.

Надо сказать, что недооценка вооруженной борьбы для свершения социалистической революции была присуща многим коммунистическим партиям. В этой связи весьма характерна мысль, высказанная Эрнесто Че Геварой в беседе с одним из представителей старой кубинской коммунистической партии в середине 50-х годов, когда еще ни Фидель, ни сам Гевара не пришли к коммунистическим идеям. Гевара говорил, что коммунисты могут воспитать борцов, способных выстоять под пытками и не сломаться, но они не готовят бойцов, способных уничтожить вражеское пулеметное гнездо.

История НПИ 40–50-х годов полностью подтверждает эту мысль Че Гевары. Мы здесь не видим целенаправленной воору-

женной борьбы или попытки поднять восстание, но видим сотни-тысячные демонстрации, коммунистов — министров и депутатов Меджлиса, аресты, тюрьмы и невероятные побеги из них.

Наиболее ошеломляющим был побег 10 руководителей Туде, осужденных в начале 1949 г., совершенный в декабре 1950 г. из тюрьмы Каср. Среди них были Йазди, Киянури, Бограти, Джоудад, Гасеми, Нушин, Олави, Хакими, Шандрамани и Рузбех. Последний был осужден отдельно военным трибуналом. Организатором побега был Нуреддин Киянури, который, являясь профессиональным архитектором, незадолго до ареста выиграл конкурс на строительство больницы в Казвине и время от времени под конвоем доставлялся из тюрьмы на строительную площадку и, таким образом, передавал необходимую информацию.

В назначенный день в Каср на армейском грузовике прибыл офицер в чине капитана с десятью солдатами, вооруженными винтовками без боеприпасов для избежания ненужного кровопролития, и предъявил начальнику тюрьмы подложный приказ относительно перевода заключенных в Центральную тюрьму. Все участники этой группы являлись членами Туде. После побега освобожденные находились на конспиративных квартирах в различных частях Тегерана.

Этот невероятный побег, один из немногих в истории тюрьмы Каср, породил слухи о том, что помощь в его организации оказал сам премьер-министр того времени генерал Размара, стремившийся ослабить власть шаха. Однако организатор побега Г. Форутан категорически отрицал причастность Размара и говорил, что дерзкий побег был шоком для военной верхушки премьера и самого шаха³¹.

Спустя примерно 20 лет шах взял своеобразный реванш за этот побег, дав разрешение на возвращение в Иран из эмиграции в Советском Союзе капитана, проводившего операцию, а потом приказав казнить его³².

Что же приводило этих и многих других людей в ряды коммунистической партии? Сразу скажем, что среди людей, вступивших в партию на гребне революционного подъема середины 40-х годов, оказалось немало попутчиков, конъюнктурщиков и карьеристов, которые разбежались при изменении обстановки к худшему. Но подавляющее большинство пришло по зову сердца и с жадной служения своему

народу, социального переустройства общества, кардинального изменения положения трудящихся. Эти люди понимали, что единственной альтернативой существующему положению является социализм. Отражая мотивацию именно этих людей, Хосров Рузбех говорил: «Я уже не был тем Хосровом Рузбехом, который хотел служить обществу своими переводами, исследованиями, своими книгами. Я совершенно преобразился. Великая буря охватила меня. Я отбросил мысль о служении обществу мелкими делами и решил приложить все силы к тому, чтобы коренным образом изменить положение и покончить с несчастьем своих соотечественников... У меня были возможности дослужиться до самых высоких званий в армии, занять важные посты. Меня ожидали зажиточная жизнь и благополучие. Поэтому если бы я думал о личных выгодах, то настоящие мои действия можно было бы расценить только как безумие... Но... Как мог я перестать думать о сотнях тысяч Рузбехов, находящихся в более тяжелых условиях и не имеющих никаких надежд на лучшее будущее?.. Движимый самыми искренними побуждениями, не считаясь с личными интересами, не боясь смерти, я посвятил себя служению народу»³³.

Следует отметить, что такого рода мотивация естественна и характерна для революционеров многих, если не всех стран мира. Вот как описывает свой приход в революцию Эрнесто Че Гевара: «Когда я еще только приступал к изучению медицины, те взгляды, которые присущи мне сейчас как революционеру, в арсенале моих идеалов отсутствовали. Я, как и все, хотел одерживать победы, мечтал стать знаменитым исследователем, мечтал неустанно трудиться, чтобы добиться чего-то такого, что пошло бы в конечном итоге на пользу человечеству, но это была мечта о личной победе». Однако реалии жизни латиноамериканских крестьян кардинально изменили его мироощущение: «Я видел, как не могут вылечить ребенка, потому что нет средств, как люди доходят до такого скотского состояния из-за постоянного голода и страданий, что смерть ребенка уже кажется отцу незначительным эпизодом... И я понял, что есть задача, не менее важная, чем стать знаменитым исследователем или сделать существенный вклад в медицинскую науку, — она заключается в том, чтобы прийти на помощь этим людям»³⁴. И мы знаем, каким образом он это сделал.

Разумеется, не все избравшие революционную борьбу остались верны ей. Среди тех, кто в 50-е годы отказался от своих убеждений и во время следствия и суда над ними ради смягчения приговора встал на путь если не прямого предательства, то, как минимум, ренегатства и очернения партии, следует назвать членов ЦК НПИ доктора Язди, доктора Бахрами, Аманулла Корейши и Шермини. Заметим, все они были гражданскими лицами.

В мировоззренческом и нравственном плане их антиподами стали иранские офицеры-коммунисты, такие как капитан Рузбех, полковник Сиамак, подполковник Мобашери и многие другие. Среди военных практически не было предателей и ренегатов, хотя судили их не гражданским судом, а судом военного трибунала, и многие были приговорены к расстрелу.

Политика шахского правительства по арестам, заключению в тюрьмы и физическому уничтожению носителей коммунистических идей привела к тому, что на территории Ирана Туде перестала существовать и обосновалась за границей, прежде всего в СССР, ГДР и странах Западной Европы.

Сочетание двух факторов — жизни в эмиграции в отрыве от народных масс с достаточно щедрым финансированием, получаемым от советского руководства, оказало поистине трагическое влияние на эволюцию партии. Она полностью утратила свою боевитость, скатилась на почти бездумное принятие всех рекомендаций, исходивших из идеологического отдела ЦК КПСС. Развернулась внутривнутрипартийная борьба, подоплекой которой было стремление фракций получить большую долю финансирования от Советского Союза. Начались раздоры по национальному признаку. Едино все группировки были только в одном: доказать, что новая иранская партия, стоящая на марксистских позициях — Организация федаинов иранского народа — не является марксистской и не достойна никакой помощи Москвы.

Таким образом, к антишахской революции 1978–1979 гг. партия подошла совершенно деморализованной и лишь пыталась эксплуатировать воспоминания иранского народа о коммунистах-героях 40–50-х годов. Это была уже не та партия, и ее руководство не смогло ничего противопоставить духовенству, постепенно забравшему всю полноту власти в свои руки. В дальнейшем Туде,

опять-таки в эмиграции, эволюционировала в типичную буржуазную партию со всей характерной для такого рода организаций риторикой, лозунгами и союзниками.

Примечательно, что, желая приумножить свой авторитет, современная Туде, предавшая все и вся из своего великого прошлого, разместила на сайте партии в Интернете заставку, на которой изображены Таги Арани и Хосров Рузбех — крупнейший иранский мыслитель-марксист и бесстрашный офицер-коммунист, оба сложившие свои головы за счастье иранского народа.

Однако идейная смерть этой партии не означает конца иранского коммунизма. На ее место приходят новые люди, новые иранские партии марксистского типа. Хотя они пока действуют преимущественно в эмиграции, отсутствие бесперебойного и щедрого финансирования ставит их в более естественные условия существования и препятствует политическому вырождению, как это было с Туде.

Может показаться, что мы говорим об одних и тех же вещах, что и целый ряд буржуазных авторов и ренегатов, и оценки, на первый взгляд, схожие. Так в чем же разница, в чем разногласия?! Дело в том, что важно не только о чем говорить, но как и ради чего говорить.

Они говорят, чтобы унижить и оскорбить иранских марксистов, опорочить их память и отношения с Советским Союзом. Мы говорим, чтобы воздать должное борцам, сложившим свои головы за дело социализма в Иране, даже если они, с нашей точки зрения, ошибались, совершая те или иные действия, ибо их поражение — наше поражение, их смерть — наша боль и трагедия.

Они говорят, чтобы доказать незыблемость капитализма не только в Иране, но и в мире. Мы говорим, чтобы извлечь уроки из сделанных в прошлом ошибок.

Они говорят, чтобы вселить в сердца нынешних и будущих поколений замешательство, страх и отбить всякую охоту к социальному переустройству общества. Мы говорим, чтобы дать народу надежду и воодушевить его на новые выступления за социализм и коммунизм — вековечную мечту человечества.

На стр. 282 см. Приложение 1 «Партизанский марш».

¹ The Armenians of Iran. The Paradoxical Role of Minority in Dominant Culture: Articles and Documents. Massachusetts, 1998. P. 313, 318–320, 334.

² *Ervand Abrahamian*. Tortured Confessions; prisons and public recantations in modern Iran. London, 1999. P. 36.

³ *Ervand Abrahamian*. Tortured Confessions; prisons and public recantations in modern Iran. London, 1999. P. 37.

⁴ *Ervand Abrahamian*. Tortured Confessions; prisons and public recantations in modern Iran. London, 1999. P. 81.

⁵ *Arani*. Azerbaijan // Farangestan. 1924. 1. № 5. P. 247–254.

⁶ *Ervand Abrahamian*. Tortured Confessions; prisons and public recantations in modern Iran. London, 1999. P. 55–56.

⁷ *Ervand Abrahamian*. Tortured Confessions; prisons and public recantations in modern Iran. London, 1999. P. 56.

⁸ В переводе с персидского — мир. Возможно, это название было заимствовано у известной газеты, издававшейся французским коммунистом Анри Барбюсом, — *Le Monde*.

⁹ *Ervand Abrahamian*. Tortured Confessions; prisons and public recantations in modern Iran. London, 1999. P. 57.

¹⁰ *The Armenians of Iran. The Paradoxical Role of Minority in Dominant Culture: Articles and Documents*. Massachusetts, 1998. P. 175, 176.

¹¹ *Ervand Abrahamian*. Tortured Confessions; prisons and public recantations in modern Iran. London, 1999. P. 77.

¹² Бахрами являлся членом ИКП, но в тюрьме сидел по процессу Пятидесяти трех.

¹³ *Сиясат*. №1. 03.12.1320.

¹⁴ *Эттелаат*. 02.09.1338 (по лунному календарю).

¹⁵ *Рахбар*. № 257. 20.12.1322.

¹⁶ *Рахбар*. № 280. 17.02.1322.

¹⁷ *Рахбар*. № 280. 17.02.1322.

¹⁸ *Ervand Abrahamian*. Tortured Confessions; prisons and public recantations in modern Iran. London, 1999. P. 78.

¹⁹ *М. Реза Годс*. Иран в XX веке Политическая история. М., 1994. С. 169.

²⁰ *Джами*. Гозаште чераг-е рахе айанде. Б.м., б.г. С. 134.

²¹ *Джафар Мехдиния*. Зендеги-е сиаси-е Кавам ос-Салтане. Тегеран, 1366. С. 314.

²² *Разм*. № 22–25. 25.5.1322.

²³ Из программы НПИ. См.: *Разм*. № 31. 06.06.1323.

²⁴ *Ervand Abrahamian*. Tortured Confessions; prisons and public recantations in modern Iran. London, 1999. P. 82.

²⁵ *Arfa General (Prince) Hassan*. Under Five Shahs. London: John Murray, 1964. P. 248.

²⁶ *Ervand Abrahamian*. Tortured Confessions; prisons and public recantations in modern Iran. London, 1999. P. 82.

²⁷ Намек на руководство Туде, заседавшее в партийном клубе на ул. Фирдоуси в Тегеране.

²⁸ *Тафришиан*. Гийаме афсаране Хорасан. Тегеран, 1367. С. 53–55.

²⁹ *Тафришиан*. Гийаме афсаране Хорасан. Тегеран, 1367. С. 61.

³⁰ Цитю по: *М. Реза Годс*. Иран в XX веке. Политическая история. М., 1994. С. 184.

³¹ *Форутан Г*. Хезбе Туде дар сахне-е Иран. Б.м., б.г. С. 156.

³² *Ervand Abrahamian*. Tortured Confessions; prisons and public recantations in modern Iran. London, 1999. P. 87.

³³ *Сердце*, врученное бурям. М., 1962. С. 49–51.

³⁴ *Лаврецкий И*. Эрнесто Че Гевара. М., 1973. С. 45–46.

Ф.А. Бакулин — дипломат и исследователь Персии

Немало наших соотечественников в разное время и по разным причинам связали свою судьбу с Ираном, оставили след в изучении этой страны и внесли свой вклад в развитие и укрепление российско-иранских отношений. Имена одних известны в большей степени, как, например, И.Н. Березина, Д.С. Комиссарова. Других же мы знаем значительно хуже. И именно к последним можно отнести Федора Абрамовича Бакулина¹.

Федор Абрамович Бакулин прожил короткую, но яркую и полную событиями жизнь. Он родился 4 марта 1846 г. в Санкт-Петербурге, получил образование в Лазаревском институте на Учебном отделении восточных языков, который окончил в 1863 г. с золотой медалью. Вскоре после этого в 1865 г. он был назначен студентом Российской миссии в Персии. Пройдя достаточно быстро путь по дипломатической лестнице от секретаря и драгомана (переводчика-дипломата) сначала российского консульства в Астрабаде, а затем генерального консульства в Тебризе, в 1871 г. Ф.А. Бакулин был назначен исполняющим должность консула в Астрабад и уже в 1873 г. утвержден на эту должность.

По свидетельствам и воспоминаниям современников из окружения Ф.А. Бакулина, его сослуживцев и друзей, это был яркий человек, прекрасно знавший персидский и туркменский языки, имевший склонность к литературному творчеству, обладавший блестящими дипломатическими способностями и умевший найти общий язык с людьми, в том числе и с местным населением. Все это способствовало его выдвижению в дипломатической среде и сделало имя Ф.А. Бакулина популярным в Персии.

Научные интересы Ф.А. Бакулина были весьма обширны. За время работы в Персии он обогатил Азиатский музей Император-

ской академии наук снимками восточных надписей и видов Персии, редкими восточными монетами, восточными рукописями, среди которых особый интерес представляет редкая персидская рукопись «Баян», принадлежащая перу Баба и содержащая изложение учения известной в Персии религиозной секты бабитов, а также «Тазкире» известного поэта Атгара. За свои научные заслуги в 1876 г. Ф.А. Бакулин был избран Организационным комитетом Третьего международного съезда ориенталистов членом-корреспондентом по Персии. Начиная с 1875 г. и в последующие годы в различных печатных изданиях, в том числе в трудах съезда и в «Восточном сборнике», начали публиковаться его научные исследования. К числу первых относятся статьи «Очерки торговли с Персией» (1877 г.), включившие в себя две части, а именно «Очерк внешней торговли Азербайджана за 1870–1871 гг.» и «Очерк русской торговли в Мазендаране и Астрабаде в 1871 г.», а также «Заметки о путях на Восток от Мешхеда в Афганистан» (1879 г.).

По мнению Валентина Алексеевича Жуковского, в сфере интересов Ф.А.Бакулина находились в основном четыре проблемы, а именно: (1) изучение иранских туркмен в целом и в частности их языка; (2) Астрабадская область как один из регионов Ирана; (3) научное описание поездки по Хорасану, предпринятой в 1878 г.; (4) изучение бабизма и специфики этого социального движения.

Ф.А. Бакулина чрезвычайно интересовало все, что было связано с туркменами Ирана. Знание туркменского языка облегчало его исследования. Уже в 1872 г. он опубликовал статью «Песни у туркмен и поэт их Махдум-Кули». В его сохранившихся на персидском языке заметках поднимаются вопросы о туркменских племенах и местах их постоянного проживания (селениях), туркменах-кочевниках на границе Астрабадской провинции, а также имеется подборка писем на туркменском языке с переводом и без него, с примечаниями и заметками. Вероятно, в будущем он намеревался оформить все эти материалы в научный труд, посвященный иранским туркменам.

В материалах об Астрабадской провинции и городе Астрабад несомненный интерес представляет рукописная тетрадь на персидском языке, содержащая официальные (правительственные) статистические материалы за 1859 г., включающие данные по чис-

лу провинциальных уездов и количеству войска, а также кварталов города, училищ и мечетей, бань, лавок и каравансараев. Эти статистические данные дают представление об общем количестве жителей области с указанием их социального статуса и разделением по половому признаку, а также выделением детского населения с учетом его гендерной и возрастной характеристики. Материалы за 1859 г. содержат также многие другие интересные статистические данные, касающиеся Астрабадской провинции и ее столицы.

Поездка по провинции Хорасан, предпринятая Ф.А. Бакулиным в 1879 г. по поручению российского посланника в Тегеране И.А. Зиновьева и продолжавшаяся пять месяцев, — это еще одна тема, которая занимает важное место в его материалах. Ф.А. Бакулин и его спутники и соратники собрали разнообразную информацию — статистическую, торговую, о приходах и расходах провинции, туркменах, живущих в Мерве, святилище имама Резы в Мешхеде и многое другое. Материалы сопровождалась многочисленными фотографиями и описаниями.

Тема бабизма находится на одном из центральных мест в материалах Ф.А. Бакулина и получила отражение в его работе «Мой взгляд на бабизм», а также в частично сохранившейся переписке с А.Ф. Баумгартеном, который также чрезвычайно интересовался бабидским движением, имел прочные связи с бабидами и сочувствовал им. Он находился в гуще событий, так как являлся комиссионером и поверенным московского торгового дома Морозова в Шахруде, городе, известном в истории бабизма. Материалы Ф.А. Бакулина фокусируют внимание на двух центральных и очень важных для истории Ирана фигурах — самом Баба и Бахаулле, а также на личности верной последовательницы Баба — женщине по имени Куррет-аль-айн. Баба (Али Мохаммад Ширази, годы жизни — 1819–1850), объявивший себя в 1844 г. сначала вратами мессии, а затем и мессией-махди, предлагал заменить своим учением шариат, а своей священной книгой «Баян» — Коран. Надо сказать, что личность самого Баба и его учение были очень популярны в Иране в годы пребывания там Ф.А. Бакулина. Его интересовала также ситуация, сложившаяся вокруг казни Баба и его ближайшего соратника Сеида Хосейна Зонузи. Здесь представляет интерес и

имеющаяся в заметках Ф.А. Бакулина информация, что, когда Баба был схвачен, то был отправлен в небольшой городок Маку, находившийся на границе Ирана и России в Иранском Азербайджане. Рост популярности Баба и увеличение числа его последователей обратили на себя внимание русского правительства, и по его настоянию Баба был перевезен из Маку в город Урмия.

Ф.А. Бакулин с помощью А.Ф. Баумгартена настойчиво вел поиски произведений Баба и добился в этом успеха, приобретя уже отмеченный выше персидский вариант «Баяна», а также еще одну рукопись «Баяна» на персидском языке, отправленную им в 1876 г. в Петроград на выставку Третьего съезда ориенталистов и пропавшую в дальнейшем. Таким образом, Ф.А. Бакулин держал в руках две из трех существовавших рукописей «Баяна», принадлежавших, как считается, перу Баба. Что касается верной последовательницы Баба Куррет-ал-айн, бабитской героини, которая, как и ее учитель, была казнена, так как не отреклась от своей веры, то Ф.А. Бакулин считал, что является обладателем образцов ее почерка. Интересно, что, если в начале XX в. у отдельных исследователей, занимавшихся проблемой их авторства и анализировавших, в том числе, стиль документов, возникали сомнения относительно принадлежности их Куррет-ал-айн, то в настоящее время доказано, что образцы почерка принадлежат именно ей. Ф.А. Бакулин проявлял большой интерес к изучению бабитского движения, искал и собирал все материалы, так или иначе связанные с ним. Так, ему стало известно, что существует в некоей форме история бабизма, содержащая многие детали, касающиеся этого движения, и в том числе его руководителей. Но в дальнейшем он узнал, что историю секты невозможно приобрести, так как она существовала в одном-единственном экземпляре. Несомненный интерес для изучения бабизма представляла частично сохранившаяся переписка Ф.А. Бакулина с А.Ф. Баумгартеном. Особенно интересно письмо последнего, в котором он излагает свой взгляд на это движение. В частности, он отмечает, что, если бабизм нелеп, и то только для европейца, то ислам отвратителен, так как наполнен нелепыми и безнравственными суевериями. Бабизм предписывает правила, противоположные исламу, а именно: (1) братские отношения между

единоверцами, (2) иноверцы не считаются нечистыми и дружеские отношения с ними одобряются, (3) женщинам запрещается закрывать лицо, (4) вино и водка дозволены, (5) многоженство ограничено и некоторые другие. А.Ф. Баумгартен подчеркивает, что, по его мнению, не вызывает удивления, что такая несовершенная религия, как бабизм, может быть соперницей ислама. Дело в том, что она очень хорошо «приноровлена к немыслящим головам народов Востока». Ценные для изучения бабизма сведения, добытые, описанные и проанализированные Ф.А. Бакулиным, стали достоянием науки лишь в 90-х годах XIX в.

В документах Ф.А. Бакулина отражена также тема бахаизма и центральной фигуры этого движения — Бахауллы (Хусейн Али Нури, годы жизни 1817–1892 гг.), который после раскола бабитской общины объявил себя пророком и изложил свое учение в священной книге «Китабе-е акдес», призванной заменить собой Коран. В 1873–1874 гг. Ф.А. Бакулин стал обладателем ряда документов на арабском и частично на персидском языках, принадлежащих перу Бахауллы, который был одним из близких сторонников Баба и вместе с тем избежавшим казни. Представляет интерес тот факт, что среди бумаг Ф.А. Бакулина находилась «Священная книга» Бахауллы, главный религиозный документ нового учения, экземпляр которой являлся едва ли не одним из первых списков, попавших в руки европейцев. Список Ф.А. Бакулина представляет собой текст на арабском языке с подстрочным персидским переводом.

Не вызывает сомнения тот факт, что, если бы не безвременная кончина Ф.А. Бакулина, он смог бы сделать еще очень много как для бедной тогда талантами российской дипломатии, так и для российской науки. Дело в том, что во время пребывания на Востоке он заразился малярией и был вынужден просить о переводе в С.-Петербург, где получил место дипломатического агента. Однако там он серьезно заболел, что оказалось катастрофой для его надломленного организма. 29 марта 1879 г. Ф.А. Бакулин ушел из жизни. Ему было всего 34 года.

¹ Статья подготовлена на основе работы: Жуковский В. Российский императорский консул Ф.А. Бакулин в истории изучения бабизма. Петроград: Типография Академии Наук, 1917); и материалов сайта «Военная литература» [militera.lib.ru/db/lomakin_np/pre.htm].

Зайцев И.В.

С.П. Олферьев (1875–1942) —
судьба дипломата

*К 70-летию снятия блокады
Ленинграда (1944–2014)*

В истории отечественного востоковедения вообще и иранистики в частности еще немало имен, которые почти не известны современным ученым. Эта статья посвящена жизни Сергея Петровича Олферьева, русского дипломата, отдавшего много лет службе в Иране, замечательного ираниста и тюрколога, литератора и переводчика¹. Его жизнь вместила множество событий. Блестящий дипломат, вице-консул в Иране, путешественник и ученый-этнограф, сотрудничавший с Н. Марром и И. Орбели, скромный советский служащий, сосланный в годы репрессий в Архангельск, сотрудник Публичной библиотеки в Ленинграде... С.П. Олферьев скончался от голода в своей ленинградской квартире 10 февраля 1942 г.

Сергей Петрович Олферьев родился 26 марта 1875 г. в городе Пензе в потомственной дворянской семье поручика Петра Александровича и Надежды Михайловны Олферьевых. В 1896 г. он окончил 1-ю Пензенскую гимназию и в том же году поступил в Лазаревский институт восточных языков в Москве. Одновременно с учебой в Институте он слушал лекции на юридическом факультете Московского университета.

Получив в марте 1899 г. пособие в 100 руб. от Императорского православного палестинского общества на поездку в Сирию и Палестину, молодой востоковед в качестве корреспондента газеты «Курьер» едет туда через Константинополь.

В мае 1900 г. С.П. Олферьев окончил курс наук с правом на чин 10 класса. В аттестате выпускника были отмечены «отличные успехи в арабской, персидской словесности, турецко-татарском языке, истории Востока, русской словесности, практике турецкого,

персидского и арабского языков, восточной каллиграфии и французском языке». Все это — «при отличном поведении». По окончании Лазаревского института С.П. Олферьев слушал в течение года лекции в Лозаннском университете (Швейцария), совершил поездку в Италию и Францию. Затем был принят в Учебное отделение при 1-м департаменте МИД, будучи рекомендован туда Советом Лазаревского института. Там молодой востоковед совершенствует знание языков, так, арабский язык С. Олферьев практикует у известного преподавателя, сирийского араба Ириней Нофаля. Через два года, после экзамена, он был принят на службу в Азиатский департамент МИД.

Его первые научные труды были посвящены арабистике. Заслуги Олферьева-арабиста упоминались нашими крупнейшими востоковедами — И.Ю. Крачковским и В.А. Гордлевским. И.Ю. Крачковский в своих «Очерках по истории русской арабистики» в разделе «Арабистика вне Петербурга до 1917 г.» писал: «Многие из учеников Крымского, привлеченные им к научным занятиям, начинали свои печатные выступления с арабистики. Особенно богат такими был выпуск 1900 г., когда кончили А.К. Горстер («К литературной истории 1001 ночи»), С.П. Олферьев («Из области древнеарабской лирической поэзии»)².

Всю свою жизнь Олферьев вел очень подробный дневник. Однако сохранился, к сожалению, лишь небольшой его фрагмент, в котором описаны события с 1 января по 21 февраля 1904 г. Под 7 января описывается встреча с товарищем министра иностранных дел кн. Оболенским. «Князь сообщил мне, что Министерство решило отправить меня на службу в Тегеран. «Устраивает ли Вас это?» — «Вполне, так как мое самое большое желание уехать поскорее из Петербурга». Затем князь рассказал мне о своей поездке в Персию (в Мешхед), где нашим генеральным консулом был П.М. Власов (ныне посланник в Тегеране)³.

14 января С.П. Олферьев записывает: «Назначение мое в Персию состоящим при нашей Миссии состоялось. Туда же назначены мои товарищи — Гирс и Чиркин... С интересом перечитываю архивные документы о Персии, делая для себя выписки»⁴. Запись от 20 января живо рисует политические настроения. С. Олферьева

пишет о революционере Ф. Федоровиче, своем товарище по гимназии, выпущенном из тюрьмы: «Это — упорнейший революционер, добрейший и благороднейший из всех нас товарищей по гимназии. Я с ним очень дружен и люблю его от души, но всегда избегаю говорить с ним о политике, в которой никогда не мог хорошенько разобраться. Причина простая — меня увлекает восток, путешествия, литература, а его — борьба с правством. Мне бы только поскорей удрать в Персию и заняться любимым делом: литературой и этнографией. Учился много, а чувствую, что знаний мало. Языки-то я знаю, а вот насчет философии и всего прочего — запасы знаний мои невелики, хотя и считаюсь образованным человеком только потому, что кончил два высших заведения и слушал лекции в Лозаннском университете». «Фед-ч просит организовать помощь [неразб.] товарищам, сидящим по тюрьмам. Конечно, сделаю, что могу, но ведь это будет капля в море... Его оптимизм меня сильно удивляет, и мне кажется, что вся работа революционеров пока сводится к нулю. Впрочем, трудно предвидеть будущее, тем более, что в верхах царит обскурантизм, стяжательство и полное пренебрежение интересами народа. Стараюсь об этом не думать, так как все равно ни о чем не додумаясь»⁵.

Под 24 января в дневнике такая запись: «Сегодня имел долгую беседу с директором Департамента Н.Г. Гартвигом⁶ относительно Персии. Главная мысль: Персия интересуется нас постольку, поскольку мы хотим добиться в этой стране нашего экономического преобладания, не допуская в ней преобладания англичан. Мы должны поддерживать всеми мерами «дурака» Музафер-ед-Дина. Он сел на престол с нашей помощью и не забывает этого. На мой вопрос: способен ли шах двинуть страну на путь прогресса, Гартвиг сказал: «Конечно, нет!» В таком случае, какой смысл нам стоять за него? Гартвигу все кажется чрезвычайно просто. Он совершенно упускает из виду отчаянное положение народа, находящегося под пятой шахских опричников и духовенства. Не может же продолжаться так вечно? Мы, европейцы, привыкли считать себя самыми культурными, цивилизованными, лучшими среди населяющих земную планету. И хорошо бы еще, если бы это было основано на тщательном изучении жизни других народов... Но для этого надо

добросовестно изучить жизнь других народов. Надо, чтобы мы посмотрели в душу другого народа и искренне сочувствовали бы его благополучию, полюбили бы его... Гартвиг уверяет, что мы можем много сделать для Персии. Можем ли?.. Нет, не шаха должны ублажать мы, а подойти любовно к изучению соседнего нам народа, полюбить его и не смотреть на персов как на дикарей, которых можно эксплуатировать. Только тогда между двумя соседними народами сможет установиться та взаимная дружба, которая поможет установить двум народам близкие экономические связи, выгодные для обеих сторон»⁷.

26 января 1904 г. С.П. Олферьев представлялся бывшему посланнику в Тегеране, советнику Министерства К.А. Аргиропуло: «Лик — Николая Чудотворца, лоб Сократа. Упорно молчит и только слушает внимательно, что ему говоришь. Я завалил его вопросами о Персии, где он пробыл несколько лет. Полное незнание Персии, очень любезное обхождение и какая-то неуверенность в каждом своем слове — вот мое впечатление. Если он не разбирается даже в персидских делах, какие советы может дать министерству этот советник?.. Вообще же производит впечатление очень скромного, деликатного и симпатичного человека. Держит себя очень просто и доброжелательно»⁸.

В 1904 г. Сергей Петрович был направлен в Тегеран, а потом в Решт и Энзели. При нем началась постройка порта в Энзели и проводились работы по сооружению Энзели-Тегеранской и Тавризской шоссейных дорог. В 1908 г. С. Олферьев переведен вице-консулом в Ардебиль и Астару, а в 1910 г. назначен вице-консулом в Турецкую Армению, в Ван. В сентябре-октябре 1912 г., когда Турция приступила к выводу своих войск из спорной зоны турецко-иранской границы, он совершил беспрецедентное путешествие — инспекционную поездку — по Курдистану и землям несториан. Во время своего путешествия из Вана в Урмию и обратно он вел дневник, который содержит много важных сведений о различных сторонах жизни ассирийцев-несториан и курдов. С.П. Олферьев со скрупулезной точностью описывал маршрут своего следования из Вана до Урмии в своем путевом дневнике, который легко мог быть использован и в военно-политических целях⁹.

Все время дипломатической службы С. Олферьев активно печатается в России. Он помещал статьи о природе, населении, этнографии, сельском хозяйстве и землепользовании Турецкой Армении в журнале «Вестник землеустройства», который издавался в Перми его братом-близнецом Н.П. Олферьевым. Там же публиковались его «Письма из Турции» (№ 18, 23 и др. за 1912 г.).

Вскоре Олферьева назначают генеральным консулом в гор. Маку, где при нем была построена железнодорожная линия через Маку на Баязит и Ван.

Как писал брат Сергея Петровича, «Временное правительство вызвало в 1917 году Олферьева в Петроград и назначило его Генеральным консулом Северной Персии»¹⁰.

В 1918-м он возвратился в Россию, и поначалу жил в родной Пензе, где служил в различных советских организациях (госконтроле, губсовнархозе, губсельхозсоюзе). С 1924 г. С.П. Олферьев работает в Москве в качестве представителя Пензенского губсельхозсоюза, сотрудника торгового отделения Текстильного треста, треста «Арагат», заведующего магазином «Вина Армении». Проживал Олферьев в Орехово-Зуево на Тихвинской улице (дом 8, кв. 13)¹¹.

«Год великого перелома» — 1929 — оказался переломным и для Сергея Петровича. В этом году в издательстве «Молодая гвардия» выходит книга «В верховьях Тигра (у айсоров и курдов)». На обложке книги была указана фамилия С. Вегин. Это был псевдоним Сергея Петровича Олферьева. Книга вышла с предисловием известного ираниста, действительного члена Научно-исследовательского института по изучению народов Востока и профессора Института востоковедения им. Нариманова Бориса Всеволодовича Миллера. Фактически в этой книге Сергей Петрович Олферьев в художественной форме попытался познакомить публику с материалами своего осеннего путешествия 1912 г. по Курдистану. В книге были напечатаны 42 иллюстрации (фото, сделанные в 1912 г.), карта маршрута и терминологический словарь. В том же 1929 г. Олферьева арестовывают и позже ссылают в Архангельск вместе с женой. Что послужило причиной ссылки, мне пока неизвестно. В Архангельске он продолжал заниматься литературной работой. Ее итогом стала публикация там в 1935 г. исторической пьесы в пяти действиях восьми картинах под

названием «Ломоносов», которую Олферьев издал вновь под тем же псевдонимом С. Вегин.

Как пишет Л.А. Шилов, после пересмотра дела С. Олферьев возвратился в Москву, а вскоре по совету своего старого знакомого по Турецкой Армении академика И.А. Орбели переехал в Ленинград. Сначала С. Олферьев служил референтом во Всесоюзном институте экспериментальной медицины им. А.М. Горького, а в сентябре 1937 г. был зачислен библиотекарем 1-го разряда в восточный отдел Научной библиотеки ЛГУ. В конце декабря 1940 г. его уволили по сокращению штатов, но с 21 января 1941 г. зачислили библиотекарем 1-го разряда в Публичную библиотеку. Поскольку Сергей Петрович знал языки, в том числе и восточные, он стал работать в Отделе национальной литературы, где занимался инвентаризацией, расстановкой карточек в каталог, разборкой фонда турецких книг, обработкой, переводами, готовил библиографическую работу «Исторические и иконографические материалы о взятии Измаила». С началом Великой Отечественной войны продолжал работать в библиотеке¹². Последний год своей жизни (1940–1941) он много работал, готовясь к юбилею Низами. Дальнейшее нам известно...

О последних днях востоковеда Н.П. Олферьев написал: «Брат скончался в Ленинграде 10 февраля 1942 г. от голода, 67 лет, похоронен на Охтенском кладбище. Скончался на руках своей сестры С.П. Валуевой и ее сына Миши, воевавшего в это время с врагом на подступах к Ленинграду. Брат и сестра питались разными заменителями, вроде столярного клея, а племянник получал на фронте 300 гр. хлеба и не мог помочь матери и дяде. В ночь с 9-го на 10-ое февраля брат страдал бессонницей и передал случайно приехавшему с фронта племяннику просьбу: «если умру, не пиши пока в Москву моим дочерям, им сейчас нелегко живется». К утру 10-го заснул и во сне скончался»¹³.

¹ Биографические данные о С.П. Олферьеве я привожу по материалам его дела, сохранившегося в фонде Лазаревского института: Центральный исторический архив г. Москвы. Ф. 213. Оп. 2. Ед.хр. 1065), а также двум жизнеописаниям, которые составил брат-близнец Сергея Петровича — Николай Петрович Олферьев.

² *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М.; Л., 1950. С. 171.

³ ОР РГБ. Ф. 509. Шифр 3–20. Л. 3об.-4.

⁴ ОР РГБ. Ф. 509. Шифр 3–20. Л. 6.

⁵ ОР РГБ. Ф. 509. Шифр 3–20. Л. 9. Об. 11.

⁶ Гартвиг Николай Генрихович (1857–1914), российский дипломат, Вице-директор (1897) и директор (1900—1906) Азиатского департамента МИД.

⁷ ОР РГБ. Ф. 509. Шифр 3–20. Л. 11–14.

⁸ ОР РГБ. Ф. 509. Шифр 3–20. Л. 15. Об. 16.

⁹ «Дневник» С.П. Олферьева подготовлен к публикации покойной О.И. Жигалиной и автором этих строк по копии рукописи, хранящейся в Архиве Российской академии наук.

¹⁰ ОР РГБ. Ф.509. (Олферьевы). Шифр 3–19. Л. 2.

¹¹ Книга памяти жертв политических репрессий жителей Московской области. М., 2002.

¹² *Шилов Л.А.* Олферьев Сергей Петрович (псевд. С. Вегин) // Сотрудники Российской национальной библиотеке — деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб., 2003. С. 430–431. Т. 3: Государственная Публичная библиотека в Ленинграде — Государственная Публичная библиотека М.Е. Салтыкова-Щедрина 1931–1945.

¹³ ОР РГБ. Ф. 509. Олферьевы, картон № 2. Ед.хр. № 8. 1959 г. Машинопись. Чистовая версия ед.хр. № 10. Л. 2–3.

Письма К.Н. Смирнова с Кавказского фронта как источник по изучению военно-политической обстановки в Иране в 1915–1916 гг.

Штабс-капитан Константин Николаевич Смирнов, сотрудник Разведывательного отделения Штаба Кавказского военного округа, русский военный востоковед, в течение семи лет (1907–1914) находился в служебной командировке в Иране, при шахском дворе в качестве воспитателя сначала наследника престола, а затем юного Солтан Ахмад-шаха (1909–1925). Как за время своего нахождения в Иране, так и после него К.Н. Смирновым были опубликованы многие востоковедческие работы в дореволюционной русской

военной печати. Он продолжил свою плодотворную исследовательскую работу и в годы советской власти¹, но ему не было суждено воспользоваться своими немалыми познаниями в области исследования истории Ирана — в 1938 г. он стал жертвой сталинских репрессий.

К.Н. Смирнов относится к той категории авторов, которые интересны не только как исследователи, но и как хроникеры тех событий, участниками или свидетелями которых им пришлось быть. В этом смысле рукописные материалы из архивного фонда К.Н. Смирнова дают реальное ощущение соприкосновения со многими историческими событиями и фактами, которые для нас порой совершенно неизвестны. К этой категории материалов можно отнести личные письма К.Н. Смирнова своей супруге Ксении Карловне Смирновой².

Генерал Н.Н. Баратов в черной черкесске и капитан К.Н. Смирнов в Тегеране, 1916 г.

Наибольший интерес представляют письма, отправленные за период с ноября 1915 г. по сентябрь 1916 г. из иранского сектора Кавказского фронта, где он заведовал разведкой и дипломатической частью штаба Экспедиционного кавалерийского корпуса генерала Н.Н. Баратова. Официально его статус звучал так: «Состоящий в распоряжении Главнокомандующего Кавказской Армией, числящийся по гвардейской легкой артиллерии капитан Смирнов»³.

Содержание «иранских» писем К.Н.Смирнова свидетельствует о том, что его супруга в годы войны большей частью находилась в Иране и была в курсе происходивших там драматических событий. Более того, есть косвенные свидетельства того, что она как-то была связана со Штабом Кавказского военного округа. Примечательно, что К.Н. Смирнов регулярно информировал ее о положении на ирано-турецком фронте, давал характеристику отдельным русским офицерам и их военным, а также личностным качествам. По его письмам можно судить также о перипетиях англо-русского военного сотрудничества в Иране в годы Первой мировой войны.

Свои письма К.Н. Смирнов отправлял из Казвина, Керманшаха, Керинда и Касре-Ширина, в зависимости от изменения дислокации воинских частей Экспедиционного корпуса генерала Баратова.

Анализ писем Смирнова дает нам возможность представить себе мировоззренческий портрет особого типа русского офицера — не сказать, что националиста, но и не космополита, а представителя той категории русского офицерства, которая смотрела как на свой народ, так и на некоторые нацменьшинства Российской империи свысока, порой с нескрываемой долей ксенофобии. Его письма насквозь пронизаны чувством превосходства над персами, которых он называет просто «персюками», пренебрежительным отношением к армянам и евреям.

На наш взгляд, корни его «фобий» следует искать в системном кризисе самодержавия и его национальной политики конца XIX — начала XX вв.

Несмотря на частный характер этих писем, они содержат богатый и к тому же неизвестный для большинства исследователей фактический материал, имеющий непосредственное отношение, например, к деятельности Экспедиционного корпуса генерала Баратова в Иране, на ирано-турецкой границе, а также на территории Турции. Из писем можно узнать об эпизоде англо-русского военного сотрудничества против турецко-германского блока в Месопотамии.

После завершения своей служебной командировки в Иран, а точнее, через месяц после возвращения из этой страны, с ноября 1914 г. по февраль 1915 г., К.Н. Смирнов был прикомандирован к состоявшему на русской военной службе курдскому родоначальнику Аль-Ашреф-беку Шамшадинову. Целью данной командировки являлось умиротворение враждебно настроенных по отношению к России курдов на театре военных действий в районе Ереванской губернии, Макинского ханства и Баязидского санджака. В письмах дается описание стычек русских частей с «враждебными курдами», поддерживавшими турок и орудовавшими в районе русско-турецкого противостояния и занимавшимися грабежами мирного населения и угоном скота⁴.

Судя по датам его писем, их автор продолжал находиться в упомянутом районе, в частности, в Игдыре и Баязиде, и после завершения там своей командировки. А в сентябре-октябре 1915 г.

на него было возложено управление округа Баязид, входившего в район действий IV Кавказского корпуса⁵. С ноября 1915 г. по сентябрь 1916 г. его командировали уже в иранский сектор Кавказского фронта.

Штаб Экспедиционного корпуса с ноября 1915 г. по март 1916 г. находился в Казвине, но в связи с проведением наступательной операции на Ханекин и для лучшего управления действиями Корпуса через Керинд и Касре-Ширин в мае 1916 г. он был перенесен поближе к линии фронта — в Керманшах. Через два месяца после отступления русских войск из Хамадана, с августа 1916 г. штаб Корпуса, переименованного в 1-й Кавказский кавалерийский корпус, продолжительное время находился в Авэ. В сентябре 1916 г., завершив свою службу в Корпусе, Смирнов выехал из Авэ и больше туда не возвращался, после чего с конца 1916 г. по начало 1918 г. находился в командировке в Трапезунде в качестве заведующего разведкой от штаба Кавказской армии и Черноморского флота. Согласно автору писем, его «работа состояла в организации набегов на турецкое побережье от Элеу до Синопа и в сборе сведений по этому побережью»⁶. Находясь на черноморском побережье Турции, в мае 1917 г. он был вызван в Тифлис и послан в комиссию по разбору недоразумений, возникших между начальником ардебильского отряда генералом Фидаровым и российским консулом в Ардебиле Дамонтловым⁷.

Если судить по письму, отправленному Смирновым 22 ноября 1915 г. из Казвина, его автор уже находился в штабе Экспедиционного корпуса генерала Баратова, с которым ему часто приходилось общаться по служебным делам. Содержание письма говорит о том, что сразу после прикомандирования к штабу Баратова, капитан Смирнов оказался сильно загружен делами. «Образ жизни, — жаловался Смирнов, — ведется у нас самый безобразный, вроде как при Поклевском⁸, которого своей обходительностью напоминает и Баратов. Спать никогда не ложимся ранее полуночи, обедаем и пьем чай в самое разнообразное время»⁹. Причем, как видно из письма, отправленного Смирновым из Казвина 1 января 1916 г., он занимался «кабинетной работой»¹⁰ и решением разнообразных вопросов административно-канцелярского характера: «При всех теперешних

трудах, — пишет Смирнов, — мне большое удовольствие доставляет сознание того, что я многим устраиваю дела. Кому свидетельство, кому пропуск, кому укажу, куда обратиться с жалобой, все это делал без отказа и скорей провожу все эти дела»¹¹.

Следует заметить, что возвращение Смирнова в Иран не осталось незамеченным для бывшего его воспитанника — правителя Ирана Солтан Ахмад-шаха Каджара, который поинтересовался его нахождением в Экспедиционном корпусе у российского посланника Н.С. фон Эттера, выразив желание повидаться с ним. О чем сообщил ему бывший российский консул в Керманшахе барон Черкасов, эвакуировавшийся в Казвин. Как следует из письма, в этом событии его сослуживцы усмотрели что-то важное. И, видимо, поэтому Смирнов решил съездить в Тегеран вместе с начальником штаба Н.Ф. Эрном или самым генералом Баратовым¹². Но удалось ли Смирнову встретиться с шахом, эти письма не дают ответа. Тем не менее, сохранилась фотография малого формата, обнаруженная нами в личном архиве К.Н. Смирнова, на котором изображены генерал Баратов и капитан Смирнов в Тегеране. Можно предположить, что эта фотография была сделана именно во время их совместной поездки в иранскую столицу в 1916 году¹³.

Письма Смирнова позволяют нам составить портреты некоторых русских военных, дипломатических и политических деятелей. В первую очередь это касается командующего Экспедиционным кавалерийским корпусом в Иране генерала Н.Н. Баратова. Согласно Смирнову, в момент его приезда в Корпус отношения с Баратовым и его начальником штаба Н.Ф. Эрном сложились хорошие. «Оба они, — писал Смирнов, — хорошо относятся ко мне, милые люди, в особенности с Эрном мы хороши»¹⁴. Тем не менее, он находит, что Баратов человек с мягким характером. «Терпеть не могу людей с таким тряпочным характером, как Баратов, прямо противно смотреть», — писал Смирнов в своем письме из Керманшаха в мае 1916 г.¹⁵ Но судя по его письму от 1 января 1916 года, генерал Баратов больше похож на благородного, чем на бесприципного военного. Так, согласно автору письма, по его предложению в первый же день Нового года он с генералом Баратовым отправился на посещение военнопленных. Этот визит был

организован в ответ на слухи о плохом положении военнопленных. Во время посещения пленных «командир корпуса обратил внимание на многие не порядки и обещал удовлетворить многие претензии пленных и дал им на 5 рублей папирось». Одного пленного освободили. Смирнов считает большим счастьем для персов, что им «попались» Баратов и он, о чем не раз говорили и сами персы. «Баратов очень человечно относится к персам», — делает заключение автор письма¹⁶.

Письма дают нам возможность утверждать, что оценка со стороны Смирнова деятельности генерала Баратова менялась в зависимости от отношения последнего к нему. «Впрочем, — признается Смирнов, — когда я нужен, то всегда он лучше ко мне относился, а сейчас нет ни дипломатического чиновника, ни другого офицера, знающего Персию»¹⁷. Вместе с тем Смирнов критически относится к военным заслугам генерала Баратова, подтверждением чему может служить его оценка победы Баратова при Рабат-Кериме. Победу Баратова в сражении при Рабат-Кериме Смирнов приписывает больше случайности и удаче, чем военным способностям генерала. Согласно письму, Ферман-Ферма¹⁸ узнав, что Эмир-Хишмет¹⁹ хочет зайти в тыл русским войскам, и оценив значение их неудачи для него самого, сообщил об этом через командира Персидской казачьей бригады Прозоркевича Баратову. В свою очередь был послан Тегеранский отряд в набег на Эмир-Хишмета, которого совершенно разбили и обратили в бегство. Как потом выяснилось, Эмир-Хишмет вовсе не угрожал тылу русских, поскольку он сам готовил набег на Тегеран с целью захвата всей наличности банков, ареста посланников, учинения большого грабежа и вывоза шаха в Исфган. Но, по объяснению Смирнова, он почему-то задержался в Рабат-Кериме, быть может, встревоженный движением другого русского отряда к Куму, и совершенно неожиданно подвергся удару конного отряда, производившего набег. «Таким образом, — пишет Смирнов, — Б[аратов] спас Тегеран от большой катастрофы, которая могла бы иметь громадное значение». Несмотря на то, что успех Баратова Смирнов считает везением, тем не менее, он рад за подобных удачливых людей: «Но дай Бог, побольше людей, которым везет в начальствующие лица». Но чтобы не выглядеть слишком

большим циником, Смирнов добавляет: «В сущности, всегда военные удачи и неудачи происходят из-за неожиданных пустяков»²⁰. Вместе с тем Смирнов считает возможным поделиться со своей женой секретом, касающимся состояния здоровья Баратова, страдающего, как оказывается, от лихорадки.

Рассказывая о Баратове, в своих письмах Смирнов нередко с отрицательной коннотацией упоминает о его фаворите — офицере Генерального штаба капитане [В.Д.] Каргалетели, который, по его утверждению, обладал большим влиянием на командира корпуса. Так, например, в письме от мая 1916 г. Смирнов прямо пишет о том, что «Каргалетели прямо его [т.е. Баратова. — *Н.К. Тер-Оганов*] чукает, называет мягкотелым, а Баратов, собравшись в дорогу и упрасивавший долго спящего по утрам Каргалетели, боязливо его спрашивает: «что, Василек, можно ехать, ты готов?» Прямо хочется плюнуть»²¹. Как следует далее, Каргалетели наговаривал много дурного на начальника штаба корпуса генерала Эрна, обвинял его перед Баратовым в том, что тот никуда не годится, и т.д. Следует заметить, что с самого начала своей службы в корпусе Смирнову не удалось наладить с ним нормальные отношения. Уже в одном из своих первых писем он дает ему такую характеристику: «человек не дурной, умный (кончил университет), но большой хам, хотя и служил в гвардейском Литовском полку. Он меня снобирует и, видимо, зазря, а я не обращаю никакого внимания». Как следует из письма от 10 августа 1916 г., после отъезда Каргалетели Баратов стал лучше относиться к Смирнову²². Хотя уже в письме от 28 августа 1916 г. он жалуется на Баратова: «К сожалению, я вижу, что я ему не особенно нравлюсь. Ну как мы вообще с тобой не нравились в Тегеране сердечным людям». «Недоволен я, — читаем в письме, — во-первых, за то, что, наделав промахов, он свалил на меня (правда, в мелочах), а во-вторых, за недостаточно внимательное ко мне отношение»²³. Кстати, Смирнов вздохнул с облегчением, когда получили телеграмму о переводе Каргалетели на Северный фронт. «Без него гораздо симпатичнее», — делает заключение Смирнов. Как следует из письма, теперь «за столом идет свободный разговор, генерал как-то лучше ко всем относится без боязни того, как это понравится этому типу»²⁴.

В письмах Смирнова среди русских, служивших в Иране, мы находим сведения о вице-консуле и негласном военном агенте в Мосуле В.Ф. Кирсанове, о котором пишет: «Мне очень нравится Кирсанов, он совсем шикарный дипломат и слегка напоминает мне Саблина²⁵. Он не предполагает возвращаться на военную службу и хочет совсем переходить в Министерство иностранных дел. Кирсанов — человек хороший, но лодырь и большой сплетник»²⁶. В письмах есть упоминание также о местных агентах Кирсанова — Мадике и Макдо²⁷.

Следует заметить, что, находясь в Иране, Смирнов занимался, как он об этом пишет в одном из своих первых писем из страны, «делами светскими, политическими, разведывательными и полицейскими»²⁸. В письме от 11 августа Смирнов суммирует свои служебные обязанности и называет себя «политическим офицером» по аналогии с английским институтом «Political Officer»²⁹. «Сегодня, — пишет Смирнов жене, — выпал тяжелый день твоему политическому офицеру. Набралась масса дела — писать Амиру Афхаму³⁰, Амиру Афшару³¹, воззвание с успокоением жителей Казвина, телеграммы посланнику, Болховитинову³² и Прозоркевичу³³ относительно политического положения и проч.»³⁴. Таким образом, в его обязанность входило нанесение дипломатических и светских визитов высокопоставленным иранцам. В том же письме он пишет: «Я побывал у восьми персов с целью сделать им эхвальпурею [нетрудно догадаться, что под этим выдуманном словом кроется известная форма персидской вежливости, оформленная в виде “ахвалпорси”. — *Н.К. Тер-Оганов*] от имени Баратова». Как выясняется, Смирнов за один день «успел побывать у четырех моджахедов, двух принцев и у двух богачей»³⁵. Причем всем им Смирнов передавал карточку Баратова в связи с торжеством по случаю награждения последнего орденом Георгия.

Из одного письма мы узнаем, что в завершение своих визитов Смирнов побывал еще и у англичан, и после всего этого ему пришлось выяснять положение с каким-то арестантом, присланным ему офицером Персидской казачьей бригады из Зенджана. Затем он отдал распоряжение переводчику по политической части, а также приостановил объявление смертного приговора и он отпе-

чатал на пишущей машинке все собранные за день сведения. Смирнов жалуется жене на свою занятость: «Целый день верчусь, как белка в колесе!» Самое интересное заключение Смирнов делает в конце этого письма, когда пишет о схожести его служебных обязанностей при прежней командировке в Тегеран и при Экспедиционном корпусе, — ничего нового. Вместе с тем, согласно ему, последняя командировка по своему значению намного превосходит прежнюю: «Тут чувствуешь свое значение, правда, создавшееся прежней службой в Тегеране», — признается Смирнов³⁶.

Что касается отношения Смирнова к персам, то, судя по его письмам, он относится к ним надменно, нередко называя их «персюками»³⁷. Такое отношение к персам он оправдывает тем, что в свое время его дед был пленен персами. Кроме того, он вспоминает и о том, «какие пакости персюки» делали и ему самому³⁸. Тем не менее, в одном из своих поздних писем он выражает свое удовлетворение отношением к нему персов: «Большим удовлетворением мне служит, как относятся ко мне персы. Народу ко мне прет масса, полнейшее уважение, лести слышу массу вроде того, что благодарят судьбу, что тут я, который знаю народ и с которым можно непосредственно объяснить и т.п.»³⁹ Вместе с тем он выражает искреннее удивление относительно того, с какой чуткостью персы относятся к нему, и не знает, как это объяснить. «Но не знаю, чем объяснить чуткость персов — представь себе, еще никто не предлагал взятки, как это всегда делается в Тегеране. Знают ли, что я не возьму, или вообще русские здесь не брали, не понимаю», — вопрошает Смирнов⁴⁰.

В письмах мы находим отдельные сведения о динамике англо-русских отношений в Иране. Как явствует из письма за 22 ноября 1915 г., находясь в Казвине, Смирнову по долгу службы часто приходилось общаться с англичанами. «Как все на свете переменчиво. Никогда не был знаком, — пишет Смирнов, — ни с одним англичанином и ограничивался самыми официальными отношениями, а теперь англичанки каждую минуту Кептан Смирнов, да Кептан Смирнов, английские дети на улице, издали увидев меня, кивают головой, а мистеры с приятной улыбкой жмут руки»⁴¹. На вечере по случаю празднования награждения генерала Баратова орденом

Геоργия, по признанию Смирнова, он больше общался с англичанками. Одна из англичанок даже вспомнила про его супругу Ксению Смирнову: «какая она была интересная в английской миссии Тегеране] — *Le Dame en Noir*»⁴².

Письма Смирнова дают нам основание полагать, что на тот период отношения между русскими и англичанами в Иране находились на подъеме. Отношения были настолько близкие, что, например, англичане часто приглашали Смирнова к себе домой. «Чай пил я сегодня 10 раз и последний раз у англичан с кеком по случаю рождения маленькой Карлин, — писал Смирнов в своем письме за 25 ноября 1915 г., — причем высказал надежду, что когда-нибудь есть и ее *wedding-cake*»⁴³. Смирнов делал визиты и английским дипломатическим представителям. Так, в декабре 1915 г. он навестил в Казвине английского консула в Хамадане, с которым он должен был урегулировать возникшее между консулом и генералом Баратовым недоразумение, связанное с преждевременным поднятием одного русского флага в Хамадане, вместо поднятия двух флагов союзников. По указанию Баратова, Смирнов должен был заверить английского консула в том, что «когда будут подымать английский флаг, то Баратов опять поедет в Хамадан»⁴⁴, отдав тем самым дань уважения Юнион-Джеку.

Однако, судя по более поздним письмам Смирнова, отправленным в конце апреля 1916 г., эти отношения значительно потускнели, из-за известных событий в Кут эль-Амаре. Так, в письме Смирнова от 25 апреля 1916 г. нашло отражение печальное известие о капитуляции генерала Таунсенда под Кут эль-Амарой, полученное в штабе Экспедиционного корпуса в Керманшахе 24 апреля 1916 года. Смирнов, не без основания, стал предполагать тогда о возможном выдвигании обвинения со стороны англичан в адрес генерала Баратова за запоздалое наступление против турецких войск⁴⁵, что дало возможность последним держать в окружении английский гарнизон, принудив его сложить оружие.

Капитуляция генерала Таунсенда, по правильному заключению Смирнова, могла кардинально изменить ситуацию в пользу турок, и в результате как Керманшах, так и Хамадан могли оказаться в их

руках. Впрочем, позже вышло именно так, когда русские войска были вынуждены покинуть Хамадан и Керманшах. Между тем в письме Смирнов предупреждает свою супругу об угрожающей Керманшаху, Сенне и Хамадану угрозе турецкого наступления и не советует ей покидать Хамадан⁴⁶.

Между прочим, догадки Смирнова о возможном обвинении англичанами Баратова находят свое подтверждение в письме, poslanном им в мае 1916 г. из Керманшаха. Дело в том, что история с Таунсендом прямым образом повлияла на отношения англичан к русским, наглядным примером чему может служить история взаимоотношений Смирнова и английского военного агента в Керманшахе Вильямса⁴⁷.

Как следует из письма, Вильямс обычно занимался шифрованием телеграмм, поступающих к нему также из штаба Экспедиционного корпуса Баратова. После злопамятной капитуляции Таунсенда отношение Вильямса к русской стороне изменилось в худшую сторону. Он как-то однажды даже отказал Смирнову в шифровании телеграммы Баратова. Более того, как следует из письма, за два дня до составления письма Вильямс подал иск на русские войска за порчу помещений в Хамадане. Согласно Смирнову, решение данного вопроса, впрочем, как и вопроса о вывозе имущества ковровой фабрики в Решт, было поручено ему английским посланником Марлингом. Тогда Смирнов заметил Вильямсу, что Марлинг не прав, поскольку едва ли это относится к обязанностям военного агента. Теперь Вильямс вспомнил о словах Смирнова и заявил, что «это глупости», на что Смирнов возмутился и призвал Вильямса следить за выражениями. Инцидент с Вильямсом заставил Смирнова высказать свое заключение по поводу причины подобного поведения Вильямса: «После этой истории мне стало грустно за человечество. Если такая культурная нация из англичан некорректна, то что же требовать от нас. Убедившись, что мы не пойдем сейчас брать Багдад, и что Таунсенда [так у автора. — *Н.К. Тер-Оганов*] мы не выручили своей головой, здешние англичане уже перестали быть любезными, выставили нас из дома, хотят выставлять конвой Баратова из конюшен английского консульства. Вильямс отказался шифровать телеграммы»⁴⁸.

В своем письме от 1 мая 1916 г. Смирнов сообщает из Касре-Ширина об обстановке на линии соприкосновения русских и турецких войск. По сообщению автора письма, кавалерийская дивизия, штаб которой был расположен в Касре-Ширине, вполне могла занять Ханекин, но не сделала этого из-за опасения контрнаступления турок. Нерадивость была проявлена и при наступлении на отступающие турецкие войска по линии Сер-Миль-Керинд, когда из-за опоздания колонны полковника Успенского не удалось полностью блокировать ущелье и заставить турок сдаться всем составом⁴⁹.

Как следует из письма, несмотря на то, что Баратов воздержался от оказания помощи осажденному английскому гарнизону, русские все-таки допускали возможность захвата Багдада. Видимо, неслучайны эти строки, адресованные жене: «Нет Ксенюша, я в Багдад ни за что не поеду, если бы меня назначили, и вообще, я скорей горожанин и походной жизни не люблю»⁵⁰.

В своем письме от 5 августа 1916 г. Смирнов описывает сложившуюся обстановку на фронте так: «Турки стоят на месте, а Эттер (российский посланник в Тегеране) уже хочет удирать из Тегерана. Посмотрим, что будет через месяц!»⁵¹ Однако, как видно из следующего письма от 10 августа, посланнику пришлось остаться после получения телеграммы от Великого князя Николая Николаевича, хотя российский генеральный консул Штриттер к тому времени уже покинул Тегеран⁵².

В действительности, согласно сохранившимся архивным материалам, многие в Иране серьезно воспринимали возможное наступление турок на Тегеран. Так, в своей телеграмме от 2 августа 1916 г. командир Персидской казачьей бригады полковник Прозоркевич доносил следующее: «Наступление турок к Тегерану создает возможность в ближайшем будущем спешной эвакуации Тегерана русскими учреждениями, всеми подданными»⁵³. Более того, согласно шифрованной телеграмме Прозоркевича в Отдел генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба от 9 августа того же года, он сообщал уже о начале частичной эвакуации Тегерана и о вывозе оружия Персидской казачьей бригады в Решт, а также о передаче скорострельных орудий бригады в

распоряжение Экспедиционного корпуса генерала Баратова, и даже о намерении перевода штаба бригады в этот город⁵⁴.

Судя по содержанию письма, существовало опасение по поводу ухудшения военно-политической обстановки и в самом Тегеране. По этой причине в Тегеране все обращаются к генералу Баратову с просьбой спасти положение. Следует полагать, что неадекватное поведение посланника и генерального консула, о чем сообщает Смирнов, вызвало нарекания в русских военно-политических кругах. По этой причине, по предложению Баратова, стали подготавливать предложение о назначении в Тегеран военного посланника в лице генерала Вадбольского, бывшего командира Персидской казачьей бригады, вместо гражданского лица⁵⁵. Тем не менее, как свидетельствует письмо от 11 августа, в штабе Экспедиционного корпуса рассматривали вопрос о возможном переезде в Казвин в связи с ожидавшимся наступлением турок. Обстановка была настолько серьезной, что Смирнов советовал жене в случае продвижения турок готовиться к выезду в Решт⁵⁶.

Кроме вышеназванных русских военных и дипломатических чинов в письмах можно найти упоминание о сотнике В.Д. Гамалее⁵⁷, Г.К.Р. Шарпантье — начальнике Кавказской кавалерийской дивизии, бароне Медеме — командире Кавказского пограничного полка, чей штаб был расквартирован недалеко от Хамадана⁵⁸. Можно найти отдельные характерные штрихи к портретам командующего Кавказской армией генерала Н.Н. Юденича, а также его однофамильца, будущего георгиевского кавалера и командира бригады Кавказской пограничной пехотной дивизии М.С. Юденича, полковника В.П. Ляхова, бывшего командира Персидской казачьей бригады. В письмах упомянуты также имена таких российских военачальников, находившихся на Кавказском фронте, как командир Керманшахского отряда генерал С.К. Белосельский-Белозерский, бывший командир 2-го Кавказского пограничного полка Прозоркевич, граф Нирод — начальник казачьей дивизии в Казвине, Ф.Г. Чернозубов — командир 2-го Кавказского кавалерийского корпуса, действовавшего в Азербайджане, генерал-майор князь Мелик-Шахназаров — начальник тыла, полковник Успенский — командир Хоперского казачьего полка, офицеры-восточники Малиновский и Нагайбаков, а также другие офицеры Кавказской армии.

Следует особо отметить, что последние письма Смирнова, отправленные из Ирана в мае-августе 1916 года, свидетельствуют о происходивших в Кавказской армии изменениях, когда солдатские комитеты стали заправлять армейскими делами и решать вопрос о войне и мире. Так, в своем письме из Касре-Ширина от 1 мая 1916 г. Н.К. Смирнов сообщает о комиссии в составе офицеров Кавказской кавалерийской дивизии, Шереметьева, Омера, князя Сумбатова и князя Макаева и др., которая «решила, что довольно воевать, и поехала в Россию»⁵⁹.

В заключение следует заметить, что несмотря порой на фрагментарный характер сведений, содержащихся в этих письмах, тем не менее они, без сомнения, заслуживают внимание исследователей, занимающихся вопросами русско-иранских отношений в годы Первой мировой войны.

¹ О его работах смотри: *Тер-Оганов Н.К.* Жизнь и деятельность Константина Николаевича Смирнова // *Смирнов К.Н.* Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914 гг. / Под науч. ред. Н.К.Тер-Оганова. Тель-Авив: Иврус, 2002. С. 12–14.

² К великому сожалению, несмотря на то, что автор регулярно писал письма с фронта своей супруге, в архиве национального Центра рукописей Грузии сохранилась лишь малая часть этих писем, некоторые из которых сохранились не в полном виде (его личный архив и богатая библиотека в годы советской власти были опустошены). Тем не менее, они дают представление о военно-политической ситуации в Иране, а также о характере деятельности К.Н. Смирнова. См.: Архив национального центра рукописей Грузии. Фонд 39 (далее: АНЦРГ).

³ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 67. Л. 40.

⁴ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 77. Л. 2; Д. 60. Л. 15–15об.

⁵ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 77. Л. 3; а также: Д. 59, 60, 61.

⁶ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 77. Л. 6–7.

⁷ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 75. Л. 56; Л. 77. Л. 7.

⁸ Имеется в виду российский посланник в Тегеране С.А. Поклевский-Козелл, со стилем работы которого ему пришлось познакомиться еще во время своей первой служебной командировки в Иран в 1907–1914 годах. Тогда в своих «Записках воспитателя персидского шаха. 1907–1914 годы» К.Н.Смирнов писал о нем следующее: «Знавшие его раньше говорили, что он никогда до Персии не работал и не умеет работать, но в Персии, во всяком случае, ему пришлось работать много, и он с этой работой хорошо справился. Сотрудникам его было очень трудно, т.к. режим был невозможный. У него не было определенного часа для обеда (иногда садились за обед вместо 8 часов, в 11 часов ночи), и, вернувшись поздно из гостей, он начинал в третьем часу ночи заниматься делами...». См.: *Смирнов К.Н.* Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914 гг. / Под науч. ред. Н.К.Тер-Оганова. Тель-Авив: Иврус, 2002. С. 40.

⁹ АНЦРГ. Ф. 62. Д. 62. Л. 22об.

¹⁰ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 72. Л. 36.

¹¹ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 63. Л. 30–30об.

¹² АНЦРГ. Ф. 62. Д. 62. Л. 25об.

¹³ См.: *Смирнов К.Н.* Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914 гг. / Под науч. ред. Н.К.Тер-Оганова. Тель-Авив: Иврус, 2002. С. 13.

¹⁴ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 62. Л. 25об.

¹⁵ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 67. Л. 41.

¹⁶ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 63. Л. 30.

¹⁷ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 68. Л. 49об.

¹⁸ На тот момент Фарман Фарма был министром внутренних дел Ирана и считался сторонником Антанты.

¹⁹ Речь идет об Эмир-Хишмете или Эмир-Хикмете, объединившем под своими знаменами для борьбы против союзников в Иране турок, курдов, иранских жандармов, а также беглых немецких и австрийских военнопленных. Согласно информации, поступившей в штаб Экспедиционного корпуса, в селение Рабат-Керим прибыл отряд фидаев, насчитывавший 1100 всадников и подчинявшийся лично Эмир-Хишмету, намеревавшемуся захватить Тегеран.

²⁰ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 63. Л. 30об.-31об.

²¹ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 67. Л. 41.

²² АНЦРГ. Ф. 39. Д. 68. Л. 49об.

²³ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 72. Л. 34–34об.

²⁴ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 68. Л. 49об.

Справедливости ради следует заметить, что в своем мнении о Каргалетели Смирнов не был одинок. Автор книги «Персидский фронт» А.Г.Емельянов также указывает на распространенное на фронте мнение о Каргалетели: «Его [Каргалетели — *Н.К. Тер-Оганов*] называли “злым гением Баратова”, виновником неудавшейся “Багдадской авантюры”». См.: *Емельянов А.Г.* Персидский фронт (1915–1918). Берлин: Гамаюн, 1923. С. 87. Свидетельством негативного отношения к Каргалетели может служить выпячивание его физических недостатков в повести советского писателя Хаджи-Мурата Мугуева «К берегам Тигра», посвященного рейду казачьей сотни Гамалея в Месопотамию в 1916 году. «Полковник Каргалетели, — пишет автор, — невысокий, смахивающий на обезьяну человек, с хитрыми глазами и подобострастными жестами, говорит речь». См.: *Хаджи-Мурат Мугуев.* К берегам Тигра. Повесть. М.: Советский писатель, 1951. С. 24.

²⁵ Имеется в виду российский поверенный в делах в Тегеране, сменивший на посту руководителя дипломатической миссии Н.Г. Гартвига — примечание Н.К. Тер-Оганова.

²⁶ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 62. Л. 23.

²⁷ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 72. Л. 32об.-33.

²⁸ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 62. Л. 26.

²⁹ Согласно Арнольду Вильсону, так называемые «политические офицеры» в британской армии «были повсюду признаны как прямые посредники между армией и населением». См.: *Arnold Wilson.* Lieutenant-Colonel, Sir. Loyalties. Mesopotamia. 1914–1917 // A Personal and Historical Record. Oxford University Press; London: Humphrey Milford, 1930. P. 143. Если же быть более конкретным, то прямой обязанностью английских «политических офицеров» было ведение агентурной разведки. См.: *Елусеев Ф.И.* Рейд сотника Гамалея в Месопотамию в мае 1916 года. Нью-Йорк, 1957. С. 16.

³⁰ Амир Афхам — хамаданский губернатор и помещик (здесь и далее примечания Смирнова).

³¹ Амир Афшар — глава афшарского племени в районе Зенджана.

³² Л.М. Болховитинов — исполняющий обязанности начальника штаба Кавказского военного округа.

³³ Н.В. Прозоркевич — командир Персидской казачьей бригады.

³⁴ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 70. Л. 51.

³⁵ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 62. Л. 26.

³⁶ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 62. Л. 28.

³⁷ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 62. Л. 27об.

³⁸ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 63. Л. 30об.

³⁹ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 72. Л. 35об.-36.

⁴⁰ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 62. Л. 28.

⁴¹ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 62. Л. 22.

⁴² Дама в черном — фран. АНЦРГ. Ф. 39. Д. 62. Л. 24.

⁴³ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 62. Л. 27об.

⁴⁴ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 62. Л. 5.

⁴⁵ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 64. Л. 38об.

⁴⁶ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 64. Л. 39об.

⁴⁷ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 67. Л. 40–40об.

⁴⁸ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 67. Л. 40об.

⁴⁹ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 66. Л. 44об.

⁵⁰ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 66. Л. 45об.

⁵¹ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 68. Л. 48об.

⁵² АНЦРГ. Ф. 39. Д. 68. Л. 23.

⁵³ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7749. Л. 21 (далее: РГВИА).

⁵⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7749. Л. 23.

⁵⁵ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 70. Л. 51об.

⁵⁶ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 70. Л. 52об.

⁵⁷ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 67. Л. 40–41об. Это тот самый сотник 1-й сотни 1-го

Уманского полка Кубанского казачьего войска, который снискал себе славу за совершение глубокого рейда в мае-июне 1916 г. в Месопотамию, в тыл турецкой армии с целью установления связи с действующими там английскими войсками. Гамалей со своей сотней проделал долгий путь длиной более 400 верст от Май-дешта через Луристан (Пушти-Кух), обойдя Зорбатю с восточной стороны до Али-Гарби, где и произошла встреча с англичанами. Из Али-Гарби Гамалей в сопровождении нескольких бойцов из своей сотни и английского офицера направился в Басру, где встретился с английским генералом Лekom, от которого, в соответствии с инструкцией генерала Баратова, получил карты расположения английских и турецких войск для координации совместных военных действий против последних. За проявленную доблесть и мужество Гамалей и члены его команды были награждены английскими военными крестами. После завершения встречи с англичанами Гамалей со своей сотней без потерь вернулся в Керманшах. См.: *Елисеев Ф.И.* Рейд сотника Гамалея в Месопотамию в мае 1916 года. Нью-Йорк, 1957.

⁵⁸ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 64. Л. 39об.

⁵⁹ АНЦРГ. Ф. 39. Д. 66. Л. 44.

Тер-Оганов Н.К.

Тавриз и «русская торговля» в 1833–1846 гг.

Тавриз — коммерческая столица Ирана

Растянутому на широчайшем географическом пространстве Ирану самой природой было предназначено служить важным звеном в международной торговле огромного евроазиатского региона. В силу этого обстоятельства такие города Ирана, как Тавриз на северо-западе, Решт и Астарабад на севере, Мешхед на северо-востоке, Герат и Керман на востоке, Бушер и Бендер-Аббас на юге, Керманшах и Хамадан на западе, в течение многих веков играли ведущую роль как в международной, так и во внутренней торговле страны.

Тавриз, столица провинции Азербайджан, традиционно являлся одним из самых крупных торгово-экономических центров Ирана, имевших тесные торговые отношения, как с соседними, так и европейскими странами. В исследуемый период, согласно свидетельству немца Морица Вагнера, Тавриз считался самым процветающим городом в Иране благодаря развитию своей торговли¹.

В первой трети XIX столетия, в результате двух русско-иранских войн (1804–1813) и (1826–1828) Южный Кавказ, на восточную часть которого всегда претендовал Иран, был присоединен к Российской империи. Граница между Российской империей и каджарским Ираном была окончательно проложена на стыке провинции Азербайджан с отошедшими к России территориями. Отныне граница Российской империи находилась всего в 80 милях от Тавриза — коммерческой столицы Ирана².

Как ни парадоксально, ни войны с Россией, ни последовавшие за ними геополитические изменения в регионе не оказали губительного влияния на уровень торговых отношений Тавриза с внешним миром. Более того, после присоединения западной Гру-

зии к Российской империи были созданы объективные условия для оживления торговли Тавриза.³ Высочайший указ о транзитной торговле 1821 г. через Закавказье способствовал увеличению товарооборота Тавриза с Российской империей, Османской Турцией и Западной Европой.

Объем русско-иранской торговли и транзитные пути в Тавриз

1821–1831 годы оказались фактически более благоприятными для развития русско-иранской торговли в Иране, чем последующие 50 лет. Необходимо отметить, что оборот русской торговли с Ираном достиг своего пика в 1830 г., составив 27,4 млн рублей, тогда как приблизительно аналогичного показателя (33,1 млн руб.) эта торговля смогла достичь лишь в 1895 г.⁴

Сразу после отмены в 1831 г. режима свободной торговли через Закавказье европейцами, главным образом англичанами, стал активно осваиваться торговый путь Трапезунд–Эрзерум–Хой–Тавриз⁵. Подключение черноморского порта Трапезунда к ирано-европейской торговле стало результатом подписания русско-турецкого договора в Адрианополе, в сентябре 1829 г., благодаря которому Трапезунд превратился в перевалочный пункт для иранской торговли⁶.

Хотя данный маршрут был намного короче маршрута через Закавказье (Трапезунд — Тифлис — Джульфа — Тавриз), однако его отрезок между Эрзерумом и Хоем традиционно считался самым опасным из-за постоянных грабежей курдских племен⁷. Тем не менее, английский товар стал стремительно завоевывать северные и северо-западные рынки Ирана. Причем следует принять во внимание тот факт, что экспорт английских товаров по маршруту Трапезунд — Эрзерум — Тавриз составлял $\frac{7}{8}$ от всего ввоза товаров в страну⁸. Фактический рост объема транзита европейских товаров в Тавриз серьезно обеспокоил российские власти. С целью дальнейшего ужесточения режима запрета 1831 г.⁹, в 1841 г. российскими властями был введен в действие дополнительный тариф. Согласно ему, был запрещен ввоз в Россию некоторых видов европейских товаров¹⁰. Тем не менее, в начале 40-х годов XIX в. тавризский базар представлял собой огромное скопление европейских товаров, намного превосходивших по своему объему товары азиатского производства¹¹.

О правовой базе и некоторых особенностях так называемой «русской торговли» с Ираном

С правовой точки зрения, в результате подписания «Особого акта о торговле» Туркманчайского мирного договора 1828 г., российские купцы формально оказались в привилегированном положении и вот почему. Статья третья договора, как известно, определяла уровень таможенного обложения, как по экспорту, так и импорту товаров для обеих сторон в размере 5% с их стоимости¹². Однако у российских купцов было одно существенное преимущество — они уплачивали эту пошлину независимо от того, откуда везли или куда направляли свой товар.

Как показывает статистика развития русско-иранской торговли, и как об этом совершенно справедливо заметил А.А. Зонненштраль-Пискорский, привилегия, приобретенная российскими купцами, в дальнейшем оказалась ущербной для российской промышленности, и вот по какой причине. Поскольку при пятипроцентном обложении товара принималась во внимание не страна происхождения товара, а его принадлежность российскому подданному, то последний нередко предпочитал ввозить в страну вместо российских товаров западноевропейские¹³.

Следовательно, под определением «русская торговля» следует понимать торговлю с Ираном, которую вели российские купцы, в номенклатуру товаров которых входили как товары российского, так и иностранного производства.

Специфика «русской торговли», по крайней мере, в первой половине XIX века заключается в том, что среди товаров, ввозимых российскими купцами в Тавриз, ведущее место всегда занимали товары европейского производства.

Следует заметить, что в результате полученных привилегий уже в начале 30-х годов XIX в. российские купцы стали ввозить в Тавриз больше товаров из европейских стран, чем из самой России, что, конечно, не могло способствовать развитию российской промышленности.

Подобная тенденция продолжалась и в последующие десятилетия. Например, согласно оценке английского дипломата Э. Иствика,

в начале 60-х годов XIX в. стоимость русского привоза в Иран не превышала в целом 40 тысяч фунтов стерлингов, тогда как стоимость иранского вывоза в Россию составляла 400 тысяч фунтов стерлингов. Между прочим, объем иранской контрабанды в Россию в денежном изображении также составлял весьма солидную сумму (приблизительно 400 тысяч фунтов стерлингов)¹⁴. Следует заметить, что Иран пользовался своим доходом, поступающим от торговли с Россией, для покрытия большого дефицита, образовавшегося в результате торговли с европейскими странами¹⁵.

Исследуемый нами период 1833–1846 гг. приходится на тот отрезок времени, когда действовал режим протекционизма в отношении российских купцов¹⁶. Казалось бы, что он должен был способствовать развитию «русской торговли» с Ираном, однако вышло так, что из-за непродуманности статьи третьей «Особого акта Туркманчайского договора» режим протекционизма оказался для нее абсолютно непродуктивным.

Тем не менее, российские купцы, благодаря праву, дарованному им иранским наследником престола Аббас-мирзой, имели преимущество перед другими кредиторами на возмещение убытков в случае банкротства иранской стороны. Чтобы укрыться от преследования кредиторов, иранский банкрот, желая обезопасить себя и свое имущество от кредитора, как обычно, садился в «бест» в доме какого-нибудь представителя высшего духовенства. Между прочим, удостоверившись в защите прав российских купцов со стороны российского Генерального консульства в Тавризе, в 1846 г. тавризские «негоцианты» провели собрание, на котором «решились всеми мерами стараться отстранить вовсе шариат от скрепления долговых обязательств». По этому поводу они даже попросили управляющего российским Генеральным консульством А. Озерова выступить в качестве посредника в переговорах с шахом, на что управляющий ответил отказом¹⁷.

Какаясь вопросов «русской торговли» с Тавризом в исследуемый период времени, не следует забывать о наличии в стране традиционных тесных связей купечества с феодалами и духовенством¹⁸, что обычно затрудняло европейцам взыскание денежной компенсации с должника. Видимо, учитывая это обстоятельство, в российском Ге-

неральном консульстве нашли обходные пути для завладения имуществом должника¹⁹. Позднее управляющий российским Генеральным консульством А. Озеров в одном из своих донесений отметил роль консульства в деле защиты коммерческих интересов российских подданных. По его словам, «Оно [т.е. консульство — Н.К.Тер-Оганов] употребило все старания, чтобы сделать возможно правильным производство в здешнем Диван-хане²⁰ (зал для приема посетителей), в котором, в присутствии и самого губернатора Тавриза, рассматривались претензии наших подданных...»²¹.

Как утверждал в 1836 г. английский посланник в своем донесении, несмотря на обладание целым рядом преимуществ, обеспеченных также торговым договором 1828 г., «русская торговля» с Ираном была в упадке, тогда как английская — росла. По его утверждению, «британские купцы преуспели в получении господствующего положения на рынках Персии»²². Как выясняется из донесения, английская сторона рассчитывала получить возможность назначать английских консулов в Тавризе и Бушере, а также вице-консулов из местных иранских купцов в других торговых городах Ирана²³.

О состоянии «русской торговли» с Тавризом в период 1833–1846 гг.

Из официальных ведомостей российского Генерального консульства о состоянии «русской торговли» с Тавризом, охватывающих 1833–1846 гг., можно составить определенную картину о динамике торговли в столице провинции Азербайджан²⁴. Согласно этим ведомостям, российские купцы привозили в Тавриз товар не только из России, но и из Константинополя и стран Западной Европы. Судя по ведомостям, под понятием «русская торговля» следует понимать, как об этом было указано выше, торговлю, которую вел исключительно российский купец, независимо от страны происхождения товара. В этих ведомостях, составленных Генеральным консулом России в Тавризе А.Н. Аничковым, четко указана по годам суммарная стоимость «привоза» и «вывоза» товаров в рублях, а также страна, откуда был отправлен товар.

ТАБЛИЦА 1. Суммарная стоимость товаров, привезенных в Тавриз в период 1833–1841 гг. российскими купцами из России, Константинополя, Лейпцига, Англии и Франции

Год	рубли	копейки	рубли	копейки	рубли	копейки
1833	1 088 225	50	263 110	40	432 000	—
1834	1 506 217	52	20 592	—	478 232	—
1835	600 924	48	38 400*	—	2 124 578	16
1836	904 592	—	19 200	—	2 959 892	—
1837	1 037 600	—	1 736 000	—	4 312 592*	—
1838	235 080	—	1 423 121	4	3 838 096	80
1839	195 777	95	932 782	26	1 067 427	36
1840	404 320	73	951 052	26	782 800	50
1841	199 592	16¾	636 427	21½	5 978 939	79

Как свидетельствуют данные из Таблицы 1, если суммарная стоимость товаров, привезенных из самой России в Тавриз, имела вообще тенденцию к снижению, то суммарная стоимость товаров, отправленных в этот город из Константинополя, а тем более из Лейпцига, Англии и Франции, наоборот — показывала свой стремительный рост. Так, в 1841 г. суммарная стоимость товаров российского производства составила всего 199 592 рублей и 16¾ копеек, тогда как суммарная стоимость товаров из Константинополя — 636 427 рублей 21½ копейки, а из Лейпцига, Англии и Франции достигла рекордной суммы — 5 978 939 рублей и 79 копеек!²⁵

Ведомость товаров, привезенных российскими купцами из Константинополя в Тавриз в 1841 г., дает представление об их ассортименте. Согласно ведомости за 1841 г., российскими купцами из Константинополя в Тавриз были привезены следующие товары: небеленый, белый и смешанный миткаль, холст (для шитья рубашек), зеркальное стекло, писчая бумага сравнительно низкого качества, сахар, ножи, английские подпилки, связки бисера и красные ермолки²⁶.

Ассортимент товаров, привезенных российскими купцами с Лейпцигской ярмарки (в основном из Англии, и частично из Франции), был необычайно разнообразен. В числе этих товаров: ситец разных сортов, белая миткаль, белая, красная и черная кисея, белый и цветной коленкор, полосатая хлопчатобумажная материя, полосатая нанка, хлопчатобумажные красные платки, носовые платки, немецкое и французское сукна, камлота разных цветов, ка-

шемир, персидский меринос, мериносовые плиссе, бархат, персидский атлас, чай, чайные стаканы и металлические пуговицы²⁷.

Для определения доли «русской торговли» в международном привозе товаров в Тавриз будет достаточно провести сравнение суммарной стоимости товаров, привезенных российскими купцами как из самой России, так и из Константинополя и стран Западной Европы, с суммарной стоимостью привоза, осуществленного иностранными купцами в целом.

ТАБЛИЦА 2. *Сравнительная таблица суммарной стоимости товаров, привезенных в Тавриз российскими и иностранными купцами*

Год	Рубли (ассигнациями)	копейки	Рубли ассигнациями)	копейки
1833	1 783 335	90	15 346 535	90
1834	2 005 041	52	17 937 985	52
1835	2 763 902	64	32 953 742	64
1836	3 883 684	—	40 090 084	—
1837	7 086 192	—	12 855 792	—
1838	5 496 297	84	14 739 082	84
1839	2 195 987	57	7 406 087	57
1840	2 138 173	49	6 458 173	-
1841	6 814 959	17	11 034 959	17½

Даже поверхностный взгляд на вышеприведенную таблицу дает возможность усомниться в утверждении, что «русская торговля» с Тавризом была господствующей. Доля «русской торговли» в международной торговле Тавриза составляла порой лишь ее не очень значительную часть.

Следует заметить, что в течение долгого времени ведущее место в «русской торговле» с Тавризом занимал известный греческий торговый дом братьев Ралли(с) из Одессы. Стоит напомнить, что коммерческая фирма братьев Ралли, основанная в 1818 г. Джоном (Иваном) Ралли и его четырьмя братьями, пользуясь либеральной экономической политикой, проводимой тогдашним генерал-губернатором Новороссии и наместником царя в Бессарабии графом М.С.Воронцовым (1823–1845), имела торговые компании во многих странах мира, в том числе в России и Иране. Она считалась самой крупной торговой компанией, чьи филиалы

занимались экспортно-импортными операциями в Одессе, в Марселе, Лондоне и Манчестере²⁸.

В 1841 г. из всей суммы стоимости товаров, привезенных в Тавриз российскими купцами из Лейпцига, Англии и Франции на сумму 5 978 939 рублей, на долю греческого торгового дома приходилось 4 миллиона рублей. В своем донесении вышеупомянутый А.Н. Аничков указывал на то, что тавризская торговля полностью находилась в руках упомянутого греческого торгового дома²⁹.

Благодаря коммерческим связям на ткацких фабриках Манчестера по заказам братьев Ралли изготовлялись ткани в соответствии со вкусами иранцев. Причем при этом не следует забывать, что готовый продукт поставлялся ими непосредственно покупателю, минуя, таким образом, посредников.

По понятным причинам российские подданные армянские торговцы не могли составить им должную конкуренцию³⁰.

Тем не менее, за тот же период времени (1841) из Константинополя в Тавриз российскими подданными армянскими торговцами была привезена большая партия ситца на сумму 636 427 рублей и 21 копейки. Тогда как в том же году товаров российского производства было привезено всего на сумму 199 592 рубля, т.е. в два раза меньше, чем в предыдущем году. Причем стоимость товаров, привезенных из соседних с Персией районов Российской империи, составила 134 тысячи рублей, а стоимость товаров из Марьяевской ярмарки составила оставшиеся 65 592 рубля.

В 1845 г. «русская торговля» с Тавризом упала настолько, что суммарная стоимость привоза товаров в этот город со стороны российских купцов опустилась на самую низкую отметку, составив всего 67 009 рублей и 50 копеек³¹. Вместе с тем, за этот период времени значительно возросло участие армянских торговцев в привозе товаров из Лейпцига. Согласно донесению А. Озерова, в 1845 г. тифлисскими и карабахскими армянскими торговцами с Лейпцигской ярмарки в Тавриз была отправлена большая партия товаров, в том числе ситец, сукно, бархат, чай, ружья, пистолеты, шампанское и др., всего на сумму 1 252 179 рублей и 61 копеек³².

В целом же в 1845 г. российскими купцами с Лейпцигской ярмарки, из Англии и Франции в Тавриз был привезен товар на

сумму 5 672 506 рублей и 71 копейки. В том же году ими же из Константинополя в Тавриз был доставлен широкий ассортимент товаров, состоящий, в основном, из ситца, миткаля, платков, холста, бумаги, сахара, хрустальной посуды, иголок, бисера, на сумму 302 598 рублей и 81 копейки. Иранскими купцами из России были отправлены товары российского производства: самовары, чайные приборы, бумага, восковые свечи, железо, нефть и т.д. на сумму 304 470 рублей.

Как свидетельствуют материалы российского Генерального консульства в Тавризе, объем поставок тканей английского производства намного превышал объем российской мануфактуры на тавризском рынке. Но не только по количеству, но и по качеству английские ткани тогда далеко превосходили ткани российского производства, главная причина которого, по объяснению А.Н. Аничкова, состояла в низкой себестоимости английской продукции. «Едва только с фабрики хорошие ткани стоят у нас уже почти столько, как английские такой же доброты, привезенные в Тавриз», — писал в своем донесении российский консул³³.

Кстати, и управляющий российским Генеральным консульством констатировал факт того, что, несмотря на наделение российских купцов большими правами и льготами, последние не могли составить конкуренцию англичанам ввиду дешевизны их мануфактурной продукции. По этой причине российские купцы были вынуждены отказаться в дальнейшем от ненужной конкуренции с англичанами и переключиться, главным образом, на экспорт более «тяжелой» продукции, как железо, медь, сталь, сандал, изделия из чугуна и меди. Таким образом, российские купцы переориентировались на ту продукцию, транзит которой через Трапезунд англичанам обошелся бы очень дорого³⁴.

Однако позднее, по утверждению американского исследователя Шарля Исави, ситуация изменилась коренным образом в пользу России после того, как за счет удешевления производства она смогла вытеснить с иранского рынка в северных и центральных районах страны английский текстиль из Манчестера³⁵.

Ассортимент российского привоза в Тавриз, как обычно, был достаточно богат. Согласно ведомости «русской торговли» за 1841 г., в

русском привозе была широко представлена текстильная продукция. Это нанка разных цветов, черная саржа или демикотон, шелковые ткани, лимурная парча, сукно, коломенка волнистая, ситцевые платки, шемахинские шелковые платки, серебряные сученые нитки, одежда (ширванские тулупы) и сырье (ширванский шелк-сырец, буйволовоы шкуры из Ширвана), а также сахар, шафран, семена растений, сандал, стеариновые свечи, хлопчатобумажные шнуры, позолоченные золотники, шампанское, а также хрустальные стаканы, оконное стекло, четки, висячие замки Павлова, роговые гребешки, сибирские сундуки, ружья и кинжалы³⁶.

Вывоз иранских товаров из Тавриза в Россию за период 1833–1841 гг.

Российские купцы принимали активное участие в вывозе товаров из Тавриза в Россию. Ниже мы приводим таблицу суммарной стоимости товаров, вывезенных из Тавриза в Россию российскими купцами за 1833–1841 гг.

ТАБЛИЦА 3. *Сравнительная таблица вывоза товаров из Тавриза в Россию в 1833–1841 гг.³⁷ российскими купцами*

Год	Рубли	Копейки
1833	1 658 366	80
1834	699 358	40
1835	560 908	80
1836	1 568 400	—
1837	2 216 760	—
1838	2 399 004	—
1839	2 039 332	89
1840	2 561 139	87
1841	1 812 690	51½

Данные о вывозе товаров из Тавриза в Россию за период 1833–1841 гг., приведенные в сравнительной Таблице 3, дают ясное представление о динамике тавризского вывоза.

Тавриз всегда служил одним из крупнейших центров иранского вывоза. Однако он играл ведущую роль не только в вывозе или экспорте товаров, производимых в провинции Азербайджан, но и в реэкспорте товаров, доставлявшихся из других районов Ирана, и даже из Китая, в Россию.

Согласно ведомости «русской торговли» с Тавризом за 1841 г., вывоз товаров из Тавриза в Россию, осуществленный российскими купцами, состоял из широкого ассортимента мануфактуры. Среди них: выбойка уйгурская, ситец исфаганский «по черному грунту», ситец уйгурский (каламкар), бурмета разных цветов, уйгурские бумажные одеяла, одеяла уйгурские из ситца (каламкар), уйгурская бязь, кашанская бязь, бязь синяя (чадра), клетчатая бязь (чаршаф), бязь маломерная, скатерти бумажные синие (джанамаз), бумажные платки, занавеска для дверей, бязь красная (миля), хатан полушелковой материи, канауза разных цветов, атлас кашанский, термалама, мухаджар шелковая материя, шелковые одеяла (дараи), шелковые платки, кирманская и кашмирская шали, кайма для шалей.

Помимо мануфактуры, согласно этой ведомости, в ассортименте товаров были представлены: ковры фараганские и мианские, войлок, лисьи, куньи и волчьи шкуры, сученая бумага, сырье (сафьяновая кожа, кожа, употребляемая под башмаки для каблуков, кожа баранья для изготовления шапок, гилянский шелк, шелк-сырец, чернильные орешки), а также исфаганский сахар, персидские конфеты, табак для кальянов, связки струн для разбивки шерсти, хна для крашения волос, белая смола (сагкыз), чернильницы, ножницы, пучки камыша, употребляемые вместо перьев, а также Коран, овечьи шубы, архалук, башмаки, веревки, персидские чувалы и трубки табачные низкого сорта³⁸.

Ведомости «русской торговли» с Тавризом за 1845 и 1846 гг. дают нам возможность сравнить их с предыдущими ведомостями и составить общую картину ее состояния в момент отмены режима протекционизма, установленного российскими властями в период 1831–1846 гг.

Согласно ведомости «русской торговли» с Тавризом за 1845 г., суммарная стоимость товаров, вывезенных из Тавриза в Россию (в основном это шелк, ситец, атласные, шелковые и шерстяные платки) составила 1 445 717 рублей и 66 копеек.

Для сравнения: в том же году иранскими купцами из Тавриза в Россию был вывезен широкий ассортимент товаров (бязь, занавески, шерстяные изделия, гияльский шелк, индиго, чернильные орехи, хна, урумийский курительный табак, табак ширазский для кальяна, сухофрукты, белая смола (сахкыз)), всего на сумму 2 219 413 рубля³⁹.

В 1845 г. российскими купцами из Тавриза в Константинополь был экспортирован товар на сумму 1 826 178 рублей и 32½ копеек. Причем константинопольские греки, принявшие российское подданство, закупили товаров (преимущественно гияльский шелк) на сумму 1 788 192 рублей и 43 копейки, а тифлисские и ахалцихские армяне — на сумму 37 985 рублей 89½ копейки. Следует заметить, что участие иностранных купцов в тавризском вывозе в Константинополь, по сравнению с российскими купцами, было незначительным. Так, в 1845 г. иностранными купцами из Тавриза в Константинополь был отправлен товар, состоявший в основном из керманской шали и табака для кальяна, всего на сумму 30 742 рублей⁴⁰.

ТАБЛИЦА 4. *Вывоз товаров из Тавриза в 1845 г. в Россию и в Константинополь*

	рубли	копейки	рубли	копейки
Российскими купцами:	1 445 717	66	1 826 178	32½
а) Константинопольскими греками, принявшими российское подданство		—	1 788 192	43
б) тифлисскими и ахалцихскими армянами			37 985	89½
Иранскими купцами	2 219 413	—	—	—

По сравнению с вывозом товаров из Тавриза в Россию, произведенным как российскими, так и иранскими купцами, составившим в суммарном исчислении 3 665 130 руб. 66 копеек, привоз товаров из России в Тавриз этими двумя категориями купцов составил всего 371 479 рублей и 50 копеек. Причем российские купцы привезли в Тавриз товаров на сумму 67 009 руб. и 50 копеек, тогда как иранские купцы — на сумму 304 470 рублей. Из России в Тавриз, согласно отчету о торговле Тавриза за 1849 г., везли, в основном, медь, пушнину, железо, позументы, серебряные нитки, посуду, хрусталь, писчую бумагу, сырую кожу буйвола⁴¹.

Стоимость товаров, вывезенных из Тавриза в Россию в 1849 г., составила уже 4 529 778 рублей и 32 копейки⁴².

Если мы сравним данные «русской торговли» с Тавризом за 1845–1846 гг. с данными за 1833–1841 гг., то увидим резкое понижение ее объема⁴³.

Более того, если мы сравним эти данные с объемом международной торговли с Тавризом, участниками которой были как российские, так и иранские и иностранные купцы, то заметим большую разницу в объемах между «русской торговлей» и международной торговлей. Следует заметить, что этими тремя категориями купцов в 1845 г. в Тавриз был привезен товар на общую сумму 12 477 926 рублей и 17 копеек⁴⁴. Причем суммарная стоимость товаров, привезенных в этот город российскими подданными из Лейпцига, Франции и Англии, составила 5 672 506 рублей и 71 копейки, тогда как стоимость товаров из Константинополя — 302 589 рублей и 81 копейки.

Английские мануфактурные изделия доставлялись из Манчестера и Ливерпуля на кораблях до Константинополя, затем товар перегружали на зафрахтованное там судно, которое доставляло его в Трапезунд, откуда товар следовал далее в Тавриз. Здесь товар облагался налогом в размере 5% от его стоимости⁴⁵.

Что касается товара, поставлявшегося с Лейпцигской ярмарки, то для его отправки в Тавриз пользовались двумя путями: летним и зимним. Летний путь подразумевал отправку товара сухопутным путем через Дрезден и Прагу до Вены, откуда на малых пароходах отправляли товар по Дунаю до Галаца. Из Галаца уже на больших судах товар следовал по Дунаю и Черному морю до Трапезунда. Провоз товара по данному тракту был выгоднее зимнего пути его транспортировки, когда товар из Вены до Триеста направляли по суше, а оттуда по Адриатическому морю через архипелаг до Константинополя⁴⁶.

Согласно отчету российского Генерального консульства в Тавризе за 1846 г., общая сумма привоза товаров в этот город, несмотря на свирепствовавшую там в течение двух месяцев холеру, значительно превзошла его размер за 1845 г. и в итоге составила 18 079 102 рубля, т.е. на 6 миллионов рублей больше, чем в предыдущем году. Такая разница была достигнута за счет активности

иранских купцов, которые привезли в Тавриз товары, стоимость которых составила более 10 млн рублей. Фактически почти на половину больше, чем в 1845 г. Таким образом, иранские купцы составили сильную конкуренцию греческим купцам, которые на протяжении многих лет имели неоспоримую монополию на привоз товаров в Тавриз. Не случайно, что в 1846 году греческие торговые дома стали жаловаться на то, что понесли большие убытки. Причиной же ущерба, понесенного греческими купцами, согласно отчету российского Генерального консульства, было падение цен на товары и одновременное увеличение срока покрытия векселей. Теперь перекупщики, как выясняется, не соглашались скупать товар и выплачивать своим кредиторам полагающуюся им сумму в течение 16 месяцев, как это было принято ранее, а в течение 23 месяцев. Вместе с тем, как отмечалось в отчете консульства, одной из причин такого коллапса была острая конкурентная борьба, возникшая между самими греческими торговцами. Успех же иранских торговцев был очевиден — в 1846 г. среди них не было ни одного случая банкротства.

В 1846 г. среди товаров, привезенных в Тавриз, ведущее положение занимал ситец, суммарная стоимость которого составила 7 600 000 рублей, тогда как в 1845 г. она составила лишь половину этой суммы. Греки, имевшие российское подданство, завезли из-за границы большой объем товаров, однако из самой России — всего на сумму 326 493 рублей. К тому времени одна из основных статей русского привоза в Тавриз — сахар — потеряла свой рынок сбыта, поскольку русский сахар оказался гораздо дороже сахара, привозимого из-за границы.

Между тем, убедившись в бесполезности режима протекционизма, осенью 1846 г., по рекомендации Главноуправляющего Кавказским краем графа С.М. Воронцова, император Николай I утвердил положение о беспошлинном транзите через Закавказье⁴⁷. Отмена запрета на транзит европейских товаров через Закавказье, вопреки ожиданиям, фактически способствовала дальнейшему росту их объема в Тавризе в ущерб «русской торговле». Так, три года спустя, в 1849 г. общая стоимость привезенных в Тавриз товаров достигла 18 201 609 рублей, в то время как доля российского

привоза составила всего 385 990 рублей и 45 копеек⁴⁸. Таким образом, торговый баланс между Россией и Тавризом по-прежнему был в пользу последнего.

Таким образом, проанализировав данные о «русской торговле» с Тавризом, приведенные в отчетах российского Генерального консульства в этом городе, можно прийти к заключению, что хцтя Тавриз и занимал в 1833–1846 гг. ведущее положение в «русской торговле», тем не менее, доля последней в международном торговом обороте этого города была не столь значительной⁴⁹.

Следовательно, ни мощная юридическая база, подготовленная «Особым актом Туркманчайского договора 1828 г. о торговле», ни другие меры протекционистского характера, принятые царским правительством, включая запрет на транзит иностранных товаров через Закавказье (1831–1846), так и не смогли обеспечить русской стороне торговое превосходство в коммерческой столице Ирана.

¹ См.: *Wagner M. Travels in Persia, Georgia and Koordistan*. London: Hurst and Blackett, Publishers, Successors to Henry Colburn, 1856. Vol. III. P. 147.

² *Curzon G.N. Persia and the Persian Question*. London: Frank Cass & Co.Ltd, 1966. Vol. II. P. 557.

³ Тогда был освоен новый маршрут европейской торговли с Тавризом через Редут-Кале. Однако после отмены беспошлинной торговли через Закавказье его значение стало падать: *Wagner M. Travels in Persia, Georgia and Koordistan*. London: Hurst and Blackett, Publishers, Successors to Henry Colburn, 1856. Vol. III. P. 239–240.

⁴ См.: *Marvin L. Entner. Russo-Persian Commercial Relations, 1828–1914* // *Social Sciences*. Gainsville: University of Florida Press, 1965. № 28. P. 8–9.

⁵ По этому маршруту, например, в 1835 г. был доставлен в Иран товар в размере девятнадцати тысяч тюков. См.: *Stuart, L.-C. Journal of a Residence in Northern Persia and the Adjacent Provinces of Turkey*. London: R. Bentley, 1854. P. 342.

⁶ *Ahmad Seyf. Foreign Trade and the Economy of Iran in the Nineteenth Century*. Iran // *Journal of the British Institute of Persian Studies*. Vol. XXXIV. 1996. P. 118.

⁷ *Fraser J.B. A winter's Journey (Tartar) from Constantinople to Tehran*. New York: ARNO PRESS, 1937. Vol. I. P. 256–257.

⁸ См.: *Stuart L.-C. Journal*. P. 226. Наряду с английскими товарами по этому маршруту привозили товары также с лейпцигской ярмарки и Нюрнберга. См.: *Wagner M. Travels in Persia, Georgia and Koordistan*. London: Hurst and Blackett, Publishers, Successors to Henry Colburn, 1856. Vol. III. P. 6.

⁹ Этот запрет, введенный по рекомендации российского министра финансов графа Е.Ф. Канкринна, на самом деле, по признанию подполковника Стюарта, личного секретаря английского посланника в Тегеране Генри Эллиса, оказался прекрасным решением в пользу Трапезунда. См.: *Stuart L.-Col. Journal*. P. 365. Кстати, немалую роль в деле направления английской торговли с северным Ираном через Трапезунд сыграло открытие в 1831 г. английского консульства в этом

городе. См.: *Charles Issawi*. The Economic History of Iran. 1800–1914. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1971. P. 93.

¹⁰ Кузнецова Н.А. Иран в первой половине XIX века. М.: Наука, 1983. С. 148.

¹¹ *Wagner M.* Travels in Persia, Georgia and Koordistan. London: Hurst and Blackett, Publishers, Successors to Henry Colburn, 1856. Vol. III. P. 102.

Согласно Э.Лэмбтон, в средние века, как и в новое время, когда товар поступал в пределы государства, его реализацией на внутреннем рынке обычно занимались местные купцы — иранцы, армяне, а также восточные, в том числе индийские купцы. См.: *Lambton A.K.S.* The Case of Hajji 'Abd al-Karīm. A Study on the Role of the Merchant in mid-nineteenth-century Persia in: Iran and Islam // Memory of the late Vladimir Minorsky / Ed. by C.E. Bosworth. Edinburgh: University Press, 1971. P. 331; *Wagner M.* Travels in Persia, Georgia and Koordistan. London: Hurst and Blackett, Publishers, Successors to Henry Colburn, 1856. Vol. III. P. 104–105.

¹² Подобных же привилегий добивалась для своих купцов и английская сторона. Хотя специальный фирман Мохаммад-шаха 1836 г. предоставлял английским купцам право на уплату 5% пошлины, тем не менее торговые договора, подписанные в 1841 г. с Англией, Бельгией и другими странами, давали иностранцам те же права, которые получили российские купцы по Туркманчайскому договору. См.: *Бушев П.П.* Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг. М.: ИВА, 1959. С. 210.

¹³ См.: *Зоннентраль-Пискорский А.А.* Международные торговые договоры Персии. М.: Московский институт востоковедения, 1931. С. 138–139.

¹⁴ *Eastwick E.B.* Journal of a Diplomat's three years' residence in Persia., London: Smith, Elder, 1864. Vol. I P. 179. Согласно отчету английского консула К. Аббота о торговле Тавриза за 1866 г., суммарная стоимость импорта европейской продукции в этот город составила 1 699 712 фунтов стерлингов, тогда как российский импорт составил всего 80 548 ф.с., то есть в двадцать раз меньше европейского. См.: *Cities&Trade: Consul Abbott on the Economy and Society of Iran 1847–1866.* Edited and with an introduction by Abbas Amanat. London, 1983. P. 246–247.

¹⁵ См.: *Ahmad Seyf.* Foreign Trade and the Economy of Iran in the Nineteenth Century. P. 119.

¹⁶ Как известно, ввиду своей неэффективности этот запрет был отменен в 1846 г.

¹⁷ Центральный государственный исторический архив Грузии (ЦГИА Грузии). Ф. 11. Оп. 1. Д. 1552. Л. 5.

¹⁸ Кузнецова Н.А. Политическое и социально-экономическое положение Ирана в конце XVIII — первой половине XIX в. // Очерки новой истории Ирана (XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1978. С. 51.

¹⁹ ЦГИА Грузии. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1172. Л. 7.

²⁰ Обычно в регистрационном журнале Диван-хане — дафтаре — оформлялись векселя и различные финансово-юридические акты.

²¹ ЦГИА Грузии. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1552. Л. 2.

²² *Charles Issawi*. The Economic History of Iran. 1800–1914. P. 79. По свидетельству подполковника Стюарта, личного секретаря английского посланника сэра Г. Эллиса в Тегеране, несмотря на отсутствие соглашения о защите английских торговцев, последние ежедневно доказывали свое превосходство на рынке. См.: *Stuart L.-Col.* Journal of a Residence in Northern Persia and the Adjacent Provinces of Turkey, P. 226.

²³ *Charles Issawi*. The Economic History of Iran. 1800–1914. P. 79.

²⁴ См.: ЦГИА Грузии. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1172, 1188, 1420, 1552, 1604, 1655.

²⁵ ЦГИА Грузии. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1172. Л. 35.

²⁶ ЦГИА Грузии. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1172. Л. 31.

²⁷ ЦГИА Грузии. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1172. Л. 32.

²⁸ *Patricia Herlihy*. Odessa: A History, 1794–1914. Cambridge; Massachusetts: 1986. P. 93–95.

²⁹ ЦГИА Грузии. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1172. Л. 12.

³⁰ ЦГИА Грузии. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1172. Л. 12–13.

³¹ ЦГИА Грузии. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1552. Л. 68.

³² ЦГИА Грузии. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1552. Л. 45–46.

³³ ЦГИА Грузии. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1188. Л. 5.

³⁴ ЦГИА Грузии. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1188. Л. 25–27.

³⁵ См.: *Charles Issawi*. The Economic History of Iran. 1800–1914. P. 72.

³⁶ ЦГИА Грузии. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1172. Л. 30.

Согласно Дж. Керзону, полвека спустя в ассортименте русских товаров в Тавризе были сахар, нефть, свечи, лампы, изделия из стекла, зеркала, фаянсовая посуда, скляные товары, коляски, упряжь, чайные подносы и самовары. См.: *Curzon G.N.* Persia and the Persian Question. London: Frank Cass & Co. Ltd, 1966. Vol. II. P. 561.

³⁷ ЦГИА Грузии. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1172. Л. 36.

³⁸ ЦГИА Грузии. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1172. Л. 33.

³⁹ ЦГИА Грузии. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1552. Л. 68.

⁴⁰ ЦГИА Грузии. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1552. Л. 68.

⁴¹ ЦГИА Грузии. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2012. Л. 8.

⁴² ЦГИА Грузии. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2012. Л. 9.

⁴³ Кстати, судя по таблице «Русско-персидский торговый оборот, 1830–1914 гг.», составленной М.Л. Энтнером, 1845 и 1846 годы оказались и самыми неблагоприятными для русской торговли в Иране. См.: *Entner M.L.* Russo-Persian Commercial Relations, 1828–1914. P. 8.

⁴⁴ Кстати, из этой суммы 5 109 448 рублей и 50 копеек было израсходовано на закупку ситца разных рисунков, а 3 319 943 руб. 85 копеек — на миткаль. На оставшуюся сумму купцы купили холст для народной одежды, шелковые ткани, французский бархат, немецкое сукно, лайку, хрустальные изделия, подносы, самовары, сахар, чай и др. См.: ЦГИА Грузии. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1552. Л. 65–67.

⁴⁵ ЦГИА Грузии. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1552. Л. 69.

⁴⁶ ЦГИА Грузии. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1552. Л. 70.

⁴⁷ Архив внешней политики России. Ф. «СПб. Главный Архив». 1–9, 1844–1853. Д. 14. Л. 28 (цит. по: *Кузнецова Н.А.* Иран в первой половине XIX века. М.: Наука, 1983. С. 148).

⁴⁸ ЦГИА Грузии. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2012. Л. 7.

⁴⁹ Сравни с данными Шарля Исави, приведенными в книге «Экономическая история Ирана. 1800–1914», в которой он утверждает, что Россия занимала первое место во внешней торговле Ирана из-за выгодного тарифа, удобных путей сообщения, богатого ассортимента товаров и традиционных торговых связей. См.: *Charles Issawi*. The Economic History of Iran. 1800–1914. P. 100.

Однако вышесказанное, скорее всего, относится к периоду после 1880–1914 гг., когда благодаря развитию транспортной инфраструктуры в Закавказье торговый объем с Россией увеличился в двенадцать раз. См.: *Charles Issawi*. The Economic History of Iran. 1800–1914. P. 72.

СОВРЕМЕННОСТЬ

Мамедова Н.М.

Экономическая политика правительства Хасана Роухани

Накануне президентских выборов 2013 г. каждый из кандидатов в президенты представлял свою программу, критикуя различные аспекты политики М. Ахмадинежада. При этом общим в этой предвыборной компании было то, что все кандидаты критиковали Ахмадинежада за его экономическую политику. Многие говорили о том, что именно экономическая политика правительства Ахмадинежада привела к снижению жизненного уровня населения и к росту социальной и политической напряженности в иранском обществе. Нужно сказать, что эта критика звучала в адрес сторонников Ахмадинежада и накануне парламентских выборов 2012 г., когда спикер парламента Али Лариджани заявил о том, что экономическая политика Ахмадинежада является «наивной и непродуманной», приведшей Иран на грань коллапса.

Действительно, экономическая ситуация в Иране стала заметно ухудшаться в 2012 г. и к середине 2013 г. оказалась чрезвычайно сложной.

Посмотрим на динамику ВВП после прихода к власти правительства М. Ахмадинежада¹.

годы	ВВП в пост.ценах, в %	ВВП, без нефти, в %	Цена на нефть, долл./барр. (на brent)** ²	% роста цены на нефть
2005/6	5,7	6,4	54,52	32,70
2006/7	6,2	6,6	65,14	42,50
2007/8	6,9	7,6	72,39	19,48
2008/9	6,7	7,3	97,26	11,13
2009/10	3,0	3,7	61,67	-36,30
2010/11	5,8	6,1	79,50	28,90
2011/12	3,0	3,2	111,26	40,0
2012/13	-5,8	-3,1	111,67	0,40

* цена за европейский год

Как мы видим, весь первый срок президентства Ахмадинежада был весьма благоприятным с точки зрения факторов экономического роста. В полную силу не вступили в действие санкции, цены на нефть до 2009 г. росли, мировой кризис также до 2009 г. весьма слабо затронул иранскую экономику.

Но второй президентский срок протекал в других условиях. Уже в конце 2008 г. рост ВВП заметно замедлился, а за европейский 2009 г. снизился почти до нулевого уровня (0,9%). При этом, конечно, главным фактором снижения динамики стало падение цен на сырую нефть на мировом рынке — более чем на треть от стоимости прошлого года. Однако цены на нефть уже с конца 2009 г. пошли вверх, и несмотря на то, что уже действовали международные санкции, их рост обеспечил увеличение ВВП в 2010/11 г. до 5,8%. Но санкционный режим еще более ужесточился, и даже подъем нефтяных цен в 2011/12 г. на 40% не смог переломить тех негативных тенденций, которые стали оказывать на экономику санкции, особенно со стороны США и ЕС. В 2011/12 г. темп роста ВВП снизился почти вдвое — до 3%, причем он был обеспечен только за счет первого полугодия. Особенно негативным для экономики стало сокращение разрыва между ростом ВВП в целом и ростом ВВП без нефти. Если в 2007–2010 гг. темпы прироста ВВП без нефти опережали общий рост на 0,5–0,7%, что свидетельствовало о потенциальных возможностях развития без опоры на нефть, то после 2011 г., когда санкции коснулись поставок для промышленных отраслей и банковских операций, в кризисе оказалась и нефтяная экономика (в 2012/13 г. — 3,1%). Особенно тя-

желым для иранской экономики стало отключение в 2012 г. иранских банков от электронной платежной системы глобальных финансовых операций SWIFT (в марте 2012 г. были отключены от этой системы около 30 иранских банков, в том числе Центральный банк страны). Это вызвало затруднения с расчетами, прежде всего, за экспортируемую нефть, резко сократило приток валюты, привело к падению курса риала на свободном рынке более чем в три раза, а в июне 2013 г. и к падению вдвое официального курса риала.

В результате общее падение ВВП за 2012/13 г. было весьма глубоким, до -5,8%, особенно за счет падения нефтяного сектора на -34% (летом 2012 г. до -43%)³. Показатели роста ВВП стали отрицательными впервые за 20 лет. Так как отрицательный тренд четко коррелируется с усилением санкций, вряд ли это совпадение, и вряд ли все можно объяснить только проводимой правительством М. Ахмадинежада экономической политикой. Ситуация с ядерной программой Ирана влияла даже на мировые тренды, особенно на мировой рынок нефти. Пока шли разговоры о необходимости введения санкций на закупки иранской нефти, мировые цены на нефть к 2010 г. поднялись уже с 60 до 80 долл. за баррель, а уж когда был введен запрет на импорт иранской нефти, цены превысили в 2011 и 2012 гг. 111 долл. (сорт «brent»). Но сам М. Ахмадинежад, своей внешней и ядерной политикой приведший страну к санкциям, до самого последнего времени не признавал влияния санкций, чтобы не подвергать критике ядерную программу. Да и в период предвыборной кампании ядерная программа, как таковая, практически не критиковалась, а резкое замедление темпов экономического развития объяснялось не столько экономическим курсом, к тому же одобренным рахбаром, а просчетами в его проведении. Хотя было очевидным уже к марту 2013 г., что иранская экономика с ее инфляцией и минусовыми темпами роста находится в состоянии стагфляции, и ситуация усугубляется именно из-за санкций. При сокращении экспорта нефти реальные поступления валюты уменьшились не вдвое, а больше, т.к. значительная часть средств от продажи нефти осталась на депозитных счетах за рубежом. В бюджет на 2013/14 г. год был заложен объем экспорта нефти вдвое меньше среднегодового за последние 50 лет (всего 1,3 млн барр/сутки).

Сокращение валютных поступлений, в первую очередь, отразилось на импортной политике правительства, которое постаралось снизить расходы на импорт за счет запрета на закупки товаров, не являющихся предметами первой необходимости. Уже в августе 2012 г. был запрещен импорт 2000 предметов роскоши, включая дорогие мобильные телефоны, ноутбуки и автомобили, что вызвало недовольство не только зажиточных слоев городского населения, но и широкого слоя хорошо образованной молодежи. Приватизация, которая в 2010–2011 гг. привела к повышению в ВВП участия частного сектора, после ужесточения санкций и вывода из страны многих иностранных компаний, не смогла радикально изменить предпринимательский климат. Более того, стала сокращаться доля частного сектора в ВВП. Разработанные программы поддержки мелкого и среднего бизнеса в полную меру не заработали. В рейтинге стран по степени благоприятности условий для предпринимательской деятельности (doing business), составленному по состоянию на июнь 2013 г., который, главным образом, дает представление об условиях работы мелкого и среднего бизнеса, Иран оказался на 152-м месте. Особенно трудным для предпринимателей оказалось получение разрешения на строительство, на регистрацию собственности, на подключение к системе энергоснабжения⁴. Конечно, это не могло не сказываться на усилении социальной напряженности, хотя меры по предотвращению падения жизненного уровня населения предпринимались⁵. Например, постоянно повышался уровень минимальной заработной платы, от которой ведутся начисления по социальным выплатам. С 2000/1 по 2010/11 г., по данным Центрального банка Ирана, она выросла более чем в 4,5 раза — с 57 до 303 долл. в месяц⁶. Уменьшился и налоговый пресс для населения, в конце 2012 г. был введен налоговый иммунитет для лиц, имеющих месячный доход до 550–580 долл.⁷

Безусловно, что в проведении экономической политики было допущено много ошибок. Главным было то, что рост цен на нефть в последнее десятилетие фактически отодвинул цель создания независимой от экспорта сырой нефти экономики, что после исламской революции декларировалось в качестве основной цели эко-

номической политики нового режима⁸. Все большую роль в экономике страны стали играть крупные полугосударственные структуры, теснейшим образом связанные с духовенством. Особенно укрепили свои позиции в экономике компании, связанные с КСИР. Тот тип авторитаризма, который сложился в Иране, опирающийся на сильный селекториат⁹, в основе которого лежит политическое и экономическое влияние религиозных структур, достаточно эффективно работал до введения санкций. Но он не смог обеспечить динамичное развитие в условиях сокращения валютных поступлений от продажи энергетического сырья. Развитие таких экспортных и высокотехнологичных отраслей, как нефтехимия, металлургия и машиностроение, оказалось зависимым от импортных поставок необходимых компонентов, так же как и модернизация энергетических объектов. Расходы на разработку и внедрение новейших технологий коснулись, главным образом, оборонной отрасли. Так как введение санкций действовало на разные отрасли — легкую промышленность, тяжелую промышленность, банки, торговлю — по-разному и не одновременно, то в это время не могло не произойти перераспределения влияния различных страт политической и экономической элиты¹⁰.

Экономическая политика последних лет представляла собой, в значительной мере, реакцию на санкции, а попытки стимулировать отечественное производство оказались слабее негативного влияния санкций. Уровень конкурентоспособности иранской экономики оставался низким, главным образом, из-за неразвитости рынка труда и финансовых институтов, а также плохих условий для развития бизнеса. В 2013–2014 г. по этому показателю Иран понизил свое место среди экономик мира, заняв 82-е место вместо 81-го в 2012–2013 году. Особенно отрицательными были показатели по защите интеллектуальной собственности, по уровню инфляции, вмешательству государства, по возможностям развития венчурного капитала¹¹. При этом ранее явно прослеживалась тенденция к улучшению положения, так, Иран в 2010–2011 г. занимал 69-е, а в 2011–2012 г. — уже 62-е место¹².

Хасан Роухани в своих предвыборных обещаниях говорил о том, что он изменит социальную и экономическую ситуацию уже

в первые три месяца, пообещав создать сильное правительство «благоразумия и надежд»¹³. На своей первой пресс-конференции, данной после победы на выборах, он заявил, что экономические проблемы являются приоритетными для его правительства. Политика субсидий будет дополнена и другими мерами. Безусловной задачей является сокращение разрыва между ростом заработной платы и темпами инфляции. Одной из целей правительства является создание условий для конкуренции, для ликвидации монополий и для искоренения коррупции. Он признал, что именно санкции оказали значительное влияние на иранскую экономику и что внешняя политика привела к тому, что экономика находится в плачевном состоянии. По его словам, проблема может быть решена в результате урегулирования разногласий с Западом¹⁴.

Представляется очень важным заявление Хасана Роухани на встрече с представителями духовенства о том, что «сильное правительство» не означает правительство, которое вмешивается во все дела. Это заявление можно рассматривать как стремление к демократизации во внутренней политике, а также к ограничению непосредственного вмешательства государства в экономику. Этим лозунгам соответствует в целом и состав экономического блока правительства. Все министры и их заместители, пожалуй, кроме министра энергетики Хаида Читчиана, работали в правительствах Рафсанджани и Хатами и известны своими прагматическими взглядами. ЦБ возглавил Валиулла Сейф, который до этого был управляющим банка Карафарин, первого частного банка и самого крупного из частных коммерческих банков. И ЦБ уже в октябре официально зарегистрировал ирано-американскую торговую палату. Показательно и назначение главой президентской администрации Мохаммада Нехавандияна, получившего докторскую степень по экономике в американском университете, принимавшего активное участие в переговорах о вступлении Ирана в ВТО, возглавлявшего с 2007 г. торгово-промышленную палату Ирана, сторонника пересмотра 44 статьи Конституции.

Отчет Хасана Роухани за 100 дней работы нового правительства в форме интервью позволяет нам понять, что в экономике новое правительство подвергает критике, что исправлено в экономиче-

ском положении в первую очередь, а главное, что нового правительство готово привнести в экономический курс. Обратим внимание на некоторые пункты этого отчета.

Президент расценил одним из первых достижений своего правительства в экономической области усилия по преодолению нехватки продуктов питания. «Когда я вступил в должность, самой актуальной проблемой стала нехватка основных продуктов питания, особенно пшеницы»¹⁵, — напомнил Роухани. «Моим первым шагом стало накопление достаточного количества продовольственных товаров для удовлетворения внутренних потребностей». По его словам, когда было сформировано его правительство, продовольственных запасов было всего на 1–2 дня, а в ноябре — уже на месяц. Вероятно, следует согласиться с этим, но следует отметить, что сборы пшеницы и в 2012 г. и в 2013 г. были на уровне среднегодовых — 14 млн т. Нужно сказать, что к концу 2000-х годов почти на 90% была обеспечена потребность страны в мясе, в мясе птицы — почти полностью¹⁶. А общий сбор зерновых в 2013 г. составил почти 22 млн т. Это для Ирана — весьма хороший показатель, хотя общая потребность в зерновых и особенно в пшенице покрывалась за счет импорта (импорт обеспечивал 20–30% потребности в зависимости от урожайности). На наш взгляд, сложности с обеспечением населения (включая владельцев предприятий пищевой промышленности) были, главным образом, связаны с затруднениями из-за сложностей оплаты импорта, и поэтому закупки пшеницы по импорту сократились. Но проблема, видимо, была еще и в неоперативности правительства, которое своевременно не повысило закупочные цены при возросшей инфляции. Поэтому недостаток в стратегических запасах и на складах в значительной мере объяснялся сокращением продаж крестьян государственным компаниям за счет роста продажи частному сектору. Тем не менее еще при правительстве Ахмадинежада только Центральный банк выделил в 2013 г. около 6 млрд долл. на закупки пшеницы¹⁷. Проблему новое правительство решило увеличением закупочных цен, в результате из урожая 2013 г. года было закуплено дополнительно более 4 млн т (а в 2012 г. — 2,5 млн т.). Кроме того, правительство рассчитывает в условиях ослабления санкций значительно увеличить импорт и уже закупило большие партии зерна из России и

Казахстана. Государство в настоящее время продолжает поддерживать фермеров путем установления высоких закупочных цен.

Как достижение нового правительства президент отметил снижение инфляции, которая ко времени формирования правительства составляла 43%, а в ноябре 2013 г. уже 36%¹⁸, и продолжает снижаться. Конечно, инфляция началась после массированных выплат компенсаций за отмену субсидий, и затем достигла пика в результате обвала риала. Еще в августе 2013 г. Хасан Роухани подчеркнул, что одной из приоритетных задач правительства является уменьшение роста ликвидности для того, чтобы обуздать инфляцию в стране. Однако, судя по отчетам ЦБ за май и июнь, когда еще работало прежнее правительство, ему удалось не только сдержать рост ликвидности, но даже ее уменьшить. Это направление деятельности ЦБ в значительной мере отвечает интересам иранской экономики и, безусловно, получает поддержку МБ и МВФ. Делегация МВФ, обсуждавшая в Тегеране с руководством страны в конце ноября — начале декабря 2013 г. проблемы выхода страны из кризиса, особое внимание уделила необходимости сдерживания инфляции, проведения структурных реформ, в первую очередь в банковской сфере.

Президент Ирана также говорил о задолженностях правительства в различных секторах. «Нефтегазовые доходы предыдущей администрации за последние 8 лет составили около 600 млрд долларов, но, тем не менее, образовался большой внутренний долг, особенно в банковском секторе». Им была названа сумма более 2000 млрд риалов. В долларах — это 81 млн долл. при ВВП свыше 400 млрд долл. При этом ничего не было сказано о механизмах выплат государственного долга. Прежний глава ЦБ в условиях санкций на банковские расчеты взял курс на закупки золота, и ему удалось закупить более 900 тонн золота для оплаты импорта.

Таким образом, пока серьезных и сколько-нибудь кардинальных подвижек в самом экономическом курсе нет. Но вспомним, что и Роухани, когда шел процесс формирования правительства, заявил, что его администрация будет осуществлять комплексный план по решению основных проблем, стоящих перед страной, уже по прошествии 100 дней.

Однако даже спустя полгода после начала деятельности правительства Роухани конкретного плана экономического развития, конкретного перечня экономических реформ, о которых время от времени заявляет президент, нет. Так как критика экономического курса правительства Ахмадинежада во многом сводилась к отсутствию согласованности и прозрачности в деятельности разных министерств, в частности, в результате ликвидации в 2007 г. Планово-бюджетной организации, можно ожидать, что возрастет роль планирования. Вновь востребованным стал 20-летний Перспективный план развития до 2025 г., принятый в 2005 г.

Разработанная правительством Ахмадинежада программа широкой приватизации на 2010–2015 гг., которая была согласована с рахбаром и одобрена меджлисом, не корректируется и остается действующей. Эта программа предусматривает приватизацию ежегодно до 20% государственной собственности с тем, чтобы в руках государства осталось не более 20% собственности, в т.ч. банков.

Начатая при прежнем правительстве программа по созданию новых и расширению действующих свободных экономических зон, свободных индустриальных зон и свободных специальных зон, которые в условиях санкций могли бы взять на себя задачу привлечения частного и иностранного капитала для увеличения экспорта, продолжает активно осуществляться и в настоящее время. Пока не сняты санкции, но иностранный капитал начал проявлять явный интерес к деятельности в Иране, и именно эти зоны становятся привлекательны, в первую очередь, для иностранных компаний.

Каковы могут быть основные направления экономической политики в дальнейшем? Главное, что будет влиять на них, — как будет идти процесс переговоров. Уже есть очевидные сдвиги, хотя серьезного смягчения санкций не последовало. Однако для иранского и иностранного бизнеса важно, что санкции явно больше не собираются ужесточать. И это сразу же вызвало оживление в среде бизнеса, в области реализации ранее фактически замороженных проектов. Определенным индикатором стала Тегеранская биржа. Выросли индексы, только за два дня 27–29 ноября почти на 2%, симптоматично, что стала расти продажа акций производственных компаний. В декабре 2013 г. основной индекс Тегеранской фондовой биржи (TEPIX) вы-

рос с марта 2013г. почти вдвое — с 45 тыс. пунктов до 86,5 тыс.¹⁹

Отмена санкций в области поставок товаров нефтехимической продукции, комплектующих в области автомобильной промышленности, особенно в области страхования морских перевозок, безусловно, обеспечит уже в ближайшей перспективе восстановление и развитие таких экспортных отраслей, как нефтехимия и автомобилестроение. В Тегеране постоянно стали работать различные выставки с участием представителей иностранных фирм, в страну зачастили с визитами делегации бизнесменов из разных стран. По словам Генерального секретаря газовой ОПЕК (Форума стран экспортеров газа — ФСЭГ) Сейеда Мохаммада Хосейна Адели объектом самого пристального внимания мирового сообщества становится Южный Парс и нефтехимическая СЭС Ассалуе. Большое значение имеет отмена санкций в отношении Иранской судоходной кампании, в области страхования, т.к. экспорт нефти сдерживался, в том числе, и недостаточностью иранских танкеров.

Сразу же после Женева Пакистан и Иран ускорили переговорный процесс по поводу строительства совместного газопровода «Мир».

Безусловно, что для бизнеса, в том числе для иностранного капитала, огромное значение имеет не только совершенствование законодательной базы, но и уменьшение разного рода рисков и, главное, уменьшение риска военного разрешения ядерной программы.

Вероятно, будут продолжены основные направления демографической политики, которую следует признать достаточно эффективной. Она вывела Иран на тренд роста населения, аналогичный развитым странам, что в 2013 г. вновь потребовало увеличения рождаемости, но уже не за счет применения религиозных норм, а за счет материальных стимулов.

Одной из главных задач нового правительства является борьба с коррупцией. Хотя, конечно, не совсем корректно сравнивать показатели за 2013 г. с предыдущим годом для характеристики изменений в Иране после президентских выборов, и, следовательно, в определенной степени изменений в экономической политике, все-таки представление о тенденциях второй половины года они могут дать. По индексу восприятия коррупции за 2012 г. Иран занял одно из последних мест в мире (133-е место из 176 стран). А по индексу восприятия

коррупции за 2013 г. Иран с 133-го места опустился до 144-го²⁰. Так как росту коррупции в значительной мере способствовал теневой рынок и постоянно усиливающийся кланово-бюрократический характер иранской экономической модели, то можно сделать вывод, что кардинальных изменений в структуре иранского бизнеса и его отношениях с государственным аппаратом пока не произошло.

Тем не менее, те позитивные перемены, которые происходят в последние месяцы в иранской экономике, связанные с ослаблением санкционного давления на Иран, развитие экономических связей с мировым рынком дали основание иранскому президенту заявить на Всемирном экономическом форуме в Давосе на тематической сессии «Иран в мире», что потенциал иранской экономики позволит Ирану в ближайшие 30 лет войти в десятку крупнейших экономик мира²¹.

Однако даже рахбар страны в марте 2014 г. на встрече с экономистами и представителями иранского бизнеса признал, что «экономического подвига» в текущем году создать не удалось в отличие от «политического подвига»²². В качестве одной из главных целей государства он назвал реализацию долгосрочной программы построения «экономики сопротивления», начиная с 21 марта 2014 г.²³ «Мы должны упрочить экономические основы страны, повысить сопротивляемость и не позволить, чтобы события, неизбежные потрясения, а также зломыслие и обструкции держав повлияли на экономику страны»²⁴. Характеризуя «экономику сопротивления», Хаменеи назвал десять ее особенностей.

1. Динамичность развития (высокие темпы роста).
2. Способность противостоять различным потрясениям -от природных аномалий до санкций.
3. Опора на внутренние возможности (научные, природные, финансовые, географические).
4. Подход к руководству страной как к джихаду.
5. Широкое участие народа в экономическом развитии. При этом рахбар отметил, что объявленная ранее на основании ст. 44 Конституции программа приватизации не выполнила этой цели.
6. Создание необходимых резервов продовольствия и стратегических товаров, особенно медикаментов, и достижение самообеспеченности по этим товарам.

7. Сокращение зависимости от нефтяных доходов.

8. Рациональное потребление, отказ от расточительства (экономика сопротивления должна способствовать улучшению жизни всего населения, особенно беднейших слоев населения).

9. Борьба с коррупцией. Рахбар сказал, что «необходимо, чтобы образовалась конкурентоспособная экономическая атмосфера, потому что только в такой здоровой атмосфере участники экономического процесса будут чувствовать безопасность, и именно в таких условиях исламский строй признает дозволенным накопление богатства».

10. Курс на использование научных достижений, на создание инновационной экономики²⁵.

Эта речь Хомейни, посвященная взвешенному разбору тех критериев, которые необходимы для экономики исламского государства на данном этапе его развития, носит характер фетвы, и является обязательной для исполнения всеми ветвями власти.

В последние несколько лет рахбар, выступая по случаю нового года, формулировал лозунг — задачу на каждый новый год, который носил исключительно экономический характер («экономический джихад, продолжение экономического джихада»). В этом году поставленная цель года была расширена, но экономика оставлена на первом месте. Лозунг на 2014 г. был сформулирован рахбаром как **«национальная воля и совершенствование управления для развития экономики и культуры»**²⁶.

Анализ последних высказываний президента страны и рахбара позволяет предположить, что высшее руководство Ирана осознает, что экономическая проблема заключается не только в отмене санкций, но и в продвижении по пути истинной либерализации экономики, которая должна стать основой для искоренения коррупции и теневого рынка. Будем надеяться, что нынешнему составу правительства удастся и добиться максимальной отмены санкций, и продвинуться по пути экономической и политической либерализации после отмены санкций.

¹ The Central Bank of Iran. Economic Report and Balance sheet 2010/2011; The Central Bank of the Islamic Republic of Iran. Economic Trends. 2012/13. № 71.

² Crude oil prices 1863–2012 // www.BP.COM.

³ The Central Bank of the Islamic Republic of Iran. Economic Trends. 2012/13.

№ 71. P. 3.

⁴ Doing business 2014. P. 198.

⁵ Мамедова Н.М. Основные направления социальной политики Ирана в условиях исламского правления // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке. М.: ИВ РАН. Крафт+, 2014. С. 185–194.

⁶ The Central Bank of IRI. Annual Review 1389 (2010/2011). P. 60.

⁷ Вестник Кавказа // www.vestikavkaza.com [01.11.2012].

⁸ Но эта цель не была достигнута и при прежних правительствах.

⁹ Согласно концепции о селекториате Бесли и Масаюки Кудамачу.

¹⁰ Кожанов Н.А. Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия. М., 2011. С. 164–165.

¹¹ Среди 148 экономик. См.: 2013 World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2013–2014. P. 15, 221.

¹² 2012 World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2012–2013. P. 203.

¹³ Rouhani's First Press Conference. 06.08.2013 // The Iran Primer [iran-primer.usip.org/blog/2013/aug/06/president-rouhani%E2%80%99s-first-press-conference].

¹⁴ Rouhani's First Press Conference. 06.08.2013 The Iran Primer // iran-primer.usip.org/blog/2013/aug/06/president-rouhani%E2%80%99s-first-press-conference.

¹⁵ Здесь и далее цитаты Х. Роухани цит. по: The Iran Primer. 27.11.2013. // iran-primer.usip.org/blog/2013/nov/27/rouhani.

¹⁶ The Central Bank of Iran. Annual Review 2011/12. P. 10.

¹⁷ Mehrnews. 16.06.2013.

¹⁸ Только за ноябрь 2013 г. инфляция снизилась с 43% до 36%. См.: Tehran Times. 28.12.2013.

¹⁹ Tehran Times. 28.12.2013.

²⁰ См.: www.transparency.org/ru/indeks-vospriiatiaa.

²¹ См.: www.president.ir/en/74125 [23.01.2014].

²² См.: www.mehrnews.ir [11.03.2014].

²³ См.: www.mehrnews.ir [11.03.2014].

²⁴ Полный текст речи А. Хаменеи см. на сайте www.khamenei.ir.

²⁵ См.: www.khamenei.ir. Великий лидер Исламской революции прокомментировал политику экономики сопротивления. 11.03.2014.

²⁶ См.: www.khamenei.ir. Новогоднее поздравление по случаю нового 1393 года по иранскому календарю. 20.03.2014.

Некоторые направления внешней политики ИРИ в 2013–2014 годах

Вопросы внешней политики Ирана находились в центре внимания Хасана Роухани во время его предвыборной кампании в 2013 году, а после инаугурации в августе 2013 года стали одним из приоритетных направлений деятельности правительства. Новый президент Ирана считал необходимым исправить ситуацию, сложившуюся в результате непрофессиональной, агрессивной политики его предшественника и приведшую к введению жестких экономических санкций против Ирана. По его мнению, М. Ахмадинежад слишком поздно понял отрицательный эффект санкционного режима, в результате чего резко ухудшилось экономическое и стратегическое положение Ирана в мире в целом и в регионе Среднего Востока в частности.

В противовес М. Ахмадинежаду, Х. Роухани выдвинул тезис о «конструктивном взаимодействии» с зарубежными странами, целью которого является обеспечение национальных интересов Исламской Республики Иран путем разрядки напряженности и укрепления мер доверия. При этом цели внешней политики остались прежними: создание наиболее благоприятных условий для функционирования исламского государства, превращения Ирана в региональный центр силы и распространение иранской шиитской модели общественного развития. Однако за время его нахождения у власти произошла определенная корректировка внешнеполитической парадигмы Тегерана.

В первую очередь изменения коснулись отношений Ирана со странами Запада и США. «Старые раны необходимо залечить», — подчеркнул Х. Роухани, выступая на своей первой пресс-конференции¹. Важной вехой в этом направлении стало заключение соглашения в Женеве 24 ноября 2013 года между Ираном и «шестеркой» международных посредников (пять постоянных чле-

нов Совета безопасности и Германия) о смягчении экономических санкций против Ирана в обмен на частичное замораживание иранской ядерной программы. Путь к этой договоренности был долгим и нелегким. Официальные переговоры получили широкое освещение в мировых средствах массовой информации и в работах российских ученых². Однако осенью 2013 года были официально подтверждены факты, свидетельствующие том, что в Омане, начиная с 2009 года, проходили секретные американо-иранские переговоры, сыгравшие значительную роль в достижении данного соглашения. Поэтому остановимся на них подробнее.

Прямые переговоры между Исламской Республикой Иран и США на фоне агрессивных воинственных заявлений имели место и раньше. Секретные переговоры и даже сделки по продаже оружия Ирану в обмен на освобождение американских заложников в Ливане, получившие название Ирангейт, проходили в 1985 году. В 2003 году обсуждались вопросы взаимодействия в Афганистане, а в 2007 году в Багдаде представители обеих стран в ранге послов обменивались мнениями по обеспечению безопасности в Ираке.

В 2009 году, после прихода в Белый дом президента Б. Обамы Государственный департамент США начал проявлять заинтересованность в контактах с ИРИ для урегулирования вопросов, связанных с ядерным досье Ирана. Аналогичную заинтересованность проявила и иранская сторона. 26 апреля 2009 года посол США в Омане сообщил, что, по мнению высокопоставленного оманского дипломата, Иран готов начать диалог с США по ситуации в Афганистане, Пакистане и борьбе с наркотрафиком. «Они готовы и хотят начать, Вам не следует затягивать (процесс. — *И.Ф.*)», — подчеркивал Абдалла Азиз аль Роваз в беседе с представителем Государственного департамента³. В этой связи министр иностранных дел Омана принц Юсуф бин Алави предложил стать организатором встреч иранских и американских дипломатов и провести их в Маскате⁴. Первоначально поводом для контактов послужила судьба американских туристов, попавших в иранские тюрьмы. Однако обсуждались и вопросы, связанные с обстановкой в Афганистане и Ираке. Стоит отметить, что переговорный процесс шел с различной степенью интенсивности. После выборов М. Ахмадинежада на вто-

рой срок в 2009 году Иран занял более жесткую позицию на переговорах с «шестеркой», что, в свою очередь, привело к введению новых жестких санкций, и в 2011–2012 годах состоялись лишь две встречи в Омане, которые не имели ощутимых результатов.

Контакты иранских и американских дипломатов участились в 2013 году после практически безрезультатных переговоров стран «шестерки» с Ираном в Алма-Ате. Определенный толчок к этому дал рахбар в марте 2013 года в своей речи по поводу Нооруза (а она имеет в Иране такое же значение, как «State of the Union» в США), когда он заявил, что не будет препятствовать началу переговоров с Соединенными Штатами. С иранской стороны в дискуссиях в Омане участвовали заместитель министра иностранных дел Ирана Али Асгар Хаджи, до этого бывший представителем ИРИ в ЕС и первым иранским дипломатом, обсуждавшим в 2009 году в штаб-квартире НАТО ситуацию в Афганистане, и нынешний заместитель министра иностранных дел А. Аракчи. Со стороны США переговоры вели Уильям Бернс и Джейк Салливан. По мнению обеих сторон, переговоры были полезными для выяснения их позиций, но не приводили к существенным подвижкам.

Прорыв произошел после президентских выборов в Иране и прихода к власти президента Х. Роухани. Осенью 2013 года в общих чертах были сформулированы позиции, впоследствии нашедшие отражение в договоре от 24 ноября 2013 года в Женеве.

Здесь стоит отметить, что в феврале 2013 года, после заявления вице-президента США Джо Байдена на Мюнхенской конференции по разоружению о желании Белого дома начать переговоры с Тегераном М. Ахмадинежад неоднократно говорил о своей готовности выступить партнером США на подобных переговорах. Скорее всего, в преддверии окончания президентского срока он стремился таким образом повысить свой авторитет внутри страны и войти в историю иранской внешней политики не только агрессивными заявлениями. Однако аятолла Хаменеи не дал уходящему президенту окончательного согласия на переговоры. Это, с одной стороны, могло объясняться нежеланием духовного лидера предоставить М. Ахмадинежаду лавры миротворца. С другой стороны, учитывая характер отношений между ним и президентом, рахбар, по-

видимому, опасался, что процесс может выйти из-под его контроля. Приход нового президента, которого на выборах поддерживал верховный правитель Ирана, дал возможность провести корректировку внешнеполитического курса Тегерана.

Договоренность США и ИРИ стала возможной не только благодаря смягчению позиции Ирана в результате санкционного режима, но и вследствие уступок со стороны США. Белый дом согласился с правом Ирана на обогащение урана под влиянием ряда внутренних и внешних факторов.

В последние годы происходило снижение роли региона Среднего Востока в американской политике. Военные операции американских войск и войск коалиции западных государств в Ираке и Афганистане снизили популярность силовых методов решения внешнеполитических проблем, которые доминировали в американской политике после 11 сентября 2001 года и приветствовались Джорджем Бушем-младшим.

Внимание Белого дома в большей степени сосредоточилось на политике Китая, Индии и других быстро развивающихся странах Азиатского континента и начала проявляться тенденция стратегической переориентации на Азиатско-Тихоокеанский регион. К тому же рост производства энергоносителей в самих Соединенных Штатах сделал их менее зависимыми от поставок из региона БСВ.

Стоит отметить, что не все американские эксперты согласны с этим. Известный ученый Энтони Кордсмен, сотрудник Вашингтонского Центра стратегических исследований, считает, что утверждения об энергетической независимости США противоречат прогнозам американских энергетиков, которые считают, что США не смогут в течение ближайших 20 лет полностью удовлетворять свои потребности в энергетических ресурсах, а поставки из региона Ближнего Востока сохранят свое значение⁵.

Конечно же, вышеперечисленные факторы отнюдь не означают уход США из названного региона, сокращение военного присутствия в Персидском заливе, сокращение баз CENTCOM (United States Central Command) в странах региона или прекращение военно-технического сотрудничества Америки со своими традиционными союзниками. Однако они могут привести к определенным

сдвигам в американской внешней политике. Возможно, основным фокус будет сосредоточен не на отношениях с существующими в регионе режимами, а на обеспечении безопасности региона в целом и поставок энергоносителей в частности.

Говоря о снижении роли популярности военно-силовых методов решения проблем в регионе БСВ в целом, необходимо отметить особое влияние предстоящего вывода войск коалиции из Афганистана на позицию США во время переговоров с Ираном. Соединенные Штаты учитывают возможности Ирана, крупной региональной державы, воздействовать на развитие событий в соседней стране и служить стабилизирующим фактором при формировании нового соотношения сил в этой точке Азии. Здесь стоит подчеркнуть, что внимание, которое иранское правительство уделяет отношениям с Афганистаном и его месту во внешней политике, привело к тому, что афганское направление политики Тегерана стало одним из самых успешных в иранской внешней и внешнеэкономической парадигме.

Правительство Х. Роухани, так же как и правительство М. Ахмадинежада, рассматривает Афганистан в качестве зоны своих стратегических интересов и заинтересовано в стабильном режиме в Кабуле. В фокусе ирано-афганских отношений находится желание заполнить частичный вакуум силы, который образуется после вывода войск коалиции, и обеспечить условия для инвестиций в афганскую экономику. Особое значение имеет борьба с наркотрафиком, нелегальной миграцией и трансграничным терроризмом на ирано-афганской границе.

Х. Карзай получал поддержку Тегерана, поскольку он лучше других политических сил в стране был способен обеспечить интересы Ирана. Иран оказывал ему экономическую, финансовую и политическую помощь, как в рамках международных организаций, так и на двусторонней основе.

Политические отношения между двумя странами развивались чрезвычайно активно. Так, 5 августа 2013 года, сразу же после инаугурации Х. Роухани, которая прошла 3 августа в Тегеране, президент ИРИ и президент ИРА заключили двустороннее соглашение о стратегическом партнерстве сроком на пять лет, преду-

смагивающее широкий спектр сотрудничества и взаимодействия в военной сфере и по линии спецслужб. А 8 декабря 2013 года Хасан Роухани и Хамид Карзай подписали договор о дружбе и сотрудничестве в области политики, экономики, безопасности и культуры. Во время переговоров со своим коллегой президент Ирана неоднократно подчеркивал, что Тегеран выступает против присутствия иностранных войск в регионе Среднего Востока и Персидского залива, выражая уверенность, что иностранные силы должны уйти из Афганистана, а афганский народ — взять в свои руки ответственность за безопасность страны⁶. Заключая соглашение о финансовой и экономической помощи правительству Х. Карзая, Иран использует все свое влияние, чтобы противодействовать подписанию американо-афганского соглашения о долгосрочном стратегическом партнерстве после вывода войск коалиции. И судя по тому, что президент Афганистана оттягивает заключение этого соглашения, выдвигая все новые условия, действия Ирана в этом направлении весьма успешны.

Следует отметить, что гибкость и прагматизм, которые традиционно характеризуют политику иранского руководства, нашли наглядное подтверждение в многовекторности отношений Ирана и Афганистана. Наряду с поддержкой правительства в Кабуле Тегеран осуществляет контакты с представителями Талибана, делая акцент на общности антиамериканских интересов. Согласно британским источникам, Иран поставляет оружие талибам. По данным Би-Би-Си, оружие может перебрасываться нелегально через границу по схеме «оружие в обмен на наркотики»⁷. При этом объемы поставок оружия и наркотрафика афганского опиума и его производных, идущих через иранские порты в Европу, не позволяют исключить обоснованность обвинений, выдвигаемых западными СМИ в адрес официального Тегерана. Политические контакты с талибами также имеют место. Например, в июне 2013 года делегация движения побывала в Иране и, по данным агентства ФАРС, обсуждала вопросы, связанные с предстоящим выводом американских войск из Афганистана⁸.

Помимо помощи правительству Х. Карзая и контактов с представителями движения Талибан, Иран осуществляет свое влияние в Афганистане и через шиитов-хазарейцев, инвестируя значитель-

ные средства в районы их компактного проживания. В парламенте Афганистана они являются проводниками иранской политики. Однако влияние на них Тегерана не столь велико, поскольку не все шиитские богословы в Афганистане признают концепцию «велят-е факих». Часть имеет более тесные связи с иракскими шиитами, а часть ориентирована на Запад.

Процесс реализации промежуточных договоренностей, достигнутых в Женеве, проходит медленно и сталкивается с определенными трудностями. По мнению заместителя министра иностранных дел России С. Рябкова, высказанного им 20 марта 2014 года после очередного раунда переговоров Ирана и «шестерки» посредников, «прогресс есть, но результатов пока нет»⁹. Во многом такая ситуация связана с позицией традиционных союзников США в регионе. В первую очередь — Израиля.

Руководство Израиля резко негативно отреагировало на заключение соглашения 24 ноября 2014 года. Это связано не только с позицией Ирана по ближневосточному урегулированию, но и с тем, что руководство США не предоставляло Тель-Авиву информации о секретных переговорах в Маскате вплоть до сентября 2013 года.

Политика ИРИ в отношении Израиля по-прежнему занимает одно из центральных мест во внешней политике Тегерана. В своих предвыборных заявлениях Х. Роухани говорил, что готов к взаимодействию со всем миром, за исключением Тель-Авива. Он осудил пропагандистскую риторику М. Ахмадинежада, которая восстановила против него весь мир и заставила воспринимать Иран как угрозу безопасности региона. После его прихода к власти прекратились провокационные заявления о невозможности существования государства Израиль на карте мира. Ушли в прошлое хлесткие высказывания о политике руководства Израиля, которые, по словам нового президента ИРИ, объединили врагов Ирана и восстановили против него мировое сообщество. Однако смягчение антиизраильской риторики не означало ее исчезновения из выступлений ведущих иранских политиков. Об этом свидетельствует заявление Али Акбара Велаяти, советника духовного лидера, о том, что Иран и дальше будет поддерживать угнетаемый палестинский народ в борьбе против сионистского режима, сделанное на Международном форуме исламского

пробуждения в Тегеране 10 марта 2014 года¹⁰. А также высказывание духовного лидера аятоллы Хаменеи в обращении по случаю Нооруза 21 марта 2014 года о том, что Холокост — это событие, чья реальность не является доказанной¹¹, сделанное им после того, как президент Шимон Перес обратился к иранскому народу с праздничным приветствием. В целом можно говорить о том, что стратегия Тегерана в отношении Израиля с приходом Х. Роухани не претерпела изменений, поскольку она служит одним из идеологических столпов режима Исламской республики Иран и в определенной степени является обоснованием развертывания программ военного строительства в Иране и политики Ирана в Ливане и Сирии.

Позиция Израиля повлияла и на оппозиционную настроенность Конгресса и Сената США к политике президента Б. Обамы, направленной на урегулирование отношений с Ираном. Когда в Вене 18 марта 2014 года начался очередной раунд переговоров «шестерки» с Ираном, 83 из 100 американских сенаторов подписали и направили письмо президенту Б.Обаме с требованием ужесточить позицию США на переговорах с Ираном и включить в окончательный вариант договора положение о полном прекращении обогащения урана на территории ИРИ. Аналогичное требование предъявили 395 конгрессменов из 435 членов нижней палаты американского парламента. Хотя эти письма не имеют юридического значения, они говорят о том, что американские законодатели, как представители Демократической, так и Республиканской партий, практически единодушны в желании сохранить введенные ими санкции в отношении Ирана. Помимо этого, широкое освещение в мировых СМИ противоречий между Государственным департаментом США и президентом Б. Обамой, с одной стороны, и законодательной ветвью американской власти — с другой, создали неблагоприятный фон для ведения переговоров с Ираном.

Возвращаясь к основным направлениям внешней политики ИРИ, необходимо подчеркнуть ту роль, которую новый президент Ирана отводит странам Ближнего и Среднего Востока. Х. Роухани неоднократно заявлял, что приоритетом Тегерана являются тесные и дружеские отношения с мусульманскими странами, в первую очередь со странами региона, основанные на взаимном уважении и взаимных

интересах. В ответ на поздравления, полученные в связи с избранием на пост президента, он подчеркивал необходимость при выстраивании взаимных отношений концентрировать внимание не на существующих разногласиях, а на точках соприкосновения в поисках решения двусторонних проблем. В этой связи можно провести некоторые параллели между его подходом к решению региональных проблем и подходом премьер-министра Турции Т. Эрдогана, провозгласившего «ноль проблем с соседями» важнейшим принципом своей внешней политики. Хотя, как показывают события, конкретная парадигма внешнеполитических действий может кардинально отличаться от заявленных принципов, что наглядно проявилось в политике Турции во время гражданской войны в Сирии.

Особое место среди мусульманских стран, по мнению руководства ИРИ, занимают страны Персидского залива, поскольку обострение противоречий с ними, по его словам, способствует углублению противоречий между суннитами и шиитами и подрывает силу и единство мусульманского мира. В контексте стремления преодолеть противоречия между названными странами и Ираном можно рассматривать визиты иранского министра иностранных дел Мохаммада Джавада Зарифа в декабре 2013 года в Оман, Кувейт, Катар, ОАЭ, а в январе 2014 года — в Ирак, Бейрут и Иорданию. Представитель Тегерана пояснил, что целью его дипломатического турне было устранение беспокойства и сомнений со стороны некоторых стран Персидского залива по поводу достижения соглашения по иранской ядерной проблеме. Министр иностранных дел ИРИ отметил, что хотя между сторонами существуют разногласия, иранская сторона готова развивать отношения с арабскими странами Персидского залива, включая Саудовскую Аравию. Он подчеркнул желание Тегерана найти выход из сирийского кризиса без иностранного вмешательства, путем общенациональных переговоров, при сохранении суверенитета и территориальной целостности САР.

В обозначенный период наиболее продуктивно развивались отношения между Ираном и Оманом, несмотря на то, что это государство входит в состав известного всем антииранскими настроениями Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, где руководящая роль принадлежит Саудовской Аравии. Султан Ка-

бус, приложивший немало усилий для обеспечения секретных переговоров между Ираном и США в 2009–2013 годах, старается по мере возможности дистанцироваться от жесткой позиции Эр-Рияда в отношении Ирана. На проходившем в конце 2013 года в Манаме региональном саммите по проблемам безопасности министр иностранных дел султаната Юсеф бен Алауи бен Абдалла резко заявил: «Мы против союза стран ССАГПЗ (им. в виду — создание союза шести стран Персидского залива взамен ССАГПЗ. — *И.Ф.*)», — подчеркнув, что Оман не будет препятствовать его созданию, но и вступать в него не собирается»¹². Представляется, что причиной такого заявления являются дружественные отношения с Ираном и нежелание султаната стать членом организации, деятельность которой будет направлена против Ирана.

Оман оказался первой арабской страной, которую Х. Рохани посетил после своего избрания. В ходе его визита в Маскат 12–13 марта 2014 года получили развитие договоренности, достигнутые между президентом ИРИ и султаном Кабусом во время визита последнего в Тегеран в августе 2013 года. Между двумя странами был заключен ряд соглашений о сотрудничестве в области финансов, экономики, культурного обмена, достигнута договоренность о поставках иранского газа в Оман и строительстве газопровода по дну Оманского залива. Это соглашение чрезвычайно важно, поскольку даст возможность сжигать иранский газ на оманских заводах для его дальнейших поставок на мировые рынки.

Необходимо отметить, что иранская делегация активно использовала визит в Оман для пропаганды новой внешней политики. В своих выступлениях министр иностранных дел ИРИ Мохаммад Джавад Зариф подчеркивал, что Иран готов сотрудничать со всеми странами — участницами ССАГПЗ и стремится к установлению «крепких братских отношений» со всеми странами региона, чтобы решать возникающие проблемы мирным путем¹³.

Подводя итоги обзору некоторых направлений внешней политики Ирана в 2013–2014 годах, представляется возможным сказать следующее. Под воздействием экономических санкций правительство Исламской республики Иран было вынуждено сконцентрировать свои усилия на внешнеполитическом направлении и активизировать дей-

ствия по налаживанию отношений с окружающим миром. Этим объясняется участие ИРИ в секретных переговорах с США в Омане для сближения позиций обеих стран не только по ядерной проблеме Ирана, но и по ситуации в регионе Ближнего и Среднего Востока в целом, в частности ситуации в Сирии и в Афганистане. Уступки Ирана, так же как и уступки со стороны стран «шестерки» переговорщиков, во многом определялись стремлением снять напряженность в этом чрезвычайно важном районе мира. Они нашли свое выражение в принятии совместного плана действий в Женеве 24 ноября 2013 года, который, безусловно, явился прорывом в переговорах, длившихся долгие годы. Процесс обсуждения и подготовки Заключительного соглашения по названной проблеме, рассчитанный на шесть месяцев, может занять больше времени из-за воздействия как внутренних, так и внешних сил на политику стран, участвующих в переговорах. Однако, на наш взгляд, определенный Рубикон уже пройден, поскольку о военном сценарии решения иранской ядерной проблемы не упоминают даже недавно столь воинственно настроенные главы стран региона. Чрезвычайно важным является тот факт, что во многом основой заключенного в Женеве соглашения стал российский подход к решению иранской ядерной программе «step by step», подготовленный Министерством иностранных дел России и предусматривающий постепенную отмену санкций в ответ на уступки Ирана.

¹ См.: www.presstv.ir/detail/2013/06/17/309475.

² *Евсеев В.В., Сажин В.И.* Иран, уран и ракеты. М., 2009.

³ Телеграмма посла США в Омане Р. Шмирепа от 26.04.2009 // wikileaks.org/cable/2009/04/09/MUSCAT383.html.

⁴ Телеграмма посла США в Омане Р. Шмирепа от 07.12.2009 // wikileaks.org/cable/2009/12/09Muscat1067.html

⁵ Anthony Cordesman Saudi Arabia, Iran and the Clash within the Civilization // Centre for Strategic and International Studies. 03.02.2014 [cis/organization/saudi-arabia-iran-and-the-clash-within-the-civilization].

⁶ См.: www.warandpeace.ru/reports/view/86024.

⁷ См.: www.bbc.co.uk/news/uk-12694266.

⁸ См.: afghanistan.ru/doc/60873/html; www.theguardian.com/world/2013/jun/03/afghanistan-send-delegation-iran.

⁹ См.: rus.ruvr.ru/news/2014-03-20/Sergei-Ryabkov-o-peregovorah-po-Iranu-progress-est-resultatov-poka-net-0269.

¹⁰ См.: www.newsru.co.il/press/10mar2014/velayati456.html.

¹¹ См.: www.mignews.com/mobile/article.html?id=210314_141950-41696.

¹² См.: studies.aljazeera.net/en/reports/2012/01/201418365065800.htm.

¹³ См.: newsland.com/news/detail/id/1344172.

Иваненко В.И.

Иран в новой внешнеполитической ситуации

Анализ событий, связанных с подписанием в Женеве 24 ноября 2013 года «Совместного плана действий» «шестерки» международных посредников и Ирана, проливает свет на ряд новых моментов, как во внутривнутриполитической ситуации в ИРИ, так и во внешней политике Тегерана и Вашингтона. В первую очередь, он подтверждает то, что избрание Х. Роухани президентом Ирана стало результатом сложной политической многоходовки высшего иранского духовенства. Ее целью было продвижение на этот пост кандидата, не вызывающего отторжения у Вашингтона и способного поддержать конструктивный диалог по иранской ядерной программе (ИЯП), ставшей предлогом для обескровивших экономику Ирана санкций.

Достижение Женевских договоренностей стало, в первую очередь, результатом прямых контактов между представителями Вашингтона и Тегерана. Эти переговоры начались в феврале 2013 года¹, когда до выборов президента Ирана оставалось 5 месяцев. В то время «реформатор» Х. Роухани (сам Х. Роухани себя к «реформаторам» не причисляет, но близок к ним по идеологии, пользуется поддержкой лидеров «реформаторов» и реформаторского электората), некогда снискавший известность как самый «гибкий» иранский переговорщик по ИЯП, пребывал в тени значительно более сильных кандидатов от «консервативного» лагеря. Одним из них был секретарь Высшего совета национальной безопасности ИРИ и бескомпромиссный иранский переговорщик на тот момент с «шестеркой» С. Джалили. То, кого духовенство продвинет в президенты, на наш взгляд, зависело от прогресса в ирано-американских секретных переговорах.

Эти переговоры проходили в Омане. С американской стороны в них участвовали заместители Госсекретаря Уильям Бернс и Джейк

Салливан, а также технические эксперты, с иранской — представители МИД ИРИ, сотрудники службы безопасности и ядерщики. Их содержание далеко выходило за проблематику ИЯП: обсуждались сирийская тема, ситуация в Ормузском проливе и пр.² Очевидно, что в обмен на ослабление санкций иранцы гарантировали американцам достаточно серьезные преференции в политической и экономической сферах. В октябре 2013 г. Тегеран посылал Вашингтону и Западу недвусмысленные сигналы об изменении своего внешнеполитического курса. С улиц Тегерана убрали антиамериканские лозунги, в столице Ирана была официально зарегистрирована ирано-американская торговая палата, была отменена ежегодная антиизраильская международная конференция³.

За этим последовали еще четыре американо-иранские встречи. Только на последнем этапе к Бернсу и Салливану присоединился основной американский переговорщик по ИЯП Уэнди Шерман⁴, а это свидетельствует о том, что технические вопросы ИЯП были не главными в американо-иранских прямых контактах.

В сентябре 2013 года в рамках 68-й сессии Генассамблеи ООН состоялся телефонный разговор между Б. Обамой и С. Роухани, в ходе которого, очевидно, достигнутые экспертами договоренности получили одобрение на высшем уровне. И только после этого Обама проинформировал заинтересованные страны о переговорах с Ираном. Сначала Израиль, потом членов «шестерки»⁵.

Достижение американо-иранского компромисса, хотя и предполагало преодоление ряда технических сложностей, в том числе и в ходе заключительного раунда переговоров в Женеве, не было для сторон неразрешимой задачей. Принципиальное решение Вашингтоном и Тегераном было к тому моменту уже принято. Серьезный вклад в выходе на Женевские договоренности внесла российская дипломатия. Знаменательно то, что на переговорах возобладал именно российский поэтапный подход к решению проблемы ИЯП, предполагающий в итоге полную отмену санкционного режима. Благодаря усилиям российского внешнеполитического ведомства серьезно снизилась вероятность развития ситуации вокруг Ирана по военному сценарию, который мог бы дестабилизировать обстановку в регионе и, в частности, вблизи российских границ.

Вашингтон и Тегеран в большей или меньшей степени добились своего. Американцы, наращивая санкционное давление на Иран, были прекрасно осведомлены о том, что Тегеран не занимается разработкой, а тем более, производством атомного оружия. Об этом, в частности, свидетельствовал подготовленный в марте 2013 года Американским разведывательным сообществом доклад по оценкам мировых угроз. В этом документе четко зафиксировано отсутствие у его авторов данных, подтверждающих реальные намерения Тегерана добиться обладания ядерным оружием. Не отмечено также и фактов переключения имеющихся у Ирана расщепляющих материалов на военные цели⁶. Более того, инспекторы МАГАТЭ, проинспектировав реактор на тяжелой воде в Араке в январе 2014 года, как и ожидалось, также никаких подтверждений попыток создания Ираном ядерного оружия не обнаружили⁷.

Целью США было доведение населения Ирана до состояния, способствующего свержению существующего режима в ИРИ и, как предполагалось, его замены на проамериканский. В чистом виде эта цель достигнута не была, но подвижки во внешней политике такой влиятельной региональной державы, как Иран, в сторону сближения с США очевидны. С другой стороны, Тегеран, не планировавший создания ядерного оружия, во всяком случае, в ближайшем будущем, мало что теряет от вводимых ограничений по ИЯП. Экономический же эффект от запуска процесса ослабления санкций для него очевиден. В день подписания «Совместного плана», США разморозили 8 из 100 млрд долларов иранских активов⁸. В начале февраля 2014 года Иран получил первые 500 миллионов долларов из замороженных активов⁹.

Первый этап реализации «Совместного плана действий» продлится 6 месяцев, но может быть пролонгирован по взаимному согласию сторон. Иран не введет в эксплуатацию реактор в Араке. Из существующего объема урана, обогащенного до 20 процентов, он сохранит половину для производства топлива для Тегеранского исследовательского реактора, а остающуюся часть обеднит до пяти процентов. Тегеран примет и другие меры по укреплению доверия к ИЯП¹⁰. Введенные ограничения не предполагают отказа Тегерана от развития основных направлений своей ядерной программы.

С другой стороны, новые санкции в отношении Ирана вводиться не будут, однако основная часть уже введенных, в том числе в нефтяной, финансовой и банковской сферах, остается в силе¹¹. Таким образом, Иран может продолжить торговлю нефтью на нынешнем уровне, что позволит ему выручить 4,2 млрд долларов¹². Приостанавливается запрет для Ирана на торговлю золотом и драгоценными металлами, продукцией нефтехимической промышленности¹³.

США приостановили действие санкций в отношении иранской автопромышленности¹⁴, и, как следствие, американские компании, обслуживающие автомобильный рынок, направили своих эмиссаров в Иран¹⁵. Главное же для Ирана заключается в том, что заключительный этап соглашений предусматривает отмену всех санкций в области торговли, технологий, финансов, энергетики¹⁶. А это, в том числе, предполагает возвращение в ИРИ в интересах обеих сторон транснациональных энергетических корпораций. Кроме того, отмена антииранских санкций и ограничений откроет новые возможности для экономики Ирана и позволит нормализовать ситуацию в области судоходства, что в свою очередь повлечет за собой активизацию внешней торговли и увеличение объема транзитных перевозок¹⁷.

Во внутривластном плане подписание договоренностей с «шестеркой» далось Х. Роухани нелегко. Даже несмотря на то, что А. Хаменеи одобрил действия президента, командование Корпуса стражей отнеслось к ним негативно¹⁸. Тем не менее, большинством иранцев подписание «Совместного плана» было воспринято восторженно. Верховный лидер Ирана А. Хаменеи заявил, что «эта победа стала возможной благодаря божьей помощи и поддержке иранского народа»¹⁹. Противники американо-иранского сближения на таком фоне сочли за благо не высказывать открыто своего отношения к свершившемуся. Однако вряд ли это продлится долго, тем более что подспудная борьба не прекращается ни на день.

Выборы нового президента ИРИ, внешне выглядевшие как стихийное волеизъявление иранского народа, и подписание «Совместного плана действий» стали серьезной внутривластной победой высшего иранского духовенства. Оно сумело доказать иранцам свою способность решать важнейшие стратегические

проблемы в рамках существующего в Иране строя, вера во что в период М. Ахмадинежада снижалась.

Б. Обаме, который в глазах американцев и не только совершил прорыв в избавлении мира от иранской ядерной угрозы, удалось серьезно поправить свой международный имидж, сильно подпорченный провалом в Сирии. В то же время у него возникли серьезные проблемы на израильском направлении и, как следствие, в отношениях с Конгрессом. Примирие Запада с Ираном грозит Израилю сворачиванием военно-технического сотрудничества (только из бюджета США Израиль ежегодно получает 3,7 млрд долларов)²⁰. Поэтому Б. Нетаньяху не только назвал Женевский план «исторической ошибкой», но и начал работу по срыву его утверждения в Конгрессе²¹.

Мощное произраильское лобби в сенате США пытается провести через Конгресс билль о новых санкциях в отношении Ирана. 58 сенаторов из 100 выразили готовность его поддержать²². Всего двух голосов не хватает до 60, необходимых для того, чтобы погубить все предыдущие усилия администрации. Иранские парламентарии уже отреагировали на эту ситуацию заявлениями о том, что если новые санкции будут введены, то и Тегеран не будет считать себя обязанным в одностороннем порядке выполнять достигнутые с «шестеркой» договоренности²³.

В свою очередь, произраильские апологеты санкций «обеспокоены возможностью достижения соглашения, которое оставит нетронутой иранскую ядерную инфраструктуру» и предостерегают президента США, что такие политические ходы «подведут его на опасную близость к неконституционному поведению»²⁴. При этом, естественно, не обсуждается, почему Тегеран, будучи членом Договора о нераспространении ядерного оружия, не имеет права на ядерную инфраструктуру, используемую в мирных целях, и как соотносится с международным правом то, что Тель-Авив, не являющийся членом этого договора, давно создал атомную бомбу. Так или иначе, в своем ежегодном послании о положении в стране в январе 2014 года Б. Обама прямо заявил о том, что он наложит вето на упомянутый билль, если Конгресс этот документ ему все-таки направит²⁵.

Договоренности с Тегераном, острее всего воспринятые в Тель-Авиве и Эр-Рияде, можно объяснить корректировкой подходов

Вашингтона к обеспечению своих интересов на Ближнем Востоке, в том числе в сторону минимизации прямого участия США в тех или иных конфликтах. В Вашингтоне понимают, что Иран заинтересован в расширении своих региональных возможностей конвенционными средствами. Поэтому Вашингтону сейчас выгодней, чтобы Тель-Авив решал свои проблемы, не требуя от него нанесения военного удара по Ирану, тем более что реальная угроза ему, связанная с ИЯП, отсутствует.

Что касается Саудовской Аравии (КСА) и других монархий Персидского залива, то здесь американцы пытаются выправить ими самими созданный перекокс в балансе сил на Ближнем Востоке в пользу арабско-суннитского блока с доминантой исламского экстремизма. Модифицированный подход Вашингтона заключается в выходе на более естественное соотношение сил между суннитами и шиитами, арабами и персами. Все это влияет на переосмысление Вашингтоном места стабильного и богатого ресурсами Ирана в поддержании баланса сил на нестабильном Ближнем Востоке.

Для новых политических раскладов на Ближнем Востоке характерно то, что т.н. «арабская весна», спровоцированная и профинансированная США и Саудовской Аравией, объективно послужила больше всего интересам Ирана. Она создала благоприятные условия для появления «шиитского полумесяца» — инструмента укрепления иранского влияния на Ближнем и Среднем Востоке. Союз Ирана, Ирака, Сирии и Ливана — это новая геополитическая реальность с ведущей ролью Ирана, с которой придется считаться и США, и Саудовской Аравии, и Турции, и Израилю²⁶. Более того, монархии Персидского залива уже фигурируют в списке территорий для расширения «шиитского полумесяца». Восточная провинция КСА, где на сегодня добывается 90% всей саудовской нефти, населена в основном шиитами. По прогнозу арабских и западных экспертов, при ныне существующем уровне дискриминации шиитов, составляющих 35% населения Кувейта, нельзя исключать, что эта страна также в любой момент может превратиться в новую арену противостояния между суннитами и шиитами. Подобные же прогнозы существуют в отношении Бахрейна, где шииты составляют 70% населения и велико влияние Ирана²⁷.

В преддверии вывода натовских контингентов из Афганистана США создают дорожную карту региональной безопасности на период после 2014 года, в которой Ирану отводится важная роль. Спецпредставитель США по Афганистану Дж. Доббинс в одном из своих интервью позитивно отзывался и о роли Ирана в афганском урегулировании, в частности при заключении Боннских соглашений по Афганистану в 2001 году. По его словам, интересы США и Ирана в Афганистане если не полностью, то частично совпадают, что создает условия для успешного американо-иранского взаимодействия²⁸. Вашингтон скорректировал и подходы к сотрудничеству со своим главным глобальным конкурентом — Пекином, который способен инвестировать в афганскую экономику, оказывать давление на Исламабад для того, чтобы удержать его на треке мирного процесса²⁹.

Очевидно, что реверансы Вашингтона в сторону Пекина и Тегерана делаются не только в интересах будущего взаимодействия в Афганистане, но и представляют собой сигнал Китаю и Ирану о том, что они должны с пониманием отнестись к созданию в ИРА американских военных баз. Что касается самого Тегерана, то его, наверное, все-таки трудно будет убедить в безобидности американских военных баз вблизи своих границ.

Однако даже заинтересованность Вашингтона в расширении регионального взаимодействия с Тегераном еще не означает того, что оно будет гладким. В этом отношении показательна история с отзывом Генеральным секретарем ООН Пан Ги Муном под давлением США и Саудовской Аравии приглашения Тегерану участвовать в конференции по Сирии «Женева-2». Вашингтону нельзя было допускать Иран на конференцию, поскольку, обладая больше других ее участников информацией о сирийских реалиях, он мог бы перевести т.н. «друзей Сирии», «обеспокоенных гуманитарной катастрофой в САР», в разряд организаторов и спонсоров этой катастрофы. Кроме того, альянсу Москва — Пекин — Тегеран, с их единой позицией, сирийская оппозиция и ее спонсоры попросту ничего не смогли бы противопоставить³⁰.

Определенное улучшение отношений с Вашингтоном не сняло озабоченностей Тегерана в отношении Баку. Здесь продолжает сохраняться и идеологическая, и политическая, да и военная напря-

женность, несмотря на то, что перспектива нанесения военного удара по Ирану после Женевы отходит на второй план. Созданная в Азербайджане Израилем по согласованию с США разведывательная и, частично, ударная инфраструктура продолжает существовать. С территории Азербайджана действуют подконтрольные Тель-Авиву и Вашингтону иранские левацкие и монархические организации, используемые для подрывной деятельности против ИРИ и замеченные в совершении терактов против иранских физиков-ядерщиков и на иранских военных объектах. Иран, у которого и без того хватает проблем в регионе, в принципе, заинтересован в снятии напряжения с азербайджанского направления и предпринимает для этого определенные шаги, но больших результатов пока не видно. Позитив здесь может быть связан с улучшением отношений Тегерана с Евросоюзом, позиции которого в Азербайджане достаточно сильны. Сейчас ЕС прорабатывает вопрос об открытии своего посольства в Тегеране.

Своеобразна позиция Ирана в отношении Турции. При наличии у Тегерана и Анкары острых разногласий по Сирии и той, в общем-то, ключевой роли, которую играют турки в натовских усилиях по свержению режима Б. Асада, иранцы склонны рассматривать Турцию скорее как жертву натовских козней, чем как самостоятельный субъект антисирийской политики. Это связано с тем, что Анкара последовательно игнорировала американские, а также европейские антииранские санкции и является главным торгово-экономическим партнером Тегерана в регионе. Об уникальности отношений между Ираном и Турцией говорил Верховный лидер Ирана А. Хаменеи в ходе состоявшегося в конце января 2014 года визита в Тегеран премьер-министра Турции Р.Т. Эрдогана³¹. Итогом этого визита стало подписание нескольких важных двусторонних документов, в том числе соглашения о торговых преференциях.

Армения для Ирана в течение длительного времени являлась своего рода отдушиной, поскольку она помогала Тегерану сглаживать последствия антииранских санкций. В частности, Ереван не препятствует работе на территории Армении иранских банков, попавших под санкционный режим. После подписания в ноябре 2013 года Женевских соглашений по Ирану, предполагающих сня-

тие международных санкций, данная проблема может отпасть, если, конечно, стороны будут эти соглашения неуклонно выполнять.

За прошедшие шесть месяцев после избрания Х. Роухани президентом Ирана в позиции Тегерана по отношению к Еревану каких бы то ни было изменений не произошло. Двустороннее взаимодействие остается взаимовыгодным. В Тегеране в целом позитивно восприняли намерения Еревана присоединиться к Таможенному союзу. Иранцы не исключают и собственного сотрудничества с ТС в какой-либо форме, которое может оказаться выгодным и для стран — его членов, поскольку они получат сухопутный выход к Персидскому заливу.

Вашингтон заинтересован в ослаблении связей внутри треугольника Москва — Тегеран — Ереван, но не стремится к тому, чтобы прервать жизненно важное для Армении взаимодействие с Ираном, которое, как и позиция России, не дает возможности Азербайджану силовым методом решить нагорно-карабахскую проблему.

Наметившийся выход Ирана из международной изоляции будет неизбежно сопровождаться и повышением его роли в региональных делах. Вашингтон сохранит на Южном Кавказе свою традиционную линию. Она заключается в том, чтобы гарантировать продвижение экономических интересов США через доступ к природным ресурсам региона и маршрутам их транспортировки из каспийского и центральноазиатского регионов в обход России. В этой связи Тегеран, заинтересованный в ослаблении и снятии международных санкций, в том числе американских, и Москва уже попали под жесткое давление Вашингтона в соответствующем направлении. США на разных уровнях добиваются отказа Москвы от товарно-нефтяной сделки с Тегераном (обсуждается возможность поставки в Россию иранской нефти в объемах до 500 тыс. баррелей в день, а в Иран — российских товаров и оборудования)³². В такой ситуации очень важна взвешенная линия Тегерана, который всегда выступал против чрезмерного усиления влияния в упомянутых регионах внерегиональных сил.

¹ *Bradley Klapper, Matthey Lee, Julie Pace.* Secret US-Iran talks set stage nuke deal // Associated Press. 24.11.2013; hosted.ap.org/dynamic/stories/U/US_IRAN_SECRET_TALKS?SITE=AP&SECTION=HOME&TEMPLATE=DEFAULT&CTIME=.

² *Bradley Klapper, Matthey Lee, Julie Pace.* Secret US-Iran talks set stage nuke deal // As-

sociated Press. 24.11.2013; hosted.ap.org/dynamic/stories/U/US_IRAN_SECRET_TALKS?SITE=AP&SECTION=HOME&TEMPLATE=DEFAULT&CTIME=.

³ *Бондарь Ю.М.* Иран: октябрь 2013. Военно-политическая ситуация // www.iimes.ru/?p=18767#more-18767.

⁴ *Bradley Klapper, Matthey Lee, Julie Pace.* Secret US-Iran talks set stage nuke deal // Associated Press. 24.11.2013; hosted.ap.org/dynamic/stories/U/US_IRAN_SECRET_TALKS?SITE=AP&SECTION=HOME&TEMPLATE=DEFAULT&CTIME=.

⁵ *Bradley Klapper, Matthey Lee, Julie Pace.* Secret US-Iran talks set stage nuke deal // Associated Press. 24.11.2013; hosted.ap.org/dynamic/stories/U/US_IRAN_SECRET_TALKS?SITE=AP&SECTION=HOME&TEMPLATE=DEFAULT&CTIME=.

⁶ Statement for the Record. Worldwide Threat Assessment of the US Intelligence Community. Senate Select Committee on Intelligence. 12.03.2013. P. 7 // www.bespacific.com/?p=32952.

⁷ Инспекторы МАГАТЭ прибыли в Бендер-Аббас // www.iran.ru/news/politics/92319/Inspektory_MAGATE_pribyli_v_Benden_Abbas.

⁸ Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (18–24 ноября 2013 года) // www.iimes.ru/?p=18763#more-18763.

⁹ Иран получил первые 500 миллионов из замороженных активов // news.mail.ru/politics/16766876/?frommail=1.

¹⁰ Full text of Iran-5+1 agreement in Geneva Full text of Iran-5+1 agreement in Geneva // www.ima.ir/en/News/80918859/Politic/Full_text_of_Iran-5_1_agreement_in_Geneva.

¹¹ Full text of Iran-5+1 agreement in Geneva Full text of Iran-5+1 agreement in Geneva // www.ima.ir/en/News/80918859/Politic/Full_text_of_Iran-5_1_agreement_in_Geneva.

¹² Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (18–24 ноября 2013 года) // www.iimes.ru/?p=18763#more-18763.

¹³ Full text of Iran-5+1 agreement in Geneva Full text of Iran-5+1 agreement in Geneva // www.ima.ir/en/News/80918859/Politic/Full_text_of_Iran-5_1_agreement_in_Geneva.

¹⁴ Full text of Iran-5+1 agreement in Geneva Full text of Iran-5+1 agreement in Geneva // www.ima.ir/en/News/80918859/Politic/Full_text_of_Iran-5_1_agreement_in_Geneva.

¹⁵ *Бондарь Ю.М.* Иран: октябрь 2013. Военно-политическая ситуация // www.iimes.ru/?p=18767#more-18767.

¹⁶ Full text of Iran-5+1 agreement in Geneva Full text of Iran-5+1 agreement in Geneva // www.ima.ir/en/News/80918859/Politic/Full_text_of_Iran-5_1_agreement_in_Geneva.

¹⁷ Отмена антииранских санкций позволит увеличить объем транзитных перевозок // www.iran.ru/news/economics/92213/Otmena_antiiiranskih_sankciy_pozvolit_uvelichit_obem_tranzitnyh_perevozok.

¹⁸ *Бондарь Ю.М.* Иран: октябрь 2013. Военно-политическая ситуация // www.iimes.ru/?p=18767#more-18767.

¹⁹ Намей-е рухани бе рахбари дар баре-ие тавафок-е женов ва пасах-е ишан: ташаккор аз хайат-е мозакере конанде-ие ирани // www.asriran.com/fa/news/305576.

²⁰ Блицкриг «неистового Биби» // iran.ru/news/analytics/91387/BLICKRIG_NEISTOVOGO_BIBI.

²¹ Блицкриг «неистового Биби» // iran.ru/news/analytics/91387/BLICKRIG_NEISTOVOGO_BIBI.

²² *Jonathan S. Tobin* Will Obama Bypass Congress on Iran? // www.commentarymagazine.com/topic/iran-sanctions.

²³ Нагви хосейни: 5+1 дар эджро-ие тавафокат-е женов пай банд ба-

шанд/сена ва конгре-йе амрика аз маджара джуи бепархизанд. Хане-йе мелят // www.icana.ir/Fa/News/245683.

²⁴ *Jonathan S. Tobin* Will Obama Bypass Congress on Iran? // www.commentarymagazine.com/topic/iran-sanctions.

²⁵ FULL TRANSCRIPT: Obama's 2014 State of the Union address // www.washingtonpost.com/politics/full-text-of-obamas-2014-state-of-the-union-address/2014/01/28/e0c93358-887f-11e3-a5bd-844629433ba3_story.html?tid=pm_pop.

²⁶ *Алексеев В.* «Шиитская дуга» — новая реальность Ближнего Востока? // iran.ru/news/analytics/92042/Shiitskaya_duga_novaya_realnost_Blizhnego_Vostoka.

²⁷ *Алексеев В.* Персидский залив превращается во «внутреннее шиитское море» // www.iran.ru/news/analytics/92097/Persidskiy_zaliv_prevrashchaetsya_vo_vnutrennee_shiitskoe_more.

²⁸ *Bhadrakumar M.K.* US outlines regional strategy for Afghan security // indrus.in/blogs/2013/09/19/us_outlines_regional_strategy_for_afghan_security_29511.html.

²⁹ *Bhadrakumar M.K.* US outlines regional strategy for Afghan security // indrus.in/blogs/2013/09/19/us_outlines_regional_strategy_for_afghan_security_29511.html.

³⁰ *Панкратенко И.* Грязные интриги «Женева-2» // www.iran.ru/news/analytics/92226/Gryaznye_intrigi_Zhenevu_2.

³¹ Хаменеи: ирано-турецкие связи уникальны // www.iran.ru/news/politics/92339/Hamenei_irano_tureckie_svyazi_unikalny.

³² *Черненко Е. Беляинов К.* России перекрывают доступ в Иран // news.mail.ru/politics/16722639/?frommail=.

Иран: проблема выбора модели дипломатии

Не секрет, что сегодня российско-иранские отношения находятся в «спящем режиме». И в экономической, и в политической сферах прорывов не наблюдается. Отношения стратегического партнерства так и не были выстроены. Возможно, следует по-новому взглянуть друг на друга, прочесть скрытые смыслы дипломатии, понять движущие мотивы тех или иных действий в области внешней политики. Для этого представляется необходимым глубже ознакомиться с особенностями дипломатии Исламской Республики Иран (ИРИ), исламской внешней политики.

Изучение особенностей и реализации внешней политики Исламской Республики Иран позволяет предложить следующую периодизацию ее внешней политики.

Первый этап — 01.04.1979–04.06.1989 — включает периоды: переходный, «исламского интернационализма» (с 4 февраля 1980 г.) и активной исламизации (с 22 июня 1980 г.). Началом этапа стало провозглашение Ирана 1 апреля 1979 г. «Исламской Республикой». На протяжении всего этапа руководство Ираном осуществлял имам Р. Хомейни, ставший рахбаром (Высший руководитель) ИРИ. Глава исполнительной власти — А. Банисадр, первый президент ИРИ (04.02.1980–22.06.1981), выстраивал внешнюю политику страны на принципе «исламского интернационализма». При имаме Р. Хомейни была сформирована, в основном, основанная на принципах ислама законодательная база внешнеполитической деятельности (15 ноября 1979 г. принята Конституция ИРИ), произошел демонтаж шахской внешней политики, наступил кризис присутствия ИРИ на международной арене. В период ирано-иракской войны (1980–1988), в условиях ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан (1978 г.) и свертывания от-

ношений с Западом в связи с захватом посольства США и заложников (04.11.1979–20.01.1981), Иран фактически оказался в международной изоляции, чему в немалой степени способствовал силовой акцент при реализации внешнеполитической установки на экспорт исламской революции.

Второй этап — 04.06.1989 г. и по 2013 год проходил под руководством второго рахбара ИРИ А. Хаменеи. Он ознаменован периодами «компромиссного прагматизма» А.А. Хашеми-Рафсанджани (1989–1996), «диалогом цивилизаций» М. Хатами (1997–2005) и «созидательным взаимодействием» М. Ахмадинежада (2005–2013).

С приходом к власти президента ИРИ Хасана Роухани, который объявил о намерении пересмотреть иранскую внешнеполитическую деятельность, следует связывать начало очередного периода развития иранской дипломатии.

В целом главной целью современной внешней политики ИРИ определено создание условий для формирования мировой Уммы (Рах Умма Исламика). Данное положение, суть которого официально закреплена в статье 11 Конституции ИРИ, является обязанностью для всех граждан страны и имеет долговременный характер. Путь, который определил в 2005 г. рахбар ИРИ А. Хаменеи и который был призван реализовать президент ИРИ М. Ахмадинежад, был нацелен на всемерную глобализацию процессов региональной интеграции и сотрудничества под эгидой ИРИ. При этом в своем стремлении к независимости Иран, в конечном счете, решал задачу сохранения своей цивилизационной идентичности. При президенте М. Ахмадинежаде Иран попытался войти в мировую политику через «атомный портал» — использование формата «атомной дипломатии» стало отличительной чертой его внешней политики и определило динамику глобального и регионального измерений во внешней политике ИРИ.

Можно говорить о существенных различиях вариантов (моделей) дипломатии даже в рамках традиционного внешнеполитического анализа и в логике принятой во всем мире светской модели внешней политики и дипломатии. Однако достаточно ли этого для действительного различения этих моделей, учитывая тот факт, что исламизация Ирана неизбежно должна была включить и сферу

внешней политики страны? Как меняется смысловое наполнение внешнеполитической практики под влиянием исламского обоснования и можно ли считать это новым измерением дипломатии?

Как представляется, разработка концепции исламской внешней политики, завершенная при правительстве президента М. Ахмадинежада в основном к 2008 г., стала важным итогом исламизации в Иране.

Знакомство с основными положениями концепции созидательного взаимодействия показало, что исламское обоснование внешней политики придает дополнительное (внутреннее) измерение иранской дипломатии. Традиционное (светское) измерение дипломатии теперь становится внешним и появляется глубинное, исламское измерение. В основание концепции созидательного взаимодействия положены семь принципов, образующих стройную систему внешнеполитической концептуалистики, в соответствии с которой формируются основные направления внешней политики Ирана. Основные характеристики этой системы заданы ее исламской внешнеполитической матрицей, в основание которой положен «первичный» принцип «Отрицания господства и несогласия с угнетением: величие», в соответствии с которым определены два приоритета внешней политики ИРИ: недопущение превосходства неисламских стран в ходе сотрудничества мира ислама с остальным миром; борьба с режимом гнета (золм) и отсутствием справедливости (адл). Поэтому второе название этой концепции — «дипломатия справедливости», поскольку понятие «справедливость» обязательным рефреном проходило во всех публичных выступлениях М. Ахмадинежада.

Следовательно, для понимания сущности исламской дипломатии как феномена требуется иное понимание и прочтение. Попробуем пояснить это на примере дипломатии шахского Ирана, которую следует отнести к французской школе, поскольку она строилась с опорой на принцип, а не на факт. В этом смысле в исламской модели дипломатии отличий нет — она тоже «французская», поскольку выстраивается «от принципа». Где же разница?

Ответ надо искать, как представляется, в самых глубинных основаниях ислама — в «принципах веры» (осул-е дин), на основании которых формируется мировоззрение мусульман-шиитов. Пять «принципов веры» у мусульман-шиитов — вера в единст-

венность Аллаха (тоухид), божественную справедливость ('адл-е аллахи), пророческую миссию Мухаммеда (нобовват), миссию святых имамов (имамат), Страшный суд и воскресение из мертвых, загробную жизнь (ма`ад). Ма`ад, например, как и другие принципы, был включен в текст Конституции ИРИ (ст. 2) в интерпретации, предполагавшей существование двух уровней исламизации: личный, понимаемый как совершенствование человека в вере, его «приближение к божественному идеалу», и общественный, означавший создание необходимых для становления совершенного человека (энсан-э камэл) социальных условий. На этапе революционной борьбы и в ходе начавшейся ирано-иракской войны значимость принципа «ма`ад» заметно актуализировалась, так как этот принцип прежде всего соотносился с главной задачей дня — мобилизацией масс на борьбу с экс-шахом и агрессором (Ираком).

Таким образом, можно заключить, что в ИРИ в период с 1979 по 2013 гг. были реализованы модели дипломатии, основные характеристики которых задавались положенным в их основание одним или несколькими принципами веры шиитского ислама:

- тоухид (президент А. Банисадр);
- имамат + ма`ад (президенты М.А. Раджаи и А. Хаменеи);
- нобовват + имамат (президент М. Хатами);
- [тоухид] +`адл + нобовват + имамат + ма`ад (президент М. Ахмадинежад).

Как видно, в различных сочетаниях в итоге были использованы все пять принципов веры. Можно предположить, что при президенте А.А. Хашеми-Рафсанджани модель дипломатии определялась не «принципом веры», а на другом уровне исламского обоснования, возможно, в силу тогдашней кризисной ситуации. — «принципом следования предписаниям религии» («фору`э дин» — «вторичные [принципы] религии»), а именно — «таки`е». Определяя пределы использования фору`-э дин, например — «таки`е» (в шиизме — сокрытие истинных убеждений), имам Хомейни указывал, что «когда авторитет (хейсийат) ислама в опасности, нет места таки`е и молчанию».

Объявленная М. Ахмадинежадом миссия Ирана в мире, которая определялась как «создание условий для становления всемирной

справедливой власти путем нового возвышения исламской цивилизации», позволяет сделать вывод о стремлении шиитского руководства ИРИ к актуализации исламского фактора в мировой политике и завершению пути, открытого «печатью пророков» Мухаммадом. В этом теоретическом построении можно отметить акцент на принципах: `адл, нобват, тоухид.

Атомная программа Ирана в начале XXI века оказалась квинтэссенцией стратегии развития Исламской Республики Иран, нацеленной на построение глобального общества социальной справедливости на основе «великих традиций исламской цивилизации». Проведенный анализ исламского обоснования основных направлений иранской внешней политики, осуществляемой в рамках государственного курса ИРИ при президенте М. Ахмадинежаде, показывает, что руководству Ирана удалось найти современную экономическую и политическую оболочку для практического воплощения в деятельности государства одного из «принципов веры» (осул-е дин, усул ад-дин) в исламе — принципа тоухид («ат-таухид», «ат-тавхид» — «единобожие»). Возможно, именно в феномене «атомной дипломатии» М. Ахмадинежада проявилась «тоухидная» составляющая разработанной в ИРИ к 2008 году концепции исламской внешней политики. Однако основной краской во внешнеполитической палитре все же была идея справедливости (`адл).

Концепция «тоухидной экономики» была сформулирована первым президентом ИРИ А. Банисадром, которого выдвинул имам Р. Хомейни в начальный период исламской революции в Иране. Центральной в этой концепции являлась идея «тоухидности», то есть тотальной цельности и универсальной адресности замысла, когда дух и буква высшего единства и гармонии воплощаются в созидательном строительстве силами всемирной мусульманской Уммы (общины). Именно такая цельность и системная соотнесенность со всеми сферами деятельности государства должна быть присуща и исламской внешней политике, для выработки которой ИРИ понадобилось почти 30 лет.

Какую модель дипломатии предложит миру Х. Роухани, заявивший в 2013 году о готовности внести изменения в иранскую

внешнюю политику? Полагаю, что иранская шиитская теоретическая мысль уже дала ответ. Основанием для новой модели дипломатии Исламской Республики Иран должен стать синтез всех пяти «принципов веры», что позволит полностью раскрыть заключенный в их единстве универсалистский потенциал и адресный призыв мобилизации усилий на пути достижения внешнеполитических целей страны.

Вопрос об исламском обосновании современной иранской внешней политики, конечно, нуждается в дальнейшей серьезной проработке. Для России это видится тем более актуальным, что еще в 2007 г. российско-иранские отношения имели шанс перейти на качественно иной тип взаимодействия — «стратегическое партнерство». Руководство Ирана резко повысило планку переговорного процесса, предложив перспективу последовательных и системных отношений с Россией. Однако прорыва в двусторонних отношениях не произошло.

14 июня 2013 г. в ИРИ прошли выборы президента (главы исполнительной власти), в ходе которых победу одержал Хасан Рухани. В России понимают, что правящие круги США в новых политических условиях вынуждены менять курс по отношению к Тегерану в направлении большей толерантности и сдержанности. Ожидается, что «шейх-дипломат» или «шейх надежды», как называют нового Президента ИРИ, сможет решить проблему открытости страны и снятия санкций, найти выход из «атомного тупика», предложить модель иранской дипломатии, рассчитанной на дальнюю перспективу. 13 сентября 2013 года состоялась встреча президентов России и Ирана «на полях» саммита ШОС в Бишкеке. Поэтому Президент Российской Федерации В.В. Путин имеет время для выстраивания новой модели отношений с Ираном. Для этого представляется целесообразным использовать метод построения «больших» программ сотрудничества, уже давших положительный результат (Россия — Китай, Россия — Индия), и начать работу, например, по формированию Большой программы торгово-экономического сотрудничества «Россия — Иран». Здесь потребуется, в том числе, активизировать тот задел, который был накоплен за последние годы в виде подписанных, но не осуществ-

ленных различных меморандумов, деклараций и др. Перспективным здесь представляется реализация Протокола десятого заседания Постоянной российско-иранской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству (12 февраля 2013 г.).

У Ирана есть альтернатива, рожденная новыми основаниями международного взаимодействия в условиях глобализации. Суть данного пути в том, чтобы, сохраняя основы правления в самой ИРИ, наладить эффективный диалог и взаимодействие с внешним миром в рамках региональной интеграции в сферах, сотрудничество в которых будет определять развитие мира в XXI веке. В первую очередь, это сотрудничество в космосе, сотрудничество на высоком статусно-технологическом основании в процессах регионализации на пространстве Евразии.

К вопросу о Женевском соглашении по ядерной проблеме Ирана

24 ноября в Женеве произошло знаменательное событие. Впервые за десять лет переговоров по иранской ядерной проблеме удалось добиться согласия. Международные посредники в лице представителей государств — постоянных членов Совета Безопасности ООН плюс Германии, с одной стороны, и Ирана, с другой, подписали документ, определяющий судьбу ядерной программы ИРИ.

Как всегда, вокруг договоренностей, которые появляются в результате компромиссов, возникают дискуссии, споры, столкновение мнений. Не составляет исключение и документ, принятый в Женеве и озаглавленный «Совместный план действий». В чем заключается важность этого соглашения? Кто выступает против?

Главная ценность Соглашения — формирование основ доверия, которого так не хватало сторонам на протяжении всех лет переговоров, что и являлось тормозом переговорного процесса. И еще: иранская ядерная программа становится более открытой и прозрачной благодаря договоренности о беспрецедентном мониторинге и ежедневном контроле над иранскими ядерными объектами.

В Женеве достигнут несомненный успех, который многие политологи поспешили охарактеризовать как исторический. Успех, безусловно, есть, но скорее — тактический. И чтобы ему стать действительно историческим, все положения этого промежуточного документа должны быть выполнены. А затем должен быть подписан всеобъемлющий Договор между Ираном и «остальным миром», призванный снять иранскую ядерную проблему с повестки дня глобальной политики.

Выработанный в Женеве «Совместный план действий» предполагает осуществление Ираном ряда мер по ограничению своей ядерной программы в обмен на начало смягчения финансово-

экономических санкций против этой страны. Исламская Республика обязуется, заморозив развитие ядерного потенциала, прекратить обогащение урана до 20%, ликвидировать запасы 20% урана, приостановить работы по введению в строй реактора на тяжелой воде в Араке и широко открыть двери своих ядерных объектов для контроля со стороны МАГАТЭ, а выполнение обязательств поставить под наблюдение специальной комиссии «шестерки»¹.

«Совместный план действий» — это своеобразная дорожная карта, определяющая маршрут и движение сторон к окончательному решению иранской ядерной проблемы, на которое отводится шесть месяцев с момента вступления в силу Соглашения². За этот срок стороны должны выполнить все требования документа и подойти к заключению между Ираном и «остальным миром» основополагающего документа, который впишет иранскую ядерную программу в требования СБ ООН, МАГАТЭ и Договора о нераспространении ядерного оружия.

Это, по мнению участников переговоров в Женеве, устранил опасения международного сообщества по поводу возможности создания в ИРИ ядерного оружия и снимет целый комплекс губительных для Ирана санкций, что откроет эту страну для полноценного международного сотрудничества.

Несмотря на общую позитивную оценку женевских договоренностей, некоторые наблюдатели находят и подводные камни, которые смогут помешать движению к полномасштабному договору. Дискуссии идут вокруг нескольких проблем. Во-первых, насколько полно и точно будут на практике осуществляться договоренности? Пессимисты, например, полагают, что после заключения Женевского Соглашения все предусмотренные им шесть месяцев могут быть потрачены не на его выполнение, а на споры вокруг трактовок того, что же на самом деле они подписали. Кстати, не прошло и двух дней после подписания, как официальный представитель МИД ИРИ Марзие Афхам уже заявила, что Белый дом односторонне и неверно трактует Женевское соглашение³.

Иранцы также дают повод усомниться в едином понимании содержания документа. Так, 27 ноября министр иностранных дел ИРИ Джавад Зариф заявил, что строительство тяжеловодного ре-

актора в городе Арак продолжится. Пресс-секретарь МИД Франции Ромен Нададь незамедлительно отреагировал, подчеркнув, что в Соглашении специально говорится о полной остановке работ на этом реакторе, и потребовал от Ирана соблюдения условий договора. Однако г-н Зариф интерпретировал документ иначе: по его словам, речь идет о том, что на объекте не будет обогащаться новое ядерное топливо, однако строительство будет продолжаться.

Вашингтон также не оставил без внимания этот факт. Пресс-секретарь Госдепартамента Джен Псаки отметила, что администрация США не осведомлена о том, что именно Зариф подразумевает под «строительством» на аракском ядерном объекте. «Однако, — подчеркнула Псаки, — из его слов следует, что работа над самим реактором не будет продолжена, включая дополнительное тестирование реактора. Для того, чтобы реактор начал действовать, им необходимо ядерное топливо; именно поэтому одной из наших целей было прекращение производства топлива для Арака. Поэтому о чем идет речь — о дороге или здании — мы не знаем. Что же касается Арака, то в Соглашении есть специфические требования, которые они обязаны выполнять. И если они этого не делают, то это будет нарушением соглашения»⁴.

Пессимисты предупреждают также, что Тегеран, скорее всего, попытается увильнуть от выполнения своих обязательств, затягивать режим проверок, ставить препоны на их осуществлении, то есть предпринимать все те шаги, которые он предпринимал на протяжении 10 лет.

Оптимисты же, напротив, считают, что именно сейчас это совершенно не в интересах Ирана. Ведь он пошел на соглашения, изнывая под гнетом международных санкций. И пока что их наиболее губительная часть по-прежнему висит над Ираном. Это банковские и нефтяные санкции. Причем не снята с повестки дня и угроза полного нефтяного эмбарго, которое США грозятся ввести в 2015 году, если не будет заметных подвижек в ядерном диалоге с ИРИ. Более того, несмотря на нынешнюю антисанкционную позицию президента Барака Обамы, вопрос о санкциях против Ирана еще не снят с повестки дня сената США, где он будет рассмотрен после 9 декабря 2013 г.⁵ И он будет решен положительно, если

Тегеран даст малейший повод усомниться в его искренности и приверженности выполнению пунктов соглашения.

Немаловажно и то, что МАГАТЭ и комиссия «шестерки» (или их совместная комиссия) получают доступ к основным иранским ядерным объектам.

Не забудем и о том, что разведки стран-оппонентов Тегерана в эти полгода наверняка сконцентрируют силы на вскрытие любых иранских отговорок. Сегодня Иран не имеет права на ошибку в трактовке договоренностей. В США и в некоторых западных странах наблюдается серьезные антииранские настроения, поэтому любой недочет в реализации Ираном взятых на себя обязательств будет рассматриваться под микроскопом. И не только. Любая оплошность Тегерана будет использована для дискредитации Ирана, его готовности двигаться по пути урегулирования кризиса.

И эта ситуация, по мнению оптимистов, фактически лишит Иран возможности нарушать условия соглашения.

У пессимистов, между тем, есть претензии и к самому содержанию соглашения. Так, к их огорчению, в результате Женевских договоренностей не были решены следующие вопросы: Иран полностью не отказался от обогащения урана; Иран отказался предоставлять сведения о работах, которыми военные заняты на объекте «Парчин» (эксперты заявляли, что именно там ведутся попытки создать ядерное оружие). Иран не уничтожает ни одной центрифуги, все существующие заводы по обогащению урана не закрываются, а продолжают действовать. Значит, захочет правительство Ирана — завтра они разорвут договор и снова начнут обогащать до 20% и выше. Соглашение не запрещает Ирану производить новые центрифуги для обогащения урана, запрещена только их установка. Иран не обещал обратить вспять процесс по формированию возможностей для создания атомной бомбы⁶. То есть, проясняя мысль пессимистов, можно сказать, что Тегеран не готов к демонтажу всей ядерной инфраструктуры и полному отказу от своей ядерной программы.

Оппонируя этой точке зрения, оптимисты делают акцент на двух фактах. Первое: Иран — член Договора о нераспространении ядерного оружия и в соответствии с ним имеет право развивать

свои мирные ядерные технологии, в том числе и атомную энергетику, правда, под жестким и, можно сказать, тотальным контролем МАГАТЭ. Второе: женевский документ — это временное, предварительное соглашение, которое определило лишь условия для движения к заключению через полгода-год всеобъемлющего договора по иранской ядерной программе. И, конечно, если он будет заключен, то все вопросы вокруг иранской ядерной программы будут сняты вместе с санкциями.

По сути, «Совместный план действий» есть перемирие между противоборствующими сторонами, ведущими уже 10 лет дипломатическую, политическую, идеологическую борьбу на полях мировой битвы за сохранение режима нераспространения ядерного оружия. Это перемирие выдвигает требования к сторонам и при этом создает условия для заключения мирного договора.

Однако подобный сценарий не созвучен настроениям многих и в Вашингтоне, и в Тегеране. Причем не только в этих столицах, но и, к примеру, в Иерусалиме и Эр-Рияде. Но вопрос об отношении к Соглашению Израйля и Саудовской Аравии (как и к Ирану в целом) — это отдельная тема, требующая специального исследования⁷. Здесь было бы уместным лишь коротко отметить, что взгляды этих стран на Иран, его ядерную программу и Женевское Соглашение оказывает влияние на мнения как населения в США и в ИРИ, так и определенных группировок в политической элите.

В американской столице часть несогласных с иранской политикой президента Обамы требуют полного демонтажа ядерной структуры ИРИ, ликвидации его ядерной программы, то есть безоговорочной капитуляции Ирана. Другая часть противников президента США, особенно среди республиканцев, просто используют ядерную проблему для дискредитации Барака Обамы как политического деятеля.

Сложная ситуация и в Иране. Всеобщее ликование на тегеранских улицах по случаю заключения Соглашения еще не означает полную поддержку дипломатических шагов президента Роухани на пути решения иранской ядерной проблемы. С восторгом встречали вернувшегося из Женевы министра иностранных дел ИРИ Джавада Зарифа молодежь и те, кто голосовал за Хасана Роухани и его новый курс.

Но радикалы в лице сторонников бывшего президента Ахмадинежада, части духовенства, мощной военно-политической силы Корпуса стражей исламской революции не хотят компромиссов с внешним миром, не хотят выхода Ирана из политической и экономической изоляции. Им по душе (и по деньгам) состояние «осажденной крепости», при котором любые внутренние проблемы объясняются причинами американского империализма и международного сионизма, когда нескончаемые потоки денег проходят через них в политико-идеологические и полицейско-репрессивные структуры, в военно-промышленный комплекс. Поэтому они боролись и борются против либерально-реформаторского президента Роухани, его внешней и внутренней политики.

На заседании иранского меджлиса 27 ноября 2013 г., посвященного женевским соглашениям, некоторые парламентарии, приверженцы «жесткого курса» в отношениях с Западом, нашли этот документ «слишком расплывчатым и неопределенным» и обеспокоились, что в перспективе может привести к свертыванию иранской программы обогащения урана. А депутат Хамид Резайи назвал соглашение в Женеве «красивой чашей с ядом»⁸.

Нет сомнений, что и Барак Обама в Вашингтоне и Хасан Роухани в Тегеране испытывают колоссальное давление внутри своих стран. Поэтому каждый из них при осуществлении политики в рамках исполнения достигнутого в Женеве Соглашения волеиневолей будет учитывать внутривнутриполитическую ситуацию. Это, конечно, не будет способствовать быстрому беспрепятственному движению к достижению окончательного договора. Шестимесячный этап будет сложным и отнюдь не прямолинейным.

Итак, сценариев развития ситуации вокруг выполнения Женевского соглашения может быть три.

Первый — «умиротворяющий». Условия Соглашения выполняются, параллельно готовится основополагающий договор, который и заключается через полгода-год. Иран возвращается на мировой рынок инвестиций, технологий, финансов и становится мощным игроком не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и в мире. Недаром еще до оглашения итогов женевских переговоров многие страны и компании выражали готовность вернуться в Иран после вынужден-

ного ухода отсюда в связи с санкциями. А Евросоюз в рамках, допустимых Женевскими соглашениями, уже приступил к пересмотру режима запрета на поставки нефти, золота и драгоценных металлов из Ирана. Правда, в ЕС подчеркнули, что процесс смягчения санкций «будет выборочным и будет иметь обратную силу»⁹.

Япония за 10 дней до начала переговоров выразила готовность «оказать помощь Ирану в строительстве АЭС, если ядерная проблема Тегерана будет разрешена, а связанные с ней беспокойства — устранены»¹⁰. Более того, мировой бизнес, из-за санкций лишенный возможности работать в Иране, с нетерпением наблюдает за ходом переговоров. Бизнесмены десятка стран стоят на старте и ждут, что результаты работы Группы 5+1 и Ирана дадут им отмашку на возобновление деятельности в ИРИ.

Второй сценарий — «опасный». Противники Соглашения в Тегеране, Вашингтоне и других столицах «взрывают» договоренности. Ситуация резко обостряется: на горизонте вновь возникает призрак войны против ИРИ.

Третий сценарий — «наиболее реальный». Условия Соглашения в целом ни шатко — ни валко выполняются сторонами с периодически обвинениями друг друга в отходе от обязательств. Однако причин говорить о срыве выполнений требований документа нет. А вот переговоры по гораздо более сложному окончательному договору тонут в спорах и дискуссиях. Сроки выхода документа переносятся. Работа идет трудно, постоянно балансируя на грани срыва.

Пожалуй, исходя из международной ситуации в первом квартале 2014 года, вполне корректно было бы констатировать, что наибольшая вероятность развития событий вокруг иранской ядерной проблемы может идти по первому или третьему сценариям (не исключено — по их комбинациям).

Таким образом, важное женевское Соглашение с огромным трудом заключено в ноябре 2013 года. Предстоит еще более изнурительная работа по достижению главной цели — всеобъемлющего ядерного Договора с Ираном.

Переговоры идут, и вплоть до апреля 2014 г. в целом успешно. Состоялись февральский, мартовский и апрельский раунды. Стороны заинтересованы в позитивных результатах, но проблема

слишком сложная, при этом тонкая и щепетильная. Поэтому ждать быстрых и окончательных решений не стоит.

¹ См. Приложение 4 в настоящем сборнике (С. 292–297).

² Глава Организации по атомной энергии Ирана Али Акбар Салехи сообщил, что Соглашение вступит в силу 20 декабря 2013 г. // РБК. 28.11.2013 [www.rbc.ru/fnews.open/20131128021723.shtml].

³ ИТАР-ТАСС. 26.11.2013 // itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/791336.

⁴ Сайт радио «Голос Америки». 28.11.2013 // www.golos-ameriki.ru/content/iran-nuclear-us-eu/1799277.html.

⁵ ИНТЕРФАКС. 26.11.2013 // www.interfax.ru/world/txt.asp?id=343205&sw=%E8%F0%E0%ED&bd=28&bm=10&by=2013&ed=28&em=11&ey=2013&secid=0&mp=2&p=1.

⁶ ИА «Финмаркет». 25.11.2013 // www.finmarket.ru/economics/article/3558430.

⁷ См.: Косач Г.Г. Саудовская Аравия и итоги переговоров по иранской ядерной программе в Женеве // Институт Ближнего Востока. 27.11.2013 [www.iimes.ru/?p=1878].

⁸ ИТАР-ТАСС. 27.11.2013 // www.itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/793938.

⁹ ИТАР-ТАСС. 27.11.2013 // www.itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/793938?

¹⁰ ИТАР-ТАСС. 10.11.2013 // www.itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/757931.

Кулагина Л., Ахмедов В.

Новые тенденции в ирано-сирийских отношениях

Приход к власти в ИРИ нового президента Х. Роухани способствовал определенным изменениям внешнеполитического курса Ирана. Х. Роухани после своего избрания взял направление во внешней политике страны на налаживание переговорного процесса с США и странами ЕС. Этот политический курс был продиктован заинтересованностью Тегерана в том, чтобы отодвинуть угрозу военного удара по ядерным объектам Ирана и ослабить наложенный Западом жесткий режим экономических санкций, которые отрицательно сказывались на экономике страны и положении населения.

В представлениях многих политиков Запада, Х. Роухани казался «либералом» по сравнению с бывшим президентом ИРИ М. Ахмеди-нежадом. По оценкам части иранской политической элиты, Х. Роухани был по своим политическим взглядам ближе к М. Хатами. В Иране его считали либералом и лидером, склонным к миру и стабильности. В то же время оставался открытым вопрос о том, насколько Х. Роухани может быть в своих действиях самостоятельным политиком, независимым от воли рахбара и иранского консервативного духовенства.

Начавшиеся на рубеже 2010–2011 годов революционные движения в арабском мире оказали самое непосредственное влияние на внутреннюю и внешнюю политику исламского государства. События «арабской весны» привели к смене баланса сил и перестройке прежних военно-политических союзов в регионе Ближнего Востока.

В течение двух последних десятилетий Иран превратился в одну из влиятельных держав в регионе Ближнего Востока. Ему удалось выстроить пояс союзных государств по линии Багдад, Дамаск, Бейрут, Газа, а также укрепить свое влияние в шиитских общинах в арабских монархиях Персидского залива и в Йемене. Во время президентства М. Мурси в Египте Иран заметно усилил

активность на египетском направлении, с целью нормализации двусторонних отношений с этой крупнейшей страной арабского мира. Приход к власти в Египте «Братьев-мусульман» и возрастание их политической активности в Сирии привели на каком-то этапе к сближению этой сетевой международной организации с Ираном. Так, с весны 2012 года по апрель 2013 года иранское правительство провело 7 раундов закрытых переговоров, через посредничество Турции, с сирийскими «братьями». Тегеран даже обещал им свою поддержку в приходе во властные институты нового сирийского государства в случае поражения Асада в обмен на сохранение прежнего характера отношений Ирана с Сирией.

События в Сирии стали самым тяжелым испытанием для внешней политики ИРИ в отстаивании своих завоеваний в регионе. Иран оказал беспрецедентную поддержку режиму Б. Асада в Сирии, открыв в начале 2012 года кредитную линию более чем на 3,6 млрд долл. Иран продавал Сирии нефть по заниженной цене, за которую сирийский режим платил из займов, предоставленных Тегераном. По настоянию Ирана в боях с повстанцами участвовали отряды шиитской милиции из Ирака. На стороне Асада сражались иранские элитные части во главе с командиром корпуса аль-Кодс генералом К. Сулеймани, который лично с 2012 года руководил обороной Дамаска и военными операциями подразделений КСИР и «Хезболлы», сражавшихся на стороне Асада. Тысячи бойцов ливанской «Хезболлы» (от 10 до 14 тысяч) приняли участие в боях, помогая режиму удерживать контроль над рядом ключевых районов страны. На каком-то этапе это дало возможность сирийским властям остановить наступление отрядов вооруженной оппозиции на Дамаск и даже на время вернуть контроль над некоторыми стратегически важными районами на севере Сирии¹.

Но рубеже 2013–2014 гг. отношение Ирана к сирийскому вооруженному конфликту стало меняться. Увязнув в Сирии в результате поддержки президента Асада, иранские политики поняли, что в условиях неминуемого поражения сирийского режима и всеобщего осуждения на Западе и в арабском мире его действий, Тегерану становится все сложнее маневрировать в регионе и в мире, как прежде. В Иране считали, что даже если допустить, что в ре-

зультате «Женева-2» Асад сможет сохраниться у власти еще некоторое время, основы его режима безвозвратно подорваны, а сам он и его ближайшее окружение не имеют политического будущего в Сирии. Одновременно ослабили позиции и авторитет в арабском мире одной из главных опор Ирана в поясе исламского сопротивления — ливанской «Хезболлы», не говоря уже о «Хамас», который уже в 2011 г. выступил против сирийского режима. В Иране считали, что если они будут расширять свое военное присутствие в Сирии и продолжать активно поддерживать Асада, то могут оказаться новой военной целью США и Израиля.

Особенно эти опасения усилились летом 2013 года после угрозы со стороны США нанести военный удар по Сирии. Ряд западных и арабских экспертов полагали, что отмена Б. Обамой нанесения ракетно-бомбового удара по целям на территории Сирии была во многом связана с начавшимися после избрания президентом Х. Роухани закрытыми переговорами с Тегераном. Таким образом, Вашингтон стремился оказать давление на Тегеран, вынудив его дать согласие на временную приостановку обогащения урана и отказаться от планов создания ядерного оружия.

Действительно, с приходом к власти нового президента ИРИ ряд влиятельных военно-политических кругов в США увязывали новые возможности для нормализации американо-иранских отношений и вывода их из опасного тупика, вызванного сирийскими событиями. В прошлом США неоднократно пытались вести переговоры с иранскими руководителями, которые в основном оканчивались безуспешно. Важным результатом возобновившихся американо-иранских переговоров стал совместный план действий, который предполагал поэтапное сближение Ирана с мировым сообществом.

В сложившихся условиях Тегеран пытался выиграть время, чтобы всесторонне подготовиться к периоду после ухода правительства Б. Асада. Иран стремился создать в Сирии надежные и долговременные позиции, которые позволили бы ему оказывать влияние на новое сирийское руководство даже в случае смены в Сирии режима и прихода к власти суннитского большинства. С помощью «Хезболлы» Иран создал в Сирии тайную сеть военизированных организаций. Эти группы сражались вместе с регулярны-

ми частями режима Асада с повстанцами. Долговременная цель ИРИ состояла в том, чтобы иметь в Сирии надежные оперативные позиции в случае раскола страны по этническим и конфессиональным признакам². Таким образом, Иран продолжал оставаться важным военно-политическим фактором сирийского вооруженного конфликта и продолжал оказывать на его ход самое непосредственное воздействие, получая, таким образом, важный козырь в ведущихся с Западом переговорах по ядерной проблеме и своей будущей роли в регионе. В то же время главные устремления ИРИ были уже направлены не столько на защиту власти президента Асада, сколько на обеспечение своих интересов в Сирии и на Ближнем Востоке в постасадовский период.

В то же время, совместный план действий принятый в Женеве выявил много пробелов в подходах западных стран и Тегерана не только по Сирии, но по целому ряду других региональных проблем. Эти разногласия давали Тегерану веские основания не торопиться с решением по сирийскому вопросу и своей ядерной программе. При определенных обстоятельствах они могли даже укрепить позиции Иран в переговорах с Западом, в том числе и по вопросу о будущей роли ИРИ на Ближнем Востоке³. В условиях благоприятно складывающейся для Тегерана региональной обстановки, Иран вполне мог согласиться на то, чтобы в обмен на свой отказ от обладания ядерным оружием стать региональной сверхдержавой при поддержке США.

Однако данный сценарий развития событий предполагал, что в качестве первого шага должно было произойти сближение Тегерана с Эр-Риядом. В конце ноября 2013 года председатель ливанского парламента Н. Берри (представитель ливанских шиитов во власти) предложил иранскому руководству свое посредничество в деле нормализации ирано-саудовских отношений. Иран выразил принципиальное согласие нормализовать отношения с КСА, чтобы совместными усилиями сохранить стабильность в регионе. Однако пока Эр-Рияд не проявил, с точки зрения ИРИ, должной гибкости в подходе по реализации отношений с Тегераном⁴.

Действительно, дальнейшее развитие событий в регионе после начала «арабской весны» лишь усиливало у части саудовского руко-

водства стремление «перехватить» роль регионального лидера на Ближнем Востоке и в исламском мире, опираясь на свои нефтяные и финансовые ресурсы. К тому же само Королевство, как и «малые» монархии Персидского залива, в отличие от других арабских государств, фактически не пострадало от последствий народных волнений, вызванных событиями «арабской весны». Особенно заметным данное стремление Эр-Рияда стало в ходе военного переворота в Египте 30 июня 2013 года и той ролью, которую КСА сыграла в этих событиях. Действительно, в результате событий «арабской весны» Египет оказался надолго выведен из строя. Сирийский кризис, в развитии которого с конца 2012 года КСА стало принимать все более активное участие, серьезно дестабилизировал ситуацию в соседних арабских странах и ослабил региональные позиции Турции. Фактически основными конкурентами КСА в борьбе за региональное лидерство остаются Турция и Иран (что несколько уравнивает шансы Королевства в конкурентной борьбе с ними) и Израиль, который сохранил свой военный и экономический потенциал в прежнем виде⁵. Однако претензии КСА на региональное лидерство и ведущую роль в исламском мире натолкнулись на новую политику США в отношении ИРИ. Саудовское руководство опасается, что в случае реализации этой политики США могут в конечном итоге сделать ставку на Тегеран в качестве нового регионального лидера на Ближнем Востоке. Намечившееся сближение США и ИРИ также изменило позицию Турции в сирийском вопросе. Так, уже в последние месяцы 2013 года западные наблюдатели фиксировали отказ турецких военных от прежнего уровня поддержки крупных исламистских отрядов сирийского вооруженного сопротивления, действующих в северных районах страны. На почве разрешения сирийского кризиса Турция стремилась сблизиться с Ираном. Товарооборот между двумя странами в 2013 году составил около 30 млрд долларов США, несмотря на санкции. Результатом визита в ноябре 2013 года министра иностранных дел Турции А. Давутоглу в ИРИ стало совместное заявление Тегерана и Анкары о необходимости прекращения огня в Сирии накануне «Женева-2». Свое недовольство политикой США КСА ясно выразило отказом занять место в СБ ООН в октябре 2013 г., которого долго перед этим добивалось при американской поддержке⁶.

Действительно в случае успешной реализации, Совместный план действий принятый в Женеве, может коренным образом изменить баланс сил в регионе Ближнего Востока. Одним из первых признаков возможных грядущих изменений является проблема разрешения сирийского кризиса. Так, победы исламской вооруженной оппозиции, которых она достигла в начале зимы 2013 года в ходе ожесточенных боев в провинции Дамаск и на юге Алеппо, многие эксперты связывали с влиянием американо-иранского сближения, что негативно отразилось на координации действий асадовских войск и отрядов «Хезболлы» и иракских шиитских милиций.

Однако фактический провал женевских переговоров по Сирии, проходивших в январе-феврале 2014 года, призванных обеспечить мирный переход власти в Дамаске, продемонстрировал всю сложность и неопределенность успешной реализации достигнутого ранее плана действий. Иран отказался принять участие в переговорах «Женева-2» на предложенных США и странами ЕС условиях, предполагающих фактическое согласие Тегерана на уход Асада от власти в САР. Более того, Иран продолжает оказывать прямую военную поддержку сирийскому режиму, хотя, как отмечают ряд западных военных экспертов, качество и объемы этой помощи, начиная с марта 2014 года, несколько снизились.

Тегеран надеется, что изменение позиции Египта по Сирии после свержения режима М. Мурси и обострение саудовско-катарских разногласий по сирийскому вопросу, в частности о будущей роли «Братьев-мусульман» в Сирии и Египте, усилят раскол в арабском сообществе, что, наряду с ухудшением отношений России с США из-за событий в Украине, позволит Тегерану выиграть время и добиться для себя более выгодных условий по ядерной проблеме и своей будущей роли на Ближнем Востоке.

¹ The Interpreter. 07.11.2013.

² Washington Times. 17.10.2011.

³ ар-Рай аль-Амм (Кувейт). 28.11.2013.

⁴ ар-Рай аль-Амм (Кувейт). 28.11.2013.

⁵ Morocco worldnews.com. 31.10.2013.

⁶ Jerusalem Post. 18.10.201.

Ирано-китайские отношения на современном этапе

Дипломатические отношения между Ираном и КНР были установлены в августе 1971 года. На начальном этапе в 70-х годах ирано-китайские политические и экономические связи находились на минимальном уровне, преимущественно из-за давления США на Иран, стремящихся не допустить развития культурных и дипломатических связей с коммунистическим Китаем. После победы в Иране в 1979 г. Исламской революции наметилась тенденция улучшения отношений с КНР в политической, экономической и военной областях.

Сотрудничество Ирана с Китаем активизировалось во время ирано-иракской войны 1980–1988 гг. В этот период Китай находился в самом начале экономических реформ, приведших впоследствии к быстрому росту экономики страны, и нуждался в новых партнерах и новых рынках сбыта. Иран, который после революции оказался в очень сложной политической и экономической ситуации, усугубившейся после ирано-иракской войны, проявил заинтересованность в установлении стратегических отношений с Китаем, который он не рассматривал в качестве естественного союзника.

В период ирано-иракской войны Китай продал Ирану оружия на сумму более 2 млрд долл., что составило 39%¹ от всех вооружений, импортированных Ираном во время войны. Военно-техническое сотрудничество Ирана с КНР продолжилось и после войны.

В 1990-е годы Китай начал официально содействовать развитию атомной энергетики Ирана. Однако, по некоторым сведениям, еще в 1985 г. между Ираном и КНР было подписано секретное соглашение по сотрудничеству в атомной сфере. Существовали обширные планы такого сотрудничества, но под давлением США КНР отказалась от их реализации в обмен на нормализацию отношений с США.

По мере быстрого экономического роста КНР все в большей степени нуждалась в энергоносителях, и поставки иранской нефти приобрели для Китая существенное значение.

В настоящее время сотрудничество Ирана с КНР наиболее явно проявляется во внешнеполитической, энергетической, торгово-экономической и военной областях, причем эти области сотрудничества тесно переплетены между собой и выводят отношения между странами на уровень сотрудничества, близкого к стратегическому.

Эта тенденция особенно ярко проявилась в 2000-е гг., чему предшествовало принятое Ираном в 1995 г. решение открыть свой энергетический сектор для иностранных инвестиций. Зарубежные компании получили возможность участвовать в разработке нефтегазовых месторождений и импортировать добываемую продукцию.

В конце 2001 г. КНР вступила в ВТО, и возможности США препятствовать укреплению связей Китая с ИРИ существенно сократились. В то же время, начиная с 2002 г. в связи с незаявленной атомной деятельностью Ирана, западные правительства стали оказывать на него возрастающее давление, что создавало для КНР новые возможности для укрепления связей с Ираном. Таким образом, начало 2000-х гг. знаменует собой период более тесного сотрудничества между Ираном и КНР. Одновременно, в связи с ростом экономической мощи страны, руководство Китая начало активную внешнеэкономическую экспансию, наращивая инвестиции за рубежом, прежде всего в добывающие отрасли. В результате к 2007 г. КНР стала главным торговым партнером Ирана.

Продолжали укрепляться и политические связи между двумя странами. В 2009 г. в Иране, в связи с выступлениями оппозиции, не согласной с результатами президентских выборов и избранием Ахмадинежада на второй срок, китайская сторона поддержала иранское руководство поставками полицейского оснащения для разгона демонстрантов. В ответ демонстранты скандировали не только антиамериканские, но и антикитайские лозунги. По мере формирования санкционного режима против Ирана, последний все в большей степени подпадал под влияние КНР. Санкции, к которым Китай также формально присоединился, дали ему возможность, действуя в обход санкций, занять лидирующие позиции в экономи-

ке и внешнеполитической ориентации Ирана и потеснить не только других иранских западных и восточных экономических партнеров, но и Россию, с которой у ИРИ были традиционные партнерские отношения. Особенно негативно сказался на российско-иранских отношениях отказ РФ от поставки ракетного комплекса ПВО С-300, договоренность о приобретении которого была достигнута ранее.

Китайские фирмы на иранском рынке в основном работают в сферах нефте- и газодобычи, нефтепереработки, электроэнергетики, строительства дорог, строительства метрополитена, сооружения плотин, заводов по производству цемента, металлургических заводов, судостроения.

Военное и военно-техническое сотрудничество

Как отмечалось выше, со времени ирано-иракской войны 1980–1988 гг. КНР начала поставлять Ирану не только стрелковое оружие, артиллерийские системы и другое вооружение, но также помогать в разработке ракетного оружия разных типов и в его модернизации. Китайские технологии были применены при разработке иранских ракет ближнего радиуса действия («Огаб» и «Назиат») и в ракетах дальнего радиуса действия («Шахаб-3» и их модификациях). При помощи китайских специалистов была создана противокорабельная ракета «Наср», идентичная китайской ракете Си-704. По некоторым данным, Китай в 2010 г. помог Ирану построить завод по производству ракет «Наср». Сообщалось также, что Китай поставлял Ирану морские мины и быстроходные катера. Китай также помогает ИРИ в создании оперативно-тактических и баллистических ракет.

В 1990-е годы в ИРИ при помощи китайских специалистов создана твердотопливная оперативно-тактическая ракета «Зельзам-2» калибра 610 мм с дальностью стрельбы до 200 км и 600-килограммовой боевой частью.

Имеются сведения, что Иран закупил несколько десятков китайских оперативно-тактических ракет мобильного базирования CSS-7 (DF-11 или М-11). Это твердотопливная ракета с дальностью стрельбы 280–290 км и с боевой частью весом в 800 кг.

Сотрудничество в энергетической области

Отличительной чертой современного этапа в энергетическом сотрудничестве двух стран является то, что Иран стал предоставлять китайским компаниям права на освоение иранских месторождений. Специализируясь на экспорте нефти, Иран в долгосрочной перспективе ориентируется на Восток, на Китай и Индию, которые развиваются быстрыми темпами. В связи с этим иранское руководство проводит политику поощрения китайских и индийских инвестиций в нефтяной бизнес страны.

Первым соглашением на разработку нефтяных месторождений можно считать подписанный в январе 2000 г. контракт, между Sinopet и Иранской национальной нефтяной компанией с целью разработки нефтяных полей в районе Заване и Кашана. Основной датой в энергетическом сотрудничестве двух стран является 2004 г., когда государственная китайская компания Zhuhai Zhengrong подписала с иранской стороной протокол о намерениях, согласно которому соглашалась импортировать 110 млн т сжиженного природного газа из Ирана в течение 25 лет. Предварительно сделка оценивалась в 20 млрд долл. В октябре того же года Sinopet, проведя переговоры с Национальной иранской газовой экспортной компанией и Иранской национальной нефтяной компанией, заключила сделку стоимостью 100 млрд долл. на поставку в Китай 250 млн т сжиженного природного газа на протяжении 25 лет.

В этом же году был подписан меморандум о намерениях, согласно которому Sinopet должна была предоставлять помощь в разработке и эксплуатации нефтяного месторождения Ядавара. В обмен Китай получал право в течение 25 лет импортировать добытую нефть, объемы которой, по предварительным оценкам, должен составлять 150 тыс. баррелей в день.

Сделка по Ядавара была завершена в 2007 г. подписанием контракта стоимостью 2 млрд долл. По контракту Sinopet будет принимать участие в разработке месторождения и добыче нефти, которая должна составить уже 185 тыс. баррелей в день.

Благодаря заключенным в последнее время контрактам Китай стал крупнейшим импортером иранской нефти. Ирану подобные

соглашения помогают преодолеть трудности, наложенные в 1996 г. Ирано-ливийским актом, по которому любая американская или иностранная компания, может инвестировать в иранскую нефтяную промышленность не более 40 млн долл. в год. Акт принимался с целью сокращения иностранных инвестиций в нефтяную промышленность Ирана, которая давала 20% ВВП и требовала модернизации. В августе 2006 г. Ирано-ливийский законодательный акт был переименован в Иранский санкционный акт (Iran Sanction Act) и сумма возможных годовых инвестиций сократилась до 20 млн долл.

Энергетическая безопасность Китая непосредственно связана с обеспечением транспортировки энергоресурсов с Ближнего Востока и, в частности, из Ирана.

В период действия санкций большую проблему для поставок нефти из Ирана представляла аренда танкеров. Для решения этой задачи Иран закупил в Китае 12 нефтеналивных танкеров водоизмещением до 2 млн баррелей нефти (около 300 тыс. т.) каждый. В августе 2013 г. Иран приобрел еще четыре крупнотоннажных танкера. Объемы поставок иранской нефти в Китай в последние годы росли и к июлю 2013 г. составили 1,16 млн баррелей в день².

В долгосрочной перспективе существуют планы возрождения, так называемого Шелкового пути, который включает в себя строительство нефтепровода, соединяющего Тегеран с Каспийским морем, а далее выходящего к нефтепроводу Западный Казахстан-Иран, а также в направлении Китай — Туркменистан — Иран. На повестке дня появился также альтернативный маршрут транспортировки иранской нефти через Пакистан. Однако реализация этого проекта маловероятна, в том числе из-за очень трудного рельефа местности на возможной трассе нефтепровода и вероятных политических препятствий.

КНР осуществляет крупные капиталовложения в энергетический сектор Ирана. Например, к концу 2009 г. их объем составлял около 55 млрд долл. Наиболее крупными проектами сотрудничества и инвестирования были следующие (в млрд долл. США):

1. Производство сжиженного газа на месторождении Южный Парс — 16 (2009).

2. Разработка нефтяного месторождения Ядавара́н — от 70 до 100 (2004–2006).

3. Разработка нефтяного месторождения Северное Азадеган — 1,8 (2009).

4. Производство сжиженного газа на 12-й фазе месторождения Южный Парс — 3,2 (2009).

5. Инвестиции в иранские НПЗ — 17,8 (2009)³.

Китай не только осуществляет инвестиции в нефтегазовую промышленность Ирана, но и поставляет в Иран бензин. В сентябре 2009 г. одна треть импортируемого Ираном бензина поступала из КНР. В августе 2010 г. поставки бензина из Китая составили половину иранского импорта. Даже в начале 2012 г., несмотря на санкции, Китай продолжал экспортировать бензин в ИРИ.

Помимо нефти и газа, энергетическое сотрудничество между Китаем и Ираном осуществляется и в сфере атомной энергетики и электроэнергетики.

Уже в 2003 г., несмотря на растущую угрозу применения санкций в связи с иранской ядерной программой, КНР поставил в Иран 1,8 тонн природного урана; а в мае 2006 г. Иран использовал газ гексафторид, поставленный Китаем, для ускорения обогащения урана.

В 2007 г. китайские фирмы поставляли в Иран графит, вольфрамовую медь, вольфрамовый порошок, высокопрочный алюминий и специальные марки закаленных стальных изделий для их использования в осуществлении ядерной программы. В 2010 г., по данным МАГАТЭ, китайские компании поставили в Иран клапаны и вакуумные измерительные приборы, которые могут быть использованы в процессе обогащения урана.

Китай де-факто не выступает против развития Ираном своей атомной энергетики. В 2006 г. во время встречи на саммите ШОС в Пекине с Ахмадинежадом председатель КНР Ху Дзиньтао подчеркнул, что Иран имеет право на развитие атомной энергетики. Эту позицию КНР Ху Дзиньтао подтвердил на повторной встрече с Ахмадинежадом в 2008 г.

В ходе всего процесса переговоров между группой «5+1» и Ираном по его ядерной программе Китай последовательно выступал в

поддержку права Ирана на обогащение урана и за решение иранской ядерной проблемы путем переговоров. В ходе последнего раунда переговоров 20–24 ноября 2013 г. по иранской ядерной проблеме стороны пришли к взаимоприемлемому компромиссу, который позволяет в обозримом будущем снять санкции и будет способствовать еще большему укреплению позиций КНР в Иране, хотя и в условиях обострения конкурентной борьбы с другими игроками.

В сфере электроэнергетики Китай планирует в рамках проекта, рассчитанного на 6-летний период, принять участие в строительстве 10 электростанций комбинированного цикла и ветровых электростанций. Китай уже вложил 500 млн долл. в строительство угольной электростанции мощностью в 650 МВт в Табасе. Первоначально строительство электростанции в Табасе планировалось осуществить силами российских компаний, но из-за проблем с финансированием реализация проекта была приостановлена. Обладая большими финансовыми возможностями, Китай во все большей степени внедряется в электроэнергетическую сферу иранской экономики, вытесняя конкурентов. Китайские фирмы уже построили в Иране две гидроэлектростанции — «Талеган» и «Мулла Садр», а также выиграли тендер на строительство ГЭС «Рудбар».

Сотрудничество в области транспорта

Развивается сотрудничество сторон в производстве автомобилей. Китай не является крупной автомобильной державой. Тем не менее, китайская автомобильная компания «Черри моторз» открыла свой первый зарубежный завод именно в Иране. Таким образом, китайское предприятие в Иране может дать возможность китайским автопроизводителям выйти на мировой рынок. В отсутствие конкурентов в период действия санкций Китай уверенно завоевывает иранский автомобильный рынок. Уже в течение пяти лет в Иране собираются и реализуются недорогие китайские автомобили производства компании «Черри моторз». Кроме того, в Иране открыто представительство второго по величине китайского производителя автомобилей компании «Джили». Несмотря на то, что китайские автомобили

уступают западноевропейским и южнокорейским в качестве, из-за доступной цены они пользуются спросом.

По мнению члена ученого совета Технологического университета имени Ходже Насреддина Туси Шахрама Азади, в ближайшем будущем китайские автомобилестроители создадут серьезную конкуренцию европейским и японским компаниям в Иране. Кроме того, китайские производители автомобилей создадут угрозу и иранским производителям, поскольку иранские национальные автомобильные бренды тоже не смогут конкурировать с китайскими автомобилями⁴.

Самым крупным проектом с участием китайской стороны остается строительство метро в иранской столице. Для 10-миллионного города введение в эксплуатацию метрополитена частично помогло решить транспортную проблему и улучшило экологию. Предложение привлечь китайские компании к реализации главного президентского проекта со стороны Ирана поступило в начале 1990-х гг. Тендер выиграла Международная кредитно-инвестиционная компания Китая СИПС. После пяти лет переговоров в 1997 г. стороны подписали контракт, оцененный в 328 млн долл. Таким образом, уже более 15 лет китайские компании участвуют в строительстве линий метрополитена в Тегеране. Размер предоставленных кредитов и вложенных инвестиций исчисляется миллиардами долларов. Китайская сторона, помимо непосредственного участия в строительстве, также предоставляет большую часть необходимого оборудования для запуска линий метро: вентиляционные установки, вагоны, электрооборудование и т.д. Среди китайских компаний, помимо СИПС, также представлена компания НОРИНКО (промышленная корпорация севера) и Китайская технологическая экспортно-импортная корпорация, которая поставляет оборудование и системы электроснабжения для иранского метрополитена. Предполагается участие китайских компаний в строительстве метро в Тебризе, Мешхеде и Исфагане.

В феврале 2011 г. между КНР и ИРИ был подписан контракт на строительство в Иране железных дорог на сумму 13 млрд долл. КНР окажет содействие в строительстве следующих железнодорожных магистралей:

- Тегеран — Мешхед (900 км);
- Тегеран — Кум — Исфаган (410 км);

- Казвин — Решт — Энзели — Астара (370 км);
- Арак — Керманшах — Хосрави (569км);
- Чабахар — Захедан — Мешхед (1340 км);
- Горган — Баджноурд — Мешхед (646 км);
- Тегеран — Хамадан — Сенендедж (408 км);
- Сари — Реш (366 км)⁵.

Из приведенного списка видно, что Китай готов финансировать практически все плановые проекты железнодорожного строительства в Иране, что в перспективе будет способствовать созданию международных меридианных и широтных железнодорожных коридоров, проходящих через территорию Ирана.

Кроме того, Китай участвует в реализации ряда проектов по сооружению шоссейных дорог и туннелей, в том числе в Тегеране в реконструкции скоростной автострады «Садр» и в затянувшемся сооружении туннелей на автостраде «Тегеран — Север», которая свяжет столицу кратчайшим путем с побережьем Каспия.

Другие сферы сотрудничества

В последние годы наблюдается активизация ирано-китайских контактов и сотрудничества на всех уровнях и во всех сферах: политической, научной, информационных технологий, безопасности, юридической, культурной.

В сентябре 2010 года член постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Ли Чунчунь совершил визит в Иран, где встретился с президентом Ирана Махмудом Ахмадинежадом, что знаменовало собой новый этап межгосударственных отношений. В 2011 году член ПК Политбюро ЦК КПК, секретарь Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины Ха Гоцян и заместитель председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей /ПК ВСНГ/ Чэнь Чжили также посетили Иран по случаю 40-летия установления дипломатических отношений.

В 2013 г. ирано-китайские контакты активизировались. По приглашению правительства Китая в апреле 2013 г. с четырехдневным визитом в этой стране был министр науки, технологий и исследо-

ваний Ирана Камран Данешджу. Иранский министр отметил, что за последние 5 лет Иран продвинулся с 28-го на 8-е место в мире по развитию нанотехнологий, а в одном из иранских университетов разработан научно-исследовательский спутник Земли. Предметом обсуждения на встрече с президентом Академии наук КНР Бай Чунли были вопросы сотрудничества между двумя странами в области науки и новых технологий.

В настоящее время 5 научно-исследовательских центров Китая сотрудничают с иранскими коллегами. По мнению президента АН КНР, в научном сотрудничестве между двумя странами следует сделать акцент на нанотехнологиях и космических исследованиях⁶.

В конце июня 2013 г. министр связи и информационных технологий Ирана Мохаммад Хасан Нами прибыл в Пекин по официальному приглашению китайской стороны с целью ознакомления с китайскими организациями и предприятиями, специализирующимися в области связи и информационных технологий. В ходе встречи с министром промышленности и информационных технологий Китая были обсуждены вопросы сотрудничества между двумя странами в области передовых технологий и научных исследований, особое внимание было уделено вопросу более активного участия китайской стороны в крупных проектах.

Стороны провели переговоры по поводу обмена технологиями и налаживания производства информационно-коммуникационного оборудования, а также по поводу сотрудничества в области финансирования различных проектов.

Мохаммад Хасан Нами после встречи со своим китайским коллегой заявил, что Иран и Китай придерживаются одинаковых взглядов по поводу использования Интернета⁷.

Укрепляется сотрудничество двух стран в сфере безопасности. Во время визита министра внутренних дел Ирана Мустафы Мохаммада Наджара в Китай 4 июля 2013 г. Тегеран и Пекин подписали Меморандум по вопросам безопасности, в котором заявлено, что Китай может считаться стратегическим партнером Ирана. «Подписание меморандума о безопасности между двумя странами открыло новую область сотрудничества в регионе», — заявил по этому поводу Наджар⁸. Иранский министр также отметил, что ме-

меморандум по безопасности между двумя странами станет поворотным моментом в двустороннем сотрудничестве между двумя, которое и без того достигло высокого уровня в различных областях, включая борьбу с незаконным оборотом наркотиков и международной организованной преступностью.

9 сентября 2013 г. по приглашению председателя меджлиса Ирана Али Лариджани с официальным визитом в страну прибыл председатель Постоянного Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) У Банго. В аэропорту было распространено его письменное заявление, в котором говорилось о том, что на протяжении более чем 40 лет после установления дипломатических отношений, благодаря усилиям Китая и Ирана, успешно развивается дружественное сотрудничество в различных областях, которое приносит реальную пользу двум странам и их народам. По заявлению У Банго, китайская сторона намерена совместно с иранской прилагать усилия для непрерывного углубления взаимопонимания и доверия, расширять дружественные контакты и сотрудничество во всех сферах и содействовать развитию китайско-иранских дружественных связей. Иран был первой страной, которую посетил У Банго в своем турне по странам АТР. После Ирана он нанес официальные визиты в Мьянму, Шри-Ланку и Фиджи.

12 сентября 2013 г. президент Ирана Хасан Роухани встретился с руководителем КНР Си Цзиньпином в Бишкеке на саммите ШОС. Стороны подчеркнули свою решимость развивать сотрудничество в различных областях, а также необходимость решения иранской ядерной программы путем переговоров. Стороны выразили готовность к конструктивному сотрудничеству в решении сирийской проблемы.

В начале ноября 2013 г. спикер иранского парламента А. Лариджани совершил официальный визит в Китай, где провел переговоры с председателем КНР Си Цзиньпином, председателем ПК ВСНП Чжан Дэуэном и другими китайскими руководителями. В ходе переговоров был решен вопрос о разблокировании 22 млрд долл., размещенных в китайских банках, в качестве платы за поставки иранской нефти в КНР.

На встрече с китайским руководством А. Лариджани отметил, что Иран уделяет большое внимание развитию отношений с Кита-

ем и рассчитывает на дальнейшее укрепление связей и сотрудничества в торгово-экономической, энергетической, инвестиционной и в других сферах.

3 ноября 2013 г. иранский парламент принял закон об экстрадиции между ИРИ и КНР. По этому закону лица, осужденные в одной стране, могут быть выданы другой для отбывания там срока тюремного заключения.

В последнее время гуманитарные обмены между Китаем и Ираном непрерывно углубляются. В сентябре 2011 г. в Тегеране успешно прошла Неделя китайской культуры, а 16 февраля 2013 г. был создан Китайско-иранский объединенный комитет по делам культуры, призванный активизировать культурные обмены и сотрудничество в этой области. Китай и Иран также согласились на принципе паритетности учредить в обеих странах культурные центры. В рамках этой договоренности 2 ноября 2013 г. на встрече в Тегеране иранских и китайских должностных лиц была подписана совместная декларация об открытии культурных центров двух стран на взаимной основе в Тегеране и Пекине соответственно.

Помимо этого в университете Бехешти и других известных вузах Ирана открылась специальность «китайский язык». Среди иранской молодежи в последнее время наблюдается большой интерес к изучению китайского языка⁹, что объясняется растущей потребностью в кадрах в условиях расширения сотрудничества с Китаем во многих отраслях экономики и научно-технической сфере.

В итоге можно констатировать, что сотрудничество между ИРИ и КНР в последние годы развивается и углубляется во всех областях и особенно в торгово-экономической сфере, чему способствует существенный рост китайской экономики и все увеличивающаяся потребность в получении надежных источников энергоресурсов, прежде всего нефти и газа, и стремление КНР к завоеванию новых рынков сбыта своей промышленной продукции.

В период действия международных санкций, в связи с осуществлением Ираном своей ядерной программы, Китай смог значительно усилить свои позиции в Иране, действуя, по существу, в обход режима санкций. Иран, со своей стороны, смог использовать расширение торгово-экономических связей с КНР в целях некоторого

смягчения воздействия санкций на экономику страны. Заинтересованность двух стран в развитии взаимовыгодного сотрудничества способствовала существенному росту объема внешнеторгового оборота в последние годы (данные в млрд долл. США):

2009 — 21,2

2010 — 29,3

2011 — 45

2012 — 48

2013 (оценка) — 38.

Для Ирана Китай является на сегодняшний день основным торговым партнером. Иранский экспорт в Китай составляет 22,1%, а импорт из Китая — 13,8% от общего объема внешнеторгового оборота. Растет экспорт иранской нефти в КНР. В 2013 г. КНР планировала закупать у Ирана в среднем 230 тыс. бар. нефти в день, но по некоторым данным за 9 месяцев 2013 г. импорт нефти составил 418, 2 тыс. бар. в день. Иран обеспечивает до 12% годовой потребности КНР в нефти и является третьим по значению поставщиком нефти в эту страну¹⁰. Растет объем прямых китайских инвестиций в экономику Ирана, который в 2012 г. составил около 700 млн долл. и, по предварительным оценкам, в 2013-м может удвоиться.

На фоне укрепления торгово-экономических отношений наблюдается процесс углубления политических, военных, научно-технических и культурных связей, что позволяет говорить о тенденции к перерастанию ирано-китайских связей в отношения стратегического партнерства.

¹ TIV of arms imports to Iran,1980–1988. SIPRI Arms Transfers Database // www.sipri.org/contents/armstrad/output_types_TIV.html.

² См.: www.uancole.Com/2013/08/china-congress-iranian.html.

³ Viableopposition.blogspot.ru/2013/02/china-and-its-relationship-with-iran.htm.

⁴ [Khabargozarie.daneshjuyane.iran.12.azar.1392\(04.12.2013\)//isna.ir/fa/print/92091308905](http://Khabargozarie.daneshjuyane.iran.12.azar.1392(04.12.2013)//isna.ir/fa/print/92091308905).

⁵ См.: edition.presstv.ir/detail/164339.html.

⁶ См.: www.islamnews.run/news-139372.itml.

⁷ IRAN.ru. 24.06.2013.

⁸ См.: news.day.az/iran/413527.html.

⁹ См.: russian.people.com.cn/31520/7942289.html#.

¹⁰ См.: www.aawsat.net/2013/11/article55321206/hrint.

К вопросу о положении национальных и религиозных меньшинств

В ходе избирательной кампании и сразу после президентских выборов в Иране Х. Роухани одним из главных направлений своей деятельности называл национальную политику. Необходимо отметить, что самое большое число голосов он получил именно в районах, где проживают национальные и религиозные меньшинства.

После избрания им была подготовлена специальная программа¹ по национальному вопросу, которая включала в себя следующие пункты:

1. Подготовка законодательства для полной реализации Конституции, особенно статей 3, 12, 15, 19, 22, и построения «государства надежды и благоразумия» (такое определение дал сам Х. Роухани).

2. Широкое участие общественности (независимо от языковой и религиозной принадлежности) в управлении страной и реализация принципа управления страной «элитой одаренных»² на всех уровнях.

3. Назначение компетентных представителей на местах на руководящие должности, в местных и региональных органах власти.

4. Преподавание национальных языков (курдский, азербайджанский, арабский) в школах и университетах в исполнение статьи 15 Конституции ИРИ.

5. Повышение уровня культуры и развитие литературы различных этнических групп Ирана с целью поддержания и сохранения древнего иранского культурного наследия.

6. Соблюдение прав членов конфессиональных меньшинств, невмешательство в их религиозные дела.

7. Разработка долгосрочных и краткосрочных программ (культурных, экономических и социальных), особенно в депрессивных районах и приграничных провинциях, пострадавших от ирано-иракской войны, выделение компенсационного бюджета на развитие этих районов.

8. Устранение дискриминации во всех ее формах и видах.

9. Изменение ситуации, когда все рассматривается исключительно «с точки зрения национальной безопасности» по отношению к различным этническим группам и культурам Ирана, и эффективное научное управление для того, чтобы оптимизировать использование человеческих и материальных ресурсов³.

О том, насколько для Роухани важен вопрос этнических проблем, свидетельствует то, что он начал свое выступление на 68-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (17 сентября 2013 г., Нью-Йорк) словами: «Наш мир является миром, полным страхов и надежд: страха перед войной и враждебными региональными и международными отношениями; **страха перед смертоносными столкновениями религиозных, племенных и национальных идентичностей...**»⁴.

Проблемными на сегодняшний день остаются в ИРИ осланы: Курдистан, Систан и Белуджистан. Экономическая ситуация в этих осланах хуже, чем в центральных районах. Серьезную роль играет и суннитский фактор: в то время как курды-шииты в достаточной мере интегрированы в иранский социум и его хозяйственную жизнь, курды-сунниты чувствуют себя во многом обделенными. Это сказывается на такой особенности оппозиционного движения в Иране, как деятельность террористических этнических организаций. Подавляющее большинство терактов произошло в тех провинциях страны, где проживают этнические меньшинства: в Курдистане и Западном Азербайджане. В них действуют Партия свободной жизни Курдистана (*Partiya Jiyana Azad a Kurdistanê [PJAK]*) — ПСЖК) и Партия рабочих Курдистана⁵ (*Party of Free Life of Kurdistan [PFLK]* — ПРК). В 2010 и 2011 годах ПСЖК совершила ряд террористических актов. В основном они были направлены против сотрудников иранских вооруженных сил. Официальный Тегеран не оставался в долгу, проведя в 2011 г. ряд успешных операций против ПСЖК, в результате которых были арестованы или уничтожены многие члены этой организации. Несмотря на успехи иранских спецслужб, ситуация в этих регионах Ирана остается достаточно напряженной.

Необходимо отметить, что в последнее время ПСЖК свою активность перенесла преимущественно на Сирию и в связи с этим

снизила активность в самом Иране. Есть неофициальные сведения о том, что ПСЖК заключила с официальным Ираном что-то типа соглашения о прекращении огня.

Действия курдов в Иране сейчас в основном направлены на культурную пропаганду, на создание культурных курдских центров. Большую роль в этом играет пример Иракского Курдистана. Между курдами Ирана и Ирака, в том числе благодаря спутниковому телевидению и Интернету, создается что-то типа «воображаемого сообщества», по терминологии Бенедикта Андерсена⁶. Возможно, что главной причиной активизации курдского сепаратизма в Иране в последнее время является движение за расширение автономии Иракского Курдистана. Это ведет к усилению этнического самосознания курдов, проживающих не только в Ираке, но и в Иране и Турции, которая также столкнулась с усилением сепаратистских тенденций. Есть все основания предполагать, что курдская проблема будет и в дальнейшем оставаться одним из факторов региональных угроз для Ирана.

Аналогичная ситуация и в провинции Систан и Белуджистан. Это — один из самых отсталых останов Ирана, где не только слабо развита промышленность, но и сельское хозяйство является малопродуктивным. Население остана неоднородно в конфессиональном отношении. Белуджи в Систане — шииты, а в Белуджистане — сунниты⁷. Они высказываются за раздел остана по религиозному признаку, но власти не идут на это, хотя это самый большой по площади остан в ИРИ. В этом районе против шиитов активно действует пакистанская группа «Джандалла»⁸. Приблизительно на сотый день правления Роухани из Пакистана перешли границу в Сараване боевики из группировки «Джейш-оль-адл» (сепаратистская группировка белуджей) и убили 17 молодых солдат-пограничников, снимая это убийство на видео и выкладывая записи в Интернет. В ответ на это власти казнили 14 человек, якобы членов «Джандалла», которые находились в тюрьмах Захедана. Однако за убийство молодых военных ответственность взяла на себя другая организация — «Джейш-аль-адль», по версии иранского руководства, суннитская группировка, подпитываемая ваххабитами. В качестве возмездия за казнь был убит прокурор Захедана. В ответ на это были арестованы 10 человек. Как мы видим,

ситуация в районе действительно взрывоопасная и требует проведения взвешенной национальной политики.

Хотя объявленные Х. Рухани основные направления национальной политики способны смягчить этнические проблемы в стране, но основная задача, как представляется, будет заключаться в способности правительства реализовать эту программу. В этой связи нельзя не напомнить о том, что национальную политику, предложенную Роухани, в свое время начал проводить М. Хатами, но противодействие со стороны консервативного лагеря было настолько мощным, что осуществить начатое ему не удалось.

Решение национальной проблемы новым правительством во многом будет зависеть от исхода противоборства двух основных течений современного политического спектра Ирана — консерваторов и реформаторов и от позиции рахбара, а также от того, насколько Х. Роухани сможет оказать влияние на рахбара.

¹ См.: // aftabnews.ir/fa/news/196044. См. также на официальном сайте Президента ИРИ: www.rouhani.ir.

² Т.н. меритократия — отбор управленцев согласно их талантам и умениям, а не связям и семейным кланам.

³ Ответственность за исполнение этой программы была возложена на аятоллу Али Юнеси. В сентябре 2000 г. он провел переговоры с тогдашним главой Совбеза РФ Сергеем Ивановым по поводу взаимодействия на афганском направлении и в борьбе с радикальными суннитскими организациями. Али Юнеси также лично курировал создание законспирированной агентурной и диверсионно-террористической сети в южной и северной частях Ирака, которую планировалось задействовать в случае, если американское присутствие в Ираке будет представлять угрозу Ирану.

⁴ См.: webtv.un.org/meetings-events/general-assembly/general-debate/68th-session/watch/iran-general-debate-68th-session/2688762050001.

⁵ У нас ее ошибочно называют «Рабочая партия Курдистана».

⁶ Воображаемые сообщества — концепция в рамках теории нации, в которой Бенедикт Андерсон рассматривает нацию как социально сконструированное сообщество, воображаемое людьми, воспринимающими себя как его часть. См.: *Anderson Benedict R. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. London, 2010. P. 30–32.

⁷ В Систане проживают примерно 17% систани и 83% белуджей. Белуджи живут в Иране.

⁸ Группировка Джандалла — организация белуджских суннитов — была создана в 2003 г. и действует как в иранском, так и в соседнем пакистанском Белуджистне. Власти Ирана обвиняют Джандаллах в массовых убийствах, вооруженных ограблениях, похищениях, взрывах и диверсиях. По утверждениям Тегерана, группировка Джандалла связана со спецслужбами США, Израиля и Великобритании. Казненный недавно глава движения Абдулмалек Риги (самолет которого, летевший из Казахстана в ОАЭ, посадили на территории Ирана, а его арестовали и вскоре казнили), заявлял, что они борются за независимость Систана-Белуджистана.

О возможностях сотрудничества Ирана и Норвегии в нефтегазовой области

Отношения Ирана с Норвегией имеют более чем столетнюю историю. В 1908 году между этими странами были установлены дипломатические связи. Первые договоры были подписаны уже позднее, и интенсивность межгосударственных отношений не была очень высокой (1930 год — договор о судоходстве, 1950 год — договор о воздушном транспорте, 1956 год — второй договор о воздушном транспорте). При этом только в 1962 году было открыто посольство Норвегии в Тегеране, а в следующем — и посольство Ирана в Осло.

До Исламской революции в Иране торговля между двумя странами характеризовалась в основном поставками иранской нефти в Норвегию.

Вскоре после победы Исламской революции посол Норвегии в Тегеране выступил за то, чтобы официальный Осло признал новый режим, однако отношения между странами ухудшались. Королевство выказало протест против учиняемых в Иране казней монархистов и отозвало своего посла в декабре 1979 г. в знак протеста против захвата посольства США. Однако экономическое сотрудничество, в частности, в вопросах, связанных с «черным золотом», продолжалось.

После разрыва отношений между Ираном и США и пересмотра иранской нефтяной политики (в частности, аннулирования контрактов 1973 года на добычу нефти и национализации МНК с передачей всех прав собственности и деятельности ИННК) в Иране начались поиски новых партнеров, обладающих современными технологиями по добыче, переработке, транспортировке и разведке нефти. Однако процесс поиска новых партнеров был осложнен восьмилетней ирано-иракской войной, которая шла не только на суше, но и на море (т.н. «танкерная война»). В сложившейся си-

туации иранское руководство проявило интерес именно к Норвегии в связи с тем, что эта страна:

- обладала развитыми и перспективными нефтяными технологиями;

- не имела колониального прошлого;

- соблюдала нейтралитет в ирано-иракской войне 1980–1988 гг.

Но в 1979–1989 годах Норвегия так и не стала важным партнером для поставок в Иран оборудования для нефтедобывающей промышленности. Страна поставляла в Иран в основном рыбу, целлюлозно-бумажную продукцию, железо и сталь, телекоммуникационное оборудование и научные приборы. Основными статьями иранского экспорта в Норвегию были фрукты, овощи, рыболовные сети и топливо.

После окончания ирано-иракской войны Норвегия возобновила тесное сотрудничество с Ираном, но вскоре в связи с реакцией иранских властей на публикацию «Сатанинских стихов» Салмана Рушди вновь отозвала своего посла, отменила визит министра иностранных дел Турвальда Столтенберга в Иран и приостановила создание в Тегеране своего Управления по экспорту.

В период президентства А.А. Хашеми-Рафсанджани отношения между двумя странами испытывали как подъемы, так и падения. Так, в 1990 году были установлены прочные связи с министерством нефти и энергетики Норвегии, в 1992 году была реальной перспектива подписания двустороннего договора об экономическом сотрудничестве. Однако начавшийся в 1993 году кризис в отношениях Ирана с рядом европейских стран (из-за убийства курдских оппозиционеров) привел к разрыву официальных экономических связей в 1995 году.

С приходом к власти в 1997 году в Иране нового президента Мохаммада Хатами отношения Ирана с Норвегией улучшились, в результате объемы торговли между двумя странами значительно возросли. В 1998 году был подписан первый договор в нефтегазовой сфере между норвежской компанией «Saga Petroleum» и ИННК, а в 1999 г. и 2000 г. двусторонние отношения в сфере энергетических ресурсов резко интенсифицировались: прошли такие мероприятия, как официальный визит норвежской торговой делегации в Тегеран в составе представителей компаний «Saga Petroleum», «Hydro», «Sta-

toil», «Eksportfinans», «Jotun» и «Telenor» и поездка норвежской нефтяной делегации в Тегеран в составе представителей компаний «Kværner», «CorrOcean», «Navion», «Kongsberg Subsea», «Det Norske Veritas», «ABB», «Aker Geo», «Hydro» и «Statoil»¹.

Но, безусловно, главной вехой в энергетическом сотрудничестве стало подписание в 2000 году договора между «Statoil» и Иранской национальной нефтяной компанией, благодаря чему Иран и Норвегия становятся ключевыми партнерами. Взаимодействию двух стран способствует тот факт, что у Ирана и Норвегии во многом схожие системы государственного контроля над энергоресурсами.

В Иране, начиная с революции 1979 г., действует государственная монополия на добычу, переработку и экспорт нефти, и весь нефтяной сектор экономики Ирана полностью контролируется государственной Иранской национальной нефтяной компанией. В 2010 году частичная приватизация иранского нефтяного сектора стала объективной необходимостью, так как именно посредством частичной передачи в частные руки экспорта нефти можно было обойти санкции². Однако все это делается для развития отрасли и под строгим государственным надзором. Сама ИННК не приватизируется и остается государственной собственностью, а точнее — вместе с подчиненной ей национальной газовой компанией — инструментами регулирования Министерства нефти³, хотя некоторые компании министерства и заявляют о «процессе превращения в независимые»⁴; но приватизируются в первую очередь не добывающие предприятия, а компании логистической и сервисной направленности⁵. Норвегия с самого начала норвежской «нефтяной эры» сделала все, чтобы нефтяная деятельность находилась под контролем государства. Для этого 2 июня 1972 года были созданы собственная государственная нефтяная компания «Statoil» и норвежский нефтяной директорат.

Вслед за подписанием в 2000 году Протокола о сотрудничестве между ИННК и «Statoil», в ноябре того же года в Иран прибыл руководитель компании Олаф Эсклесен и заявил о готовности вложить средства в 6–8 различных проектов⁶.

В 2003 году сторонами был подписан Меморандум о взаимопонимании, регулирующий взаимодействие в области энергетики.

Ежегодно проводятся встречи заместителей министров нефти и энергетики с участием представителей норвежской и иранской нефтегазовой отрасли.

Двусторонние отношения достигли своего пика во время второго правительства Хьелля Магне Бондевика и президентства Мохаммада Хатами, но постепенно охладились из-за коррупционного скандала в «Statoil» в 2003 году, победы на выборах в ИРИ известного своей антизападной и антиизраильской риторикой Махмуда Ахмадинежада в 2005 году, а также международных, американских и европейских санкций против Ирана.

В это время концерн «Statoil» вел буровые работы на месторождении Анаран и геологоразведочные — на прилегающем к Анарану перспективном участке Хоррамабад. Совокупный объем инвестиций «Statoil» в Иране в 2000–2007 гг. составил около 227 млн долл.

В то же время компания «Statoil» не раз использовалась в «грязных» играх политиков по дискредитации исламского режима и с целью изоляции Ирана. Так, 13 октября 2006 г. в Осло на созванной пресс-конференции выступил руководитель этой компании Х. Лунд и сделал сенсационное признание в том, что компания «Statoil» в 2002–2003 гг. выплачивала Мехди Рафсанджани — сыну бывшего в 1989–1997 гг. президентом Ирана А. Рафсанджани — в качестве взятки 15 млн долл. США «за содействие в получении контрактов на освоение крайне важного для иранской экономики газового месторождения Южный Парс». Такое сенсационное признание «всплыло» внезапно и сопровождалось также выплатой штрафа в 21 млн долларов и оправданиями перед США⁷.

«Statoil» 6, 7 и 8-я фаза месторождения Южный Парс были сданы в эксплуатацию только в 2008 году⁸. Стоимость работ по контракту, по сообщениям иранской прессы, составила 350 млн долл. Таким образом, компании, вложившие более 20 млн долларов в нефтегазовый сектор Ирана, автоматически подпадали под санкции США⁹. Однако контракт был подписан в 2003 году, и Норвегия и Иран плодотворно сотрудничали в этой сфере¹⁰. Санкции американского правительства удалось обойти благодаря новому контракту, заключенному в 2005 году и позволившему минимизировать затраты до 20% от первоначально планируемых¹¹.

По состоянию на 2010 год «Statoil» обязывалась не заключать более никаких сделок с Ираном, а ранее заключенные контракты довести до срока окончания действия договоров в связи с давлением США¹².

С 1 июля 2012 года начало действовать эмбарго Евросоюза на импорт иранской нефти, с октября — природного газа из ИРИ. В ноябре к санкциям присоединилась и Норвегия. Таким образом, Норвегия тоже внесла свою «лепту» в экономический нажим на Иран, выведя свой капитал из сферы добычи углеводородов.

Нужно сказать, что санкции отразились не только непосредственно на добыче нефти в Иране. Так, Норвегия после подписания меморандума о взаимопонимании готовила кадры для ИННК, что после введения санкций было прекращено. Норвегия также прекратила поставлять Ирану технологии по безопасности добычи газа с шельфа Персидского залива¹³. На начало 2013 года вся деятельность норвежских нефтегазовых компаний, в первую очередь «Statoil», была свернута.

Вероятное в ближайшем будущем снятие санкций с нефтяной промышленности Ирана может стать новым толчком для взаимодействия в этой сфере. Так, по сообщениям СМИ, известно, что посол Королевства Норвегия в Исламской Республике Иран считает прекращение антииранских санкций «началом нефтяного сотрудничества между Ираном и Норвегией»¹⁴. Иранская сторона также заинтересована в развитии сотрудничества с нефтяными компаниями Норвегии, в частности, компанией «Statoil», которая работала до этого в Иране¹⁵, однако понимает, что в условиях санкций богатый опыт «Statoil» и «Hydro» не может быть применен¹⁶. В то же время поступает весьма противоречивая информация о том, что у «Statoil» нет конкретных планов по участию в нефтегазовой отрасли Ирана¹⁷.

Однако в случае хотя бы частичного снятия санкций со стороны Евросоюза Норвегия политически заинтересована в продвижении национального капитала на этот рынок. Иранская нефть на данный момент — инструмент серьезного политического давления.

С точки зрения участия Норвегии в разработке нефтегазовых богатств, самыми удобными месторождениями являются Анаран¹⁸ и

последние фазы месторождения Южный Парс (Северное), где ранее работала «Statoil». Обладая серьезными технологиями, «Statoil» незаменима при добыче полезных ископаемых с шельфа Персидского залива, однако может распорядиться своим потенциалом и по-иному, войдя в долю в других «новых» месторождениях района антиклиналей Загроса.

Россия и Норвегия являются давними партнерами и конкурентами на шельфе Северных морей. Так же дело обстоит и в Иране — российские компании не только кооперировались с норвежскими для разработки перспективных месторождений, но и зачастую вели между собой жесткую конкуренцию за право разработки.

Нельзя не признать, что отсутствие иностранного, в том числе норвежского капитала в настоящий момент открывает хорошие перспективы для отечественных компаний в деле проникновения в иранскую энергетику и может послужить расширению энергетического сотрудничества между РФ и ИРИ.

Иран заинтересован в максимальной диверсификации инвесторов и модернизации своих нефтегазовых мощностей, при большом числе инвесторов имеется больше возможностей получить новейшие технологии. И сейчас этому во многом способствует наметившаяся разрядка напряженности вокруг ИРИ.

¹ *Izadi Mohammad M.* Forholdet mellom Iran og Norge // snl.no/Forholdet_mellom_Iran_og_Norge.

² См.: minfin.com.ua/2012/05/11/587667.

³ Хосуси-сази дар санаат-е нафт; Чалешха, мована ва рахкарха // www.nioc.ir/fpublications/ekteshaf/51/pdf/51-07.pdf.

⁴ См.: www.petropars.com/Aboutus/CompanyBackground.aspx.

⁵ *Вартамян А.М.* Приватизация в Иране: успехи и неудачи // www.iimes.ru/rus/stat/2010/06-10-10.htm.

⁶ См.: www.rajanews.com/detail.asp?id=48834.

⁷ *Воронов С.С.* Тактика и методы давления на Тегеран // www.iimes.ru/rus/stat/2006/03-11-06.htm.

⁸ См.: www.iran.ru/news/economics/52313/Vvod_v_ekspluatsiyu_gazodobyvayushchey_platformy_8_oy_ocheredi_proekta_Yuzhnyy_Pars_perenositnya_na_avgust_t_g.

⁹ См.: www.bashgah.net/fa/content/show/2294.

¹⁰ См.: www.iran.ru/news/economics/15088/Statoyl_prodolzhaet_svoe_sotrudnichestvo_vs_INNK.

¹¹ См.: www.petropars.com/CompletedProjects/SouthParsGasFieldPhases6,78.aspx.

¹² Statoil Annual Report 2010, Iran // www.statoil.com/AnnualReport2010/en/OurOperations/BusinessAreas/InternationalEP/InternationalFieldsInDevelopmentAnd

Production/Pages/Iran.aspx.

¹³ Норвегия в ожидании окончания санкций против нефтепромышленности Ирана (интервью посла Норвегии в ИРИ Петера Кимпруда) // www.shana.ir/fa/newsagency/210843.

¹⁴ См.: russian.irib.ir/news/economica/item/194762.

¹⁵ См.: www.rbc.ru/rbcfreenews/20131206051519.shtml.

¹⁶ Норвегия в ожидании окончания санкций против нефтепромышленности Ирана (интервью посла Норвегии в ИРИ Петера Кимпруда) // www.shana.ir/fa/newsagency/210843.

¹⁷ См.: www.cnn.com/id/101252239.

¹⁸ Специально под проект «Анаран» была создана компания Hydro Zagros Oil and Gas AS (дочернее предприятие норвежской компании Norsk Hydro), работавшая на этом месторождении совместно с российской «Лукойл Оверсиз Холдинг Лтд» (См.: www.ppp-pf.ru/legal/irn.php) — *Прим. А.И.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Партизанский марш

Что будет, то будет,
Сам черт нам не брат.
Уходит в вечность
Летучий отряд.
На нас униформа
Цвета олив.
Блещет луна,
Освещая залив.
Отвага в сердце,
Винтовка в руках.
Удар, и наемник
Рассыпался в прах.
За лучшую долю
Вступили мы в бой,
С режимами в контрах,
В ладах с собой.
Возьми, гуахиرو,
Землю свою,
Счастлив будь здесь,
Не в далеком раю.
И ты, дехканин,
Не унывай:
Придут партизаны
В гилянский край.
Борись и верь,
Грядет успех.
С нами Гевара,
С нами Рузбех!

Неизвестный иранский поэт.
Перевод З.А. Арабаджяна

**ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Члены Коммунистической партии Ирана,
заключенные в тюрьмы в 1930–1941 годах**

Имя	Годы жизни	Место рождения	Место политической деятельности	Национальность	Профессия	Присхождение	Образование	Предшествующая политическая деятельность	Последующая политическая деятельность
1. Ибрагим Ализаде	? — 1993	Гилян	Тегеран, Хузестан	Азербайджанец	Конторский служащий	Кулечество	Немецкая высшая школа	Забастовка нефтяников	Туле и Демократическая партия
2. Али Амир-Кизи	1894–1979	Азербайджан	Тегеран	Азербайджанец	Конторский служащий	Лавочник	Высшая школа и КУТВ	Забастовка железнодорожников	Туле и Демократическая партия
3. Абульгасем Асади	1895–1944	Азербайджан	Тегеран	Азербайджанец	Учитель	Лавочник	Высшая школа	Революция 1905 г. и Гилянская ДП	Туле и ДП
4. Тасем Чешмазер	1914–?	Азербайджан	Азербайджан, Курдистан	Азербайджанец	Учитель		Высшая школа	ДП и Адалят	Туле и ДП
5. Мохаммад Дехкани	1905–1985	Азербайджан	Азербайджан	Азербайджанец		Нижняя страта среднего класса	Высшая школа	Не занимался	Туле и ДП
6. Юсеф Эфтехари	1902–?	Азербайджан	Тегеран и Хузестан	Азербайджанец	Учитель	Кулечество	Высшая школа и КУТВ	Забастовка нефтяников	Политик анти-тудеевской направленности
7. Мохаммад Энзеби	1914–1934	Азербайджан	Тегеран	Азербайджанец	Печатник	Нижняя страта среднего класса	Начальная школа	Забастовка нефтяников	Умер в тюрьме
8. Абульгасем Эскадрани	1880–1945	Азербайджан	Азербайджан	Азербайджанец	Печатник			Революция 1905 г., партия Эталят	Демократическая партия
9. Хоссейн Фархакти		Азербайджан	Гилян	Азербайджанец	Учитель		Высшая школа и КУТВ	Партия Адалят	Туле

10. Абдул-фазл Фархи	1895–1955	Хорасан	Хорасан	Учитель	Нижняя страта среднего класса	Высшая школа	Демократическая партия, профсоюзы	Туде
11. Исмаил Фарухид	1903–?	Гилян	Гилян	Учитель	Нижняя страта среднего класса	Высшая школа	Кульгурное общество	Не занимался
12. Давид Гургян	1895–1991	Азербайджан	Азербайджан	Ремесленник	Городская беднота	Начальная школа	Демократическая партия	Туде
13. Рахим Хамлад		Азербайджан	Тегеран и Хузестан	Контрорский служащий		Высшая школа и КУТВ	Забастовка нефтяников	Не занимался
14. Мортаза Хеджази	1902–1930	Тегеран	Тегеран	Печатник	Городская беднота	Начальная школа и КУТВ	Забастовка печатников	Умер в тюрьме
15. Аббас Хесаби			Тегеран	Учитель		Высшая школа и КУТВ	Партия Адалят	Не занимался
16. Сала-малла Джавил	1898–1988	Азербайджан	Тегеран	Врач	Средний класс	Бакинское медицинское училище	Партия Адалят	Демократическая партия
17. Джафар Кавиан	1902–?	Азербайджан	Азербайджан	Пекарь	Городская беднота	Начальная школа	Партия Адалят	Демократическая партия
18. Карим Кешаварз	1900–1986	Гилян	Гилян	Переводчик	Купечество	Французская школа в Тегеране	Кульгурное общество	Сторонник Туде
19. Абуль-касем Мосави	1888–1943	Азербайджан	Азербайджан	Лавочник	Нижняя страта среднего класса	Высшая школа	Революция 1905г. и партия Адалят	Демократическая партия

20. Голам Наджар	Гилян	Гилян	Гилян		Плотник	Городская белота	Начальная школа и КУТВ	Профсоюзы	Умер в тюрьме
21. Хоссейн Никраван	Гилян	Гилян	Гилян	Учитель, журна-лист	Нижняя страта среднего класса	Высшая школа	Культурное общество	Туде	
22. Моми Нангарани	Азербайджан	Азербайджан	Азербайджан	Помошник в лавке	Из крестьян	Начальная школа	Партия Адалят	Туде и Демократическая партия	
23. Али Омид	Керман	Хузистан	Перс	Рабочий нефтяник	Из крестьян	Отсутствует	Забастовка нефтяников	Туде	
24. Ардешир Ованесян	Гилян	Тегеран	Армянин	Фармацефт	Средний класс	Американская школа и КУТВ	Профсоюзы	Туде	
25. Джафар Пишевари	Азербайджан	Тегеран	Азербайджан	Учитель	Средний класс	Высшая школа и КУТВ	Партия Адалят	Демократическая партия	
26. Реза Руста	Гилян	Гилян	Азербайджан	Учитель	Из крестьян	Высшая школа и КУТВ	Культурное общество	Туде	
27. Мохаммад Садлеппур	Азербайджан	Азербайджан	Азербайджан	Рабочий	Из крестьян		Профсоюзы	Умер в тюрьме	
28. Исмаил Шафери	Гилян	Гилян	Азербайджан	Врач	Средний класс	Медицинское учреждение в Баку	Культурное общество	Туде	
29. Аюб Шакба	Азербайджан	Тегеран и Хузестан	Азербайджан	Учитель	Нижняя страта среднего класса	Высшая школа	Партия Адалят, забастовка нефтяников	Демократическая партия, казнен	
30. Мохаммад Шарифи	Гилян	Гилян	Азербайджан	Учитель	Средний класс	Высшая школа	Культурное общество	Туде	

31. Али Шарги	1888–1936	Азербайджан	Тегеран	Азербайджанец	Фабричный рабочий	Городская беднота	Начальная школа	Профсоюзы	Умер в тюрьме
32. Казар Симонян	1901–?	Исфоган	Тегеран	Армянин	Учитель, переводчик	Средний класс	Высшая школа		Туде
33. Мехди Тахмасби	1905–1931	Тегеран	Хорасан	Перс	Печатник	Городская беднота	Начальная школа, КУТВ	Профсоюзы	Умер в тюрьме
34. Мохаммад Танха (Исмаили)	? –1933	Исфоган	Хузестан	Перс	Печатник	Городская беднота	Начальная школа	Профсоюзы	Умер в тюрьме
35. Дадаш Тагизаде	1901–1946	Азербайджан	Мазендеран	Азербайджанец	Железнодорожный рабочий	Городская беднота	Не зачислялся	Профсоюзы	Туде, расстрелян
36. Якуб Якубзадеган	1911–1990	Гилян	Гилян	Еврей	Владелец книжной лавки	Городская беднота	Начальная школа	Профсоюзы	Туде
37. Мохаммад Ясари	1910–1980	Азербайджан	Мазендеран	Азербайджанец	Железнодорожный рабочий	Из крестьян	Начальная школа	Забастовка железнодорожников	Туде
38 Завлун (Хоссейн Нури)	1907–1946	Грузия	Турция	Еврей	Интеллигенция			Компартия Палестины	Туде и Демократическая партия, убит в 1946 г.

Источник: *Ervand Abrahamian. TORTURED CONFESSIONS; Prisons and public recantations in modern Iran. Los Angeles; London: University of California press Berkeley, 1999. P. 32–35.*

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Список лиц, проходивших по делу Пятидесяти Грех

Имя	Дата рождения	Место рождения	Проживание	Национальность	Профессия	Классовое происхождение	Высшее образование	Предшествующая политическая деятельность	Политическая деятельность в 1941-1947г.г.
1. Таги Арани	1902	Табриз	Тегеран	Азербайджанец	Профессор	Из служащих	Берлинский университет	Националист	Умер в тюрьме
2. Абдул-Самад Кам-бахш	1902	Казвин	Тегеран	Каджар	Управляющий на фабрике	Аристократ	Московский университет	Коммунистическая партия	Туле
3. Мохаммад Бахрами	1898	Тафриш	Тегеран	Перс	Профессор медицины	Из врачей	Берлинский университет	Коммунистическая партия	Туле
4. Мохаммад Шурешан	1885	Гилян	Тегеран и Абадан	Перс	Механик и актер	Из бедноты	Не имел	Коммунистическая партия	Туле
5. Али Садег-пур	1904	Казвин	Тегеран	Перс	Механик	Из бедноты	КУТВ	Коммунистическая партия	Не записан
6. Мохаммад Бограби	1904	Гилян	Тегеран	Перс	Директор Школы	Из Врачей	Дар-эль-Фонун и КУТВ	Коммунистическая партия	Туле
7. Зия Аламути	1913	Казвин	Тегеран	Перс	Гражданский служащий	Из учителей	Высшая школа	Культурное общество	Туле
8. Мохаммад Пазух	1906	Казвин	Тегеран	Перс	Учитель	Из книго-торговцев	КУТВ	Культурное общество	Туле

9. Мохаммад Фарджамид	1905	Гилян	Тегеран	Перс (бехаит)	Гражданский служащий	Из купцов	КУТВ	Культурное общество	Туле
10. Аббас Азери	1900	Исфаган	Тегеран	Азербайджанец	Сапожник и железнодорожно-рожный рабочий	Из бедняков	Не имел	Не занимался	Туле
11. Насраталла Эзизи	1901	Тегеран	Тегеран	Перс	Гражданский служащий		Не имел	Коммунистическая партия	Туле
12. Анвар Хамеи	1917	Тегеран	Тегеран	Перс	Студент университета	Из духовенства	Тегеранский университет	Не занимался	Туле
13. Насратулла Джахан-шахлу	1914	Тегеран	Тегеран	Турок (Афшар)	Студент университета	Сын вождя племени	Тегеранский Университет	Не занимался	Туле
14. Эмад Аламоути	1911	Казвин	Казвин	Перс	Гражданский служащий	Из учителей	Высшая школа	Культурное общество	Туле
15. Акбар (Фатули) Афшар	1909	Тегеран	Тегеран	Турок (Афшар)	Наборщик	Из бедняков	Не имел	Не занимался	Туле
16. Таги Манкешад	1915	Арак	Тегеран	Перс	Студент университета	Из высшего духовенства	Тегеранский Университет	Не занимался	Туле
17. Молжтаба Сааджиди	1913	Арак	Тегеран	Перс	Студент Университета	Из землевладельческого духовенства	Тегеранский Университет	Не занимался	Не занимался
18. Бозорг Алави	1904	Тегеран	Тегеран	Перс	Писатель и учитель	Из купцов	Высшая школа в Германии	Не занимался	Туле
19. Мехди Раиси	1898	Казвин	Тегеран	Перс	Конторский служащий		Не занимался	Культурное общество	Туле
20. Ирадж Искандери	1908	Тегеран	Тегеран	Каджар	Юрист	Из аристократов	Гренобльский университет	Не занимался	Туле
21. Моргтаза Язди	1907	Йезд	Тегеран	Перс	Профессор-хирург	Из высшего духовенства	Берлинский университет	Коммунистическая партия	Туле

22. Реза Радманеш	1906	Гилян	Тегеран	Перстиляк	Профессор	Из земле-владельцев	Парижский университет	Культурное общество	Туле
23. Халил Ма-леки	1900	Табриз	Тегеран	Азербай-джанец	Учитель	Из купцов	Берлинский университет	Не зани-маляся	Туле
24. Моргаза Сааджоди	1912	Арак	Тегеран	Перс	Врач	Из земле-владельчес-кого духо-венства	Берлинский университет	Не зани-маляся	Туле
25. Хосейн Сааджоди	1910	Арак	Исфаган	Перс	Врач	Из земле-владельчес-кого духо-венства	Берлинский университет	Не зани-маляся	Не зани-маляся
26. Али Шанд-рамини	1917	Гилян	Абадан	Азербай-джанец-Перс	Портной	Из бедняков	Не имел	Культур-ное обще-ство	Туле
27. Мохаммад Годре	1912	Арак	Тегеран	Перс	Студент уни-верситета	Из высшего духовен-ства	Тегеранский университет	Не зани-маляся	Туле
28. Таги Ша-хин	1916	Табриз	Тегеран	Азербай-джанец	Гражданский служащий		Не имел	Не зани-маляся	Туле
29. Моргаза Разави	1915	Казвин	Горган	Перс	Гражданский служащий		Не имел	Культур-ное Обще-ство	Туле
30. Сейфулла Сайя	1901	Исфаган	Исфаган	Перс	Рабочий-текстильщик	Из бедняков	Не имел	Не зани-маляся	Туле
31. Алинкали Хоками	1915	Тегеран	Тегеран	Перс	Студент уни-верситета		Тегеранский университет	Не зани-маляся	Туле
32. Эзагол-ла Этিকেчи	1917	Тегеран	Тегеран	Перс	Студент уни-верситета	Из купцов	Тегеранский университет	Не зани-маляся	Туле
33. Вали Кад-жави	1893	Казвин	Казвин	Перс	Крестьянин	Из крестьян	Не имел	Не зани-маляся	Не зани-маляся

34. Рахим Ала-мули	1899	Казвин	Тегеран	Перс	Портной	Из бедняков	Не имел	Не зани-маля	Туде
35. Шайаб-ан Замани	1916	Баболь	Горган	Перс	Сапожник	Из Бедняков	Неграмотный	Не зани-маля	Туде
36. Абдул-Касем Ашгари	1915	Тегеран	Тегеран и Шираз	Перс	Директор му-зея		Дар-эль-Фонун	Не зани-маля	Не зани-маля
37. Хосейн Тарбийат	1908	Хулистан	Абадан	Перс	Директор школы	Из купцов	Дар-эль-Фонун	Коммуни-стическая партия	Туде
38. Фазул-ла Гаркани	1918	Тегеран	Тегеран	Перс	Студент уни-верситета	Из Высшего духовен-ства	Тегеранский Университет	Не зани-маля	Незани-маля
39. Юсеф Со-кфи	1913	Казвин	Тегеран	Перс	Учитель			Не зани-маля	Не зани-маля
40. Джалал Наини	1915	Тегеран	Казвин	Перс	Гражданский служащий	Из среднего духовен-ства	Не имел	Не зани-маля	Не зани-маля
41. Раджбали Насими	1917	Табриз	Тегеран	Азербай-джанец	Гражданский служащий		Не имел	Не зани-маля	Не зани-маля
42. Бахман Шомали	1913	Халзал	Казвин	Азербай-джанец	Купец		Не имел	Не зани-маля	Не зани-маля
43. Мехди Ла-ле	1900	Тегеран	Тегеран	Перс	Банкир	Из купцов	Не имел	Не зани-маля	Не зани-маля
44. Эсан Та-бари	1917	Сари	Тегеран	Перс	Студент уни-верситета	Из духовен-ства	Тегеранский университет	Не зани-маля	Туде
45. Аббас На-раги	1914	Кашан	Тегеран	Перс	Студент-юрист	Из земле-владельцев	Тегеранский университет	Не зани-маля	Партия товари-щей
46. Мехди Да-нешвар	1915	Хамсе	Тегеран	Перс	Студент уни-верситета		Тегеранский Университет	Не зани-маля	Не зани-маля
47. Хасан Ха-биби	1916	Керман-шах	Тегеран	Перс	Студент уни-верситета	Из среднего духовен-ства	Тегеранский университет	Не зани-маля	Не зани-маля

Имя	Год	Казвин	Тегеран	Перс	Судья	Из высшего духовенства	Семинария	Демократическая партия и Культурное общество	Туле, Министр Юстиции
48. Нуреддин Аламути	1903								
49. Реза Ибрагимзаде	1902	Мазендеран	Мазендеран	Азербайджанец	Железнодорожный рабочий нефтяника	Из семьи рабочего нефтяника	Не имел	Коммунистическая партия	Туле
50. Халил Экбаль	1913	Табриз	Тегеран	Азербайджанец	Студент университета		Не имел	Не занялся	Туле
51. Ферейдун Маноу			Тегеран	Перс	Юрист		Тегеранский университет	Не занялся	Не занялся
52. Ана (Бабаи) Туркмен	1898	Горган	Горган	Туркмен	Юрист		Тегеранский университет	Не занялся	Не занялся
53. Рая Хаким-Аллахи	1917	Тегеран	Тегеран	Перс	Печатник		Не имел	Не занялся	Не занялся

ИСТОЧНИК: *Ervand Abrahamian. Tortured Confessions prisons and public recantations in modern Iran. Los Angeles; London, 1999. С. 50-55.*

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Совместный план действий*

позволяющий Ирану в полной мере воспользоваться своим правом на ядерную энергию в мирных целях согласно соответствующим статьям ДНЯО

Неофициальный перевод МИД России
с английского. Женева, 24.11.2013

Преамбула

Цель данных переговоров состоит в достижении взаимно согласованного долгосрочного всеобъемлющего решения, которое обеспечило бы исключительно мирный характер иранской ядерной программы. Иран вновь подтверждает, что ни при каких обстоятельствах Иран не будет стремиться к обладанию или разрабатывать любой тип ядерного оружия. Данное всеобъемлющее решение будет основываться на данных первоначальных мерах и в итоге приведет к заключительному шагу на период, который еще предстоит согласовать, а также снятию озабоченностей. Данное всеобъемлющее решение позволит Ирану в полной мере воспользоваться своим правом на ядерную энергию в мирных целях согласно соответствующим статьям ДНЯО при четком соблюдении его обязательств по этому Договору. Это всеобъемлющее решение будет включать взаимно согласованную программу по обогащению с практическими ограничениями и мерами транспарентности с тем, чтобы обеспечить мирный характер программы. Это всеобъемлющее решение будет представлять собой единое целое, где ничего не согласовано, пока не согласовано все. Это всеобъемлющее решение будет включать взаимный поэтапный процесс и приведет к всеобъемлющему снятию всех санкций СБ ООН, а также многосторонних и национальных санкций, имеющих отношение к иранской ядерной программе.

Между начальными мерами и заключительным шагом будут дополнительные шаги, включая, помимо прочего, снятие вопросов в связи с резолюциями СБ ООН таким образом, чтобы СБ ООН мог прийти к удовлетворительному заключению по данной теме.

«Шестерка» и Иран будут нести ответственность за заключение и осуществление взаимных краткосрочных мер и всеобъемлющее решение добросовестным образом. Для контроля за реализацией краткосрочных мер, а также рассмотрения вопросов, которые могут возникнуть, будет создана Совместная комиссия «шестерки» и Ирана, при этом за верификацию мер, имеющих отношение к ядерной области, будет нести ответственность МАГАТЭ. Совместная комиссия будет сотрудничать с МАГАТЭ, для содействия разрешению прошлых и нынешних озабоченностей.

Элементы первого шага

Первый шаг будет иметь временные ограничения, составит шесть месяцев, сможет быть продлен по взаимному согласию сторон, в его ходе стороны предпримут все от них зависящее, чтобы поддерживать конструктивную атмосферу переговоров.

Иран предпримет следующие добровольные меры:

– Из существующего объема урана, обогащенного до 20%, сохранит половину в оксидной форме с уровнем обогащения до 20% в целях производства топлива для Тегеранского исследовательского реактора. Остающаяся часть с уровнем обогащения до 20% обедняется до уровня не более чем 5%. Производственная линия по реконверсии не создается.

– Иран объявляет о том, что не будет обогащать уран свыше 5% в течение шести месяцев.

– Иран объявляет о том, что он не будет далее продвигаться в своей деятельности на установке по обогащению топлива в Натанзе¹, на объекте в Фордо², или на реакторе в Араке³, обозначенного МАГАТЭ как ИР-40.

– Как только будет готова производственная линия по конверсии гексафторида, обогащенного до 5%, в форму диоксида урана, Иран переведет в оксидную форму произведенный в течение периода в шесть месяцев гексафторид, обогащенный до 5%, как это предусматривается операционным графиком завода по конверсии, о котором сообщено МАГАТЭ.

– Не будет создавать новых мест для обогащения.

– Иран продолжит свои НИОКР под гарантиями МАГАТЭ, включая нынешние НИОКР по обогащению, которые не рассчитаны на увеличение запасов обогащенного урана.

– Не будет осуществляться переработка или строительство предприятия, пригодного для переработки.

– Усиленный мониторинг:

– Предоставление МАГАТЭ конкретной информации, включая данные об иранских планах в отношении ядерных объектов, описание каждого здания на каждом ядерном объекте, описание масштабов работ, производящихся на каждом объекте, задействованном в конкретной ядерной деятельности, информации по урановым шахтам и заводам по переработке урановых руд, а также информации по исходному материалу. Такая информация будет предоставлена в течение трех месяцев после принятия настоящих мер.

– Предоставление МАГАТЭ обновленного вопросника по информации о конструкции реактора в Араке, обозначенного МАГАТЭ как ИР-40.

– Шаги по выходу на соглашение с МАГАТЭ по заключению подхода к применению гарантий на реакторе в Араке, обозначенного МАГАТЭ как ИР-40.

– Ежедневный доступ инспекторов МАГАТЭ на объекты в Фордо и Натанзе с целью ознакомления с записями аппаратуры наблюдения, когда инспектора не присутствуют там, для проверки информации о конструкции, промежуточных проверок инвентарного количества, проверки фактического наличия количества материала, а также проведения незаявленных инспекций.

– Регулируемый доступ инспекторов МАГАТЭ к:

– объектам, где собираются центрифуги⁴;

– объектам по производству компонентов центрифуг и местам их складирования;

– урановым шахтам и заводам по переработке урановых руд.

В ответ евротройка/ЕС+3 предпримут следующие добровольные меры:

– Приостановка усилий по дальнейшему снижению объемов продаж иранской сырой нефти, что позволит нынешним покупа-

телям приобретать ее в нынешних объемах. Позволяется репатриация согласованного объема полученных от продажи нефти финансовых средств, удерживаемых за рубежом. Для таких продаж нефти приостанавливается действие санкций ЕС и США в отношении сопутствующих страховых и транспортных услуг.

- Приостановка действия санкций США и ЕС в отношении:

- Экспорта иранских нефтепродуктов, включая санкции в отношении сопутствующих услуг⁵.

- Золота и драгметаллов, включая санкции в отношении сопутствующих услуг.

- Приостановка санкций США в отношении иранской автопромышленности, а также санкций в отношении связанных с этим услуг.

- Лицензирование поставок и установки в Иране запасных частей, предназначенных для обеспечения безопасности полетов иранской гражданской авиации, а также сопутствующих услуг. Лицензирование связанных с безопасностью инспекций и ремонтных работ в Иране, а также сопутствующих услуг⁶.

- Не вводит новые санкции СБ ООН, связанные с ядерной деятельностью.

- Не вводит новые санкции ЕС, связанные с ядерной деятельностью.

- Администрация США, действуя согласно соответствующим полномочиям Президента и Конгресса, воздержится от введения новых санкций, связанных с ядерной деятельностью.

- Создаст финансовый канал для облегчения торговли в гуманитарной сфере для иранских внутренних нужд, используя средства, полученные от продажи иранской нефти и удерживаемые за границей. Торговля в гуманитарной сфере определяется как транзакции, связанные с продуктами питания и сельхозпродукцией, медициной, медицинскими устройствами, а также медицинскими расходами на лечение за границей. В этом канале будут задействованы конкретные иностранные банки, а также не числящиеся в санкционных списках иранские банки, которые будут определены при создании такого канала.

- Этот канал может также позволить:

- проводить транзакции, необходимые для погашения обязательств Ирана перед ООН, и

- прямую оплату университетам и колледжам за обучение иранских студентов, учащихся за границей, в согласованном объеме на период в шесть месяцев.
- Увеличить параметры авторизации финансовых транзакций ЕС до согласованных объемов на торговлю товарами, не подпадающими под действие санкций.

Элементы заключительного шага всеобъемлющего решения⁷

Стороны намерены закончить обсуждение и начать выполнение заключительного шага всеобъемлющего решения не более чем через один год после принятия этого документа. Такой шаг будет:

- Иметь согласованный срок действия долгосрочного характера.
- Отражать права и обязанности государств-участников ДНЯО и Соглашений о гарантиях с МАГАТЭ.
- Отменять в полном объеме санкции СБ ООН, многосторонние и национальные санкции, введенные в связи с ядерной деятельностью, включая шаги по доступу в области торговли, технологий, финансов, энергетики в соответствии с согласованным графиком.
- Включать взаимно согласованную программу по обогащению с совместно определенными параметрами, соответствующую реальным нуждам, с согласованными ограничениями по масштабам и уровню обогатительных работ, обогатительных мощностей, местами, где проводится обогащение, а также запасами обогащенного урана в течение периода, который подлежит согласованию.
- Полностью снимет озабоченности, связанные с реактором в Араке, обозначенным МАГАТЭ как ИР-40. При этом переработка или строительство предприятия, пригодного для переработки, осуществляться не будет.
- Включать полное выполнение согласованных мер транспарентности и усиленного мониторинга, ратификацию и выполнение Дополнительного протокола, действуя согласно соответствующим полномочиям Президента и меджлиса (иранского парламента).
- Включать международное гражданское сотрудничество в ядерной области, включая, помимо прочего, вопросы по приобре-

тению современных легководных энергетических и исследовательских реакторов и соответствующего оборудования, поставки современного ядерного топлива, а также согласованные НИОКР.

После успешного выполнения заключительного шага всеобъемлющего решению в течение всего срока его действия к иранской ядерной программе будет такое же отношение, как и к программе любого другого государства-участника ДНЯО, не обладающего ядерным оружием.

* См.: Сайт МИД РФ // www.mid.ru/brp_4.nsf/0/5842441E46EF22C644257C2D004CEDF3.

¹ А именно, в течение шести месяцев, Иран не подает гексафторид в установленные, но не обогащающие уран центрифуги. Не устанавливает дополнительные центрифуги. Иран объявляет о том, что в течение первых 6 месяцев он будет заменять имеющиеся центрифуги на однотипные.

² На объекте в Фордо не осуществляется дальнейшее обогащение свыше 5% на 4 из ныне задействованных в процессе обогащения урана каскадах, не наращивает мощности по обогащению. Не подает гексафторид в остальные 12 каскадов, которые остаются в незадействованном режиме. Не устанавливает межкаскадные коммуникации. Иран объявляет о том, что в течение первых 6 месяцев он будет заменять имеющиеся центрифуги на однотипные.

³ В связи с озабоченностями, связанными со строительством реактора в Араке, Иран объявляет, что в течение шести месяцев он не будет вводить реактор в эксплуатацию или поставлять топливо или тяжелую воду на площадку реактора, а также не будет проводить тестирование дополнительного топлива или производить больше топлива для реактора, или устанавливать остающиеся компоненты.

⁴ Производство Ираном центрифуг в течение шести месяцев, в соответствии с его планами, будет предназначено для замены вышедших из строя установок.

⁵ «Санкции и связанные с ними услуги» означают любые услуги, такие как страхование, транспортировка или услуги финансового характера, подпадающие под соответствующие применимые санкции США или ЕС в той мере, в какой каждая услуга относится к соответствующей санкции, и необходима для содействия желаемым транзакциям. Эти услуги могут относиться к любым иранским компаниям, не включенным в санкционные списки.

⁶ Смягчение санкций может иметь отношение к любой иранской авиакомпании, не числящейся в санкционных списках, а также к компании «Иран-Эйр».

⁷ В отношении конечного шага и промежуточных шагов действует принцип «ничто не согласовано, пока не согласовано все».

Кулагина Л.М. *Сектор Ирана Института востоковедения РАН*

В статье дается история создания и деятельности Сектора Ирана Института востоковедения РАН.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *востоковедение, иранистика, Институт востоковедения.*

Мамедова Н.М. *Роль государства в экономической истории Ирана (XIX–XX вв.)*

В статье прослеживается роль государства в экономике Ирана на разных этапах экономического развития, начиная с древнейших времен и до настоящего времени. Главное внимание уделяется анализу экономической политики государства в XX веке, сравнительной характеристике экономических реформ «белой» революции и эволюции экономической модели развития после исламской революции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *экономическая политика, аграрная реформа, индустриализация, «тоухидная» экономика, приватизация, либерализация экономики.*

Мамедова Н.М. *Синфы как организационная структура городской жизни.*

В средние века в городах восточных стран формируется такая форма хозяйственной жизни, как синфы, напоминающие ремесленные цеха в Европе. В статье показана роль синфов в экономике, их эволюция, место в современном иранском обществе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *синфы, городское хозяйство, торговые центры, регулирование цен.*

Федорова И.Е. *Политика США в Иране в конце 40-х — начале 50-х годов XX века.*

В статье рассматриваются вопросы, связанные с конкретными методами проведения Соединенными Штатами политики в Иране накануне и во время переворота 1953 года, в свете их отношений с Великобританией и правительством Мосаддека.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Иран, Мосаддек, АИИМК, 1953.*

Раванди-Фадаи Л.М. *Прерванный полет Мохаммада Мосаддека (биографический очерк).*

Статья посвящена жизни и деятельности выдающегося политического и государственного деятеля Ирана Мохаммада Мосаддека. М. Мосаддек является основателем организации Национальный фронт, сыгравшей важную роль в движении за национализацию нефтяной промышленности Ирана, против Англо-иранской нефтяной компании. Доктор Мосаддек активно выступал за проведение Ираном независимой внешней политики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *доктор Мохаммад Мосаддек, министерство финансов, национализация нефтяной промышленности, капитуляция, Национальный фронт, иранский парламент.*

Раванди-Фадаи Л.М. *О Султан-заде — иранисте и человеке.*

Статья посвящена жизни и деятельности одного из основателей Иранской коммунистической партии и активного участника иранского коммунистического движения — иранисту, теоретику, публицисту Аветису Султан-заде (Микаеляну), ставшему, как и многие другие выдающиеся личности того времени, жертвой сталинских репрессий. Работа основана на новых архивных материалах и интервью автора с дочерью Султан-заде.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Султан-заде, иранские коммунисты, иранист, коммунистическое движение, сталинские репрессии.*

Генис В.Л. *Абуль Гасим Зарре (1899–1938).*

О судьбе журналиста, поэта, филолога и переводчика Абуль Гасима Зарре (1899–1938), видного деятеля Гилянской революции 1920–1921 гг. Вынужденный стать политэмигрантом, вчерашний комиссар просвещения «Иранской советской республики» почти полтора десятка лет преподавал в московском Институте востоковедения, заведая с 1932 г. персидско-афганской кафедрой. Составитель учебников и словарей, автор «Очерка литературы Ирана», сотрудничавший в «Литературной энциклопедии» и иранских

коммунистических изданиях, погиб в период сталинских репрессий. Приводятся биографические сведения о сослуживцах А.Г. Зарре — члене ЦК ИКП А.Г. Хесаби (1895–1938) и литературоведе К.И. Чайкине (1889–1938), также казненных.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Тегеран, Гилян, дженгелийцы, Эхсануллахан, Иранская компартия, ОГПУ, иранская литература, Институт востоковедения им. Нариманова.*

Каменева М.С. Ф.А. Бакулин — дипломат и исследователь Персии.

Ф.А. Бакулин внес большой вклад в изучение Ирана. Находясь на дипломатической службе в Персии второй половины XIX в., он посвятил много времени научным исследованиям, которые были сфокусированы, в основном, на четырех проблемах: (1) изучении иранских туркмен, (2) исследовании Астрабадской области как одного из регионов страны, (3) научном описании результатов поездки по Хорасану, (4) изучении бабизма и специфики этого социального явления. Итогом его научно-исследовательской работы и научного поиска стали статьи, многочисленные этнографические материалы. Им были также обнаружены редкие восточные монеты и ценные рукописи. В 1876 г. на Международном съезде ориенталистов Ф.А. Бакулин был избран членом-корреспондентом по Персии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Персия, туркмены Ирана, бабизм, бахаизм, Астрабадская провинция.*

Зайцев И.В. С.П. Олферьев (1875–1942): судьба дипломата.

Статья посвящена судьбе отечественного ираниста, дипломата и литератора С.П. Олферьева (1875–1942).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Иран, история востоковедения, дипломатия.*

Тер-Оганов Н.К. Письма К.Н. Смирнова с Кавказского фронта как источник по изучению военно-политической обстановки в Иране в 1915–1916 гг.

В предлагаемой статье дается анализ писем русского военного востоковеда и сотрудника Разведывательного отделения Штаба Кавказского военного округа штабс-капитана Константина Нико-

лаевича Смирнова, которые он посылал своей супруге из иранского сектора Кавказского фронта в период 1915–1916 гг.

В его письмах нашли отражение многие моменты из военно-политической жизни Ирана того времени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *военный востоковед К.Н. Смирнов, генерал Н.Н. Баратов, Кавказский фронт, экспедиционный кавалерийский корпус в Иране, Солтан Ахмад-шах Каджар, англо-русское военное сотрудничество.*

Тер-Оганов Н.К. *Тавриз и «русская торговля» в 1833–1846 гг.*

В статье исследованы вопросы русско-иранских торговых отношений в период действия режима протекционизма в отношении российских купцов. На основе анализа статистических данных русских архивных материалов показана специфика так называемой «русской торговли» с Тавризом в период 1833–1846 гг. Она состояла в том, что основными статьями торговли российских купцов были товары европейского производства.

В статье утверждается, что несмотря на наличие благоприятной юридической базы, в виде «Особого акта о торговле» 1828 г., а также политики протекционизма и ряда других привилегий, доля «русской торговли» в международной торговле Тавриза была не столь значительной.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Тавриз, транзитные пути в Тавриз, русская торговля с Тавризом, режим протекционизма, Российское генеральное консульство в Тавризе.*

Мамедова Н.М. *Экономическая политика правительства Хасана Роухани.*

В статье дана характеристика экономического положения Ирана накануне президентских выборов, основных положений отчета Хасана Роухани о работе правительства за первые 100 дней. Показано, что экономические достижения нового правительства уступают результатам политики на внешнем направлении. Экономические результаты во многом будут зависеть от перспектив смягчения санкционного режима.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *экономический курс, индекс коррупции, свобода бизнеса.*

Федорова И.Е. *Некоторые направления внешней политики ИРИ в 2013–2014 годах.*

В статье рассматриваются изменения, которые имели место во внешней политике Ирана после победы на президентских выборах Х. Роухани. В центре внимания автора находятся ирано-американские, ирано-афганские и ирано-арабские отношения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Иран, США, Афганистан, Оман, Женевское соглашение.*

Иваненко В.И. *Иран в новой внешнеполитической ситуации.*

Женевские соглашения по иранской ядерной программе, которые могут привести к снятию международных санкций в отношении Тегерана, открыли для него новые возможности политического взаимодействия с другими государствами. Наметившийся выход Ирана из международной изоляции будет неизбежно сопровождаться и повышением его роли в региональных делах на Ближнем Востоке, в районе Каспия, в ситуации в Афганистане и вокруг него.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Иран, БСВ, ядерная программа, США, Турция.*

Юртаев В.И. *Иран: проблема выбора модели дипломатии.*

В статье рассмотрено внешнеполитическое измерение концепции созидательного взаимодействия и показано, что в Иране в период с 1979 по 2013 гг. были реализованы различные модели исламской дипломатии, основные характеристики которых задавались положенным в их основание одним или несколькими принципами веры шиитского ислама.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Концепция созидательного взаимодействия, модель исламской дипломатии, матрица внешней политики, принципы веры, Иран.*

Сажин В.И. *К вопросу о Женевском соглашении по ядерной проблеме Ирана.*

24 ноября в Женеве впервые за десять лет переговоров по иранской ядерной проблеме удалось добиться согласия. Группа «5+1»

и Иран подписали «Совместный план действий», определяющий судьбу ядерной программы ИРИ.

Документ, вступивший в силу 20 января на срок в шесть месяцев, предполагает осуществление Ираном ряда мер по ограничению своей ядерной программы в обмен на начало смягчения финансово-экономических санкций против этой страны. За полгода стороны должны выполнить все требования документа и подойти к заключению между Ираном и «остальным миром» широкомасштабного основополагающего Договора, который должен снять с повестки дня мировой политики ядерную проблему Ирана.

Переговоры идут, стороны заинтересованы в позитивных результатах, но проблема слишком сложная, при этом тонкая и щепетильная.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Иран, ядерная программа, Группа 5+1, реактор на тяжелой воде, обогащение урана, доверие сторон.*

Кулагина Л., Ахмедов В. *Новые тенденции в ирано-сирийских отношениях.*

В статье дается анализ сирийско-иранских отношений перед Женевой-2 и их влияние на расстановку сил в регионе БСВ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Сирия, ИРИ, Х. Роухани, Саудовская Аравия, США.*

Полищук А.И. *Ирано-китайские отношения на современном этапе.*

В статье рассматривается сотрудничество между ИРИ и КНР во внешнеполитической, энергетической, торговой военной областях на рубеже XX–XXI вв. В период действия международных санкций в связи с иранской ядерной программой ирано-китайские отношения стали более тесными во всех областях. Вырос объем внешней торговли и прямых китайских инвестиций в энергетику и транспорт ИРИ. Расширилось сотрудничество в научной и технологической областях. В целом сотрудничество приобрело характер, близкий к стратегическому.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *сотрудничество, энергетика, торговля, нефть, капиталовложения.*

Раванди-Фадаи Л.М. *К вопросу о положении национальных и религиозных меньшинств.*

Статья посвящена особенностям новой внутренней политики, проводимой президентом ИРИ Х. Роухани в сфере национального вопроса. В работе рассмотрена ситуация, складывающаяся в приграничных с Ираком и Пакистаном останях, проблемных с точки зрения отношений суннитов и шиитов. Предпринята попытка изложить позицию центральной власти и альтернативные взгляды на проблему национализма, а также выявить влияние внешнего фактора на интенсивность сепаратистских движений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Иран, нация, шииты, сунниты, этнический национализм, межэтнический конфликт, центральная власть, терроризм, угроза.*

Аверина Е.В., Ивин А.В. *О возможностях сотрудничества Ирана и Норвегии в нефтегазовой области.*

В статье рассматривается развитие отношений Ирана и Норвегии в ключе сотрудничества в энергетической сфере. Особое внимание уделено сравнению и анализу основ энергетической политики двух стран, ее законодательным основам, инструментам и акторам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Иран, норвежско-иранские отношения, энергетическая политика, нефтегазовое законодательство.*

Summaries and Keywords

L.Kulagina. *Iranian Department of the Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences.*

The author focuses on the foundation and activities of the Iranian Department of the Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences.

KEY WORDS: *Oriental, Iranology Studies, Institute of Oriental Studies.*

N.Mamedova. *Role of State in Economic History of Iran.*

The article analyses the role of the state in the economy of Iran at different stages of economic development, from the earliest times to the present day. Focuses on the analysis of economic policy in the twentieth century, comparative economic reforms “white” revolution and evolution of economic development model after the Islamic Revolution.

KEY WORDS: *economic policy, agrarian reform, industrialization, “tawhid” economy, privatization, liberalization of the economy.*

N.Mamedova. *Sinf as an Organizational Structure of Urban Living.*

In the Middle Ages, a new form of economic life — sinfs resembling craft shops in Europe — appeared in the cities of the Oriental countries. The article shows the role of sinfs in the economy and their evolution in the contemporary Iranian society.

KEY WORDS: *sinfs, urban economy, Trading centers, regulation of prices.*

I.Fedorova. *US Policy in Iran in late 40-s and early 50-s of the XX Century.*

The article is focused on the US policy in Iran in the early 50-s of the XX century and its role in the coup d’etat of 1953. The author analyzes relations between US and Great Britain as well as relations between Mosaddegh government and US.

KEY WORDS: *USA, Great Britain, Iran, Mosaddegh, 1953.*

L.Ravandi-Fadai. *Aborted Flight of Doctor M. Masaddegh.*

One of the most important and controversial figures in contemporary Iranian history, Mohammad Mosaddeq was the backbone of the National Front party, played a key role in the movement to nationalize the oil industry in Iran, and advocated an independent foreign policy for Iran. This article focuses on his personal development as it relates to his politics.

KEY WORDS: *Doctor Mohammad Mosaddeq, nationalization of Iranian oil industry, capitulation, National Front, Iranian parliament.*

L.Ravandi-Fadai. *Life and Destiny of Sultan-Zade.*

Avetis Sultan-zade (Mikaelyan) was one of the founders of the Iranian Communist Party, a political activist, scholar, theoretician and publicist. Alongside many other remarkable individuals of his epoch, he fell victim to Stalin's purges. A new study based on previously unexamined archival materials and interviews by the author with Sultan-zade's descendants.

KEY WORDS: *Sultan-zade, Iranian communists, Soviet Orientalism, communist movements, Great Purge.*

M.Kameneva. *F. Bakulin — Diplomat and Explorer of Persia.*

F.A. Bakulin made a big contribution to studying Iran. Being on diplomatic service in Persia in the second half of nineteenth century he devoted a lot of time to scientific investigation which was focused, basically, on four problems: (1) studying the Turkmans of Iran; (2) research of Astrabad area as one of the regions of the country; (3) scientific description of results of his trip across Khurasan; (4) studying Babism and specificities of this social phenomenon. Numerous ethnographic materials were the result of his research work. He also discovered rare Oriental coins and valuable manuscripts. He was elected a corresponding member for Persia at the International congress of Orientalists in 1876.

KEYWORDS: *Persia, Turkmans of Iran, Babism, Baha'ism, Astrabad province.*

I.Zaitsev. *S.Olfer'ev (1875–1942) Desting of a Deplomat*

This article examines the life of C.P. Olfer'ev (1875–1942), Russian-Soviet scholar of Iran, diplomat and man of letters.

KEY WORDS: *Iran, history of Orientalism, diplomacy.*

N.Ter-Oganov. *N. Smirnov's Letters from the Caucasus Battlefield as a Primary Source of Information about the Military and Political Situation in Iran in 1915–1916.*

This paper deals with the analyses of the letters sent by the Russian Military Orientalist and Political Officer Staff-Captain Konstantin Nikolaevich Smirnov to his spouse from the Iranian sector of the Caucasian front in 1915–1916.

Smirnov's letters contain the rear and valuable information about the activities of General N.N.Baratov's Expeditionary Cavalry Corps, as well as the Anglo-Russian military cooperation in Iran during the World War I.

KEY-WORDS: *K.N.Smirnov, General N.N.Baratov, Expeditionary Cavalry Corps, Soltan Ahmad Shah Qajar, Caucasian Front, Anglo-Russian military cooperation.*

N.Ter-Oganov. *Tavriz and «Russian Trade» in 1833–1846.*

The paper argues Tabriz traditionally occupied the leading place in the Russian-Iranian commercial relations. Due to the analysis of statistical material from the Russian archives, the paper suggests to have a new look at “Russian Trade” (Russkaya Torgovlya) in Tabriz during 1833–1846. It claims the goods of European production constituted the main part of the Russian import to Tabriz.

The study points out that despite some legal bases, including “The Special Commercial Act” of the Treaty of Turkmanchai of 1828, the ban on free trade through Transcaucasia in 1831, and the introduction of the regime of protection for the Russian trade in that time, and its subsequent toughening in 1841, the Russian participation in the International trade in Tabriz wasn't considerable.

KEY-WORDS: *Tabriz, transit ways to Tabriz, Russian trade in Tabriz, free trade regime through Transcaucasia, regime of protection for the Russian goods, Russian General Consulate in Tabriz.*

N.Mamedova. *Economic Policy of H.Rouhani's Government.*

The paper presents the characteristics of the economic situation in before presidential election, the main points of Hassan Rouhani's report on the work of those governments for the first 100 days. It is shown that the economic achievements of the new government policy outcomes are inferior to an outward direction. Economic results will largely depend on the prospects for easing of the sanctions regime.

KEY WORDS: *economic policy, corruption index, business freedom.*

I.Fedorova. *Some Aspects of Iran's Foreign Policy in 2013–2014.*

The article is focused on the changes in Iranian foreign policy after H.Rouhani was elected president of the Islamic Republic of Iran. Relations of Iran with US, Afghanistan and Arabic countries are in the limelight of attention.

KEY WORDS: *Iran, Afghanistan, Oman, Geneva Agreement.*

V.Ivanenko. *Iran in New Political Environment.*

The Geneva agreement on the Iranian Nuclear Program which can lead to removal of the international sanctions, opened for Tehran some new opportunities of political cooperation with other states. The outlined exit of Iran from the international isolation will be inevitable accompanied with an increase of its role in regional affairs in the Middle East, in the Caspian Sea area, in the situation in Afghanistan and round it.

KEY WORDS: *Iran, Middle East, nuclear program, USA, Turkey, Afghanistan.*

V.Yurtaev. *Iran: On the Choice of Diplomatic Model.*

The article analyzes the foreign policy dimension of the concept of creative interaction and shows that in Iran during the period from 1979 to 2013 the various models of Islamic diplomacy which main characteristics were determined by one or several principles of belief of Shiite Islam were realized.

KEY WORDS: *Concept of creative interaction, model of Islamic diplomacy, matrix of foreign policy, principles of belief, Iran.*

V.Sazin. *Towards Geneva Interim Nuclear Deal.*

November 24 in Geneva for the first time in ten years of grueling negotiations on the Iranian nuclear issue succeeded to achieve a consent. Group «5 +1» and Iran signed a «Joint Action Plan» which determines the fate of the Iranian nuclear program.

For six months, the parties have to fulfill all requirements of the document and to approach to the conclusion of the large-scale fundamental Treaty between Iran and «the Rest of the world» to remove the Iranian nuclear issue from the agenda of world politics.

The negotiations go on. And till April the dialogs were largely successful. Parties are interested in the positive outcome, but the problem is very complex, with a thin and delicate context.

KEYWORDS: *Iran, nuclear program, Group 5 +1, heavy water reactor, uranium enrichment, confidence of the parties.*

L.Kulagina, V.Ahmedov. *New Trends in Relations between Iran and Syria.*

This article investigates the problem of the evolution of Iranian politics in Syria after coming to power of the new Iranian president H. Rouhani. The authors analyze the military-political situation in Syria and the situation in the region in connection with the Iran-US talks.

KEY WORDS: *Syria, Iran, USA, Russia, KSA, H. Rouhani, Middle East.*

A.Polischuk. *Modern State of Relations between Iran and China.*

The article analyses Iran-China political, economic, trade and military relationship during the end of XX and beginning of XXI century. Iran-China relations strengthened at the time of imposing international sanctions related with Iranian nuclear program in many spheres. Chinese export and direct investments to energy and transport sectors of the IRI have increased. The cooperation in the field of science and technology has also broaden. As a result relationship between the two countries has become almost strategic.

KEY WORDS: *cooperation, energy, trade, oil, investments.*

L.Ravandi-Fadai. *Towards the Problem of National and Regional minorities.*

This article examines the salient features of the new ethnic policies inside Iran implemented by President Hassan Rouhani. The current situation in the Iranian regions bordering Iraq and Pakistan, where Shia-Sunni relations can be problematic, is analyzed. A survey of various views concerning ethnic nationalism includes the position of the central authorities as well as the influence of external factors on the intensity of separatist movements.

KEYWORDS: *Iran, ethnicity, Shiites, Sunnis, ethnic nationalism, ethnic conflict, central authorities, terrorism, threat.*

E.Averina, A.Ivin. *Cooperation of Iran and Norway in Oil and Gas.*

The author focuses on analyzing the energy policies of Iran and Norway by comparing energy laws in both countries, the tools Iran and Norway apply to pursue their energy policies objectives as well as main actors in the energy field.

KEY WORDS: *Iran, Norway-Iran relations, Energy policy, Energy law.*

Сведения об авторах

АРАБАДЖЯН З.А. — независимый эксперт.

АХМЕДОВ В.М. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела общих проблем ИВ РАН.

ГЕНИС В.Л. — независимый эксперт.

ГУЛЕВСКИЙ Э.А. — независимый эксперт.

ЗАЙЦЕВ И.В. — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Востока ИВ РАН.

ИВАНЕНКО В.И. — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Российского института стратегических исследований.

ИВИН А.В. — студент МГИМО.

КАМЕНЕВА М.С. — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН.

КУЛАГИНА Л.М. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН.

МАМЕДОВА Н.М. — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН.

ПОЛИЩУК А.И. — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного лингвистического университета.

РАВАНДИ-ФАДАИ Л. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН.

САЖИН В.И. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока.

ТЕР-ОГАНОВ Н.К. — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Тель-Авивского университета.

ФЕДОРОВА И.Е. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН.

ЮРТАЕВ В.И. — доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов.

Information about the authors

ARABAJYAN Z. — an independent expert.

AKHMEDOV V. — PhD, History, senior researcher Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences.

GENIS V. — an independent expert.

GULEVSKY E. — an independent expert.

ZAITSEV I. — Dr.habil, History, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences.

IVANENKO V. — PhD, History, senior researcher Russian Institute for Strategic Studies.

IVIN A. — student, Institute of International Relations.

KAMENEVA M. — PhD, Philology, Senior Researcher, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences.

KULAGINA L. — PhD, History, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences.

MAMEDOVA N. — PhD, Economics, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences.

POLISHCHUK A. — PhD, History, Associate Professor Moscow State Linguistic University.

RAVANDI-FADA L. — PhD, History, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences.

SAZHIN V. — PhD, History, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences.

TER-OGANOV N. — PhD, History, Tel-Aviv University.

FEDOROVA I. — PhD, History, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences.

YURTAEV V. — Dr.habil, History, Professor, Russian Peoples' Friendship University.

CONTENTS

HISTORY

- L.Kulagina.** Iranian Department of the Institute of Oriental Studies
Russian Academy of Sciences
- N.Kuznetsova.** Evolution of the Institutional power in Kadjar Iran
- N.Mamedova.** Role of State in Economic History of Iran
- E.Gulevsky.** Special Aspects of «nasak» and Agrarian Labor
Cooperation (bone) in Iran
- N.Mamedova.** Sinf as an Organizational Structure of Urban Living
- I.Fedorova.** US Policy in Iran in late 40-s and early 50-s
of the XX Century
- L.Ravandi-Fadai.** Aborted Flight of Doctor M.Masaddegh
- L.Ravandi-Fadai.** Life and Destiny of Sultan-Zade
- V.Genis.** Abdul Kasim Zarre (1899–1938)
- Z.Arabadjan.** Rise and Fall of Iranian Marxism
- M.Kameneva.** F.Baturin — Diplomat and Explorer of Persia
- I.Zaitsev.** S.Olfer’ev (1875–1942) Desting of a Diplomat
- N.Ter-Oganov.** N.Smirnov’s Letters from the Caucasus Battlefield
as a Primary Source of Information about the Military and Political
Situation in Iran in 1915–1916
- N.Ter-Oganov.** Tavriz and «Russian Trade» in 1833–1846

MODERNITY

- N.Mamedova.** Economic Policy of H.Rouhani’s Government
- I.Fedorova.** Some Aspects of Iran’s Foreign Policy in 2013–2014
- V.Ivanenko.** Iran in New Political Environment
- V.Yurtaev.** Iran: On the Choice of Diplomatic Model
- V.Sazin.** Towards Geneva Interim Nuclear Deal
- L.Kulagina.** New Trends in Relations between Iran and Syria
- A.Polischuk.** Modern State of Relations between Iran and China
- L.Ravandi-Fadai.** Towards the Problem of National
and Regional minorities
- Averina E., Ivin A.** Cooperation of Iran and Norway in Oil and Gas

SUMMARY

This collection of articles presents a large variety of papers devoted to different problems of medieval, modern and contemporary economic and political history of Iran.

A series of articles is dedicated to Iran in 18–20 centuries. “Evolution of Institutional Power in Kadjar Iran” contributed by N.Kuznetsova is based on her report made in 1987 at the conference held in the Institute of Oriental Studies. It is devoted to an under-investigated problem of the development of elite in Kadjar Iran. In “Sinf as an Organizational Structure of Urban Living” and “Role of State in Economic History of Iran” N.Mamedova examines economic life of Iran since the 18 century, the time when Iran started to obtain its legal framework and to work out its ideological and economic policy. E.Gulevsky researches some little-studied aspects of “nasak” — the system of land distribution among landless laborers in “Special aspects of ‘nasak’ and Agrarian Labor Cooperation in Iran”.

Some papers are devoted to biographies and political activities of Iranian communists. They are: “Rise and Fall of Iranian Marxism” by Z.Arabadjan, “Life and Destiny of Sultan-Zade” by L.Ravandi-Fadai, “Abdul Kasim Zarre” by V.Genis.

“Aborted Flight of Dr.Mosaddegh” by L.Ravandi-Fadai and “US Policy in Iran in 1940–1950” by I.Fedorova are focused on a controversial period in Iranian history and a coup d’etat of 1953. Its anniversary marked in 2013 attracted attention of researches all over the world.

M.Kameneva and N.Ter-Oganov examined very important problems of relations between Russia and Iran. Their articles “F.Baturin-Diplomat and Explorer of Persia” and “N.Smirnov’s Letters from the Battlefield” are founded on works of Russian diplomats.

A bunch of articles is dedicated to political and economic life of the Islamic Republic of Iran after H.Rouhani came into office. N.Mamedova investigated situation in Iran’s economy, V.Sazin, I.Fedorova, A.Polischuk, L.Kulagina thoroughly analyzed new trends in foreign policy after 2013. Their works are of great current interest because the authors not only dealt with modern problems but forecasted some further developments.

Научное издание

ИРАН: история и современность

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

ОТВЕТСТВЕННЫЕ. РЕДАКТОРЫ: *Л.М.Кулагина, Н.М. Мамедова*

СОСТАВИТЕЛИ: И.Е. Федорова, Л.М. Раванди-Фадаи

Подписано в печать 12.05.2014. Формат 60x88/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 19,75.
Уч.-изд. л. 15,5. Тираж 500 экз. Заказ № 64.

Издательство Институт востоковедения РАН
107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.
Научно-издательский отдел. Зав. Отделом А.В.Сарабьев. E-mail: izd@ivran.ru

Типография ООО «Телер». 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 12.
Лицензия на типографскую деятельность ПД № 00595.